

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

На правах рукописи

Сагитов Салават Талгатович

**УПРАВЛЕНИЕ СФЕРОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Научная специальность – 5.4.7 – Социология управления

Диссертация на соискание ученой степени

доктора социологических наук

Научный консультант: доктор социологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
Захаров Николай Львович

Санкт-Петербург – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1 Теоретико-методологические основания исследования процесса управления сферой культуры.....	32
1.1 Основания исследования сферы культуры в предметном поле социологии управления.....	32
1.2 Структура сферы культуры.....	59
1.3 Институциональные проблемы управления сферой культуры.....	87
Глава 2 Исследование процессов в сфере культуры региона на современном этапе развития	117
2.1 Основные проблемы в организации управленческих процессов в сфере культуры на региональном уровне.....	117
2.2 Управление сферой культуры на региональном уровне в отражении сознания населения (результаты трендового социологического исследования 2001-2025 гг.).....	160
2.3 Особенности социально-профессиональной структуры управления сферой культуры на региональном уровне.....	194
Глава 3 Направления и механизмы совершенствования управления сферой культуры в условиях цифровой трансформации общества на региональном уровне.....	226
3.1 Особенности управления цифровизацией сферы культуры.....	226
3.2 Основные этапы цифровизации сферы культуры: проблемы и задачи..	252
3.3 Теоретико-методологический конструкт управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровой трансформации общества.....	284
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	324
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	329

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Сфера культуры и в общественном сознании, и в научных исследованиях, и в приоритетах государственной политики является проблемой не первого порядка. При этом роль культуры, которую необходимо изучать, развивать и в которую необходимо вкладываться, и как социального института, и как социального явления всегда была недооценена, причем не только отдельными индивидами, но и социальными группами и институтами. Вместе с тем можно говорить о том, что в общественном сознании наблюдается понимание роли культуры в развитии социума. Еще первый информационно-аналитический доклад по теме «Социальная и социально-политическая ситуация в СССР: состояние и прогноз», сделанный в конце 80х годов XX века под руководством академика Г.В. Осипова, выявил иерархию факторов и социальных проблем населения, где вопросы развития культуры и нравственного состояния общества находились на 3-4 месте наряду с жилищной проблемой, волнуя каждого пятого респондента¹. Согласно результатам трендового социологического исследования, посвященного проблемам управления сферой культуры на региональном уровне, проведенного при непосредственном участии автора в 2001 – 2025 гг., более половины респондентов отводит культуре ведущую роль в организации жизнедеятельности и развитии общества, треть – прикладную функцию, и 10% считает, что культура не является предметом для обсуждения.

Современная ситуация осложняется еще и тем, что на стадии становления находятся не только роли и функции отдельных социальных групп в культурной жизни общества, но и в принципе культурные ценности и нормы большинством социума еще не определены. Именно поэтому необходим постоянный анализ процессов, происходящих в сфере культуры, и требуется корректировка действий субъектов управления по поводу производства, распределения и потребления духовных ценностей. При этом согласимся с утверждением, что «понятие «сфера культуры» является собирательным по отношению к целой совокупности

¹ Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. – М.: Экономическое образование, 2012. – С.153-156

отраслевых систем, но содержание этого понятия нельзя считать устоявшимся. Известно, в указанной сфере нет такой четко выраженной этапности в предоставлении услуг потребителям, как например, в здравоохранении или образовании².

В то же время мы исходим из того, что каждый человек, каждая личность является индивидуальным выражением культурного макрокосма и у каждого есть потребности самого разного характера, меняющиеся с каждым прожитым мгновением, при этом по ходу удовлетворения потребностей в процессе взаимодействия людей возникают элементы структуры сферы культуры. Регулирование потребностей индивидов и обеспечение устойчивого развития общества осуществляются посредством деятельности социальных институтов, которые играют ключевую роль в поддержании стабильности и интеграции социальной системы. При этом они являются неотъемлемой составной частью сферы культуры, которая сама в свою очередь является результатом взаимодействия всех социальных институтов³.

К сожалению, в последние десятилетия в научной среде проводится не так много исследований, посвященных вопросам управления сферой культуры, которые позволили бы выявить основные тенденции развития рассматриваемой сферы, и проблемы, возникающие в процессе управления. Практически отсутствуют работы, которые бы продемонстрировали отражение в сознании населения взаимозависимости между различными сферами жизнедеятельности общества с дальнейшим выходом на практические рекомендации в документах стратегического и тактического планирования как на уровне отдельного взятого региона России, так и всей страны.

Особо осложняет ситуацию в рассматриваемой сфере то, что цифровые элементы медиакommunikации вытесняют личную (непосредственную)

² Понятие и состав сферы культуры. Ее место в национальном хозяйстве. – Текст: электронный // Искусствоед.ru – сетевой ресурс об искусстве и культуре: [сайт]. – 2016. – URL: <https://iskusstvoed.ru/2016/02/18/ponjatie-i-sostav-sfery-kultury-ee-mes/> (дата обращения: 01.11.2022).

³ Сагитов С.Т. Взаимовлияние сферы культуры и экономических институтов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2025. – Т. 11 (77). – № 2. – С. 50-61.

коммуникацию между людьми. И это порождает проблему, требующую научного решения, суть которой – в нарушении сложившихся традиционных механизмов передачи культуры, а также и в поддержании способов латентности и инструментов социализации. Усугубляет проблему возникновение таких социальных сил, где целенаправленно используются такие цифровые медиаинструменты, которые способны разрушить традиционные способы передачи культуры и нанести существенный вред демографическому и экономическому росту.

Степень научной разработанности проблемы. К настоящему времени понятие «культура» является одним из самых многозначных терминов, насчитывающим примерно 500 определений, и, в общем и целом, означает все произведенное, созданное человеком в отличие от природного. Сложность и многогранность феномена культуры предопределяет множество подходов к ее изучению внутри ряда научных дисциплин. Социология рассматривает систему культуры во взаимосвязи с социальными структурами в конкретный исторический период, охватывая всю проблематику общественной жизни, так как культурное содержание есть в любой, целенаправленной социальной деятельности. Можно говорить о том, что социология выполняет интегративную функцию, аккумулируя и концептуализируя данные смежных наук, и в таком случае дисциплинарные различия представляются весьма условными.

Научная разработанность феномена культуры может быть представлена с точки зрения подходов различных наук. С глубокой древности и вплоть до XIX века культура являлась объектом изучения философии. Вместе с тем стоит заметить, что воззрения некоторых ученых, представляющих социальные и гуманитарные науки, по попыткам определения сущности культуры, законов ее развития легли впоследствии в основу социологических школ (Ф. Бэкон, И. Гердер, Э.Б. Тайлор, О. Шпенглер, З. Фрейд, К. Юнг и др.).

Марксистскую теорию можно назвать одним из первых социологических подходов к изучению культуры, где она наряду с природой рассматривается как

средство влияния на человека. В рамках этой концепции выделяются две стороны преобразовательной деятельности: первая отражает воздействие природы на человека, а вторая – влияние людей друг на друга, что включает процессы воспитания, образования и формирования культурного уровня членов общества⁴. Культура при этом охватывает не только материальные результаты человеческой деятельности, но и знания, умения и навыки, которые находят применение в повседневной жизни. Тем самым культура – это характеристика развития личности, ее творческих сил и способностей, показатель взаимодействия с природой и социумом⁵.

Аксиологический подход к культуре как к миру ценностей поднимался у таких классиков, как О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и М. Вебер. В двадцатом столетии ценностная проблематика нашла свое место в трудах таких известных западных социологов, как П. Бурдьё, Р. Мертон, Н. Смелзер, П. Сорокин. Один из представителей этого подхода Т. Парсонс определил культуру как результат духовных и материальных достижений человечества, которые обусловлены действиями на уровне двух систем: социальной и культурной. При этом вторая является ведущей по отношению к первой, которую в свою очередь он связывал с формированием главных образцов системы, подводя основание для рассмотрения культуры в дискурсе управления⁶.

Деятельностный подход предполагает рассмотрение культуры как способа воспроизводства и регуляции человеческой жизнедеятельности. Разработкой данной проблематики занимались такие социологи, как Дж.Александр, Г. Беккер, П. Бергер, П. Бурдьё, Р.Мертон, Т. Парсонс, А. Турен и ряд других. Содержание и принципы духовной деятельности как важного компонента социальной регуляции становились предметом изучения отечественных авторов: Л.Г. Ионина, Ю.М. Лотмана, Ю.А. Муравьева, А.К. Уледова, обобщающих философские,

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.

⁵ Сагитов С.Т. *Культура: от возделывания почвы до развития общества*//Известия национальной академии наук Кыргызской Республики. – № 1. – 2016. – С. 74-79

⁶ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Американская социологическая мысль: тексты. /под ред. В.И. Добренкова. – М.,1994. – 496 с.

культурологические и социологические подходы в изучении социального функционирования культуры. Представители символической школы (Ф. де Соссюр, Э. Кассирер, К. Леви-Строс) рассматривают культуру как созданную человеком развивающуюся знаковую систему, а ее истоки – способность людей творить искусственный мир, обозначая реальность определенными символами⁷. Что немаловажно – представители данной школы особо подчеркивают, что культура определяет и направляет представления людей о реальности, а ее состав постоянно изменчив⁸.

Заметная роль в исследовании процессов, происходящих в сфере культуры, принадлежит Пьеру Бурдьё. Его триада – «поле – капитал – габитус» – представляет собой систему, включающую целый арсенал взаимосвязанных и соопределяющихся понятий, дающих возможность анализа самых разнообразных социальных явлений⁹.

Социодинамический подход к изучению культуры представлен в научных трудах П. Сорокина и А. Моля.

Если обратиться к отечественным социологам, то можно говорить, что изучение феномена культуры в российской социологии началось с Н. Данилевского и П. Сорокина. Данилевский, анализируя перспективы и характер будущей общеславянской культуры, установил четыре общих разряда культурной деятельности, которые он определил как одноосновные и развившие только одну из сторон культурной деятельности¹⁰. Дальнейший исторический прогресс заключался как в развитии общественно-экономической стороны культурной деятельности, так и в соединении нескольких ее сторон в одном культурно-историческом типе; таковым типом явился германо-романский, который хотя и не сумел представить религиозную и общественно-

⁷ Кассирер Э. В.Ю. Философия символических форм. Том 1. Язык. – М, 2011. – 272 с.

⁸ Thompson W.E., Hickey J.V., Thompson M.L. Society in Focus: An Introduction of Sociology. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. – 654 p.

⁹ Шматко Н.А. Анализ культурного производства Пьера Бурдьё // Социологические исследования. – 2003. – №8. – С. 113-120.

¹⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

экономическую стороны культуры, но явил громадные результаты в политическом и культурном аспектах.

Питирим Сорокин уделял особое внимание взаимосвязи социальных процессов и культурного развития, представляя исторический путь человечества как циклическую смену социокультурных общностей, плавно сменяющих друг друга. Он считал, что история человечества состоит из последовательных изменений социокультурных суперсистем, каждая из которых имеет уникальный взгляд на реальность, включая собственные методы ее изучения. Переход от одной суперсистемы к другой сопровождается изменением ценностных ориентиров и социальных норм. Вводя в научный обиход понятие «социокультурное», Сорокин также разработал структуру и динамику развития таких систем и процессов¹¹.

В советское время культура изучалась преимущественно через призму классового подхода. Согласно этой методологии, владение материальными средствами производства давало господствующему классу контроль над духовным производством, что отражалось в зависимости мышления других классов от господствующей идеологии¹². В.И. Ленин отмечал важность культуры для культурной революции, подчеркивая при этом, что невозможно полностью заменить культурное наследие одного режима другим из-за сохранения материальных следов прошлого, ибо «в той или иной своей части, в тех или иных своих материальных остатках эта культура неустранима...»¹³.

В социологических работах начала советского периода, посвященным проблемам культуры, отмечалось, что данная отрасль науки «слишком молодая, вернее – не существующая, еще только зачинающаяся» и только в будущем надлежит естественно восполнить пробелы и внести дополнения в предмет и объект и методы изучения¹⁴. Это затруднялось критическим отношением к социологии как к «буржуазной науке», что вынуждало исследовать ее элементы

¹¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

¹² Маркс К, Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., Т.3. – М.: Политиздат, 1955. – 629 с.

¹³ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. 5-е изд., Т.36. – М.: Политиздат, 1969. – 742 с.

¹⁴ Фриче В.М. Социология искусства. – М.: Либроком, 2015. – 203 с.

через другие области знаний. Например, культуру изучали как исключительно духовное явление, рассматривая ее через философскую призму и взаимосвязь с общественным сознанием¹⁵.

Вместе с тем выдвигались и иные точки зрения. Теория творческой деятельности воспринимала культуру как универсальную форму творчества человека во всех аспектах бытия и трактовала как «основывающаяся на освоении культурного наследия, направленная на превращение богатства человеческой истории во внутреннее достояние личности, на всемерное развитие сущностных сил человека»¹⁶. Представители деятельностного подхода в своих работах отождествляли культуру с технологией воспроизводства и производства человеческого общества, понимая культуру не только как средство освоения мира, а как систему «надбиологически выработанных средств осуществления человеческой деятельности, благодаря которым и происходит функционирование и развитие общественной жизни людей»¹⁷.

Важнейший вклад в изучение культуры внесла Свердловская социологическая школа, благодаря исследованиям Л.Н. Когана, который предложил сферный подход к ее изучению. Коган рассматривал культуру как динамичную сферу человеческой деятельности, включающую создание, сохранение, распространение и потребление духовных ценностей. Особое внимание он уделял роли культуры в процессе социализации личности и общества. В его работах системно доказывается идея, что именно культура является основным механизмом социализации личности и всего социума, а духовное воспроизводство обеспечивает ее саморазвитие на основе преемственности¹⁸. В продолжение концепций Л.Н. Когана по воздействию культуры на развитие индивида, Ю.Р. Вишневский особо акцентирует внимание на культурном уровне личности, общности, который рассматривается им как

¹⁵ Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. – М.: Мысль, 1968. – 351 с.

¹⁶ Баллер Э.А. Коммунизм. Культура. Человек. – М.: Сов. Россия, 1979. – 256 с.

¹⁷ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

¹⁸ См., например, Коган Л.Н. О сущности советской культуры в прошлом и настоящем // Политика и культура. Екатеринбург, 1991; Коган Л.Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. – 208 с.; Иовчук М.Т., Коган Л.Н. Советская социалистическая культура: исторический опыт и современные проблемы. М.: Политиздат, 1979. – 206 с.

противоречивое единство разных компонентов и блоков: аксиологический, нормативный, праксиологический¹⁹. Исследователь В.Т. Шапко сосредоточил свое внимание на практической стороне культурных процессов и, подчеркивая важность сотворчества и участия субъектов управления в социокультурных группах, обратился к гибкому восприятию актуальной культуры и ее взаимодействию с элементами, утратившими свою актуальность, отметив сложности проницаемости и подвижности границ между актуальной и неактуальной культурой и в обмене между этими двумя слоями культуры²⁰.

З.И. Файнбург выделил три измерения культуры: преобразование объекта деятельности, взаимодействие феноменов и отражение процесса деятельности в специфических формах сознания. Он утверждал, что действия становятся частью культуры только тогда, когда они осознаются людьми и начинают влиять на социальные связи между субъектами этих действий.

В.Н. Стегний в своем анализе новых явлений в становлении культуры, связанных, прежде всего, с переходом к постиндустриальному информационному обществу, также отмечает, что культура «конкретно-исторична, характерна для определенного социального пространства и социального времени, изменяется по мере трансформации общества, характеризуя определенный тип, уровень развития как общества, так и человека». У нового же типа постиндустриального общества в качестве гносеологической основы выступают информированность, научность, образованность и нравственность человека²¹.

Общетеоретические аспекты понятия «культура» нашли место в работах Г.Е. Зборовского, М.Т. Иовчука и И.Г. Хангельдиной, идея культуры как творческой деятельности общества анализируется в трудах Э.А. Баллера, В.В. Журавлева, Д.С. Лихачева и В.В. Сильвестрова, применением системного подхода к культуре как саморазвивающейся и самоуправляемой системе занимались Г. Хакен, М.С. Каган, Р.Г. Пиотровский, Т.В. Грушевицкая.

¹⁹ Вишневский Ю. Р. Единство социалистической культуры и всестороннее развитие личности // Философско-социологические проблемы формирования личности. – Свердловск, 1979. – С. 44-55.

²⁰ Шапко В.Т. Феномен актуальной культуры // Социологические исследования. – 1997. – №10. – С. 93-104.

²¹ Культура в информационно-инновационном обществе: монография / Под общ. ред. проф. В.Н. Стегния. – Пермь: Изд-во Пермского нац. исследовательский политехнический ун-т, 2017. – 495 с.

Среди ученых, труды которых посвящены вопросам становления и развития социального управления, следует выделить Ю.П. Аверина, Н.А. Аитова, В.Г. Афанасьева, Е.М. Бабосова, Д.М. Гвишиани, Ж.Т. Тощенко, П.Н. Лебедева, Р.Т. Насибуллина, Н.Л. Захарова, И.М. Слепенкова.

Исследователи Г.В. Атаманчук, В.С. Жидков, Т.А. Сафаров, З.Х.-М. Саралиева, Г.И. Осадчая в своих трудах рассматривают проблемы управления социальной сферой.

Тематика прогнозирования и предвидения в области социального управления получила детальное освещение в трудах Н.А. Аитова, Г.В. Осипова, Ж.Т. Тощенко и Н.И. Лапина, Самыгина С.И. Методологическим аспектам исследования управления духовной сферой посвящены труды А.И. Арнольдова, Т.Ф. Кузнецовой, А.К. Уледова, Р.Г. Яновского.

Публикации С.А. Кравченко и С.А. Красикова оказали влияние на поиск конструктивистского вектора в социологических исследованиях и тем самым составили существенный вклад в методологию управления, значимую для концептуального анализа управления социокультурными процессами.

Принципы построения социального пространства России, определение региональной политики, ее приоритетов рассмотрены в трудах таких ученых, как Р.Г. Абдулатипов, Г. Агранат, А. Адамеску, С. Барзилов, А. Чернышев, В.И. Сигов, Н.Н. Некрасов, Н.П. Федоренко, А.Н. Данилова, С.Б. Быстрянец.

Проблемы регионального управления раскрыты в работах А.А. Анохина, Н.Т. Агафонова, О.М. Барбакова, В.К. Бугаева, Н.В. Зубаревич, В.В. Маркина.

Значительный вклад в исследование сферы культуры внесли главным образом коллективы ученые Уральского отделения АН СССР (Л.Н. Коган), НИИ искусствоведения (Ю.У. Фохт-Бабушкин) и НИИ культуры (С.Н. Плотников). В монографиях и статьях Л.Н. Когана особое внимание управлению культурной сферой уделено, где анализируются взаимосвязь понятий «управление» и «культура», а также особенности их взаимодействия. Социологические исследования выявили культурные потребности населения (Ю.В. Шаров, Ю.У. Фохт-Бабушкин), включая посещение театров и музеев, просмотр

телепередач, приобретение знаний об искусстве и участие в различных формах художественного творчества, а также читательские предпочтения школьников, студентов и рабочей молодежи (С.Н. Плотников, И.П. Лукшин, А.Л. Вахематса).

Спектр вопросов функционирования культуры в современном обществе рассмотрен в работах Ю.Р. Вишневого, Л.Г. Ионина, Л.И. Михайловой.

Вопросы взаимодействия культурного и социального аспектов в интерпретации индивидуальных связей исследуются в работах В.А. Есакова, Э.С. Маркаряна, В.Г. Пономарева и А.Ф. Суховея, где культура трактуется как технология производства и воспроизводства общества.

Синергетический анализ процессов социокультурного развития российского общества представлен в трудах Г.А. Аванесовой и О.Н. Астафьевой. Проблемам государственного управления культурой посвящены работы В.С. Жидкова, Г.А. Смирнова, А.О. Флиера.

Управление культурой на региональном уровне рассматривается в трудах Т.Ю. Бурмистровой, Ф.Т. Кузбекова, П.М. Шульгина.

Исследованию проблем организационно-управленческой культуры, культуры управления в социальных системах посвящены исследования Л.М.Ивенского, Л.П. Яировой. Взаимодействие и взаимное влияние культуры и экономики изучены в трудах таких исследователей, как Т.А. Гольц, Л.М. Зайцева, В.Д. Иванов, И.А. Столяров и В.С. Цукерман. Они опирались на данные опросов сотрудников театров, зрительской аудитории, представителей органов управления, а также использовали статистические показатели и анализ документации. Постепенно начали формироваться исследовательские направления в рамках экономики культуры в целом (работы И.Е. Дискина и В.Г. Зинина) и экономики театра (исследования Г.Г. Дадамяна).

В работах А.В. Кукаркина, М.Г. Колосницинной, Ю.Б. Сорочкина исследована проблематика, связанная с практикой реализации культурной политики за рубежом.

В 1980-х годах внимание ученых было сосредоточено на изучении тенденций в развитии средней и высшей школы. Среди ключевых авторов в этой

области можно выделить В.Н. Шубкина, И.С. Кона, Л.Н. Когана, С.Н. Иконникову, В.Т. Лисовского, Ф.Р. Филиппова, И.В. Бестужева-Ладу и других. Социология образования постепенно выделялась в отдельную научную сферу, акцентируясь на таких аспектах, как профессиональная ориентация и социальная мобильность, преемственность знаний, трудовые предпочтения населения, подготовка к работе в различных условиях, стимулы обучения молодежи, формирование ее социального облика и роль в воспроизводстве общественной структуры. Значимые исследования в этих областях провели Н.А. Аитов, О.И. Шкаратан и В.А. Ядов. К числу актуальных тем вошли реформирование высшего образования (работы А.А. Овсянникова и Т.Э. Петровой), развитие духовной культуры молодежи (исследования И.А. Шендрика, Ю.А. Зубок, В.Н. Иванова, М.К. Горшкова и Ф. Шереги), социология религии (Ю.А. Левада и В.И. Гараджа), анализ общественного мнения (Б.А. Грушин и М.К. Горшков), культурная инфраструктура (Ж.Т. Тощенко), художественная жизнь (Л.Н. Коган), деятельность неформальных объединений (Л.Ф. Левичева).

Несмотря на широкий спектр изучаемых вопросов, современная научная литература практически не рассматривает управление культурной сферой в условиях цифровизации как самостоятельную социологическую проблему. Решение этой задачи обуславливает тематику и цель нашего диссертационного исследования.

Объект исследования – управление сферой культуры на региональном уровне.

Предмет исследования – социологические проблемы управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровой трансформации общества.

Гипотеза исследования. В настоящее время сложились объективные условия и созданы предпосылки как в части технологического развития, так и в степени компетентностной подготовки субъектов управления для эффективного внедрения цифровых технологий в управление сферой культуры на региональном

уровне. Создание социального механизма управления, синтезирующего традиционные способы передачи культуры и цифровые ресурсы, обеспечит полноценное поддержание способов латентности и инструментов социализации. Такой механизм в дальнейшем будет именоваться – «социальным механизмом управления сферой культуры». Создание такого механизма на региональном уровне в дальнейшем может послужить предпосылкой для его построения на общероссийском уровне.

Цель исследования. На основе теоретико-эмпирического исследования разработать модель управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровой трансформации общества.

Задачи:

1. Определить теоретико-методологические основания исследования процесса управления сферой культуры, доказав, что сфера культуры подлежит управлению.
2. Определить методологическую базу к изучению культуры, основанию ее исследования в предметном поле социологии управления и вывести определение термину «сфера культуры».
3. Определить структуру сферы культуры, обосновав взаимовлияние сферы культуры и социальных институтов как элементов системы, регулирующих потребности индивидов и социальных групп.
4. Охарактеризовать институциональные проблемы в управлении сферой культуры, определив подход к ее дальнейшему изучению, позволяющий детально раскрыть особенности элементов процесса, их взаимосвязи и взаимоотношения в динамике.
5. На основе анализа научной литературы, нормативно-правовой базы, фактологического материала и результатов проведенного трендового социологического исследования определить особенности управленческих процессов, существующие противоречия в управлении сферой культуры на региональном уровне, участников управленческих процессов и динамику происходящих в сфере культуры процессов по оценкам населения.

6. Доказать необходимость подхода к культуре как к сфере жизнедеятельности общества и обосновать парадигму регионального развития, сформированную с учетом культурно-духовных приоритетов и преодолением исключительно отраслевой системы управления.

7. На основании исследования выявить основные паттерны отношения населения к культуре и определить важные факторы, влияющие на мнение респондентов за последние 25 лет: отражение происходящих процессов в сфере культуры, критерии оценки роли государства в управленческих процессах, а также соответствие определенных на разных уровнях управления приоритетов развитию сферы культуры.

8. Рассмотреть управление сферой культуры в качестве процесса массовой коммуникации; выявив основные группы элементов, классифицировать субъекты процесса управления сферой культуры в зависимости от степени их вовлеченности и детерминанты, влияющие на разницу восприятия явлений, происходящих в сфере культуры.

9. На основании изучения научной литературы, статистических данных, результатов трендового социологического исследования разработать ключевые направления и механизмы совершенствования управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровой трансформации общества.

10. Изучить состояние цифровизации сферы культуры на современном этапе развития, выявить ее особенности в отличие от аналогичных процессов в иных сферах; определить основные проблемные точки развития и предложить подходы к их нивелированию.

11. Выделить этапы цифровизации сферы культуры России и основные их результаты, выявив проблемы, задачи и возможности современной цифровой трансформации общества; разработать инструментарий по нивелированию цифрового неравенства и совершенствованию профессиональной компетентности участников процесса.

12. Разработать теоретико-методологический конструкт управления сферой культуры на региональном уровне, позволяющий сочетать и

анализировать большое количество данных для выявления глубинных зависимостей между ее участниками.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют идеи отечественных и зарубежных классиков социологической науки, созданные ими системный, структурно-функциональный подходы; теоретические и методические разработки отечественной и зарубежной социологии управления, социокоммуникации и социального конструирования²².

Эвристический познавательный потенциал теории социокультурной динамики позволяет в рамках социологии управления создавать продуктивные модели процесса управления социокультурной динамикой с целью оптимизации отношений между людьми по поводу производства, распределения и потребления духовно-культурных благ в условиях цифровизации общества.

Информационно-нормативная база исследования:

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями от 01.07.2020 г.); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966 г.); Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 №3612-1) (ред. от 30.04.2021 г.); Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» (принят 29.12.2012 №273-ФЗ) (ред. от 05.12.2022); Основы государственной культурной политики (Указ Президента России от 24.12.2014 №808); Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента России от 09.11.2022 №809); Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 №326-р); данные Федеральной службы государственной статистики; региональные программы развития культуры и искусства.

²² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

Эмпирическую основу исследования составили:

1. Трендовое социологическое исследование «Проблемы управления сферой культуры на региональном уровне (на примере Республики Башкортостан)», в которых автор выступал в качестве непосредственного участника (1 этап, научный руководитель д.с.н., проф. Насибуллин Р.Т.) и научного руководителя (2 и 3 этап). Данное исследование состояло из трех этапов, где опросы проводились по методологическим принципам, основанным на системном подходе, по единой программе, инструментарию исследования в 2001/02 гг. (1 этап), 2016/17 гг. (2 этап) и 2024/25 гг. (3 этап). В качестве основной социальной проблемы было выделено отношение различных социально-профессиональных групп к социокультурным процессам, происходящим в сфере культуры, и возможности оптимизации управления в сфере культуры на региональном уровне. Общий объем выборки в каждом исследовании составляет 1200 респондентов. Присвоен индекс ПУСК 1-16-25

2. Исследования, проведенные при руководстве и непосредственном участии автора в 17 регионах страны в рамках выполнения государственных заданий, заказчиком которых выступало Министерство просвещения Российской Федерации:

- «Оценка уровня и качества образования» (согласно требованиям ФГОС ВО в рамках внутренней системы оценки качества образовательной деятельности обучающимся предоставляется возможность оценивания условий организации образовательного процесса) 2021-2022 гг. Присвоен индекс ОУКО 22;

- «Разработка региональной модели управления качеством педагогического образования на основе выявления профессиональных дефицитов и построения индивидуальных образовательных траекторий педагогических работников (в т. ч. студентов – будущих педагогов)», 2021-2024 гг. Присвоен индекс КПО 24;

- «Сравнительный анализ практик внедрения полилингвальной модели поликультурного образования (на примере Республик Башкортостан, Татарстан,

Северная Осетия-Алания, Саха (Якутия) и др.)», 2022-2024гг. Присвоен индекс ПО 24.

3. Проведенные при руководстве и непосредственном участии автора исследования:

- Социологические исследования по изучению демографических процессов, происходящих в Республике Башкортостан, с дальнейшей разработкой и реализацией регионального плана работы по преодолению демографического кризиса (2015-2018 гг., руководитель д.с.н., проф. Насибуллин Р.Т.). Присвоен индекс ДБ 18;

- Социологическое исследование студентов БГПУ им. М. Акмуллы по вопросам организации дистанционного образования во время коронавируса с охватом 3000 человек (2020 г., руководитель к.с.н., доцент Сагитов С.Т.). Присвоен индекс К 20;

- Контент-анализ нормативно-правовых актов регионов Российской Федерации в сфере культуры (2021-2024 гг., руководитель к.с.н., доцент Сагитов С.Т.). Присвоен индекс НПАР 24.

4. Данные Федеральной службы государственной статистики РФ, Министерства культуры РФ, региональных и муниципальных органов управления; контент-анализ нормативно-правовых актов; вторичный анализ исследовательских и отчетных документов (официальных), отражающих развитие сферы культуры в Российской Федерации и регионе в социальном контексте; результаты иных социологических исследований.

5. Источником информации послужил также научный и управленческий опыт автора, приобретенный в ходе работы на руководящих должностях в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования, на региональном и муниципальном уровнях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обоснована авторская позиция в отношении содержания основных понятий исследования, в соответствии с которой основная цель управления сферой культуры как динамической социальной системы, изучение которой

требует детального анализа всех ее элементов, состоит в оптимизации функционирования развивающейся социокоммуникативной системы, имеющей исторически сложившиеся законы развития и процессы самоорганизации. Доказано, что модель управления сферой культуры характерна каждому конкретному историческому периоду и взаимосвязана с общественным развитием и состоянием иных сфер жизнедеятельности социума, социальных институтов.

2. В работе рассмотрены подходы к определению понятий «культура», «сфера», «сферы культуры», которые представлены в настоящее время в научной литературе, и дано свое определение термину «сфера культуры», под которым понимается социокоммуникативная система взаимодействия социальных акторов по поводу производства, распределения и потребления духовных ценностей, выражающаяся в достижениях науки, литературы, искусства и народного творчества.

3. Впервые в социологической науке предложена структура сферы культуры, в качестве элементов которой выступают социальные институты, их явные и латентные функции и дисфункции. Сфера культуры является результатом взаимодействия всех социальных институтов, а выполняемые ими явные и латентные функции и дисфункции обеспечивают ее качественную определенность в каждый конкретный исторический период.

4. Институциональные проблемы, возникающие в процессе управления сферой культуры, нередко препятствуют достижению намеченных результатов, что обусловлено динамической ее природой, а также ошибочным представлением об управлении в социальной системе как строго очерченной последовательной цепи разрабатываемых и реализуемых решений. Впервые теоретически охарактеризованы и эмпирически выявлены объективные и субъективные факторы, влияющие на мнения респондентов по вопросам развития сферы культуры, что крайне важно при разработке и принятии управленческих решений. Определено, что одной из основных проблем в управлении сферой культуры является рассогласованность представлений и действий субъектов управления о приоритетах культурной политики, которая, как правило, в итоге не приводит к

достижению заявленных целей и задач. Анализ нормативно-правовой базы в сфере культуры показал, что разница в определении приоритетов культурной политики существует как между выделенными нами уровнями управления (целевой, тактический, прикладной), так и в рамках одного уровня управления. Полученные новые знания, в части трансформации мнения населения о первичности в реализации культурной политики, об определении зависимости социально-профессиональных факторов на мнение респондентов, способны синхронизировать целеполагание у субъектов управления на всех уровнях реализации культурной политики, для повышения эффективности ее реализации.

5. По результатам анализа процессов, происходящих в сфере культуры на современном этапе развития, выделено четыре ключевых групп противоречий в управлении на региональном уровне, которые препятствуют полному раскрытию потенциала культурных ресурсов регионов. Эти противоречия связаны с определением приоритетов в отношениях «регион – отрасль», «сфера культуры – иные сферы жизнедеятельности», «государство – иные субъекты управления», а также с существованием цифрового неравенства между регионами. Несмотря на то, что на федеральном уровне управления происходит отход от отраслевого подхода к более целостному восприятию культуры как сферы жизнедеятельности, на региональном уровне эти изменения пока не нашли значительного отражения. Определено усиление влияния государства среди всех участников управления сферой культуры, что подтверждается данными трендового социологического исследования, проведенного в течение периода 2001–2025 годов, которые демонстрируют устойчивое увеличение числа респондентов, поддерживающих ведущую роль государства над другими участниками в управлении сферой культурой. Тем не менее, несмотря на положительные оценки населения работы региональных органов власти, отмечается недостаточное внимание к ряду позиций, значимых для потребителей сферы культуры. Эти аспекты, признаваемые важными на федеральном уровне, зачастую игнорируются при формировании приоритетов развития отрасли в регионах. Анализ результатов исследования позволил определить, что бо́льшая

часть населения положительно оценивает реализуемую культурную политику, что указывает на эффективность предпринимаемых мер. Также выявлено, что большинство граждан продолжают воспринимать культуру как важнейший фактор общественного развития и прогресса, считая, что управление в сфере культуры должно строиться прежде всего на интересах общества. Применение инновационных подходов, включая цифровые технологии, расширяет вовлеченность различных социальных групп в культурную жизнь, создавая условия для сохранения традиционного культурного наследия и его адаптации к современным вызовам и реалиям. Анализ результатов проведенного трендового социологического исследования сферы культуры за 2001–2025 годы позволил определить структуру участников процесса управления сферой культуры на региональном уровне, основанную на социально-профессиональном статусе субъектов: потребители, государственные чиновники, творцы, служащие от культуры. Именно выделение данных субъектов и отличает региональный уровень управления в сфере культуры от других.

6. Обоснован вывод о необходимости подхода к региональному развитию с учетом понимания культуры как сферы жизнедеятельности, определяющей развитие социума. Такой подход позволит обеспечить равномерное и полноценное развитие на уровне региона и приобретает особое значение с учетом того, что в сегодняшних российских реалиях государство как один из участников процесса управления сферой культурой является доминирующим субъектом, что доказательно подтверждено в результате контент-анализа документов. Об этом свидетельствует не только тот факт, что в системе финансирования сферы культуры в России по-прежнему превалирует прямое бюджетное финансирование, но и то, что государство, как институт политической власти является регулятором производства, распределения и потребления культурных благ между людьми и социальными группами, форсируя интеграцию общества и его социально-культурное развитие. Результаты исследования позволили определить современную классификацию ролей государства в культурной политике в зависимости от участия в ее формировании.

7. Проведенное трендовое социологическое исследование, охватывающее период с 2001 по 2025 годы, позволило выявить значимые изменения и устойчивые тенденции в восприятии культуры и роли государства в ее развитии среди населения. Выявлено, что среди респондентов наблюдается последовательный рост позитивных оценок управленческих инициатив в сфере культуры, при этом данный тренд прослеживается на всех уровнях управления. Более половины опрошенных продолжает воспринимать культуру как ключевой фактор общественного развития, а государство – как основного субъекта, ответственного за управление культурной сферой; примечательно, что доля граждан, разделяющих эту точку зрения, увеличивается на протяжении исследуемого периода. Одновременно отмечается смещение акцентов в общественном восприятии: увеличивается доля тех, кто видит в культуре элемент досуга. Вместе с этим фиксируется рост интереса к народной культуре, которая занимает ведущие позиции в рейтингах приоритетов. Подобная динамика отражает стремление населения к сохранению национальных традиций и укреплению этнической идентичности. Исследование позволило определить основные приоритеты развития сферы культуры, выделяемые респондентами. Однако был также зафиксирован ряд несоответствий в определении ключевых приоритетов на различных этапах исследования как между субъектами, участвующими в процессе, так и на разных уровнях управления. Полученные эмпирические данные выявляют комплекс важных социально-демографических, профессиональных и экономических факторов, оказывающих влияние на восприятие культуры. Среди них ключевыми характеристиками выступают возраст, уровень образования, социальный статус, особенности семейного уклада и экономическое положение респондентов.

8. В социологической литературе вопросы социального взаимодействия непосредственных участников процессов в сфере культуры освещены недостаточно. В этом контексте разработана концепция, которая предлагает структурировать субъектов управления сферой культуры на региональном уровне через определение ключевых социально-профессиональных групп. Такой подход

позволил выявить общие черты и особенности различных категорий участников, особенно в аспектах, связанных с культурной деятельностью и духовными ценностями. В качестве основного критерия классификации предложен социально-профессиональный статус. Проведенные исследования дают возможность не только рассмотреть формальные данные, но и глубже понять характер взаимоотношений между указанными социально-профессиональными группами через анализ динамики происходящих процессов. В результате в качестве основных субъектов управления сферой культуры на региональном уровне выделены четыре группы: потребители, творцы, служащие от культуры, государственные чиновники. Проведенные исследования позволили разделить участников управления сферой культуры на две категории – деятельные и опосредованные субъекты – в зависимости от степени их вовлеченности в процесс создания культурной продукции. Такой подход позволил выявить взаимосвязи между социальным и профессиональным положением участников и их влиянием на управленческие решения. Дополнительно обоснована роль личностных факторов в управлении культурной сферой. Полученные данные показали различие в предпочтениях участников взаимодействия, их целях, задачах и приоритетах развития культуры. Это позволило более детально изучить взгляды на деятельность каждого элемента коммуникационного процесса на региональном уровне. Отдельное внимание уделено роли индивидуальных фильтров, которые существенно влияют на управление сферой культуры, расширяя существующие представления о данном феномене. Кроме того, подчеркнута необходимость выделения квазигосударственных фильтров в качестве самостоятельной категории факторов, формирующих управленческие процессы.

9. Категория «управление сферой культуры» рассматривается с позиции деятельностного подхода. Обозначенная субъектно-субъектная позиция в управленческих подходах, необходимость учета внутренних законов развития сферы культуры, определение крупных групп элементов позволяют обеспечить изучение не только характеристик субъектов управления, но и детальный анализ протекающих процессов с дальнейшим принятием управленческих решений.

10. В последние годы цифровизация стремительно охватывает различные аспекты жизни общества, в том числе и социальные его аспекты. В данной работе впервые проведен обобщенный анализ практических аспектов цифровизации сферы культуры в стране, рассматриваемый через призму ранее предложенной модели массовой коммуникации. Определены ключевые факторы, оказывающие влияние на темпы и качество цифрового прогресса, среди которых отдельно выделены цифровые разрывы первого и второго уровня, затрагивающие технологические аспекты, и наличие соответствующих компетенций у субъектов социального управления.

11. Анализ цифровизации в сфере культуры России, проведенный нами с позиции социологии управления, позволил выделить 5 этапов в ракурсе предложенного подхода к управлению сферой культуры как процессу массовой коммуникации. Выявлено, что протекающий в настоящее время пятый этап предполагает решение вопросов по усилению «тактического» звена (регионального) в проведении технологической цифровизации и расширения знаний в сфере информационных технологий всех субъектов процесса управления сферой культуры. Автором введено в исследовательскую практику понятие «цифровых фрустраторов» как результата цифрового разрыва второго уровня, которые наряду с физическими, психологическими, биологическими и социальными барьерами, могут способствовать переходу общества в состояние социальной аномии. Для решения данной проблемы требуется целенаправленная работа по повышению квалификации участников управления сферы культуры не только в области IT-технологий, но и в других направлениях. В результате проведенных исследований разработан и апробирован инструментарий, позволяющий с помощью цифровых технологий в образовательных процессах выявлять профессиональные дефициты каждого субъекта по определенным параметрам. Это открывает возможность организовать программы повышения квалификации с акцентом на развитие профессиональных навыков, включая IT-компетенции. Такие результаты могут быть полезны всем участникам системы управления сферой культурой: коммуникаторам, каналам коммуникации и

потребителям. Причем наличие обратной связи и влияние социальных и индивидуальных фильтров гарантировано, а цифровая поддержка программы позволяет моментально обрабатывать большой массив информации.

12. На основе предложенного подхода к управлению сферой культуры как процессу массовой коммуникации разработан теоретико-методологический конструкт – матричная модель управления сферой культуры на региональном уровне в современных условиях развития общества. Данная модель предусматривает реализацию управленческого процесса с учетом мнения и поведения всех субъектов управления с использованием развивающихся цифровых технологий. Разработанная модель учитывает управленческое воздействие субъектов управления в сфере культуры и предлагает механизмы и технологии практической реализации вопросов преодоления цифрового разрыва как первого, так и второго уровня, что повлечет за собой переход всей системы общественного развития на новый качественный уровень.

Научная новизна диссертационного исследования. Найдено решение научной проблемы в преодолении на региональном уровне противоречий между сложившимися традиционными средствами передачи культуры и социализации, с одной стороны, и влияющими спонтанно на культуру и социализацию современных цифровых ресурсов. Такой механизм именуется «социальным механизмом управления сферой культуры».

Обоснование действенности этого механизма опирается на позиции, выработанные в диссертации, обладающие научной новизной:

1. Углублены и расширены понятия «культура» и «сфера культуры» с точки зрения социологии управления на основе анализа теоретико-методологических сторон исследования процесса управления сферой культуры как сложной динамической социальной системы, базирующейся на субъектно-субъектном подходе и имеющей исторически сложившиеся законы развития и процессы самоорганизации.

2. Определена и представлена структура сферы культуры, в качестве элементов которой выступают социальные институты, их явные и латентные функции и дисфункции.

3. Охарактеризованы институциональные проблемы в управлении сферой культуры и определен подход к ее изучению, соответствующий современной ступени общественного развития как процесса массовой коммуникации.

4. Обоснована авторская позиция исследования сферы культуры, представляющей собой социокоммуникативную систему взаимодействия социальных акторов по поводу производства, распределения и потребления духовных ценностей, отражающуюся в достижениях науки, литературы, искусства и народного творчества.

5. Определены особенности в управлении сферой культуры на региональном уровне; выявлены основные противоречия, элементы и факторы, влияющие на эффективность управления; выделены особенности отражения в сознании населения социально-территориальной общности к процессам, происходящим в сфере культуры; представлена новая классификация субъектов управления, основанная на их социально-профессиональном статусе, характерном для регионального уровня управления.

6. Доказано, что современный уровень развития общества требует подход к культуре не как к отрасли, имеющей второстепенное значение в развитии социума, а как к одной из основных и равноправных сфер жизнедеятельности общества.

7. По результатам трендового социологического исследования установлено отношение населения в динамике к вопросам культуры, процессам в управлении сферой культуры; выявлены факторы, влияющие на мнение респондентов.

8. Реализован подход к рассмотрению управления сферой культуры на региональном уровне как к процессу массовой коммуникации с выявлением

основных элементов, социально-профессиональных групп и классификацией субъектов управления.

9. Впервые в российской социологии нового времени проведено трендовое исследование проблем управления сферой культуры на региональном уровне, результаты которого позволили представить процесс управления сферой культуры как процесс массовой коммуникации, с обоснованием основных его элементов и факторов, влияющих на процессы социального управления. Разработаны основные направления и механизмы совершенствования управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровой трансформации общества.

10. На основе анализа развития цифровых технологий и цифровизации сферы культуры выявлены основные факторы, влияющие на качество цифровизации и цифровое неравенство субъектов управления.

11. Обоснована этапность цифровизации сферы культуры России, введено в исследовательскую практику понятие «цифровой фрустрации», разработан и апробирован инструментарий по совершенствованию профессиональной компетентности участников процесса управления сферой культуры.

12. Разработан теоретико-методологический конструкт в виде матричной модели управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровой трансформации общественного развития с определением реперных точек, способных обеспечить оптимальную реализацию управленческих решений с учетом мнения ее участников и законов саморазвития сферы культуры.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в разработке собственного теоретико-методологического конструкта управления сферой культуры на региональном уровне как процесса массовой коммуникации; в создании модели организации индивидуального образовательного маршрута для ликвидации профессиональных дефицитов субъектов управления; в описании основных факторов, определяющих развитие сферы культуры в условиях цифровой трансформации общества; в обосновании первичной роли государства,

как института политической власти, в управлении сферой культуры с определением классификации ролей государства в реализации культурной политики; в обосновании авторской позиции в отношении к основным понятиям, исследуемых в работе. Исследование может представить теоретико-методологическое основание для развития отраслей научного знания, затрагивающих вопросы социального управления, базой для дальнейших исследований проблем управления в духовной сфере и цифровизации общественных процессов.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы для анализа и модернизации системы управления сферой культуры, реализуемой на различных уровнях управления социальными взаимодействиями, приоритезации направлений развития сферы культуры, актуализации программ цифрового развития; применяться в таких курсах, как «Социология управления», «Социология культуры», «Социология образования», «Социологический анализ проблем государственного управления», «Социология коммуникаций»; а также служить базой для разработки спецкурсов «Управление в сфере культуры», «Цифровизация культуры», «Цифровая трансформация общественного развития» и иных курсов, посвященных управлению общественным развитием в духовной сфере, а также программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Полученные результаты могут быть применены при разработке стратегий и концепций управления в сферах культуры и образования на федеральном и региональном уровнях, а также служить в качестве методических рекомендаций при составлении программ развития сфер культуры и образования, цифрового развития на региональном и муниципальном уровнях; для совершенствования законодательства о культуре, модернизации системы управления сферой культуры на уровне отдельно взятой социально-территориальной общности.

Соответствие темы диссертации паспорту научной специальности 5.4.7 – Социология управления:

Пункт 1. Развитие понятийно-категориального аппарата социологии управления применительно к изменяющимся объектам управления.

Пункт 3. Проблемы взаимодействия субъектов и объектов управления;

Пункт 4. Принципы и методы управления в современных условиях;

Пункт 10. Культура управления и ее влияние на процесс управления;

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается адекватным подбором теоретико-методологической основы исследования; корректностью методов сбора информации, обоснованием репрезентативности данных; выбором релевантных способов анализа и обработки информации; сочетанием качественных и количественных методов социологического исследования; воспроизводимостью эмпирических результатов.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены на более чем 40 международных и всероссийских конференциях и сессиях, в том числе: пленарное заседание Бизнес-форума Делового совета ШОС «Перспективы развития сотрудничества на пространстве Шанхайской организации сотрудничества» (Бишкек, 2013); Евразийский гуманистический форум (Уфа, 2015); научно-практическая конференция «Состояние и перспективы российско-азербайджанского сотрудничества в сфере образования, науки и культуры» (Баку, 2016); Всемирный конгресс Международного совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств (Тенгаронг, 2017); Парламентские слушания Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, образованию и культуре «Условия и механизмы реализации государственной культурной политики: региональный опыт» (Москва, 2018); Заседание рабочей подгруппы по направлению «Высшее образование» рабочей группы Государственного совета Российской Федерации по направлению «Образование и наука» (Москва, 2019); Круглый стол Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, образованию и культуре «О состоянии и перспективах развития педагогического образования в Российской Федерации» (Москва, 2019); Международная научно-практическая конференция «Социальные последствия пандемии: мифы и

реальность. Аитовские чтения» (Уфа, 2020); IV Международная научная конференция «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма» (Грозный, 2021); Международная научно-практическая конференция «Гуманистическое наследие просветителей в науке, культуре и образовании. XV Акмуллинские чтения» (Уфа, 2021); Международный Культурный форум «АРТ-Курултай» (Уфа, 2022); Всероссийское совещание для руководителей исполнительных органов субъектов РФ, осуществляющих госуправление в сфере образования (Москва, 2023); Национальный педагогический форум (Уфа, 2023-2025); Кыргызско-российская ярмарка инновационных решений в сфере образования (Чолпан-Ата, 2024); II Международный форум министров образования «Формируя будущее» (Казань, 2024); выездное заседание Комитета просвещения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Уфа, 2025); международная конференция «Русский язык – основа интеграционного диалога в регионе СНГ» (Санкт-Петербург, 2025); а также на заседаниях Государственного Собрания – Курултая, Правительства Республики Башкортостан, иных совещаний региональных и муниципальных органов власти Республики Башкортостан.

Результаты диссертационного исследования. По теме диссертации опубликовано 69 работ. Основные положения диссертационного исследования были отражены в 2-х авторских монографиях, 1 свидетельстве о государственной регистрации программы ЭВМ и 39 статьях, из них: 4 – в изданиях, проиндексированных в международных базах данных научного цитирования Scopus/WoS, 23 – в изданиях из Перечня ВАК, 12 – в сборниках материалов конференций. Общий объем публикаций по тематике диссертационного исследования – 43,81 п.л., авторский вклад – 40,87 п.л. (93%). Материалы, разработанные на основе выводов исследования, находят применение на лекционных занятиях учебных курсов направления подготовки «Социология управления».

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав, 9 параграфов, заключения, списка литературы (354 источника, в том числе 30 на

иностранных языках, из них – 26 на английском языке, 4 на французском). Текст диссертации изложен на 360 страницах и проиллюстрирован 10 таблицами и 21 рисунком.

Глава 1 Теоретико-методологические основания исследования процесса управления сферой культуры

1.1 Основания исследования сферы культуры в предметном поле социологии управления

Обоснование авторской позиции в отношении содержания основных понятий, используемых в исследовании, относится к числу важнейших методологических норм. Понимание этой истины выработано не только с позиции теории, но и из опыта планирования, организации и проведения социологических исследований. От того, насколько качественно выверена и проведена эта часть работы, напрямую зависит и ход исследования, и его результативность. Даже самое незначительное отклонение от выявленных и установленных правил в самом начале работы, способно отразиться на качестве полученных результатов. Избежание этой опасности лежит прежде всего в точности определения предмета исследования, как об этом писал классик социологии Э. Дюркгейм в известной своей работе «О разделении общественного труда. Метод социологии»: «...первый шаг социолога должен заключаться в определении тех вещей, которые он будет изучать с тем, чтобы и он сам, и другие знали, о чем идет речь»²³. В рамках логики сказанного, особое значение для нас имеет выявление содержания понятий «культура», «сфера», «сфера культуры».

В общественной практике эти понятия довольно часто встречаются и вместе, и по отдельности, и в документах, касающихся проблем управления, и в научных публикациях по разным направлениям, соответствующих тематике, и в специальных энциклопедических изданиях, в словарях, причем представителями самых разных профессий по самым разным поводам. Однако частота употребления научного понятия еще далеко не показатель глубины ее научной разработанности. Причем, в нашем же случае частота эта объясняется тем, что не определены даже методологические подходы к специальному предметному

²³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии/Пер.с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. – М.: Наука,1990. – С.437.

рассмотрению понятий, связанных с проблемой управления сферой культуры. Более детальный анализ проблемы в данном ключе может выявить и нередкие факты использования рассматриваемых нами понятий не по назначению, не вдаваясь в их истинный смысл. Следует отметить и отсутствие научных монографий, где предметно анализируются суть и составляющие исследуемых «сфера» и «сфера культуры» с позиции социологии управления. Необходимость разработки этих понятий очевидна. Социология управления как отрасль социологической науки продолжает активный поиск собственных путей дальнейшего развития. Однако в рассматриваемой нами отрасли до сих пор не оказалось места для теоретического анализа и эмпирических измерений в исследовании проблем, связанных с управлением сферой культуры.

Более того, в условиях фундаментальных изменений в системе общественных отношений, возникает настоятельная необходимость создания в недрах социологии управления теории в виде системы логически связанных понятий и категорий, используемых для объяснения восприятия объективной реальности. Данная методика строится на разработке адекватных предмету исследования понятий, моделей; на понимании, толковании и трактовке текстов и символов. Понятие «восприятие» было инструментом познания в основном психологов до тех пор, пока Дж. Брунер не применил его в познании социологического. В самом деле, человечество в повседневной жизни преимущественно познает окружающий мир по своему восприятию: и процессы, протекающие в обществе, и людей. В нашем менталитете крепко сидят формулы восприятия человека, т. н. пословицы и поговорки, испокон веков переданные из уст в уста нашими предками: например, «По одежке встречают, по уму провожают»; «Яблоко от яблони далеко не падает» и др. Значит, к человеку наше отношение должно начать формироваться по тому, какие у него родители, а не по тому, какой он по характеру, по уровню профессиональной подготовки, по отношению к своим обязанностям и т.д. Другой пример: по кадрам/сюжетам/картинам, передаваемым по телевидению, у нас формируется «знание» об уровне жизни населения в той или иной стране. В данном случае речь

идет о теории среднего уровня с выходом на практику. Задача этой теории, ее назначение заключается в создании нового знания путем выявления, раскрытия объективных связей между социальными явлениями для концептуального объяснения происходящих процессов.

По большому счету, ситуация до сих пор остается такой, когда мы практически сталкиваемся с отсутствием ответов на многие вопросы, связанные со взаимодействиями социальных институтов: государства и культуры, образования и культуры, науки и культуры, семьи и культуры и т.п. – по всему кругу проблем жизнедеятельности социума. С одной стороны, в отдельности по каждому социальному институту ведутся исследовательские работы, появляются публикации по результатам этих исследований. В то же время, на уровне системы социальных институтов в целом мы не имеем владеющих статусом общественного доверия знаний о том, на каких объективных законах функционирования строится их взаимодействие. Недостаточный уровень таких знаний сегодня превращается в один из острейших вызовов, стоящих перед нашим обществом. Ситуация усугубляется еще и тем, что, казалось бы, одно и то же понятие в различных научных изысканиях трактуется по-разному, в зависимости от приверженности к той или иной научной школе, от предмета исследования, от исторического периода, от политической конъюнктуры и т.п. Все это, выливаясь в нескончаемый поток информации, в итоге формирует «знание» как каждого конкретного индивида, так и определенных социальных групп и общества в целом.

Одним из таких понятий, которое в развитии социума становилось предметом множества интерпретаций и определений, является «культура». Оно охватывает как теоретические научные изыскания, так и аспекты государственной политики, включая ее практическую реализацию, а также восприятие культуры различными социальными группами. Любой исследовательский подход в этой области обладает собственной ценностью с возможностью уточнять или изменять содержание понятия «культура» в зависимости от целей, задач и особенностей изучаемого объекта. Эволюция представлений о культуре показывает

закономерный переход от дофилософских представлений к философским и далее – к социологическим подходам²⁴. Хотя и сегодня философия продолжает активно заниматься изучением культуры, акцентируя внимание на нравственных и ценностных аспектах и концентрируясь на ее духовных проявлениях и формах общественного сознания; социология же предлагает более прагматический и масштабный подход²⁵. С точки зрения социологии, культура рассматривается как процесс деятельности, обладающий собственной внутренней структурой, системой взаимодействия элементов, а также закономерностями развития и самоорганизации. Такой подход позволяет изучать влияние культуры на личность, социальные институты, общественные структуры и коллективы, обеспечивая более прикладное понимание ее роли в жизни общества.

В рамках марксистской теоретической традиции, культура концептуализируется как социальный механизм, выполняющий функцию инструментального воздействия на индивида, что предполагает рассмотрение культуры в качестве средства социального влияния и регуляции. В данном подходе выделяются две взаимосвязанные стороны трансформационной деятельности, которые формируют специфическую социокультурную формулу: социализацию через природную среду («обработка людей природой») – процесс адаптации индивида к объективным условиям существования и преобразования природной реальности, и институциональное образование («обработка людей людьми») ²⁶ – целенаправленное воздействие социальных институтов на формирование индивида. Синтез этих процессов марксистская теория определяет как «окультуривание» – комплексный механизм интеграции индивида в систему социальных отношений и культурных норм. Согласно марксистской социологической традиции, культура представляет собой многомерную систему, включающую материальные артефакты как вещественные результаты человеческой деятельности и опредмеченный труд, когнитивные структуры как

²⁴ Сагитов С.Т. Культура как объект социологического познания // Высшее образование сегодня. – № 4. – 2018. – С. 33-39

²⁵ Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. – М.: Мысль, 1968. – 351 с.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.

системы знаний, теоретических концепций и мировоззренческих установок, практические компетенции как совокупность умений и навыков, обеспечивающих эффективную деятельность в социальном пространстве, а также нормативно-ценностные комплексы как регулирующие принципы социального взаимодействия. Под влиянием марксистской парадигмы в нашей стране социология культуры долгое время считалась как бы второстепенной дисциплиной, так как ее предмет считался производной от экономических процессов, согласно доктрине базиса и надстройки.

Однако научная разработанность феномена культуры может быть представлена с точки зрения различных подходов. Аксиологический подход к культуре как к миру ценностей поднимался уже у таких классиков, как О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и М. Вебер. В двадцатом столетии ценностная проблематика нашла свое место в трудах таких известных западных социологов, как П. Бурдьё, Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, Н. Смелзер, П. Сорокин и др. В рассматриваемом нами ключе особого внимания заслуживает теория одного из перечисленных ученых, а именно П. Сорокина. Ему принадлежит теория о непрерывном единстве двух составляющих: социальных процессов и культурного развития. По мнению известного социолога, последовательная смена (которую можно наблюдать в определенный период) социокультурных подсистем, где каждое отдельное звено влияет не только на реальную действительность, но и на формы и методы ее познания, и есть исторический процесс. Наряду с введением в научный оборот термина «социокультурное», П. Сорокин изложил структуру и динамику развития социокультурных систем и процессов²⁷.

Деятельностный подход предполагает рассмотрение культуры как способа воспроизводства и регуляции человеческой жизнедеятельности. Разработкой данной проблематики занимались такие социологи, как Дж.Александр, Г. Беккер, П. Бергер, П. Бурдьё, М. Вебер, Дж.Г. Мид, Р.Мертон, Т. Парсонс, А. Турен и ряд других. Содержание и принципы духовной деятельности как важного компонента

²⁷ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

социальной регуляции становились предметом изучения и отечественных авторов: П.С. Гуревича, Б.С. Ерасова, Л.Г. Ионина, Ю.М. Лотмана, Ю.А. Муравьева, А.К. Уледова, А.И. Шендрик, обобщающих философские, культурологические и социологические подходы в изучении социального функционирования культуры. У В. Томпсона, Дж. Хайкея и М. Томпсона культура определяется как заученный свод привычек, убеждений, ценностей, правил поведения, а также материальные объекты, принадлежащие всем членам общества, которая определяет и направляет представления людей о реальности²⁸. Триада Пьера Бурдьё «поле – капитал – габитус» – представляет собой систему, включающую целый арсенал взаимосвязанных и соопределяющихся понятий, дающих возможность анализа самых разнообразных социальных явлений²⁹.

Можно выделить три положения, которые, с нашей точки зрения, раскрывают суть культуры в рассматриваемом нами ключе наиболее полно:

1) Теория социальных систем (по Т. Парсонсу) подводит исследователей к рассмотрению культуры в дискурсе управления³⁰ тем, что указывает на культурную подсистему в составе основных четырех, подчеркивая в ней воспроизводство образца как одну из исходных функций совокупности операций.

2) Культура в социальном измерении (А.И. Арнольдов) трактуется как исторически развивающийся процесс творчества, где общественные отношения выстраиваются в отношении материальных и духовных ценностей и норм, предназначенных для удовлетворения запросов не только общества, но и социальных групп и индивида, по следующей парадигме: создание – усвоение – сохранение – распространение³¹. При таком подходе к рассмотрению культуры можно объяснить определенные закономерности в ее развитии, что доказывает не статичность, а динамичность этой системы в рассматриваемый период времени.

²⁸ Thompson W.E., Hickey J.V., Thompson M.L. Society in Focus: An Introduction of Sociology. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. – 654 p.

²⁹ Шматко Н.А. Анализ культурного производства Пьера Бурдьё // Социологические исследования. – 2003. – №8. – С. 113-120.

³⁰ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Американская социологическая мысль: тексты. /под ред. В.И. Добренькова. – М.,1994. – 496 с.

³¹ Арнольдов А.И. Социалистический образ жизни и культура. – М.: Мысль, 1976. – 156 с.

3) Роль культуры в социализации личности и в целом социальных процессов (Л.Н. Коган) рассматривается как особый механизм, функционирующий во всем социуме, где человеку дана возможность для самореализации, мерилom которой и является культура. Такая позиция по отношению к основной функции культуры подчеркивается и известным академиком Д.С. Лихачевым, который рассматривает такие составные части культуры, как «религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»³². Все это еще раз подтверждает тезис о том, что круг участников процесса производства культурных продуктов неимоверно широк: к учреждениям, находящимся под патронажем министерства культуры, примыкает даже любой человек, который вписывается под формулу: создает – сохраняет – распространяет ценности (материальные/духовные) в целях удовлетворения потребностей других. К тому же, представление новых культурных форм (по Л.Г. Ионину) оказывает влияние на остальные сферы жизнедеятельности и ведет к формированию общественного развития.

Таким образом, мы в своих исследованиях под культурой будем понимать выражающийся в общественных отношениях постоянно развивающийся процесс, который:

1. касается человеческого творчества по усвоению, созданию, сохранению и распространению материальных и духовных ценностей и норм;
2. имеет внутренние законы развития и активно взаимодействует с другими социальными процессами и явлениями, будучи взаимозависимыми компонентами;
3. удовлетворяет потребности и интересы как отдельно взятой личности, так и социальных групп и социума в целом;
4. направлен на перманентное социальное эволюционирование.

Не менее остро стоит проблема восприятия места и роли сферы культуры в социальном пространстве общества. Нередко создается впечатление, что за сферой культуры навеки закрепились роль ресурса, который должен

³² Лихачев Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 438 с.

прислуживать, оказывать услуги, что культура – это «сфера, воспроизводящая качественный человеческий ресурс для общества».³³ Представляется, что в контексте современных тенденций следует относиться к культуре как к ресурсу новой экономики, источнику нового мышления, основам технологического суверенитета. Следует отметить, что сфера культуры является более широким понятием по сравнению как с политической, экономической и социальной сферами, а в случае учета ее общественного признания можно выделить и всеохватывающий (фундаментальный) характер. Восприятие и трактовка понятия в таком ключе легли в основу формирования цели данного исследования, которая заключается:

- во-первых, в создании теоретической системы необходимых понятий. (в нашем случае – понятия «сфера», «сфера культуры»);
- во-вторых, в раскрытии сущностного в них, выходе на научное содержание этих понятий в тесной связи с системой других понятий, используемых в исследовании.

Представляет особый интерес подход к определению понятия «сфера», который приведен в известном «Словаре русского языка», составленном С.И. Ожеговым, где показано три смыслоразличительных варианта этого понятия³⁴:

1. Область, пределы распространения чего-н., например, «*в сфере ружейного огня*».
2. Среда, общественное окружение, например, «*...в своей сфере*».
3. В математике: замкнутая поверхность, все точки которой равно удалены от одной точки пространства.

На этом примере легко увидеть лингвистические возможности расширения содержания понятия «сфера»: в первом варианте речь идет об увеличении его объема. Пространство пользования понятием «сфера» характеризуется с помощью

³³ Козлова А. Методы и принципы управления сферой культуры // Культура: Управление, экономика, право. – 2004. – № 2. – С. 8-11.

³⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка./Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой.- 16-изд., испр. – М.: Рус.яз., 1984. – С.780.

«ружейного огня», т. е. это – расстояние между разными объектами: в этом пространстве от стрелка до мишени распространяются определенные нормы, регулирующие отношения между людьми: например, действие правил данного соревнования; расстояние имеет важное значение, когда мы пытаемся понять силу влияния на социолингвистическую ситуацию культурных особенностей каких-то социально-территориальных общностей, ареалов носителей каких-то лексических норм и т. д. Например, сфера действия русского языка за пределами Российской Федерации.

Во втором варианте «сфера» ограничивается под воздействием окружения: в нашем случае это может быть, например, изменением социокультурных отношений у представителей автохтонного населения в результате ассимиляционных и интеграционных процессов с представителями другого народа. Само понятие «социокультурное» уже говорит о том, что оно создано человеком для того, чтобы была возможность предметно охарактеризовать эффективность тех или иных мероприятий в условиях, например, существенных различий в образе жизни разных групп людей, образующих социально-территориальные общности: сельского и городского населения, населений южных и северных территорий, мужского и женского пола, групп людей по возрасту и т.д.

В третьем варианте речь идет о том, что понятием «сфера» активно пользуются разные науки, а математика еще и изучает «сферу», не только использует ее в качестве понятия, но и исследует как явление, как часть пространства, в котором находятся точки. Как правило, она изображается математиками как замкнутое пространство, как круг с множеством точек внутри, которые находятся на одинаковом расстоянии от центральной точки. Невольно возникает вопрос: насколько правомерно пользоваться математическим представлением о том или ином явлении, используя его в характеристике социальных объектов? В поиске ответа на этот вполне резонный вопрос, мы выходим в зону метода применения внешних аналогий в познании объективной реальности в науке в целом и в социологических исследованиях, в частности.

Отметим при этом, что спектр способов применения аналогий достаточно широкий: это и теоретические обоснования создания моделей летательных аппаратов по аналогии с техникой движения живых организмов в воздушном пространстве; композитов, по аналогии с растениями; создание более сложных агрегатов по аналогии с простыми; теоретическое обоснование особенности структуры общества в аналогии с человеческим организмом, по примеру Конта или Спенсера, или метафору парка Пэра Монсона, с помощью которой он объясняет систему отношений между людьми в современном обществе. По аналогии с графически изображенной в математике «сферой», социальное пространство страны, социальное пространство социально-территориальной общности, например, Республики Башкортостан в составе социального пространства Российской Федерации, можно рассматривать в виде круга, внутри которого происходит взаимодействие людей, их деятельность по преобразованию окружающей среды в целях удовлетворения своих потребностей. Таким образом можно представить мысленную модель «сферы влияния культуры» на все, что происходит в отношениях между людьми в рамках этого закрытого пространства. Измерив методами социологии эти отношения, можно составить и модель этой сферы, вполне понимая при этом, что и используемые в науке «понятия», и создаваемые исследователями аналоговые «модели» тех или иных явлений и процессов – это в конечном счете плод человеческого разума. В любом варианте объективная реальность гораздо богаче того образа, который возникает в нашем сознании.

Разумеется, с одной стороны, мы можем говорить о большом эвристическом потенциале метода аналогий в познании и изменении объективного мира; с другой стороны – иметь в виду и реальные ограничения их применения, по поводу которых имеется немало замечаний со стороны представителей естествознания. В то же время выдающийся по своей глубине ответ великого Исаака Ньютона на замечания своих злопыхателей по поводу проигрыша им крупной суммы своих денег на акциях: «я могу рассчитать движение небесных тел, но не могу предсказать безумие толпы». Другими словами, речь идет об

ограниченности возможностей науки как в познании природы, так и в выявлении существенных связей в отношениях между людьми в обществе.

Безусловно, формулировать ответы на вопросы о том, что такое «сфера» и «сфера культуры», представляет существенные сложности. Приходится принимать во внимание ряд обстоятельств: во-первых, необходимо иметь в виду, что эти понятия, как уже говорилось, широко используются в общественной практике. Это означает, что каждый исследователь, обратившись к ним в своей деятельности, так или иначе вносит определенную лепту в понимание содержания этих понятий. Во-вторых, каждый ученый пользуется термином в пределах и в рамках своей исследовательской задачи, исходя из собственных представлений об объеме содержания понятия. Например, Дэвид Джери и Джулия Джери пишут о «сфере компетенции»³⁵. Известный отечественный социолог С.А. Кравченко пишет о «ряде сфер жизнедеятельности»³⁶, вкладывая то, что разные виды жизнедеятельности имеют свои особенности и свои требования к людям, занятым в той или иной форме функционирования: в политической сфере или в сфере культуры, в сфере образования или в сфере здравоохранения. При этом мы понимаем, что «сфера влияния», воздействие здравоохранения на людей, на социальные отношения, в том числе и человека, получившего необходимую профессиональную подготовку в медицинском вузе, далеко не ограничивается рамками организаций медицинского профиля. Подобная автономизация сфер жизнедеятельности в конечном счете является определенным следствием объективного процесса углубления разделения труда, развитие которого, в соответствие с законом разделения труда, обоснованного Э. Дюркгеймом, ведет к росту солидарности в обществе.³⁷

Представляет интерес концепция Уоррена Бланка в определении «сферы» в характеристике лидерства. В своей работе «Десять естественных законов

³⁵ Большой толковый социологический словарь (Collins). – Том 2: Пер. с англ. – М: Вече, АСТ, 2001. – С. 313

³⁶ Кравченко С.А. Цивилизационные вызовы устойчивому развитию России (интерферентные риски, востребованность долговременно функционирующих факторов) // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т.67. – №2. – С. 30-40.

³⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии/Пер.с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.

лидерства»,³⁸ он пишет о том, что «лидерство – это сфера взаимодействия», его «лучше понимать как сферу взаимодействия». В данном случае представляет интерес именно то, как У. Бланк показывает понятие «сфера» с совершенно неожиданного ракурса. В смысле сказанного, «сфера взаимодействия» является тем условием, которое способствует успешному становлению лидера, формированию в нем необходимых для лидерства знаний, умений и навыков. Иными словами, лидером невозможно стать, только прослушав учебные курсы в стенах академии управления в исполнении известного специалиста-академика о лидерстве, если даже эта академия при Правительстве. Так же, впрочем, и финансистом невозможно стать, только ознакомившись с курсом из уст известного финансиста, если даже эта академия при Национальном банке. Лидером не становятся и исключительно благодаря собственным психологическим личностным качествам, которые, разумеется, необходимы, но недостаточны. Недостаточны даже навыков жесткого командно-управленческого характера, чтобы стать лидером. Нужны навыки организации «субъектно-субъектного» подхода к выполнению управленческих функций, научиться налаживать отношения взаимодействия между людьми. Таким образом, в процессе формирования лидерских качеств управленцев «сфера» способствует привитию определенных свойств взаимодействия: у них появляются новые, очень важные качества, необходимые для лидерства. Кроме того, позиция У. Бланка помогла увидеть особое свойство «сферы»: она тоже, как и любое другое социальное явление, находится в движении, способна перейти в новое качественное состояние.

В исследованиях российских ученых нередко понятие «сфера» используется для характеристики объекта наравне с понятием «система». Например, это продемонстрировали Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриненко О.В. в рамках своей работы, направленной на исследование системы управления высшим

³⁸ Blank W. The Nine Natural Laws of Leadership. – New York: AMACOM, 1995. – 240 p.

образованием в нашей стране.³⁹ Разумеется, никто не может вложить в сознание человека то, когда и в каких случаях, как использовать в своих исследованиях те или иные понятия, находящиеся в его памяти. Это объективно формируется многими факторами. Понятие «система» вполне может быть применена и к характеристике сферы как социального явления, если систему понимать как совокупность частей и элементов, или как часть целого.

В общественной практике активное применение понятию «сфера» нашли с подачи Юргена Хабермаса, когда он выступил еще в 1962 году с широко известной своей монографией «Структурная трансформация публичной сферы».⁴⁰ Как видим, понятие «сфера» здесь идет в привязке с другим понятием в значении «публичная сфера» как зоны управления общими интересами, в которой публика с ее растущими интересами, постепенным осознанием себя как политического субъекта, переходит из кореллята власти в полноправного партнера-оппонента власти. Причем, как отмечает автор, буржуазная (политическая) публичная сфера вырастает из литературной (культурной) публичной сферы.

Действительно, как в научной, так и в практической деятельности очень часто авторы по своему разумению оперируют категориями «сфера производства», «сфера труда», «финансовая сфера», особо не задумываясь о том, что они представляют собой в сущности. В том числе и понятия «сфера», «сфера культуры», «управление сферой культуры» пока не получили соответствующего социологического анализа в виде научных категорий. В частности, до сих пор нет в отечественной социологической науке специального монографического исследования, которая была бы направлена на их комплексный теоретический анализ, хотя подходы к проблеме определяются и исследования проводятся.⁴¹ Приходится вспомнить еще и о том, что жизнь ни на долю секунды не стоит на месте: она в постоянном режиме ставит новые вопросы, вызванные с тектоническими изменениями, происходящими в нашем обществе и мировом

³⁹ Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриненко О.В. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием/ Вестник Российского университета дружбы народов. Серия социология. – 2024. – № 1. – С.58-70.

⁴⁰ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследование относительно категории буржуазного общества. – М.: Весь Мир, 2016. – 344 с

⁴¹ Сагитов С.Т. Управление сферой культуры: социологический анализ – М.: Наука, 2022. – 223 с.

социальном пространстве. Очевидна необходимость выявления общего и особенного в понятиях, предстоит соответствующий анализ и опыта применения понятий «сфера», «сфера культуры» и «управление сферой культуры» другими известными и не очень известными исследователями в различных работах в самых разных исследовательских проектах.

Разумеется, всякое определение – это абстракция. Хотя оно так же, как и восприятие, воспроизводимое в голове исследователя, но в отличие от суждения определение должно помочь понять такие признаки, которые выделяют предмет или явление среди других. В приведенном выше примере получается, что сфера культуры представляет собой часть системы социальных отношений и «занимается» культурой: производит, распределяет и потребляет ее. Примерно так же, если бы нам сказали, что «финансовая сфера производит финансы» или «сфера здравоохранения – это система общественных отношений по поводу производства, распределения и потребления здоровья». Однако проблема в том, что финансовая сфера не «производит» финансы, не распределяет и не потребляет их; и сфера здравоохранения не занимается производством, распределением и потреблением здоровья. То же самое относится и к «сфере культуры»: сфера культуры не создает культуру, не распределяет культуру по индивидам и социальным, социально-демографическим группам, не потребляет ее. Принципиально важно понять, что сами по себе ни «сфера», ни «сфера культуры» заниматься чем бы то ни было, не могут. «Сфера культуры» точно так же, как и все другие «сферы», складывается, формируется в ходе исторического развития, в процессе взаимодействия людей, удовлетворяющих свои соответствующие потребности. И если даже представители всех наук в один час выскажут мнение о том, что все это есть выдумки социологов, ничего подобного в реальной жизни не существует, ни сфера, ни сфера культуры не перестанут жить собственной жизнью. Или, если даже государство запретит употреблять эти понятия в научной работе по примеру Совета министров Российской империи, который, испугавшись последствий Великой французской революции, запретил пользоваться словом «гражданин», явления эти будут продолжать

функционировать, пока будут люди, пока они будут взаимодействовать в процессе удовлетворения своих потребностей, которые развиваются по своим внутренним законам: с одной стороны, по закону возвышения потребностей, когда удовлетворенные материальные потребности порождают возвышенные, духовные потребности; а с другой – по закону возрастания потребностей, когда удовлетворенные потребности порождают новые потребности. Причем функционирование этих внутренних законов не зависит от того, как к этому относятся другие люди, ибо мы имеем дело с достаточно сильными внутренними источниками развития этих процессов.

Человек, в отличие от других живых существ, сложнейшая конструкция, представляющая из себя единство природного и духовного, интеллектуального и физического, идеального и материального, ума и безумия, и т. д. «Люди, – приводит слова Отто Глезера об этом российско-американский классик социологической науки П. Сорокин, – не только организмы, они сверх того еще существа, одаренные психикой, сознанием, разумом, то есть, рядом свойств, которых у остальных организмов нет. В этом смысле они особенны и единичны»⁴². Отсюда веками формирующаяся, не менее сложная конструкция потребностей, которые человек в одиночку не способен удовлетворить. Поэтому человек объективно находится в еще более сложной системе отношений с другими себе подобными – в социо-природной реальности и нуждается в удовлетворении своих потребностей.

Социологический анализ позволяет констатировать согласие с тезисом Т. Парсонса о том, что основная цель социального действия заключается в удовлетворении личностных потребностей индивида⁴³. Данная позиция коррелирует с концепцией М. Крозье, согласно которой социальные акторы, руководствуясь как личными целями, так и задачами достижения организационных результатов, инициируют социальные действия. Социальная солидарность участников взаимодействия детерминирует как эффективность

⁴² Сорокин П.А. Система социологии. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991. – С. 9.

⁴³ Парсонс Т. Система современных обществ. <https://gtmarket.ru/library/basis/5395/5397> [дата обращения: 11.02.2018]

коллективной деятельности, так и возможность реализации индивидуальных потребностей, которые могут быть как декларируемыми, так и латентными. Если декларируемые интересы обладают свойством публичности и воспринимаются как социально одобряемые, то реальные интересы зачастую подвергаются сокрытию или не осознаются самими носителями. Это различие имманентно присуще сфере культуры, которая «противоречива, многогранна, комплексна, и ее жизнеспособность проверяется с помощью непрерывного изменения социокультурных проектов, для реализации которых необходима одна из главных компетенций людей – умение договариваться между собой на любых уровнях»⁴⁴.

Проблемы потребностей человека достаточно разработаны, и мы в данном случае исключительно в качестве примера пользуемся результатами исследований в этой области.⁴⁵ Например, у человека, который чувствует недомогание, появляется потребность в лекарствах, в помощи врача. Однако врач – это такая же сложнейшая био-социальная конструкция, как и этот больной, но в системе другого социального института, каким является «образование». В этом социальном институте он овладел знаниями, умениями и навыками врачевания. Если «наш больной» получил возможность общения с профессиональным врачом непосредственно, то опосредованно он вошел в систему связей с огромным количеством людей, которые вложили свои усилия в то, чтобы индивид, пройдя все этапы социализации, начиная с семьи, детского сада, школы, вуза, затем медицинских учреждений, стал «человеком-врачом». Если даже не будем называть, а только представим себе, что любой прибор в руках врача, например, скальпель, в свою очередь, является плодом физических и умственных усилий металлургов и работников аграрной сферы, социального института науки и работников сферы культуры, общественного питания, космонавтов и военнослужащих, пожарных и государственных служащих разных уровней, писателей и телевизионщиков и т. д., будет понятно, почему мы эти, фактически индивидуальные отношения между конкретным «больным» и конкретным

⁴⁴ Культура в информационно-инновационном обществе: Монография / Под общ. ред. проф. В.Н. Стегния. – Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2017. – С. 158.

⁴⁵ Сорокин П.А., Леонтьев А.Н., Здравомыслов А.Г., Магун В.С., Михайлов Н.Н. и многие другие

«врачом» называем элементом социальных отношений. Однако здесь нас подстерегает опасность: как бы мы не ушли слишком далеко от нашего пути, как бы не свернули с пути мыслительной операции по выявлению социальной сущности понятий «сфера», «сфера культуры», «управление сферой культуры». Одной из реперных точек на этом пути, или маяком, для нас представляется мысленная конструкция в виде социальной пирамиды, на самом верху которой находится система общественных отношений.

В этой системе бесконечного множества проявлений социальных отношений, как правило, со школьной скамьи навязываются политические, экономические, социальные, культурные отношения. Это – определения, то есть продукты активной мозговой деятельности определенной части людей, которые по каким-то причинам пытаются понять окружающий мир, созданный природой, и бурно преобразовываются человеком. Причем, число таких людей, для которых эти проблемы выглядят реальными, растет настолько быстро, порой кажется, что различий точек зрения в понимании вещей и явлений в этой области исследований становится еще больше.

В качестве примера для понимания степени разброса мнений и представлений в этой области остановимся на нескольких точках зрения. Система «общественных отношений по поводу производства, распределения и потребления, культурных благ»⁴⁶, по мнению ученого А.И. Гришина, – это и есть сфера культуры. Трактовка сферы культуры в такой парадигме предполагает, что она формируется и существует в системе общественных отношений, где «одна и та же сторона объективной реальности может быть объектом исследования ряда наук»⁴⁷. Каждый из этих специалистов, будь это экономист или культуролог, ученый или юрист, придерживается этого понятия в пределах профессиональных интересов или проблемной области рассматриваемой им научной дисциплины. Однако возникает ряд вопросов: «Применимо ли такое определение для всех?»

⁴⁶ Гришин А.И. Роль государства в сфере культуры как отрасли народного хозяйства //Культура. Духовность. Общество. – 2016. – № 26. – С. 155-160.

⁴⁷ Осипов Г.В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2010. – 32 с.

«Нет ли разницы в подходах, например, к пониманию выражений: “финансовая сфера”, “экономическая сфера”, “правовая сфера”? или «Как относятся к различиям в понятиях управленцы?» или «Будут ли они пытаться управлять “сферой культуры” так же, как и “сферой здравоохранения”?». Одновременно есть и «риск» в приятии данного определения: придерживаясь такой точки зрения, можно ли будет установить суть именно «сферы культуры» как социального явления?

Еще одна точки зрения представляет сферу культуры «как социальный институт – это особая отрасль социального производства, продукт которого удовлетворяет специфическую группу человеческих потребностей (культурные потребности)»⁴⁸. Заметим, сама «сфера культуры» является для ученого еще и социальным институтом, и особой отраслью социального производства. Если даже прикинуться понимающим, что такое «социальное производство», наличие слова социальное в составе выражения «особая отрасль социального производства» не освобождает от желания сказать, что как раз подобное представление о «сфере культуры», как одинаковой с «отраслью пчеловодства», и рекомендовать пчелам самим разработать соответствующую дорожную карту, направленную на решение «стратегических задач» по выводу пчеловодства Башкортостана на международный уровень, далее и в управлении «сферой культуры» – абсолютно такими же методами. Повторимся: культуру не производит «сфера культуры». Априори нельзя рассматривать сферу культуры в отрыве от людей, стремящихся к удовлетворению своих определенных потребностей. Это равносильно тому, что пчеловодство не производит мед: его сбор осуществляется пчелами.

Так, в целях стремления к удовлетворению своих особенных потребностей, люди непосредственно сами же или не напрямую, продуктом деятельности проникают в систему отношений между теми, кто профессионально занят в этой области. В конечном счете в результате такого взаимодействия появляется

48 Ноздренко Е. А. Сфера культуры как специфический объект маркетинговой деятельности // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 6. – С. 86-87; URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12815> (дата обращения: 24.02.2025).

надличная социальная сила, представляющая из себя нечто бóльшее, чем простая арифметическая сумма сил этих людей, и начинает регулировать их поведение. Как раз та самая «невидимая сила» и составляет истинную силу «сферы культуры». Однако взаимодействующим невдомек, что они создают «сферу культуры». Такого рода параллелей можно привести и в сфере семейных отношений. Думается, никакой паре людей в полном рассудке не приходит в ум решение создать семью, чтобы принять активное участие в плане достижения целевых показателей Национальной программы «Демография». Однако такой риск существует, даже без учета того, насколько люди осознают важность целей Программы для процветания страны. Неважно, знают ли они о том или нет, но все имеют непосредственное отношение к социальному институту «Семья», «сфере семейных отношений» общества, а значит и к зоне взаимодействия «сферы культуры». В то же время необходимо отметить, что взаимодействие «сферы семейных отношений» и «сферы культуры» происходит без осознания таких подробностей членами одной семьи (и взрослыми, и детьми), жизнь которых протекает своим чередом, а результат ведет к такому расположению обстоятельств: в реальной жизни обнаруживаются два разных полюса в восприятии семьи как социального института конкретными членами семьи, что приводит к когнитивному противоречию. Здесь речь идет о реальных явлениях и процессах, совершаемых при нашем непосредственном участии независимо от того, осознаем их важность мы или нет. В силу этого такое социальное явление, как семья, появляясь в силу исторических явлений, существует, но независимо от нашего желания, мы живем, придерживаясь определенных норм и правил, которые сложились в процессе исторического развития. Не только каждому обществу, но и любой народности на всех этапах исторического становления присуща своя определенная система, включающая «сферу семейных отношений», «сферу культуры» и «культуру семейных отношений».

Раскрывая особенности сферы культуры, исследователь М. Гнедовский определяет некоторые секторы экономики культуры как «институциональные единицы», к которым причисляет следующие: государственный, основанный на

государственной собственности; муниципальный, основанный на муниципальной собственности; неправительственный, на частной собственности⁴⁹. Приемля такую точку зрения, отметим, что автор теории подчеркивает только одну из важных особенностей структуры рассматриваемой нами сферы – наличие форм собственности.

Все звенья, в которых выполняется культурное производство и к которым относятся в том числе и социальные институты, задействованные в этом процессе, в научной работе О. Новотны и Я. Фишера рассматриваются как элементы общества в составе «сферы культуры». Однако можно отметить своеобразный казус в данной трактовке: значение изучаемого нами понятия при такой подаче выглядит весьма внушительным, хотя сами же авторы в своих дальнейших размышлениях с легкостью переходят к определению сферы культуры как отрасли национальной экономики.

С нашей точки зрения, произошла путаница в понятиях ряда ученых, которые «сфера духовной культуры» встала вместо «сферы культуры», где составными первого из названных понятий являются и культурная деятельность, и потребности, и классификация видов культурной деятельности по учреждениям культуры⁵⁰. К тому же, автор одним из основных условий, необходимых для причисления организации к учреждению культуры, определяет наличие пересеченной зоны между создателями и потребителями культурной продукции. Однако типографии, заводы телеоборудования и др. организации, занимающиеся тиражированием и восстановлением культурной продукции, он причисляет к соответствующим промышленным отраслям, а не к системе учреждений культуры.

В ином ключе подходит к рассмотрению понятия сферы культуры исследователь М.Г. Серяева, которая отводит определенное место учреждениям культуры в процессе общественного производства. Согласно данной концепции, к

⁴⁹ Гнедовский М. Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. – 2005. – №4 (24). – С. 168-172.

⁵⁰ Барсук В.Л. Региональная сфера культурно-образовательных услуг: особенности диверсификационных процессов /В.Л. Барсук, А.Ф. Суховой, Л.А. Юганова. – Препр. – Екатеринбург : УрО РАН: Ин-т экономики. Ч2: Культура. – 1999. – 42 с. (Научные доклады /Рос. Акад. Наук. Ур. Отд-ние. Ин-т экономики)

ним относятся учреждения трех основных видов, в соответствии с видами услуг, предоставляемыми ими: образовательные, культурно-досуговые, занимающие промежуточное положение между предыдущими двумя⁵¹.

Трактовка определения сферы культуры со стороны ряда исследователей представляет собой многоуровневую систему без четких границ, где неупорядоченные отношения ее субъектов, связанных с культурой, тесно влияют на процессы развития, а «границы сферы культуры трудно представить, так как и сам объект – культура – многоуровневый и сверхсложный – не поддается сколько-нибудь точному структурированию и ограничению».⁵² Более того в работах отмечается, что рамки сферы культуры «не определены, и эта терминологическая и содержательная неопределенность является одной из причин того, что культура не исследована институционалистами с той же тщательностью, как политика и, тем более, экономика». Тем не менее, в своей концепции автор подходит к определению понятия «культура» с культурологической точки зрения, где изучаемая дефиниция выступает как идеологическая сфера. Однако сам же ученый констатирует, что идеологическая сфера, в отличие от культуры, может находиться и существенно, и функционально изолированно от других общественных подсистем, что доказывает принадлежность ее к основным сферам общества – экономики, политики и идеологии⁵³.

Концепции ряда ученых, изучающих сферу культуры, выстраиваются вокруг определения этого понятия как одной из основных шести взаимосвязанных сфер социальной сферы, в числе которых – политическая, экономическая, технологическая, демографическая и общественная. С их точки зрения исследователей, рассматриваемые во взаимосвязи названные сферы способны привлекать «большие изменения» в их универсальных аспектах и в разнообразии

51 Серяева М.Г. «Сфера культуры» Российской Федерации: понятие и источники финансирования // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8. – №3(28). – С.340-343.

52 . Актуальные направления совершенствования и перестройки управления в сфере культуры : Сб. науч. тр. /М-во культуры РСФСР, АН СССР, НИИ культуры; [Редкол.: В. Г. Родионов (отв. ред.) и др.]. – М.: НИИК, 1988. – 294 с.

53 Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России // Социологические исследования. – 2001. – №2. С. 13-23.

их конкретных проявлений⁵⁴. Следует иметь в виду и то, что каждой из этих сфер присущи значимые специфические особенности.

Некоторых исследователей при смелых попытках обоснования определения термину «сфера культуры» больше всего привлекает прикладной аспект. К примеру, в одном из научных трудов отношения государства и культуры рассматриваются таким образом: «если характер влияния культуры на общество поддается философскому, культурологическому, социологическому, психологическому и педагогическому осмыслению, то процессы и результаты влияния государства на культурное состояние общества, на развитие сферы культуры могут быть предметом экономического исследования, ... комплексная стратегия развития сферы культуры ни на федеральном, ни на региональном уровнях не сформированы, в связи с чем возникает объективная необходимость в их всестороннем научном обосновании»⁵⁵. Заслуживает внимания подача данного материала: помимо декларативного заявления о необходимости исследовать проблемы развития сферы культуры, здесь предложены и меры, направленные на преодоление кризиса в этой области. К тому же, для нас приемлема концепция авторов предыдущей точки зрения, где говорится о том, что сфера культуры нуждается в научных изысканиях и с позиции исследователей экономической науки. Проблемы “управления сферой культуры” открыты, предстоит узнать много интересного и из других областей наук: к примеру, весьма полезным и своевременным бы стал вклад психологов в исследование сферы культуры с позиции психики, внутренних психических свойств структуры личности⁵⁶; труды по политическим наукам (государствоведению) помогли бы исследованием проблем соподчинения людей, социальных групп политических систем и организаций и т. д. Все это объясняется незатейливо: любая сторона общественной жизни имеет элементы со своей внутренней структурой в той же

⁵⁴ Смакотина Н.Л., Саямов Ю.Н., Гаспаршвили А.Т. Социология глобальных социальных процессов. – М., 2021. – 192 с.

⁵⁵ Ивашкин М.В., Короткова Г.Л. Сфера культуры как объект управления и ее роль в развитии социально-экономических отношений общества. // Экономика и управление народным хозяйством. Вестник ТОГУ. – 2011. – №1. – С. 201-206

⁵⁶ Волков В.В., Юмкина Е.А. Психологическое измерение культуры // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – №1. – С.92-101.

степени, как и с элементами из других сфер. В качестве примера приведем понятную всем аналогию с густым лесом: каждому дереву отведено место на своем участке земли, и оно растет хоть и на небольшом, но своем, к тому же имеет свою внутреннюю структуру и внешнюю форму.

В продолжении прикладного аспекта рассмотрим конкретный пример трактовки понятия «сфера культуры» в официальном документе, в котором сведены воедино и рассматриваются в одном ключе, раскрывающем понятие «сфера культуры», различные области: изобразительное искусство (кинематография), связи между представителями разных этносов (межнациональные отношения), различные формы творчества и выражения человеческого опыта и чувств (искусство) и культура. Это зафиксировано в Положении о министерстве культуры Республики Башкортостан, утв. Постановлением Правительства региона 12.03.2013 №83, с изменениями и дополнениями от 18.07.2025 №355. Полагаем, что такое описание понятия, интегрирующее гетерогенные понятия, было предложено составителями для придания псевдонаучной значимости нормативному документу без научной составляющей.

Думается, что постичь сферу культуру легче только при наличии объективного представления о состоянии всей системы социальных отношений с учетом самых разнообразных факторов и конкретной исторической действительности. Современное состояние нашего общества, сложившееся за последние два-три десятилетия, реалии сегодняшнего дня выводят своеобразную формулу: преобразования независимо от их специфики есть естественный и неизбежный процесс, что и следует воспринимать как данность. Данные положения находят отражение в концепции П. Бурдые, где выделяется «экономика культурных благ» со специфической логикой развития, зависимой от эстетических предпочтений и вкусовых ориентаций потребителей. Культурные потребности, согласно Бурдые, являются продуктом социализации и коррелируют

с уровнем образования и социальным происхождением индивида.⁵⁷ Совокупность диспозиций, определяющих социальное поведение и сформированных в процессе интериоризации социальных установок, концептуализируется как габитус. Несмотря на объективный характер данных установок, каждый агент использует их субъективно, что детерминирует его поступки, когнитивные схемы и ценностные предпочтения.

В анализе культурного производства исследователь идентифицирует четыре ключевых условия формирования поля художественного творчества: наличие исследователей художественного творчества, существование инстанций посвящения, создание образовательных институтов в сфере культуры и присутствие экономистов от культуры^{58,59}. Исследование структуры различных социальных полей позволяет раскрыть взаимосвязь между индивидуальными и институционализированными позициями, которые должны рассматриваться в контексте их отношения к полю власти. «Специфика поля культурного производства состоит в симбиозе двух основных составляющих: силовых и смысловых отношений. Под первыми Бурдьё понимает конкуренцию и борьбу за признание и становление доминирующей субкультуры, под вторыми – социальные отношения, которые выстраиваются на основе оппозиции стилей, течений, форм коммуникации, принятых в данном поле»⁶⁰. Такая постоянная борьба приводит к постоянным изменениям конфигурации культурного поля.⁶¹

Все сказанное создает определенные, достаточно сложные, реальные, а не выдуманные проблемы, с которыми приходится сталкиваться в процессе исследований, о чем, например, пишет Кристиан Лаваль. По его мнению, исследователям все труднее становится определить: «где находится «сфера экономики», а где «сфера морали», «сфера эстетики», «сфера культуры» или

⁵⁷ Bourdieu P. *La Distinction. Critique sociale du jugement*. – P.: Minuit, 1979. – 680 p.

⁵⁸ Шматко Н.А. Анализ культурного производства Пьера Бурдьё // Социологические исследования. 2003. – №8. – С. 117

⁵⁹ Bourdieu P. *Genese historique d'une esthetique pure* // Les cahiers du Musee national d'art moderne. – Printemps 1989. – PP. 95-106.

⁶⁰ Шматко Н.А. Анализ культурного производства Пьера Бурдьё // Социологические исследования. – 2003. – №8. – С. 118.

⁶¹ Bourdieu P. *Méditations pascaliennes: éléments pour une philosophie négative*. – P.: Seuil, 1997. – 316 p.

«сфера политики...»⁶², рассуждая о развитии «экономической сферы». Для нас в данном случае важно обратить внимание еще и на то, что французского специалиста не устраивает в этой теме: не только культура, но и экономика, и мораль, и эстетика имеют свою «сферу», и существуют трудности определения их границ. Принципиальное значение имеет для нас его мысль о том, что экономика не сводится только к рынку, ее сфера гораздо шире, с его точки зрения: «заклучает в себе и моделирует все социальные отношения», что, с одной стороны, расширяет наши представления об экономике, об экономических отношениях; с другой стороны, вынуждает исследователей совершенствовать традиционные и искать, и находить новые, более совершенные методы и подходы к исследованию и пониманию сущностных особенностей экономических отношений.

Мы под сферой культуры понимаем социокоммуникативную систему взаимодействия социальных акторов по поводу производства, распределения и потребления духовных ценностей, выражающаяся в достижениях науки, литературы, искусства и народного творчества. При этом социальные акторы в процессе своей жизнедеятельности стремятся более полно удовлетворить свои культурные потребности, которые могут быть как явными, так и латентными, как осознанными, так и неосознанными. Мы считаем, что у сферы культуры как многоуровневой системы есть свои определенные, четко выделяемые границы; что можно легко обнаружить, к примеру, при сравнении этого понятия со «сферой здравоохранения». В содержательном плане понятия «сфера культуры» и «сфера труда» сформировались одновременно, что отражает связь человека с окружающей средой в историческом плане. На становление и формирование «сферы культуры» явно повлиял фактический опыт познания (эмпирический) и трансформации природного мира как определенного предвестника сферы науки. Это и объясняет то положение, что понятие «сфера культуры», существенно пропитываясь своим содержанием в ходе эволюции, нашла свое выражение в

⁶² Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма / Пер.с фр.С. Рындина. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 8-9.

процессе развития самого человека и как субъекта, и как объекта системы культуры, утвердив за собой место в общественной практике. Исторически ее развитие и функционирование определяется не спонтанностью, а в единой системе с другими сферами общества, но с сохранением своей специфичности. Бесспорно, что и в наши дни все сферы жизнедеятельности человека взаимодействуют в рамках единой системы и не стоит пытаться соорудить искусственную стену между ними, потому что они расположены вокруг основной опоры – человека с его действиями по удовлетворению своих потребностей.

Проанализированное нами никак не должно сводиться к тому, что автор будто стремится закрепить за собой право на одну из сфер человеческой деятельности. Мы исходим из того, что любой исследователь общественных отношений естественно может и должен делать упор на определенное в зависимости от составляющих: объекта, предмета, цели и задач исследования. К тому же, мы осознаем, что каждого из нас можно считать уникальным биосоциальным созданием с определенным душевным и индивидуальным психологическим устройством. Как тонко заметил Ч. Кули: «Мы стыдимся показаться уклончивыми в присутствии прямодушного человека, трусливыми – в присутствии храброго, грубыми – в глазах человека с утонченными манерами... Мы всегда воображаем и, воображая, разделяем суждения другого сознания. Перед одним человек станет хвалиться таким своим поступком – скажем, ловкой торговой сделкой, – о котором ему будет стыдно рассказать другому».⁶³

Таким образом, обосновав свою авторскую позицию в отношении содержания основных понятий исследования, мы можем сделать следующие выводы.

1. Анализ научной литературы показывает, что отечественными и зарубежными учеными, исследователями проблем культуры, как выражающегося в общественных отношениях процесса, направленного на перманентное социальное эволюционирование, который касается человеческого творчества по

⁶³ Кули Ч. Социальная самость.-Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова.- М.: Изд – во МГУ, 1994. с.321.

усвоению, созданию, сохранению и распространению материальных и духовных ценностей и норм, имеющего свои внутренние законы развития, создана система категорий, понятий, выявлены законы и закономерности ее развития. Наша интерпретация культуры основывается на трех центральных теоретических положениях. Первое заключается в том, что культура есть одна из базовых подсистем общества и выполняет функцию воспроизводства моделей поведения (Парсонс). Такой подход позволяет анализировать культуру через призму управленческих процессов, подчеркивая ее значение в организации и поддержании системы совместных действий внутри общества. Второе положение акцентирует внимание на социальном измерении культуры (Арнольдов), которая является неразрывным элементом общественного развития, одновременно выступая его результатом и одним из определяющих факторов направления этого развития. При этом культура, основная цель которой как процесса заключается в удовлетворении потребностей и интересов общества, социальных групп и отдельных индивидов, представляет собой динамичную систему, со своими закономерностями развития и способную адаптироваться к внутренним и внешним вызовам. Третий тезис раскрывает роль культуры в процессах социализации личности и общества в целом (Коган, Лихачев), указывая на то, что она выходит за пределы специализированных учреждений и охватывает деятельность множества субъектов, включая отдельных людей, каждый из которых вносит вклад в создание, сохранение и передачу как материальных, так и духовных ценностей, направленных на удовлетворение потребностей и интересов общества.

2. Доказывается, что сфера культуры складывается, формируется в ходе исторического развития в процессе взаимодействия людей, удовлетворяющих свои соответствующие потребности, и к ее формированию приводит реальный опыт познания и преобразования природного мира. Сфера культуры естественным образом функционирует и развивается в единой системе с другими сферами общества, в то же время, сохранив свою специфику. Определено, что под сферой культуры в данном исследовании будет пониматься

социокоммуникативная система взаимодействия социальных акторов по поводу производства, распределения и потребления духовных ценностей, выражающаяся в достижениях науки, литературы, искусства и народного творчества. При этом социальные акторы в процессе своей жизнедеятельности стремятся более полно удовлетворить свои культурные потребности, которые могут быть как явными, так и латентными, как осознанными, так и неосознанными.

1.2 Структура сферы культуры

В центральной системе понятий, имеющих отношение к управлению сферой культуры, находится человек. Этот термин подразумевает единую систему, тесную взаимосвязь начал: материального и духовного, субъектного и объектного, индивидуального и универсального, личного и общественного, биологического и социального. По-разному раскрывается понятие «человек»: с биологической стороны – это существо сродни животному, однако различается наличием сознания и умением общения. Такое обстоятельство указывает на способность человека формировать сообщество, ставить цели и стремиться к их достижению. В результате совокупность социально значимых черт приводит к возникновению «личности» и процессу формирования ее культуры со своими потребностями и противоречиями, а составляющими мировосприятия становятся сознание, язык, цель и действия индивида.

Таким образом, понятие «культура личности» позволяет обратить внимание на то главное, что делает человека социально значимым существом. Как отмечал Парсонс, «личностная система – это главный исполнитель процессов действия и, значит, воплощения культурных принципов и предписаний»⁶⁴.

Личность представляет собой культурный микрокосм, функционирующий в соответствии с законами культурного макрокосма – культуры конкретного общества. Культурный микрокосм является индивидуальной репрезентацией культурного макрокосма. Регуляция этой многомиллиардной совокупности

⁶⁴ Парсонс Т. Система современных обществ. <https://gtmarket.ru/library/basis/5395/5397> [дата обращения: 11.02.2018].

личностей и развитие различных сфер человеческой деятельности были бы невозможны без социальных институтов – фундаментальных категорий социологической науки, возникающих «в результате взаимодействия людей, удовлетворяющих свои потребности путем преобразования природы»⁶⁵.

Зародившись в XIX веке в работах О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, свое развитие институциональный анализ получил уже в XX веке в трудах таких авторов, как Э. Дюркгейм, Т. Веблен, М. Вебер, Э. Гидденс, Дж. Хертзел, Ф. Чэпин, К. Панунцио, Т. Парсонс, Р. Мертон, Б. Малиновский, Я. Щепаньский, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Смелзер, Ю.А. Левада, И.И. Лейман, Г.В. Осипов, В.А. Ядов, В.И. Добренков, А.И. Кравченко, Т.И. Заславская, А.А. Радугин, Н.Б. Костина и др. Социальные институты как компоненты социальной структуры интегрируют и координируют множество индивидуальных действий, упорядочивая социальные отношения и обеспечивая развитие общества. Некоторые исследователи даже рассматривают социальную эволюцию как процесс естественного отбора институтов⁶⁶, удовлетворяющих постоянно изменяющиеся потребности. Несмотря на теоретический плюрализм, существует консенсус относительно интегративной функции социальных институтов, их роли в упорядочивании социальной деятельности в пространственно-временном континууме⁶⁷, а также в формировании устойчивых, организованных систем общественных отношений⁶⁸. Анализ научной литературы позволяет выделить следующие признаки социального института⁶⁹: совокупность обычаев, установок и поведенческих норм; наличие социально значимых функций; система норм и учреждений, регулирующих определенную сферу общественных отношений; наличие санкций и механизмов социального контроля.

⁶⁵ Насибуллин Р.Т. Здравоохранение как социальный институт // Вестник ПИНПУ. Социально-экономические науки. – 2019. – №4. – С.165

⁶⁶ Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – С. 200-201

⁶⁷ Михалева К.Ю., Полякова Н.Л. Концепция социального института в социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – №2. – С.129.

⁶⁸ Костина Н. Б. Социальный институт как общественное явление (на материалах институтов культуры) : автореф. дисс.. канд. филос. наук. Свердловск, 1982. – С.10.

⁶⁹ См. например Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – М., 1997. – 180 с.; Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. В. Желнинова. – М., 2022. – 416 с.

Учитывая, что в задачи нашей работы не входит анализ концепций к рассмотрению понятия «социальный институт», мы согласимся с подходом, где под социальным институтом понимается устойчивое, вместе с тем развивающееся социальное формообразование, которое регулирует деятельность людей, удовлетворяющих в процессе жизнедеятельности свои материальные и духовные, личные и общественные потребности в конкретно-исторических условиях функционирования.⁷⁰

Анализ диссертационных исследований по социологии за последние 25 лет свидетельствует о расширении круга феноменов, концептуализируемых как социальные институты: материнство, общественное мнение, музей, дедовщина, мода, реклама, туризм, региональная власть и другие. Это позволяет утверждать, что система социальных институтов не является статичной догмой, а подвержена постоянной трансформации в соответствии с возникающими новыми потребностями, что приводит как к модернизации существующих институтов, так и к институционализации новых образований (институционализация и легитимация по Бергеру и Лукману). Все это позволяет классифицировать социальные институты по разнообразным параметрам: «зрелые и незрелые» (Бернард), «регулятивные и санкционированные» (Баллард), «универсальные и партикулярные» (Малиновский), «релятивные, регулятивные, культурные» (Парсонс), «формальные и неформальные», (Щепаньский), «традиционные и современные» (Кравченко), по институциональным порядкам (Ч. Миллз) и др. Мы же в своем исследовании с учетом текущей исторической ситуации будем руководствоваться подразделением социальных институтов на основании четырех сфер жизнедеятельности общества (экономическая, политическая, социальная и сферы культуры) с выделением следующих фундаментальных социальных институтов:

- 1) институт семьи и брака;
- 2) экономические институты;

⁷⁰ Глотов М.Б. Социальный институт: определение, строение, классификация // Социологические исследования. – 2003. – №10. – С.13-19.

- 3) политические институты;
- 4) культурно-духовные институты.

Данная категоризация необходима для рассмотрения нами структуры сферы культуры и анализа функций как явных, так и латентных, а также и дисфункций, выполняемых социальными институтами, «обеспечивающими удовлетворение потребностей способами, которые регулируются принципами общежития»⁷¹, в отношении сферы культуры на современном этапе развития.

В первом параграфе нами уже дано определение термина «сфера культуры», которое заложено в основу всех наших дальнейших изысканий в зависимости от объекта и предмета исследования, исходя из которого можно сделать вывод: все фундаментальные социальные институты влияют на сферу культуры, оказывая управленческое воздействие в рамках реализации своих функций, как общих, так и специфических. Управление сферой культуры как социальный процесс, представляющий собой совокупный результат деятельности людей по поводу производства, распределения и потребления духовных ценностей, в целях более полного удовлетворения потребностей социальных институтов, социальных групп, личности и общества в целом в достижениях науки, литературы, искусства и народного творчества, – сложный и многоплановый феномен, который осуществляется, можно сказать, непрерывно. Такой процесс затрагивает не только сферу культуры и подведомственные ей учреждения, но и другие организации в комплексе социальных институтов. По мнению А. Моля, чрезвычайная сложность в управлении данной сферой объясняется тем, что «культура – это многообразие уникального и массового, изменчивого и неизменного, рационального и эмоционального»⁷². Однако различия в подходах к управлению сферой культуры лежат на поверхности: одни социальные институты осуществляют процесс непосредственно, другие – опосредованно.

Обратимся к рассмотрению функций как благоприятных результатов деятельности социального института, влияющих на сохранение стабильности и

⁷¹ Асп Э. Введение в социологию. – СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 2000. – С. 65.

⁷² Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973. – С. 24

сплочение общества в сфере культуры. В первую очередь рассмотрим социальные институты культурно-духовной сферы, куда мы относим религию, образование, науку и культуру – несомненно, все выполняемые ими функции напрямую воздействуют на сферу культуры, равно как и зависят от нее. В социологической науке, начиная с трудов Дюркгейма и Вебера, предлагается достаточно большое количество классификаций функций религии как социального института⁷³; мы же, беря за отправную точку сферу культуры и ее взаимное воздействие с институтом религии, заметим, что такие функции, как мировоззренческая, интегративная, коммуникативная и досуговая, в любом своем проявлении являются как элементами сферы культуры, так и сами формируют ее. Как бы ни пытались в советское время отделить религию от общества, прививая атеизм, все же значительное большинство на планете верующие люди, причем одна и та же вера или верование на конкретной территории бытует уже достаточный исторический период. И, казалось бы, одни и те же предписанные обряды и обычаи носят свой оттенок при той же самой ценности. Например, если черная женская верхняя одежда мусульманок на Ближнем Востоке предназначена для покрытия всего лица, то традиционная женская мусульманская одежда и на Кавказе, и в Средней Азии, и на Урале, и в Поволжье предполагает полное открытое лицо с обязательным ношением платка, который должен покрывать голову и прятать волосы – не более того. Либо народные танцы, например, чеченского и башкирского народов отличаются кроме ритмики, рисунка и иных уже профессиональных хореографических элементов тем, что в чеченском танце мужчина не прикасается к женщине, а в башкирском может это делать: причина в различных толкованиях Корана. Всем знакомы великолепные застольные многоголосные песнопения: у башкир все народные песни издревле поются лишь одним исполнителем, для грузин же как последователей православия,

⁷³ См., например, Веремчук, В. И. Социология религии / В. И. Веремчук. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С. 34; Чемикосова Т. А. Трансформация религии как социального института в постсоветской России : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Т. А. Чемикосова. – Казань, 2007. – С. 12; Радугин А.А. Введение в религиоведение. – Москва, 1996. – С.50-62

христианства хоровое пение присуще со службы в церкви, башкиры же как магометане уединяются в молитвах. И церковь, в широком ее понимании, всегда выполняла функцию по объединению людей, обучению на проповедях, в процессе проведения религиозных обрядов, культовой деятельности, где прививались нормы нравственности, морали, культуры и мировоззрения. Причем эти коммуникативно-интегративные послы и в рамках обязательных мероприятий, и в целях организации досуга проводились не только в отношениях «служитель – верующий», но и между верующими, что интегрировало последних вокруг единых символов, ценностей, обычаев, формируя определенную систему взглядов на мир.

Такие же функции института религии как нормативная и психотерапевтическая в отличие от предыдущих групп, нацелены на внутреннее «я» каждого человека и несут в себе индивидуальный характер. В силу этого их влияние не так широко заметно и не так массово взаимодействует со сферой культуры, но при этом также доступно и последовательно воздействует на процессы социализации, образования и воспитания; так как нормы и стандарты религиозного поведения уже во многом тождественны с действующими в обществе социорегулятивными механизмами.

Художественный вымысел является уникальным способом выражения и познания социальных отношений. Некоторые произведения являются не только шедеврами литературы, но и инструментом познания бытия – это возможно в том случае, если художественное слово использовалось автором не для простого описания событий, а в том случае, когда художественное слово превращается в носителя идей; когда художественный образ становится моделью объективной реальности, частичкой этой реальности, идеальной моделью социальных отношений; когда читатель видит картину функционирования социальных отношений той или иной социальной группы в определенный период развития социума. К разряду таких произведений, например, можно отнести повесть классика башкирской литературы Мажита Гафури «Черноликие». В ней повествуется о жизни башкирской сельской общины начала XX века. Наверное,

основную цель повести и сам автор, и особенно литературные критики советского периода видели в обличении религии, в негативной роли ее служителей для простого народа. Однако социологический анализ произведения позволяет нам увидеть нечто большее, чем негативное религиозное воздействие, и самим дать оценку событиям, которые описаны в повести. Так, по ходу повести отношение мальчика – главного героя к религии изменяется: от благоговения до практически полного отторжения. Негативное отношение к религии, к культовым обрядам пробуждалось в маленьком человеке при встречах с конкретными, достаточно невежественными хальфами, муллой, знахарками. И в конце повести мальчик сделал для себя вывод, что шариат – это то, что сводит людей с ума; ведь к своим наблюдениям и сомнениям в его душе укоренились слова отца: «Шариат...шариат! А на деле-то погубили бедное дитя!». В этом литературном произведении можно выделить и явные функции религии (внедрение основ ислама), и латентные (обучение светским предметам в медресе), и дисфункции (доведение до сумасшествия и самоубийства)⁷⁴.

Функции таких институтов, как образование, наука и культура, наверное, взаимосвязаны самым тесным образом. С одной стороны, образование формирует базу знаний и навыков, которая обогащает сферу культуры и которая необходима для научной деятельности; с другой – наука, в свою очередь, базируясь на имеющихся знаниях, предоставляет новые методы и технологии для образовательных и социокультурных процессов; с третьей – культура объединяет результаты деятельности науки и образования, формируя общие ценности и нормы, обеспечивает интеграцию членов общества и сохранение его идентичности.

Такие функции образования и науки, как мировоззренческая, гуманизация, социализация, коммуникация, интеграция людей на основании одних культурных норм и ценностей, трансляция и распространение культуры призваны не только предоставить знания и привить первичные навыки каждому индивиду, но и

⁷⁴ Художественное слово как способ познания взаимодействия социальных институтов (на примере повести Мажита Гафури «Черноликие»)// Аитовские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Уфа, 20–21 октября 2005 года). – 2005. Изд-во «Дизайн Полиграф Сервис». – С. 163-168

донести до него, что человек – это высшая ценность, способная мыслить, творить и созидать, а не только трудовой ресурс или потребитель разного рода продукции. Отсюда протекают и следующие функции образования, как социальная селекция, формирование профессионально-квалификационного состава населения и формирование потребительских стандартов населения; а также познавательная, прогностическая, социальная и производственная функции науки – для удовлетворения потребностей человека и повышения его статуса. Заметим, что институты культуры не всегда выделяются в качестве отдельного социального института. Вместе с тем представляется, что институты культуры являются именно таковым ввиду того, что обладают всеми элементами, присущими социальным институтам, а также функциями, среди которых можно выделить создание и формирование моральных, эстетических норм и традиций, социализацию личности, социальный контроль, коммуникацию и интеграцию в сфере культуры. Социологический подход к анализу института культуры предполагает выделение следующих характеристик:

- культура как разделяемая большинством членов общества совокупность значимых идей, ценностей, традиций, норм и правил поведения;
- культура как результат процесса социализации и инкультурации индивида;
- культура как система, транслируемая через межпоколенческую передачу.

Как можем заметить, у всех культурно-духовных институтов большинство функций идентичны и по-другому не может быть, потому что именно они способствуют формированию и передаче знаний, навыков и ценностей, необходимых для адаптации общества к тем изменениям и решению сложных социальных проблем, вызванных глобализацией, технологическим развитием и изменениями в социальной структуре. Каждый из этих институтов выполняет уникальные и взаимодополняющие задачи, которые способствуют развитию и сферы культуры, и общества в целом. Можно говорить о том, что культурно-духовная группа социальных институтов является основой для инновационных

процессов и социального прогресса, способствующей решению актуальных проблем современности и укреплению социальной сплоченности.

При рассмотрении института семьи мы исходим из определений А.Г. Харчева, который при первом своем подходе определил его как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, в которой обусловлена потребность общества в физическом и духовном воспроизводстве населения⁷⁵. Впоследствии ученый определил семью как «институтированную общность, складывающуюся на основе брака и порождаемой им правовой и моральной ответственности супругов за здоровье детей и их воспитание»⁷⁶. В первую очередь необходимо отметить основную для нашего исследования дихотомию, предложенную автором, – «физическое и духовное». Почему мы делаем на этом особый акцент? Как известно, при определении функций семьи существует достаточно много подходов: если некоторые из них предлагают выделять, например, базовые и иные функции (Дж. Мердок); другие предлагают разделение функций семей на группы, указывая на связь с деторождением, производственной деятельностью, досугом (Э.К. Васильева)⁷⁷. А.Г. Вишневский выделяет две основные демографические функции семьи: прокреативную и жизнеохранительную⁷⁸; М.С. Мацковский, определяя 10 основных функций семьи, подчеркивал, что функции семьи можно рассматривать как социальные (по отношению к обществу) и индивидуальные (по отношению к личности)⁷⁹. А.И. Антонов и В.М. Медков вслед за А.Г.Харчевым предлагают (с чем мы полностью согласны) разделение на специфические и неспецифические функции семьи: если первые вытекают из сущности семьи и отражают ее особенности как социального явления, то к выполнению вторых семья оказалась принужденной или приспособленной в

⁷⁵ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.

⁷⁶ Харчев А. Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа // Социологические исследования. – 1986. – №3. – С. 27.

⁷⁷ Васильева Э.К. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). – М.: Статистика, 1975. – С.112-126

⁷⁸ Эволюция семьи и семейная политика в СССР. – М., 1992. – С.102.

⁷⁹ Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. – М.: «Наука», 1989.– С.42; 5.

определенных исторических условиях⁸⁰ и т. п. Подчеркнем, что каждая из этих концепций четко обоснована и признана в научном сообществе, при этом несмотря на достаточно большое разнообразие подходов, дальнейшее развертывание демонстрирует, что и другие авторы преимущественно указывают на идентичные функции, а их количество и наименование зависит от выбранной «системы координат» в каждом конкретном случае, как писала Н.М. Римашевская, подразделение функций носит условный характер и имеет смысл в случае научных разработок⁸¹.

Мы рассматриваем функции социальных институтов в отношении сферы культуры и, именно исходя из этих позиций, будем проводить свой ранжир первичности согласно выделенным нами объекту и предмету исследования. В соответствии с этим обратимся к трем категориям функций семьи. Первая группа, которая непосредственно влияет и одновременно зависит от сферы культуры, включает в себя функцию социализации, культурно-досуговую и когнитивную функции; ко второй группе относятся функции, опосредованно связанные со сферой культуры и направленные на хозяйственно-экономическое обеспечение института семьи; в третьей группе, с нашей точки зрения, находятся производные в сфере культуры функции, направленные на удовлетворение биологических потребностей людей и репродуктивной потребности индивида и общества (таблица 1).

Таблица 1 – Категории функций семьи

1 группа функций (непосредственные)	2 группа функций (опосредованные)	3 группа (производные)
социализации	материально-экономическая	репродуктивная
социокультурная	хозяйственно-бытовая	сексуальная
когнитивная	социально-статусная	рекреационная

В меньшей степени на сферу культуры влияют такие функции семьи, как репродуктивная, сексуальная и рекреационная. Восстановление физического здоровья членов семьи, удовлетворение сексуальных потребностей супругов, и

⁸⁰ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. — М., 2005. — С.67

⁸¹ Демографические проблемы семьи. / Под ред. Римашевская Н.М. — М., 1978. — С.15.

биологическое воспроизводство, как в рамках одной семьи (продолжение рода), так и в целом населения, безусловно, считаются важнейшими функциями семьи. Вместе с тем, можно говорить, что они напрямую не оказывают влияние на сферу культуры, равно как и для сферы культуры они, если говорить математическими терминами, являются второй производной. Анализ современных демографических тенденций в разных странах мира, да и в регионах России, конечно же, дает четкое разделение зависимости, например, количества деторождений в республиках Центральной Азии и странах Европы, либо в регионах Северного Кавказа и остальных регионах России, но в данном случае воздействие сферы культуры (в т.ч. религии и традиций) на реализацию этих функций гораздо больше, чем их влияние на изменение сферы культуры, хотя последнее, безусловно, присутствует. Еще в первой четверти XX века Питирим Сорокин, по сути, предсказал сексуальную революцию, описав то, как сексуализация сознания людей ведет к росту разводов, возрастающей неспособности к совместной жизни, упадку родительской любви, отказу от деторождения и к увеличению числа брошенных детей⁸². Однако данное взаимовлияние сексуальной и репродуктивной функций проходит транзитом через другие функции семьи (социокультурная, социально-статусная), воздействуя на культуру рождения, деторождения, половой жизни, физическую культуру.

Учитывая, что наше общество впору называть обществом потребления, неудивительно, что и материально-экономическая функция семьи видоизменилась именно в сторону потребления, а не производства материальных благ, как это было еще не так давно. Вместе с тем, блок функций, носящих в большей степени экономический характер, несмотря на свое опосредованное воздействие на сферу культуры, вносит коррективы в реализацию институтами семьи иных функций, более ориентированных на сферу культуры. Это в первую очередь выражается в том, что родители, и в принципе старшее поколение, для удовлетворения

⁸²Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. – М.: Научно-практический центр коммуникативных исследований «Проект барьер», 2006. – С. 72.

возрастающих потребностей (как материальных, так и статусных) всех членов семьи вынуждены больше времени уделять зарабатыванию денег, и это приводит к тому, что на выполнение функции, например, социализации по отношению к своим детям, у них остается гораздо меньше времени. Вещизм, который сегодня во многом определяет экономическое поведение, экономическую культуру потребителей, желание соответствовать модным веяниям – все это в конце концов «отнимает время» у социокультурной функции, выражающейся в сокращении свободного времени как такового, сокращении коммуникаций между членами семьи (причем не обязательно разных поколений), возникновении в результате этих процессов конфликтов, особенно межпоколенческих, в отсутствии в семье психологического убежища для ее членов и т. п.

Кроме того, большое влияние на происходящие процессы в семье оказывают и процессы цифровизации. Несмотря на то, что еще в начале третьего тысячелетия практически догмой было утверждение о принадлежности к агентам первичной и вторичной социализации, сегодняшние реалии требуют не просто уточнений, но и расширения этих понятий. Известно, что в наши дни юное поколение уже с раннего возраста «присутствует» во всевозможных социальных сетях и общается с неопределенным кругом виртуальных друзей, с помощью которых приобретает новое, доселе неизведанное, формируя тем свое мировоззрение. Как отмечается в научной литературе, «повсеместное распространение социальных сетей, посредством которых формируется культура мемов, «онлайн»-комментариев, «лайков», «репостов», «блогов», «хайпа» и т. д., изменяет жизненный опыт человека»⁸³. При этом зачастую «вес» мнения виртуального мира (например, количества «лайков») превалирует над мнением родителей. Всеобщая изоляция и замкнутость, что особенно остро проявилось в период пандемии коронавируса, наряду с активным развитием и распространением технических средств связи, привели к тому, что именно

⁸³ Бальчиндоржиева О.Б., Залхоева М.В. Цифровая культура vs культурная уникальность (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности) // Социологические исследования. – 2022. – №3. – С.95

социальные сети в разы увеличили свой вес и значимость как для отдельной личности, так и для семьи и общества в целом.

Наконец, основная группа функций в институте семьи, где наблюдается непосредственное взаимовлияние со сферой культуры, с нашей точки зрения, включает социализацию, социокультурную и когнитивную. И воспитательные аспекты, и культура поведения, и моральная регламентация поведения членов семьи, и духовное общение, и взаимообогащение интересов – все это самым непосредственным образом воздействует на сферу культуры, обновляя ее ежеминутно и в свою очередь испытывая на себе влияние с ее же стороны. Однако исполнение институтом семьи этих функций зависит не только от сферы культуры, но и от других семейных функций: например, социокультурная функция требует наличия и коммуникативно-информационных, и адаптационных, и материальных, и психологических ресурсов, которые подотчетны иным функциям. Когнитивная функция заключается в интеллектуальном взаимодействии членов семьи и взаимном обучении⁸⁴; при этом отметим, что процесс обучения не односторонний – от родителей к детям: во многих вопросах сегодня, особенно в тех, которые касаются цифровых технологий, именно младшие члены семьи выступают в роли наставников. Когнитивная функция формирует культуру обучения, культуру познания, культуру восприятия, культуру чтения и т. п.

Все описанные выше функции в большей степени касаются явных, согласно концепции Р. Мертона⁸⁵, который также выделял и латентные функции, и дисфункции. В жизни любое действие со стороны института семьи может носить разнообразный функциональный характер. В качестве примера отметим семейное посещение художественной выставки работ выдающегося русского художника Михаила Васильевича Нестерова, которые в большей степени пропитаны

⁸⁴ Саралиева З.Х. Когнитивная функция семьи // Организация в фокусе социологических исследований: Материалы международной научно-практической конференции. В 2 т. – Т.2. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2005. – С. 338-343.

⁸⁵ Мертон Р. Явные и латентные функции / Американская социологическая мысль: тексты. – М., 1994. – С.379-447.

религиозно-нравственной тематикой. Здесь для института семьи можно выделить следующие функции:

- явная воспитательная функция со стороны родителей, выражающаяся в привитии первичных культурных норм;
- латентная – приобщение к православной религии;
- возможная дисфункция – отторжение других религиозных учений, что может проявиться в ходе ознакомления с картинами и однобокого толкования работ художника.

Таким образом, очевидно, что распределение функций институтов семьи достаточно условное, однако, следуя обозначенному предмету исследования – сфере культуры, определенный ранжир по оперативности и непосредственности взаимной реакции вполне можно составить.

Например, М. Вебер продемонстрировал, как протестантские ценности способствовали формированию экономической дисциплины и рационального труда, став ключевым фактором развития рыночной экономики⁸⁶. Т. Веблен исследовал влияние культурных традиций на становление экономических институтов⁸⁷. П. Сорокин акцентировал внимание на взаимосвязи изменений социальной структуры и экономического роста, подчеркивая роль повышения уровня образования и социальной мобильности. Он отмечал, что инновации охватывают не только технологическую, но и социокультурную сферу, а культурные ценности формируют экономическое поведение как индивидов, так и социальных групп⁸⁸. Он особо отмечал, что «экономическая ситуация, в которой живут страны и народы, не остается неизменной, но и не обнаруживает постоянной тенденции к улучшению – она флуктуирует, становясь, то лучше, то хуже»⁸⁹. Одним из ключевых элементов методологии Сорокина стал междисциплинарный подход, синтезирующий исторический, культурный и

⁸⁶ Шкартан О. И. К сравнительному анализу влияния цивилизационных различий на социальные процессы в посткоммунистическом мире // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 15–25.

⁸⁷ Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ – ВШЭ, 2006. – С.21.

⁸⁸ Суховой А. Ф. Основные тенденции современного развития теории инноваций за рубежом и в России // Журнал экономической теории. – 2016. – № 4. – С. 28.

⁸⁹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – С.666.

экономический анализ общества. Современные исследования подтверждают значимость его идей, особенно в контексте роли культурных институтов для обеспечения экономического прогресса в условиях глобализации и интеграции.

Н. Смелзер, используя структурно-функциональный подход, рассматривал экономику как элемент более широкой социальной системы, уделяя особое внимание ее взаимодействию с культурными явлениями. Согласно его концепции, культура определяет идеалы, нормы и установки. В результате экономические решения людей зависят не только от рационального анализа, но и от культурных факторов, таких как традиции и обычаи⁹⁰.

Д. Норт стал одним из первых исследователей, поднявших вопросы формирования и развития институтов, выделяя внутренние факторы институциональных трансформаций при сохранении представления о рациональном поведении индивида и стремлением к максимальной выгоде⁹¹. Исследователь выделял взаимосвязь формальных правил и неформальных норм поведения, утверждая их равнозначность в рамках институциональной структуры⁹². В его интерпретации институты представляют собой созданные обществом рамки, организующие социальное взаимодействие, включая как негласные правила поведения, так и официальные законы с механизмами их соблюдения. Несмотря на признание роли идеологии и технологического прогресса в институциональных изменениях, мы полагаем, что сведение функций социальных институтов исключительно к сокращению транзакционных издержек, отраженное в трудах Норта, является слишком упрощенным подходом. Такое ограниченное толкование недооценивает значение и игнорирует многозначную роль остальных социальных институтов, которую они играют в различных аспектах человеческой жизни.

Взаимозависимость экономики и культуры отражена в концепции «Культурного отставания» В. Огберна. По мнению американского исследователя,

⁹⁰ https://scepsis.net/library/id_586.html

⁹¹ Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. Серия "Юридические науки. Экономические науки". – 2004. – №283. – С. 123.

⁹² Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа. Вопросы экономики. – 1997. – №3. – С.6-17.

если технологические инновации возникают в точке времени t_1 , то культурные нормы и ценности эволюционируют значительно медленнее и достигают сопоставимых изменений в точке времени t_2 ⁹³. Затем следует очередной этап в качественном преобразовании технических достижений t_{11} , но подобная существенная трансформация становится возможной только после момента t_2 , что подчеркивает значимость культурно-духовной составляющей в развитии социума. Важно отметить, что при увеличении временного промежутка между параметрами t_1 и t_2 снижается вероятность наступления нового технологического прорыва, и, следовательно, сложно ожидать гармоничного развития общества в течение продолжительного времени. Технологии, как и сфера культуры, не могут существовать изолированно от общества и его влияния, и более того, не могут доминировать над ним; ибо любая экономическая система не может прогрессировать автономно от общества, его культуры и системы образования. При этом мы не отрицаем, что развитие технологий формирует инновационные секторы экономики и образует новый технологический уклад⁹⁴, влекущий собой спиральное развитие экономики. Однако именно это, в свою очередь, подчеркивает зависимость инноваций в экономике от времени t_2 , которое определяет скорость и уровень развития культуры, открывающей возможности для дальнейшего развития социума; после чего «начинает формироваться следующая, предназначенная в короткой или длительной борьбе заменить первую»⁹⁵.

Рассматривая экономические институты, мы выделяем такие основные функции, как:

- распределение ограниченных ресурсов;
- удовлетворение потребностей общества через производство товаров и услуг;
- стимуляция экономической активности людей;

⁹³ Асп Э.К. Введение в социологию. – СПб.: Алетейя, 2000. – 256 с.

⁹⁴ Гринин Л. Е. Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций // Кондратьевские волны: аспекты и перспективы. – Волгоград: Учитель, 2012. – С.225-226.

⁹⁵ Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. – 671 с.

- социальная интеграция членов социума, через участие в экономических процессах.

В отличие от функций семьи и степени их воздействия на сферу культуры ранжир функций экономических институтов представляется более сложным. Это объясняется тем, что экономика как система находится в постоянной динамике, адаптируясь к изменениям общественных условий и ценностей. В эпоху постиндустриального общества растет значение нематериальных факторов, что оказывает заметное воздействие на экономическое поведение людей. Они все чаще ориентируются на моменты, связанные с эмоциональными мотивами, предпочтениями, оставляя в стороне рационально-производственный подход. Культурные нормы можно определить как совокупность правил, ожиданий и стандартов поведения, разделяемых определенной социальной группой и регулирующих различные аспекты жизнедеятельности. Формирование таких норм основано на историческом опыте, традициях и ценностях конкретного сообщества. Ключевой функцией культурных норм является упорядочивание социального взаимодействия, способствующее согласованности действий и укреплению социальной интеграции. Культурные нормы также детерминируют потребительское поведение, формируя вкусовые предпочтения и восприятие товаров. В постиндустриальном обществе возрастает роль нематериальных товаров, что приводит к трансформации экономического поведения в сторону непроеизводственной сферы, основанной на эмоциях, вкусах и социокультурных потребностях. Корпоративная культура представляет собой специфическую систему ценностей, отношений и поведенческих норм, характерных для конкретной организации. Потребительское поведение во многом определяется культурными ценностями, формирующими предпочтения и восприятие продуктов. Например, в странах с развитой экологической осознанностью наблюдается высокий уровень спроса на товары, изготовленные методами, не наносящими вреда окружающей среде. Традиционная банковская деятельность невозможна в странах арабского мира из-за существующих правил и норм, основанных на исламских принципах. Уважение к старшему поколению и

семейным традициям способствует развитию семейного бизнеса в Японии, где передача дела по наследству является залогом стабильности.

Рассматривая динамично развивающийся сравнительно новый сектор экономики, такой, как креативные индустрии, следует отметить, что сфера культуры является их основой, обеспечивающей удовлетворение духовных запросов общества и, одновременно, способствующей увеличению занятости и стимулированию экономического роста. В современном мире Китай служит ярким примером синергии материальных и нематериальных ресурсов для создания продукции с целью удовлетворения потребностей общества и влияния на экономическое поведение. Так, еще в 2015 году рынок креативных индустрий этой страны оценивался в 509 миллиардов долларов. После внедрения стратегии с акцентом на креативный сектор суммарный доход 73 тысяч предприятий креативной сферы превысил 1,8 триллиона долларов в 2023 году, демонстрируя рост на 8,2% по сравнению с 2022 годом. Центральные и местные органы власти учредили национальные лаборатории, венчурные фонды для финансирования экономических проектов, почти на треть увеличив количество занятых в этой области⁹⁶.

Такие, по своей сути Культурные символы становятся экономическим активом, определяющим поведение как потребителей, так и производителей. Туризм как вид экономической деятельности реализует функции удовлетворения общественных потребностей через создание товаров и услуг, стимулирование экономической активности и вовлечение людей в экономические процессы. Привлечение туристов культурными объектами способствует развитию новых производств и услуг, формированию сплоченных сообществ и корпоративных культур. Традиционные учреждения культуры (театры, библиотеки, музеи) не только сохраняют культурные ценности, но и создают рабочие места, привлекают инвестиции, становясь важной частью экономического сектора.

⁹⁶ Лю И, Панышин Б. Особенности и направления развития креативной экономики: опыт Китая // Наука и инновации. – 2024. – №11. – С. 54-60.

В качестве примера латентных функций, переходящих в дисфункцию, можно привести деятельность организации USAID, которая под видом финансирования культурных проектов оказывает влияние на духовную жизнь и политическую структуру общества. Подобные трансформации происходят на территориях с ограниченными финансовыми ресурсами, где власти ошибочно полагают, что «культура может подождать». Этим и пользуются «благотворители», инвестируя в сферу культуру, образование и даже религию.

Другой пример демонстрирует, как культурная продукция может влиять на экономику и экологию. После съемок в начале века фильма «Пляж» на острове Пхи-Пхи-Ле в Таиланде резко возрос туристический поток, что привело к нарушению экологического баланса. Причем природный ландшафт был изменен не только во время творческого процесса. Огромный приток поклонников картины привел к нарушению экологического баланса, к гибели кораллов, не выдержавших такого количества туристов. В 2018 году власти страны были вынуждены закрыть остров для восстановления коралловых рифов. В 2018 году власти были вынуждены закрыть остров для восстановления экосистемы. Таким образом, культурный продукт, изначально способствовавший экономическому росту, достигнув критической массы, вызвал дисфункцию в экологической и социально-экономической сферах. В целом кинопроизводство трансформировалось за полтора столетия из исключительно художественной деятельности в прибыльную отрасль с развитым менеджментом, маркетингом и рекламой, ориентированную в первую очередь на получение прибыли и только потом на удовлетворение культурных потребностей.

Изобразительное искусство также становится бизнесом, о чем свидетельствует продажа картины Леонардо да Винчи «Спаситель мира» за 450,3 млн долларов в 2017 году⁹⁷, которая ныне картина украшает яхту наследного принца Саудовской Аравии. Уверен, ни сам автор работы, ни ее заказчик – король Франции Людовик XII не думали об этом; но ни покупатель бесценного творения в начале 2000-х «всего» за 127,5 млн. долларов, ни

⁹⁷ <https://finkalendar.ru/articles/prodazha-samoj-dorogoj-kartiny-v-istorii/>

нынешний его обладатель не ставили и не ставят перед собой задачу окультуривания населения: для них это либо «просто бизнес» (изготовление и перепродажа), либо удовлетворение собственного самолюбия (заказчик и потребитель).

Не стоит упускать из виду и деятельность различных частных структур, извлекающих прибыль, удовлетворяя запросы в сфере культуры. Зачастую в таких коммерческих предприятиях, где приоритетом является финансовая выгода, страдает качество предоставляемых услуг, что в результате приводит к ситуации, когда нерентабельные виды искусства оказываются в тени; создается ситуация по замедлению культурного воспроизводства и ограничению доступа к ряду культурной продукции широкой публики. Более того, на рынке культурных услуг возникает парадоксальная ситуация: творцы вместо создания новых произведений для будущих поколений вынуждены подстраиваться под актуальные культурные запросы современности. Это неизбежно ведет к размыванию традиций, ослаблению связи между поколениями и, в конечном счете, к обесцениванию культурного наследия. Другими словами, без поддержки государства и общественных институтов в условиях рыночной экономики полноценное развитие сферы культуры невозможно.

Фильм «Пляж» служит ярким примером важности регуляции в условиях ограниченности ресурсов. Этот аспект подчеркивает ключевую роль экономических институтов в современном мире глобализации. Распределение ресурсов – это одна из центральных функций экономики как социального института. Способность установить: что, когда и в каких объемах следует распределять – отражает уровень культуры управления. Особенно это касается политических институтов, которые берут на себя задачу экономической координации. Так, распределение ресурсов государственной властью между регионами играет важную роль в сохранении культурного ландшафта этих территорий. Например, если дотационные субъекты Российской Федерации не будут получать финансовую поддержку от Москвы, проведение мероприятий,

направленных на популяризацию фольклора или обучение молодых талантов, может оказаться серьезной проблемой.

Однако нельзя забывать и о том, что наряду с природными, экономическими и другими факторами и культура влияет на формирование социально-экономических подрайонов, а взаимодействие между экономическими и культурными институтами несет большие вызовы. Хотя сфера культуры обладает потенциалом для стимулирования экономического прогресса и повышения уровня жизни населения, существуют препятствия, такие как отсутствие устойчивой финансовой базы, сложные отношения между управленческими субъектами и состояние переходных процессов. Все эти факторы могут затормозить позитивные изменения и в конечном итоге отрицательно сказаться на развитии сферы культуры.

Согласно статистике, пандемия COVID-19 стала причиной значительного ухудшения экономического состояния людей во всем мире за последнее десятилетие⁹⁸: уровень крайней бедности увеличился на 1% всего за один год, достигнув показателя 9,3% в 2020 году. В количественном выражении это означает рост числа крайне бедных на 70 миллионов человек. Уже в 2024 году за чертой бедности оказалось 44% населения Земли, при этом около 1,7 миллиарда человек (20% мирового населения) продолжает проживать в странах с высоким уровнем стратификации, особенно в регионах Латинской Америки и Африки. Однако это не означает отсутствие культуры в этих странах, но ее влияние на сферы жизнедеятельности общества минимальны, что во многом объясняется ограниченными ресурсами и особенностями социальной и политической структуры государства.

Рыночные механизмы обеспечивают гибкость и адаптацию ценообразования к изменяющимся условиям при наличии соответствующей экономической культуры. Государственные механизмы перераспределяют финансовые ресурсы через налоги и социальные программы, способствуя достижению социальной справедливости. Сбалансированное сочетание этих

⁹⁸ <https://frankmedia.ru/181054>

подходов позволяет формировать устойчивую систему развития. При этом в России наблюдается тенденция концентрации государством функций других социальных институтов, что соответствует концепции А. Моля единственным субъекте культурной политики⁹⁹. По мнению исследователя Бурдьё, «...артисты и писатели, и в более общем виде интеллектуалы, это подчиненная часть господствующего класса... писатели и артисты являются подчиненными в своих отношениях с обладателями политической и экономической властью», «производители же культуры обладают специфической властью, властью чисто символической...»¹⁰⁰. Конечно, во многом, что касается России, это определяется сложившейся геополитической ситуацией и поставленной целью по сохранению традиционных культурных ценностей.

В соответствии с вышеизложенным, несмотря на разнообразную структуру системы политических институтов, мы, учитывая российские реалии и участие в вопросах развития сферы культуры политических партий, профсоюзов, иных движений, принимая во внимание по сути дела слияние местного самоуправления в общегосударственную вертикаль, в дальнейшем будем говорить о государстве как о ведущем элементе политической системы. В современных реалиях как норма воспринимается, когда существующим социальным институтам государство «диктует» пути и подходы к решению тех или иных вопросов. Однако, с нашей точки зрения, при выработке конкретных управленческих решений необходимо найти оптимальный подход, чтобы оградить от ситуации, когда управленческие рычаги государства могут оказаться вразлад с онтогенезом социальных институтов, ибо в силу их тесного взаимодействия конфликтные ситуации, начавшись в одном социальном институте, отразятся и на остальных, спровоцировав разлад между ними, итогом чего может стать совокупный кризис общества.

Анализ научной литературы, посвященной исследуемой нами проблеме, показывает, что существует несколько подходов к определению роли государства

⁹⁹ Моль А. Социодинамика культуры. – М, 1973. – С.304

¹⁰⁰ Бурдьё П. Начала. Choses dites: пер. с фр./Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. / Перевод Шматко Н.А. – М.: Socio-Logos, 1994, – С. 215, 217

в управлении общественной жизнью. Например, А. Моль выделяет четыре концепции, в которых ключевым элементом выступает уровень «культурности» сообщений, передаваемых через средства массовой коммуникации. Моль классифицирует три доктрины как «социостатику культуры» – демагогическую, догматическую и культуралистскую, тогда как четвертая, «социодинамическая» концепция, фокусируется на процессе развития культуры. Цель социодинамики заключается в разработке принципов воздействия на культуру, способных произвести «динамический эффект». Однако на практике все эти теории переплетаются и применяются в зависимости от общественно-политической модели. Однако, предложив такую классификацию культурной политики, автор приходит к выводу, что ни одна из этих теорий не может существовать в чистом виде: на практике все они переплетаются и применяются в зависимости от общественно-политической модели конкретной системы¹⁰¹. Подобное мнение представлено и исследователями Шартраном и Маккахи, которые выделяют четыре роли государства в культурной сфере: «государство – инженер», «государство – помощник», «государство – патрон» и «государство – архитектор». Авторы подчеркивают, что в реальной жизни осуществление любой из этих моделей в ее исключительной форме является практически невозможным, подразумевая необходимость адаптации подходов к конкретным условиям и задачам¹⁰².

Если говорить о функциях государства как института политической власти и их значении для сферы культуры, то мы бы предложили выделить четыре основные: обеспечение безопасности и правопорядка, регулирование экономических процессов, социальное обеспечение граждан и идеологическая. Безусловно, степень их воздействия на сферу культуры и обратной ее реакции на государство разная. В то же время даже, казалось бы, в строго регламентированном направлении по обеспечению правопорядка велико значение ценностей и норм, присущих определенному социуму. Например, ситуация в

¹⁰¹Моль А. Социодинамика культуры. – М, 1973. – 407 с.

¹⁰² The arm's length principle and the arts: an international perspective - past, present and future. URL: <http://www.compilerpress.ca/Cultural%20Economics/Works/Arm%201%201989.htm> (дата обращения: 11.02.2022).

Сирии или на Украине до начала Специальной военной операции, которая показывает, что и в XXI веке исключительно физическая сила и угрозы мгновенной расправы, подогреваемые экономическими выгодами для узкого круга лиц, могут преобладать над силой закона, постулатами традиционных религий, проявлениями разума, законами общественного саморазвития. Такое извращенное применение данной функции государства безусловно воздействует и на сферу культуры – это не только стремление «здесь и сейчас» искоренить все, что связано с русским и советским на Украине, вплоть до Великой Победы, но это и вбивание в голову принципа «кто не скачет, тот москаль», и мы еще долгие годы будем видеть проявление этой дисфункции.

О значении государства в формировании и реализации экономической политики, направленной на обеспечение устойчивого развития экономики и повышение благосостояния граждан, и воздействии его на сферу культуры мы говорили более подробно выше. Здесь же еще раз подчеркнем, что в государственном понимании культура не должна быть исключительно отраслью по организации досуга, а следует рассматривать ее как сферу жизнедеятельности общества, во многом определяющую его развитие. И роль государства как института политической власти должна быть и в равномерной, и в эффективной бюджетной поддержке всех сфер жизни социума, в прогнозировании, планировании и программировании социально-экономических процессов, ведь без эффективного государства устойчивое развитие невозможно¹⁰³. Учитывая, что работники сферы культуры в своем значительном большинстве – люди не обеспеченные, такая функция государства, как социальное обеспечение, и его роль в жизни граждан должны быть налицо. Кроме того, государство, принимая меры по улучшению условий труда, поддержке семей и детей, а также по обеспечению доступного образования, по сути, значительно вкладывается в сферу культуры: помогает семьям находить средства для социокультурного воспитания детей, для саморазвития, посещения учреждений культуры и искусства и т. п. В

¹⁰³ Осадчая И.М. Глобализация и государство: новое в регулировании экономики развитых стран // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2002. – № 2(11). – С. 2

целом социальная функция государства включает в себя политику по улучшению качества жизни населения, в т.ч. вклад в социальные и гуманитарные направления деятельности, такие как культура, образование, наука, здравоохранение, спорт. Данная функция государства является основой для успешной реализации его остальных функций, таких как политическая и экономическая¹⁰⁴.

Таким образом, социальная защита – это не только поддержка наиболее уязвимых групп населения, но и содействие общей устойчивости общества, его культурно-духовное развитие. Многолетние мировые исследования выявили, например, такую зависимость, как увеличение преступности на 4% при росте безработицы на 1%: здесь налицо латентная функция государства при организации рабочих мест для временно безработных граждан. Увеличение же преступности в социуме приводит к проявлению и к большему распространению такой субкультуры, как «воровская культура», что может привести в будущем к неутешительным результатам. В то же время, следует отметить, данная зависимость не везде находит свое подтверждение. Например, республики Северного Кавказа, несмотря на высокий уровень безработицы, существенно превышающий в целом по стране, по показателям преступности не являются лидерами в России.¹⁰⁵ Это можно объяснить тем, что в данных регионах институты культуры, институты семьи и религии имеют гораздо больший вес, чем экономические институты, что позволяет сдерживать криминогенную ситуацию. Вообще социальное обеспечение является важным инструментом для снижения социального неравенства, что, в свою очередь, способствует развитию различных субкультур, которые впоследствии оказывают влияние на строительство культурного ландшафта территории и сферы культуры.

Одна из важнейших функций государства – идеологическая, которая находится со сферой культуры в постоянном взаимодействии. Л. Коган подчеркивал: «Творчество есть не что иное, как выражение внутренней свободы

¹⁰⁴ Шадже А.М., Мамишева З.А., Гайдарева И.Н. Роль социальной функции государства в обеспечении устойчивого развития страны // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. – № 8А. – С.141.

¹⁰⁵ Озерский С.В. Влияние уровня безработицы на уровень преступности: противоречивые аспекты// <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-urovnya-bezrabortitsy-na-uroven-prestupnosti-protivorechivye-aspekty/viewer>

человека от преклонения перед авторитетами, перед вековыми традициями, перед сложившимся общественным мнением... оно связано с самостоятельным решением, риском, ответственностью за это решение»¹⁰⁶. Более того, согласно пункту 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹⁰⁷, однако позволим себе предположить: она должна быть по своей сути, так как соответствующее современным требованиям российское гражданское общество еще только находится на стадии формирования. Как отмечается в исследованиях, кризис 90-х годов, затронув в том числе духовную сферу, образовал ситуацию идеологического вакуума и, более того, предполагались большие усилия со стороны олигархического либерализма для того, чтобы не только искоренить советскую идеологию, но и не «допустить доминирования любой другой, альтернативной набирающей силу»¹⁰⁸.

Существующие внешние вызовы, социальное расслоение российского социума не способствуют формированию необходимых предпосылок для естественного развития общественных инициатив. При этом стоит отметить, что на данный момент социальные институты и группы так и не осознали в полной мере свою роль и задачи в системе общественного устройства. Это, как представляется, требует наличия мобилизационной силы, в роли которой сегодня может выступать только государство. Оно является единственным социальным институтом, обладающим ресурсами и гибкостью для консолидации российского общества и формирования общенациональной идеи. В этом контексте особо важным представляется идеологическое насыщение, способствующее дальнейшему развитию социальной системы.

Нельзя забывать о том, что не только индивидуальный, но и социальный опыт играет важную роль в творческом процессе, поскольку он воплощает

¹⁰⁶ Коган Л.Н. Теория культуры. – Екатеринбург, 1993. – 160 с.

¹⁰⁷ Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
<http://www.consultant.ru/document/consdocLAW28399/5b9338a7944b7701fbe63f48c943e8175be16462/>

¹⁰⁸ Иванов В.Н. Идеология: pro et contra / В.Н. Иванов; ФНИСЦ РАН. – М. : Издательство «У Никитских ворот», 2021. – С.13.

широкий спектр взглядов и убеждений, которые отражают реальную практическую деятельность. В связи с этим одним из основных становится вопрос установления границ влияния государственной идеологии в обществе. Безусловно, свободе следует уделять особое внимание в производстве культурного контента, но ее проявления не должны выходить за рамки установленного социокультурного времени, а также норм и ценностей общества. Иначе существует риск нарушить баланс между традицией и новаторством, проблема, которая заметна в современных условиях. Мы убеждены, что традиционные ценности при опоре на определенную идеологическую базу должны способствовать объединению общества, а не его разобщению¹⁰⁹.

На основании вышеизложенного, управление процессами в сфере культуры должно учитывать исторические традиции, правовые нормы и приоритетные направления развития страны, причем затрагивающие не только госучреждения. Основной задачей такого управления является содействие развитию культуры через механизмы саморазвития, адаптированные к существующим реалиям. При этом поддержка может выражаться в виде грантов или пропаганды определенных видов культурной продукции со стороны государственных ведомств¹¹⁰. Важно помнить, что роль государства как субъекта управления определяется конкретной исторической геополитической и социокультурной ситуацией. Последние шаги России в этом направлении подтверждаются такими документами, как «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022), последующие изменения в «Основах государственной культурной политики» (2023), «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» (2024) и разработка «Основ государственной языковой политики Российской Федерации» (2025).

Подводя итог анализу структуры сферы культуры, резюмируем:

¹⁰⁹ Сагитов С.Т. Роль государства в реализации культурной политики на современном этапе // Социология. – № 4. – 2016. – С. 31-37.

¹¹⁰ Колосницына М.Г. Зарубежный опыт культурной политики. // Культурная политика в современном обществе. – М., 1992. – С. 189-204

1. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой социальные институты трансформируются в течение всего времени существования человечества: есть среди существующих, которые со временем претерпевают модернизацию, отмечается и появление новых. Понимая под социальным институтом устойчивое, вместе с тем развивающееся социальное формообразование, которое регулирует деятельность людей, удовлетворяющих в процессе жизнедеятельности свои материальные и духовные, личные и общественные потребности в конкретно-исторических условиях функционирования, мы в своем исследовании с учетом текущей исторической ситуации руководствуемся распределением социальных институтов на основании четырех сфер жизнедеятельности общества (экономическая, политическая, социальная и сфера культуры) и выделением следующих фундаментальных социальных институтов: институт семьи и брака; экономические институты; политические институты; культурно-духовные институты. Изучено взаимовлияние каждого социального института со сферой культуры и обоснована позиция, что социальные институты, находясь в процессе перманентных изменений, составляют структуру сферы культуры и на определенном историческом этапе в зависимости от степени взаимовлияния функции каждого социального института можно ранжировать на 3 категории (непосредственные, опосредованные, производные) по отношению к ней.

2. Все указанные фундаментальные социальные институты влияют на сферу культуры, оказывая управленческое воздействие в рамках реализации своих функций, и сами находятся в зависимости от нее. Анализ взаимовлияния и взаимодействия между социальными институтами и сферой культуры выявил значительное влияние государства как ключевого элемента политической власти. В данный период исторического развития государство часто берет на себя функции других социальных институтов, что увеличивает риск возникновения аномии. Это обуславливает необходимость разработки эффективных управленческих решений в сфере культуры, направленных на предотвращение конфликтов между действиями государственных структур, естественным

развитием социальных институтов и закономерностями развития культуры. Вместе с тем, учитывая, что на данный момент социальные институты и группы так и не осознали в полной мере свою роль и задачи в системе общественного устройства, сделан вывод о необходимости мобилизационной силы, в роли которой в настоящее время может выступать государство как социальный институт.

1.3 Институциональные проблемы управления сферой культуры

В последние десятилетия мы являемся свидетелями ситуации, когда одни культурно-духовные ценности трансформировались, вторые остались без всякого изменения, третьи оказались отвергнутыми, но при этом новый свод культурных ценностей большинством российского социума не определен. Это и стало следствием глубинных изменений в жизни не только отдельных индивидов или социальных групп, но и социальных институтов, которые «не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или доминирующие типы отношений и духовную позицию, но они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений»¹¹¹. Как показала практика, новые «формальные институты и их организации не совпали с реальными, неформальными институтами, с тем глубинным менталитетом, которым обладает население нашей страны»¹¹². Таким образом, можно говорить об институциональных проблемах современного российского общества, под которыми мы понимаем вопросы организации взаимодействия между индивидами, социальными, социально-профессиональными группами, которые обусловлены перманентным навязыванием (особенно в последние 30 – 40 лет) разных даже по своей сути паттернов поведения, зачастую основанном на

¹¹¹ Веблен Т. Теория праздного класса URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5890/5899>. (дата обращения: 01.01.2022).

¹¹² Шпалтаков В.П. Институциональная теория и насущные проблемы российской экономики. // Инновационная экономика и общество. – 2018. – №4. – С.31

противоположном ментальном базисе, и ускоренным технологическим рывком последних десятилетий.

Существуют значительные различия между понятием «управление сферой культуры» и управлением другими сферами жизнедеятельности человека, поэтому в определенном смысле такое выражение является условным. По мнению исследователя Ж. Тощенко, «оно не может обладать жесткостью, ориентированностью на количественные показатели, и это скорее глубокий анализ состояния духовности, выявление тенденций и предвидение возможных изменений в производстве духовных ценностей»¹¹³. Кроме того в отношении «процессов духовного характера, связанных с трансформацией мировоззрения, генезисом новых ценностей и ориентаций, крайне затруднительной выступает и прогностическая деятельность, хотя данные изменения могут оказывать большое воздействие на общественные процессы»¹¹⁴. Однако, с нашей точки зрения, область культуры подлежит управлению. Это категорическое утверждение объясняется тем, что в своих социологических исследованиях мы исходим из того, что, согласно сути социологического подхода к управлению, оно не сводится только лишь к методичному администрированию, а содержит в себе и процессы самоорганизации.

Необоснованны заявлены о том, что социогуманитарные науки представляют собой сферу отвлеченных размышлений, отдаленных от соответствующих действительности реалий социальной жизни. Скептицизм по отношению общественных наук и отчуждение их подвергает личность пассивности, отнимая возможность и стремление рационально жить в обществе, обстоятельно относиться к природе. Человек, который не замечает связей и копает бездну междунаучными подходами к природе и к обществу, беспричинно игнорирует целостность познаний. В этом плане эффективное разрешение назревших проблем, стоящих перед всеми науками: фундаментальными или

¹¹³ Тощенко Ж.Т. Социология: Общ. курс: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Юрайт, 2004. – 527 с.

¹¹⁴ Самыгин П.С., Самыгин С.И., Максимович А. В. Особенности социального прогнозирования в условиях социальной неопределенности современного российского общества // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – №3. – С. 182-195.

прикладными, – в большинстве случаев зависит от тесного контакта, координации и взаимосвязи наук, от умения владеть научной методологией¹¹⁵.

Согласны с мнением, что «ситуация смысловой неопределенности термина «управление» усугублялась тем, что принято именовать возникновением «широкой трактовки управления», когда сам термин управление и представления о цели как признаке управления начинают трактоваться широко и применяться в разных сферах деятельности, а управление становится синонимом любой регулятивной деятельности, осуществляемой без привязки к сфере применения, объекту регуляции, связанных с этим задач и источников регуляции»¹¹⁶. В нашем же понимании, управление – социальный процесс, представляющий собой совокупный результат деятельности людей по оптимизации функционирования социальной системы в целях более полного удовлетворения потребностей элементов системы – социальных групп, личности и общества в целом, с учетом закономерностей внутреннего саморазвития системы.¹¹⁷ Отметим, что сам процесс управления в социальных системах значительно отличается от развития в технических организациях тем, что управление включает в себе тесный контакт «управляющего» и «управляемого» – компонентов одной социальной системы в алгоритме действий по решению задач, а не вмешательство во внутренние дела со стороны субъекта управления на объект, хотя нередко в социальных системах отмечается именно такой подход. В связи с этими обстоятельствами одним из требований по совершенствованию и рациональности управленческих шагов в социальной системе является изживание такого поверхностного и устаревшего метода. Управление характеризуется такими общими существенными признаками, как упорядочивающие воздействия в форме регулирования и саморегулирования, целенаправленность и информационный обмен¹¹⁸.

В целом можно говорить об управлении как о сложной системе, обладающей рядом ее свойств. Во-первых, управление представляет собой

¹¹⁵ Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. – М.: Норма, 2007. – С.510.

¹¹⁶ Щербина В.В. Социология управления как специальная социолого-регулятивная теория: генезис, состояние, перспективы // Социологические исследования. – 2020. – №5. – С. 58.

¹¹⁷ Сагитов С.Т. Управление сферой культуры: социологический анализ – М.: Наука, 2022. – С. 29-30.

¹¹⁸ Зборовский Г.Е., Костина Н.Б. Социология управления – М.: Гардарики, 2004. – С.84.

структурированную деятельность, включающую такие элементы, как планирование, прогнозирование, организация, координация, мотивация и контроль. Во-вторых, управление характеризуется целостностью и способностью к декомпозиции. Его можно рассматривать как подсистему более крупной системы (например, социума), и при этом оно одновременно может выступать надсистемой по отношению к управляемым объектам. В-третьих, процесс управления предполагает наличие как внутренних связей (взаимодействие базовых элементов системы), так и внешних влияний. При этом внутренние связи должны быть устойчивее внешнего воздействия, поскольку их нарушение может привести к существенным изменениям вплоть до ее разрушения. В-четвертых, управление направлено на достижение определенной цели – сохранение и улучшение качественных характеристик системы. В-пятых, благодаря взаимодействию элементов системы в процессе управления возникает синергетический эффект, который позволяет выявить интегративные свойства, проявляющиеся лишь при объединении компонентов. В-шестых, управление – это бикретриальный и бифункциональный процесс: выступая, как уже было сказано выше, как свойство социальных систем для сохранения и повышения качественных характеристик, управление рассматривается как деятельность субъектов, направленная на стабилизацию и оптимизацию социальной системы, а также на удовлетворение потребностей ее элементов.

В своих исследованиях мы являемся приверженцами как социокультурного, так и институционального подхода в анализе общественного развития. Это обусловлено тем, что социокультурный подход, суть которого сводится к тому, что развитие общества возможно при формировании в поле культуры экономических, социальных, идеологических, политических и других отношений, складывающихся в процессе человеческой деятельности¹¹⁹, а вопросы развития и функционирования институтов зависят от исторически сложившихся правил

¹¹⁹ Вахтина М.А. Институционализм как отражение социокультурного подхода в экономике // «Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета». – 2005. – №11-2. – С.24.

социальной жизни, устоев и обычаев¹²⁰, позволяет исследовать «отношения личности, групп и общества во всех возможных комбинациях и взаимосвязях»¹²¹ с учетом сопоставительного анализа социокультурных, исторически сложившихся характеристик общества и предпочтений, и ценностей отдельных его представителей. Использование этого подхода позволяет определить в каждый конкретно взятый исторический момент и культурный базис, обуславливающий развитие общества на следующий период, и культурный диссонанс, требующий своего согласования. Вместе с тем использование такого подхода позволяет определить институционализирующиеся социальные практики, характер и глубину социальных трансформаций с возможностью дальнейшего прогнозирования¹²².

Институциональный подход предполагает, что социальный порядок, общественное доверие, солидарность и согласие между людьми основываются больше на интересе, нежели на принуждении, где «при определении сущностных характеристик институтов основной акцент в рамках делается на выявлении их свойств и механизмов»¹²³. Главное, что и тот, и другой подход рассматривает социальную систему и все ее сферы как единый организм, а все ее элементы как взаимосвязанные и взаимозависящие. Принимая во внимание существующие подходы к анализу социального прогресса и к решению регламентированных вопросов (что естественным образом находит отражение и в сфере культуры), хотим остановиться на трех причинах, свидетельствующих о том, что новая система культурных стандартов в российском социуме еще не сформирована.

Первая из проблем характеризуется неопределенностью представителей социально-профессиональных групп в отношении своего места в структуре новых технологических отношений, что создает трудности в определении ролей, функций и необходимости системного взаимодействия в процессе общественного

¹²⁰ Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации, - М.: Институт философии РАН, 2000. – С. 27-28.

¹²¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему. - Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – С.32.

¹²² Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. – 2002. – № 12. – С. 23-32.

¹²³ Бормотова Т. М., Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н. Институциональные проблемы современного российского общества// Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 1. – С. 21.

развития, что, с нашей точки зрения, становится основным препятствующим фактором в рассматриваемом нами аспекте. На самом деле, такая кооперация редко наблюдается даже в рамках одной социальной группы. Таковы действительность и реальная картина, сложившиеся в современном социуме. В данной ситуации можно говорить о культурной травме российского общества, результатом которой стала «деформация коллективной идентичности»¹²⁴. В данном случае под культурной травмой мы придерживаемся позиции Дж. Александера, где рассматривается эмпирическое, научное понятие, которое предполагает наличие новых смысловых и причинных связей между ранее не связанными между собой событиями, структурами, представлениями и действиями. Более того, как отмечает ученый, чтобы «травма возникла на уровне сообщества, социальные кризисы должны стать культурными кризисами», и она рассматривается как продукт социокультурного конструирования, в ходе которого происходят форматирование и переформатирование коллективной идентичности¹²⁵. Отсутствие понимания необходимости взаимодействия социальных групп является следствием изменений в социально-классовой структуре современного российского общества, выразившегося, по мнению Ж.Т. Тощенко, в т. ч. в формировании нового слоя – прекариата¹²⁶, представители которого составляют до 20% экономически активного населения России¹²⁷.

Связь первой и второй причин очевидна: вторая из них объясняется тем, что за последние два десятилетия технологические преобразования совершаются в короткие сроки и с интенсивной частотой. В связи с объективными и субъективными факторами индивиды, представители разных социальных групп, занимают разные позиции в вопросах восприятия и принятия порою даже революционных изменений. Первые признают такие новшества и пребывают в гуще происходящих событий; вторым для этого необходимо какое-то время;

124 Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. – 2022. – №3. – С. 15.

125 Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность//Социологический журнал. – 2012 – №3. – С.6-40.

126 Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. – М:Наука, 2018. – 350 с.

127 Тощенко Ж.Т. Новое социально-экономическое явление: прекариат// Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю.Витте. – 2022. – Т.1. – №1. С.152.

третьи, достигнув определенного уровня саморазвития, сами себе подводят черту дальнейших преобразований, за которую не собираются переступать; есть и такие, которые из-за неприятия новых технологий или неумения применения их в повседневной деятельности не принимают никакого участия в высокотехнологических процессах, уверовав в правоту своих воззрений. И каждому из представителей социума, поделенных нами на условные группы, присуще свое понимание культурных ценностей.

Такая ситуация приводит еще и к тому, что в социокультурном пространстве перестают формироваться новые течения, субкультуры. Это в свою очередь, приводит к состоянию подавленности, безразличия к историческому прошлому и мнению основной массы со стороны «манкуртов»¹²⁸. Если же вышеупомянутыми процессами будет захвачены представители доминирующей культуры, преследующей общекультурные нормы, ценности, то социум может стать обреченным на исчезновение. При этом мы придерживаемся позиции, согласно которой не может быть единой и неизменной доминирующей культуры: одна и та же субкультура в определенный исторический момент может оказаться доминирующей, через некоторое время – субкультурой, а потом и вовсе – контркультурой. И наоборот. При этом в разных социальных общностях в один и тот же период та же субкультура может занимать разную позицию. Изменение состояния массовой культуры – тому выразительный пример. Поп-культура, известно, появилась в середине двадцатого столетия в результате развития средств информационного обмена. Дж. Белл отмечает, что реалии современного общества, где «...несравненно большее число людей занято производством и потреблением продуктов культуры...»¹²⁹, таковы, что подавляющая часть из них не имеет специального образования в том или ином направлении. Именно по этой причине можно судить о том, что массовой культуре свойственна легкость осознания и что она является цепью «организованной однодневки», когда пресыщаются ежемоментные требования населения, не стремящегося к своему

¹²⁸ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.

¹²⁹ Белл Дж. Массовая культура и современное общество // Америка. – №103. – 1993.

развитию. В свое время при советском режиме решительно отрицали малейшее проявление масс-культуры, приравнивая такое к культуре буржуазных стран¹³⁰, что и понятно, ведь рыночные отношения в советской экономике отсутствовали, а массовой культуре свойственна коммерциализация продукта. В условиях современности такой вид культуры популярен, при этом, по мнению исследователей, в России масс-культура как мощный виток сферы развлечений рискует стать центром разрушения отечественной культуры в целом и на региональном уровне¹³¹.

Третья, и вероятно, основная причина зависит от того, что система социальных взаимоотношений, инфраструктура социальной сферы, все элементы социальной структуры нашего общества находятся сегодня в переходном состоянии. Конечно, общество «не существует и не может существовать в неизменном состоянии»¹³². Однако нельзя не отметить, что за последние тридцать – сорок лет преобразования в российском социуме не осуществляются в одновекторной парадигме. Это в свою очередь обуславливает соответствующее развитие социальных институтов, которое сопровождается не только разнонаправленным, но и разноскоростным движением: если контуры некоторых социальных институтов в какой-то мере уже определены, то у других они еще только зарождаются, в связи с чем не может устояться и структура сферы культуры.

К тому же следует отметить, что на разницу между ожидаемыми и полученными результатами в итоге деятельности на любом уровне оказывают и управленческие решения. Уровень осознания и подходы к решению той или иной задачи у разнообразных участников механизма управления свои, и они несут собой множество вариантов, широкий спектр мнений и реальных действий. Известно, что любой социальной системе свойственна внутренняя природа, фиксация которой происходит при применении внешних управленческих

¹³⁰ Кукаркин А.В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. М.: Политиздат, 1974. – 558 с.

¹³¹ Богатырева Т.Г. Шоу-бизнес: организации и технологии // Социокультурное пространство: структуры и процессы. М., 1996. – 246 с.

¹³² Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М., 1996. – 416 с.

воздействий¹³³. Сложности наблюдаются и в том, что функционирование названных нами процессов нередко осуществляется одновременно, так как координация в социальной системе не представляет собой последовательную цепь конструированных и найденных решений.

В ходе управленческой деятельности также возникает необходимость решения проблем, включающих доскональный анализ и оценку обстоятельств, определение закономерностей изменений в ближайшее время. Выбор цели управленческого воздействия – необходимое и важное звено в отборе среди множества той необходимой цели, которая способна реализоваться на практике. В таком случае следует иметь в виду: если цель управляющего воздействия имеет общественное значение, то ее практическая реализация становится требованием целесообразной жизнедеятельности социума. На этом этапе в соответствии с целью обуславливаются свойства управляющего и управляемого объектов, определяется конкретный механизм управления, рассматриваются и утверждаются содержание и стандарты, методы и средства, предлагается набор и расстановка управленческих кадров. Несмотря на то, что перед участниками процесса управления ставится общая цель, у каждого из них есть свои интересы и стремления, ведь любая организация представляет собой целостность ориентиров. Небольшой пример – тому подтверждение: на приборостроительном заводе работников объединяет не стремление приобрести это оборудование для использования в личных целях, а доход от реализации приборостроительного оборудования, что можно впоследствии перевести в другие виды социальных активов (власть, социальное положение) или даже можно ориентировать в процесс изготовления других товаров. С нашей точки зрения, все, что инициирует в объекте управления желаемые с точки зрения его субъекта вызов стимула и целеполагания, имеет важное значение при любом управленческом воздействии. К таковым составляющим относятся: умение подобрать оптимальные варианты для расположения сотрудников в пространственной и производительной позициях

¹³³ Насибуллин Р.Т., Сагитов С.Т. Социальная сущность управленческого процесса // Теории и проблемы политических исследований. 2016. – №5А. – С. 109-118.

с учетом привлекаемых ими в процессе деятельности оборудования и средств труда; гарантировать их взаимодействие и взаимообмен в поле деятельности и других областях жизни общества; усиливать их конструктивные способности, уделяя при этом особое внимание координации усилий с практическими подходами к регулированию и контролю, при котором создаются возможности для продолжения или ограничения определенного вида деятельности.

Следует констатировать то, что управленческое воздействие на практике практически никогда не достигает плановых показателей даже при наличии полного набора инструментов: обозначение конкретного субъекта и объекта управления с четким выделением функций контроля, определение целей и задач, тщательное продумывание и разработка программ реализации, наметка перспективы и очерчивание прогнозов. Результат приобретает иной характер: либо не достигает поставленных задач, либо расширяет границы со знаком «плюс». Такая ситуация объясняется несколькими аспектами: противоречия в системе социального времени, численность субъектов управления, множество управленческих решений, внутреннее развитие системы. Остановимся на детальном анализе этих сторон.

Первый аспект раскрывает противоречия в системе социального времени, где управление рассматривается как динамическая система, что создает ситуацию, когда появляется формула: «Вч – С – З» («благодаря вчерашнему (Вч) опыту сегодня (С) возникает решение, которое в жизнь будет воплощаться завтра (З)»). Субъекты управления на основании сформированной ранее системы мироощущения и миропонимания принимают в определенный момент времени в конкретно заданной ситуации решение для его реализации в завтрашней системе информации, на завтрашних ресурсах, и уже с измененными ценностями. Со своей стороны, мы, не описывая никакую другую, не отрицаем управленческую систему: «Вч – С – З», так как нет иной более совершенной модели. Согласимся с мнением Т. Веблена, который подметил: «Сегодняшняя обстановка формирует институты завтрашнего дня вследствие процесса принудительного отбора,

действуя на привычные взгляды людей на вещи и таким образом изменяя или укрепляя точку зрения или духовную позицию, унаследованную от прошлого»¹³⁴.

Следующий аспект зависит от количества носителей ценностей, участвующих в процессе управленческих действий. «Сколько людей, столько мнений» – таков негласный закон, формирующий общественное сознание с указанием на собственное миропонимание и мироощущение. Согласно такому подходу, все участники процесса приведут свои аргументы, будут доказывать свою позицию и защищать свой вариант решения возникших проблем в стремлении удовлетворения индивидуальных потребностей.

Объект управления параллельно может выступать и в качестве субъекта, который не только обладает конкретным сознанием, опытом и следует целям функционирования, но и имеет в себе качества, необходимые для организации процессов управления и самоуправления. Известно, что объект управления сочетает в себе неоднозначное единство социальной, социально-демографической, социально-профессиональной структур. Каждый из участников управленческого процесса по этой причине по-своему будет трактовать поставленную цель, формы и методы решения задач, исходя из имеющихся у него представлений о путях достижения. По-другому выразить данные можно такой формулой: « $S \geq O \leq S$ » (субъект управляет объектом в том объеме, который сам и представляет). К тому же, реальность доказывает обратное: в некоторых случаях объект управления, оказавшись в определенных условиях, начинает вмешиваться в действия субъекта, навязывая ему свою волю, и управлять им. Доказательство тому можно найти и в действительности: к примеру, многочисленные «цветные» революции.

Считаем, что максимальная продуктивность от управленческих решений будет при скоординированности действий с обеих сторон – субъекта и объекта. Согласованность между ними указывает на то, что субъект в соответствии с характером и методами воздействия отвечает выдвинутому уровню самосознания другими участниками процесса, рассматриваемыми как объект управления.

¹³⁴Веблен Т. Теория праздного класса URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5890/5899>. (дата обращения: 01.01.2022).

Другими словами, активная роль управляющего компонента проступает не только в регламентирующих действиях на актуальную управляемую систему, но и в ее поддержке в такой форме, чтобы с точки зрения контролируемости соответствовала возможностям управляющей системы¹³⁵. Следует отметить, что при выборе решения субъект управления должен опираться не только на свой профессиональный и жизненный опыт, оценку экспертов и мнение преобладающего большинства в социуме, но и на понимание сути, характерных особенностей объекта управления и свойственных ему функций и механизмов развития.

Третий аспект, раскрывающий несоответствие между намеченными целями и итогами деятельности, заключается в том, что управление в социальной сфере не есть последовательный процесс, состоящий из намеченных перспектив и найденных решений. Многие из этих оперативных мер в жизни вполне могут приниматься и реализовываться синхронно, в одно и то же время в различных сферах жизнедеятельности и на разных уровнях с привлечением большого или небольшого количества участников по разным обстоятельствам. В силу такого положения, управленческая деятельность, направленная на систему в целом, налагается на такие же решения, касающиеся компонентов системы более высокого или низшего разряда. В последнее время в нашем лексиконе все больше и больше входит в оборот термин «big data». Этот термин, который в переводе обозначает «большие данные», пришел из программирования и связан с появлением технологических возможностей организовывать и далее анализировать массивы данных, для прогнозирования вытекающих из этого последствий.

Перечисленные нами процессы стали возможными благодаря широкой информатизации и глобализации процессов, происходящих в мировом масштабе, где объем, скорость и многообразие (три V – volume, velocity, variety) выступают в качестве определяющих характеристик для обработки больших данных. Вместе с тем, если внимательно присмотреться, то социальное управление в рамках

¹³⁵ Лебедев П.Н. Очерки теории социального управления. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 144 с.

определенной социальной общности представляет собой постоянный обмен большим количеством данных, как структурированных, так и не структурированных, как задекларированных, так и затаивающихся. Эти данные постоянно обрабатываются субъектами управленческого процесса, при этом компетенции субъекта (особенно те, которые позволяют выявить скрытые закономерности и побудители, ускользающие от обычного восприятия) влияют на скорость и качество принятия решения. Чем не социальная big data?! Кроме того, «стремительное развитие цифровых технологий и их внедрение в организациях трансформировали организационную культуру путем внедрения новых культурных ресурсов»¹³⁶.

Еще одна причина, влияющая на происходящие в процессе управления значительные расхождения между целями и результатами, заключается в том, что в любой системе присутствуют процессы самоуправления и саморазвития. В том случае, если управленческие меры войдут в противоречие внутреннему развитию объекта, т. е. субъектом управления не принимаются во внимание внутренние законы становления объекта, гарантированно следует отклонение от ожидаемых результатов, ибо «социальное управление всегда представляет собой единство управления и самоуправления»¹³⁷. В связи с тем, что все элементы социальной системы находятся в непрерывном взаимодействии, расхождение между управленческим воздействием и внутренней составляющей одного непременно откликнется и на других, что чревато впоследствии появлением диссонанса и началом системного кризиса общества.

По мнению ученого А.К. Белых, самоуправление является общесоциологической категорией, применимой к любому обществу¹³⁸: если в первобытном обществе самоуправление действовало в буквальном смысле этого слова, ибо там не было особого слоя людей, выделенных для управления другими людьми; то в дальнейших социально-экономических системах самоуправление не

¹³⁶ Grover V., Tseng S.-L., Pu W. A theoretical perspective on organizational culture and digitalization // Information and Management. – Vol. 59. – Iss. 4, June 2022. <https://doi.org/10.1016/j.im.2022.103639>.

¹³⁷ Иванов В.Н., Горбухов В.А. Основы социального управления. – М.: ФОРУМ, 2011. – 223 с.

¹³⁸ Белых А.К. Управление и самоуправление. – Ленинград, 1972. – 209 с.

носило столь универсального характера и являлось определенной системой управления, построенной на основе самоорганизации, самодеятельности и саморегулирования. В зависимости от своего происхождения социальные самоуправляемые системы можно подразделить на три вида: естественные, естественно-искусственные, искусственные. Естественные социальные системы возникают стихийно, непреднамеренно, и такими системами, например, являются семья, дружеская компания, группы по интересам. Искусственные системы создаются преднамеренно, по определенному плану для решения конкретных задач. К искусственным системам можно отнести школу, армию, учреждения и т. п. Естественно-искусственные или смешанные социальные самоуправляемые системы по своему происхождению имеют как стихийные, так и определенные проектные факторы. Примером таких систем могут быть поселения, города, нации и, конечно же, сфера культуры.

Любая самоуправляемая система всегда подвержена внешнему воздействию. И для дальнейшего функционирования, развития она должна уметь приспосабливаться к изменениям вне системы, перестраивая внутреннюю структуру. Если же система не способна подстраиваться к внешним изменениям, т.е. воздействие внешней среды превышает возможности функционального изменения самоуправляемой системы, то система обречена на прекращение существования. Это говорит о том, что элементы системы должны быть не просто взаимосвязаны и взаимозависимы, но и придерживаться строгой субординации и иметь систему обратной связи. Кроме того, элементы самоуправляемой системы должны иметь общую цель. Отметим еще один момент. При всей необходимости приспособления самоуправляемой системы к внешним воздействиям она не должна полностью менять свою структуру, цель, подлаживаясь исключительно под изменения. Это может привести изменению не только функциональной системы, но и к перестановке целей и задач функционирования. В современном социуме действует правило «перевернутой социальной пирамиды»: чем ниже группа в социальной иерархии, тем больше ее численность, и чем выше группа,

тем больше доля общественного богатства, приходящаяся на нее¹³⁹. Это создает сложную управленческую задачу поиска баланса между потребностями индивидов и социальных групп, с одной стороны, и интересами всего социума – с другой. Достижение такого соответствия возможно при постоянном анализе деятельности субъектов управления с дальнейшей корреляцией действий.

Управление как социальный процесс является комплексным результатом деятельности людей по урегулированию и совершенствованию определенной общественной системы и выполняет ряд функций. Следует отметить, что отечественные исследователи в своих научных трудах выделяют в числе таких функций планирование, организацию, мотивацию и контроль, дополняя прогнозированием, учетом и общением¹⁴⁰. Появилось и выражение «управленческий веер», которое подразумевает собой взаимозависимость каждой из функций¹⁴¹.

Среди составляющих управленческой деятельности можно отметить следующие: 1) механизм управления, 2) социальную самоорганизацию и 3) организационный порядок. Первый из этих компонентов является планомерным управляющим воздействием в совокупности со стихийным функционированием внутрисистемного урегулирования и социальной самоорганизации и ведет к уже выделенному нами ранее третьему компоненту, т. е. устоявшимся нормам управления и системе самопроизвольно появляющегося распорядка внутрисистемных отношений.

Некоторые исследователи оценивают управленческое решение как эффективное в случае, если «наилучший результат достигнут при заданных временных издержках или заданный результат получен при самых низких издержках выбора»¹⁴², либо в случае, если решены проблемы трансформации

¹³⁹ Насибуллин Р.Т. Население Башкортостана: социально-демографический анализ. – М.: ИСЭПН РАН, 1997 – 160 с.

¹⁴⁰ Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: опыт системного исследования – М.: Политиздат, 1968. – 384 с.

¹⁴¹ Бабосов Е.М., Трус А.А. Социальный портрет современного руководителя // Проблемы управления (Минск). – 2015. – №1 (54). – С. 47-53.

¹⁴² Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В. Менеджмент в организациях – М., 1995. – 337 с.

организационной культуры¹⁴³. Нередко управленческую деятельность оценивают как эффективную при соблюдении следующих условий:

- четко определена цель;
- определена ресурсная база, необходимая для достижения цели;
- цель достигнута при минимальных затратах.

Такая расстановка составляющих поясняет определение важности ресурсного снабжения, затраченных издержек для усиления эффективности результатов в процессе управления. Тем не менее, при координации действий как социального явления продуктивность следует оценивать не только по этим параметрам: важно использовать и исторический опыт, и рациональность как объективный и субъективный компоненты эффективности. Самоощущение участников процесса имеет непосредственное отношение к показателям продуктивности управления. Успешное решение показывает удовлетворение нужд и запросов всех составляющих системы. При разрешении специфической полярности «система (общество) – личность», расположенной в таких координатах, субъект управления должен придерживаться приоритетов и первоначальной концепции по решению задач для достижения определенной цели. Если игнорировать системный подход к процессам, происходящим в обществе, то управление не станет результативным.

Обратимся к примеру. Государство решило вкладывать в добычу природных ресурсов средства, вырученные от ее продажи, в результате чего при минимальных затратах получило моментальную отдачу. Для сравнения: если эти же немалые средства инвестировать в создание условий художественного развития подрастающего поколения, то измерить в рублях условный коэффициент полезного действия урока музыки сегодня не получится. Результатами воспользуются лишь будущие поколения. В этом случае сравнению не подлежат неустанная забота о духовном здоровье подрастающего поколения и стремление во что бы то ни стало к неперемennomu увеличению экономических показателей. В

¹⁴³ Gong L., Jiang S., Liang X. Competing value framework-based culture transformation // Journal of Business Research. – Vol. 145. – June 2022. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.03.019>.

комплексе предстоит решить вопрос о том, какие направления деятельности и сколько следует вкладываться сегодня, а сколько вкладываться и во что на будущее, тем самым заложить крепкий фундамент для достойной жизнедеятельности будущих поколений.

Так, здесь выделяется другая проблема, связанная с культурой управления, со способностью субъекта управления находить оптимум. Функция культуры управления в целом сводится к подбору и осуществлению оптимального управленческого действия по предоставлению наилучшего функционирования общественного механизма при конкретных, определенных обстоятельствах социального развития.

Принимая, что управление – ровесник человечества¹⁴⁴, каждому этапу общественного развития присущи как свой уровень производства, так и своя культура управления как совокупность механизмов и методов управления, способствующих реализации наиболее оптимального варианта организационных шагов для достижения целей функционирования и поступательного развития социальной системы, оптимальной реализации потенциала системы в целом, а не только субъекта управления. Ведь координация системы будет оптимальной в том случае, если удастся в полной мере учесть не только цель, но и предмет, а также метод, лежащий в основе такого управления¹⁴⁵. Вместе с тем, вплоть до конца XIX века о культуре управления невозможно говорить, что это поступательно развивающийся систематизированный процесс, ибо управление осуществлялось людьми в большей части интуитивно. Смеем предположить, что наука об управлении появилась лишь тогда, когда уже был накоплен значительный опыт, прошедший стадию обобщения, и появились источники с описанием всевозможных методов и подходов к рассматриваемой проблеме. Вслед за ними обнаружились и тенденции развития общества, необходимые и приемлемые предпосылки его жизнедеятельности, что натолкнуло на возникновение учения о

¹⁴⁴ Дуреев С.П. Человек и общество: управление и самоуправление // Вестник Омского университета, – 2009. – №1. – С. 149-159

¹⁴⁵ Насибуллин Р.Т., Сагитов С.Т. Социальная сущность управленческого процесса // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Т. 5. – №5А. – С. 109-118.

неотъемлемой части функционирования человечества – культуре управления.

Соглашаясь в общем с тем, «культура управления – это совокупность способов оптимальной реализации социального потенциала субъекта управления»¹⁴⁶, заметим, это положение можно принять за основу в случае, если субъект управления понимается как социальная общность и выделяется в ее составе социально-профессиональная группа управляющих. Управление рассматривается здесь как «С = С» (субъектно-субъектный процесс), где все представители группы устремлены к достижению стоящих перед ними целей и решению задач, в результате чего реализуются и общие намерения; при этом «формирование и возрастание значимости субъект-субъектной парадигмы требует наращивания социальной ресурсности непрофессионалов и постоянного совершенствования компетентности, практико-ориентированности профессионалов»¹⁴⁷.

Отметим, что независимо от того, что у социальных групп все ресурсы: экономические, организационные, административные, информационные – разные, координация действий между членами этих социальных категорий в системе управления отвергает полное доминирование одного над другим, и здесь «С = С» (субъектно-субъектный подход) является объективной необходимостью. Развитие общества на современном этапе требует именно такого отношения к процессу управления, где «управление представляет собой не одностороннее воздействие управляющей социальной системы на управляемую, а диалектическое взаимодействие между его субъектом и объектом, состоящее из многообразных прямых и обратных связей между ними»¹⁴⁸.

Исторический анализ свидетельствует о том, что без знания классических законов, которые регулируют развитие социального мира; без понимания современных целей социума, требований и оснований развития человечества,

¹⁴⁶ Ивенский Л.М. Культура управления: сущность, генезис, метауправление. – Чебоксары, 1992. – 63 с.

¹⁴⁷ Саралиева З.Х. Субъект-субъектная парадигма в основе помогающих профессий // Помогаящие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. – С. 594.

¹⁴⁸ Атаманчук Г.В. К вопросу о взаимосвязи субъектов и объектов социального управления. // Вопросы философии. – 1974. – № 7. – С. 29-37.

путей реализации этих целей управленческая деятельность не станет эффективной. Модернизация рассматриваемой нами системы на самых различных уровнях и сферах жизнедеятельности человека является одним из основных требований к обеспечению продуктивной деятельности современного российского общества. Эта же задача переносится и в область решения общенациональных проблем, и в сферу региональных, включая задачи местного назначения. В таких условиях преимущества одних задач перед другими с учетом взаимовлияния микро- и макрособытий друг на друга не существует¹⁴⁹. Этот же фактор и подталкивает на потребность непрерывного улучшения процессов управления и в сфере культуры. Учитывая латентный характер большинства управленческих процессов в сфере культуры, рационально рассматривать управление как процесс массовой коммуникации. Такой подход позволяет изучать не только особенности субъекта управления, но и другие составляющие управленческого процесса.

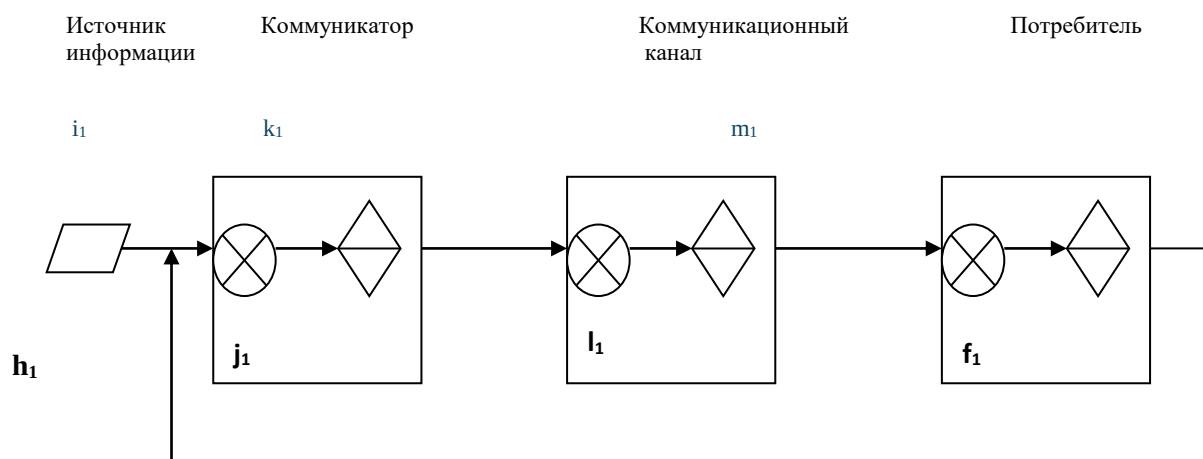

Рисунок 1 – Процесс массовой коммуникации

В общем виде процесс массовой коммуникации можно отобразить графически в следующем виде (рисунок 1). Алгоритм предполагает следующий цикл процессов: 1) предоставление источником информации коммуникатору информации (i_1); 2) обработка коммуникатором информации с последующим

¹⁴⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М., 1996. – 416 с.

оформлением в виде решения (k_1) и направления его в адрес коммуникационного канала; 3) коммуникационный канал реализует принятый посыл от коммуникатора в продукцию (m_1) и, в свою очередь, направляет ее потребителю; 4) потребитель принимает продукцию и посредством обратной связи (h_1) доводит свое мнение до коммуникатора. Чем меньше разница между i_1 , m_1 и h_1 , тем больше эффективность процесса управления, который осложняется большим количеством субъектов управления, что требует учета обширного количества информации.

Помимо всего, еще можно привести 2 фактора, которые влияют на комплементарность i_1 и m_1 , свойственных всем участникам процесса управления. Первое из них объясняется профессиональной подготовкой участников действия, что отражает уровень профессионализма коммуникатора и коммуникационного канала, восприятие коммуникатором исходной информации и принятие на ее основе решения; осознание принятого решения коммуникационным каналом, что находит отражение в конечной продукции; общий показатель развития потребителя и др. Второе обстоятельство раскрывает индивидуальные показатели, к которым относятся: субъективная оценка коммуникатора, коммуникационного канала и потребителя; персональное отношение участвующих в процессе друг к другу, общественное мнение и пр., что может повлиять на отклонение первоначального значения i_1 на любой стадии.

При проецировании обозначенной модели на сферу культуры можно выделить 3 крупные группы элементов¹⁵⁰.

В первую группу факторов, определяющих предпосылки возникновения и характеристику культурной продукции, мы включили источник информации и культурную продукцию. Источник информации – это все события и явления, происходящие или происходившие в физической и социальной реальности. Это процесс изменений, сопровождающий развитие общества и его обстоятельств, что формирует содержательную основу для будущей культурной продукции, которая,

¹⁵⁰ Сагитов С.Т. Управление сферой культуры: социологический анализ – М.: Наука, 2022. – С. 40-43.

в свою очередь, может быть представлена в завершающей форме как материальная или духовная ценность.

Вторая группа – это субъекты управления сферой культуры: коммуникаторы, коммуникационные каналы и потребители. Коммуникаторы – это социальные организации и отдельные личности, принимающие решения, обязательные к исполнению. Коммуникаторами могут быть государственные органы власти, учреждения местного самоуправления, профессиональные союзы и другие структуры, направляющие развитие культуры. Коммуникационные каналы – производители культурных ценностей, реализующие основные направления культурной политики. При этом среди коммуникационных каналов можно выделить неодушевленные предметы (например, книги, статьи в прессе, произведения искусства) и одушевленные субъекты (например, труппы, музыкальные группы, лекторы, учителя). По сути, это все те, кто, по мнению Бурдьё, наделен «особыми диспозициями и дефинициями восприятия и суждения, отличающих их от «рядового потребителя»: исследователи художественного творчества, инстанции посвящения, институты производства и воспроизводства и специализированные агенты, ответственные за «экономику культурных товаров»¹⁵¹. В качестве потребителей выступает основная масса населения и/или отдельные социальные группы, на которых ориентирована культурная продукция.

Третья группа элементов представляет собой систему интерпретации данных. Она способствует процессам восприятия и распознавания, отражает субъективность восприятия и учитывает различия в интерпретации культурных ценностей. К элементам этой группы мы относим индивидуальные фильтры и обратную связь. Индивидуальные фильтры – факторы, влияющие на предпочтения коммуникаторов, коммуникационных каналов и потребителей. Они определяют различия в их целях, задачах и приоритетах развития, а также в оценке деятельности каждого из участников коммуникационного процесса. Обратная связь – отклик потребителей на поступившую информацию, который

¹⁵¹ Bourdieu P. Genèse historique d'une esthétique pure // Les cahiers du Musée national d'art moderne. – Printemps 1989. – P.101

позволяет коммуникатору оценить эффективность работы своего коммуникационного канала и понять, достигнут ли желаемый результат. Для ее полноценного действия необходимы различные обратные коммуникационные каналы, позволяющие потребителю выражать свои мнения и предпочтения как прямо (непосредственно), так и косвенно (опосредованно), чтобы они могли доходить до коммуникатора.

Индивидуальные фильтры субъектов управления, учитывающие уникальную природу сферы культуры, оказывают значительное влияние на остальные аспекты управленческого процесса. Мы не говорим о первостепенности или превосходстве этих фильтров, ведь они сами представляют собой отражение социальных, экономических и духовно-нравственных процессов в сознании членов общества. Однако индивидуальные фильтры существенно влияют на адекватность принятых решений и их последующую реализацию, определяя развитие не только отдельного субъекта, но и других участников процесса. Однако попытка учесть все индивидуальные фильтры в процессе управления наталкивается на ограничение. Это делает вопрос о роли фильтров в управленческом процессе, особенно в такой сфере, как культура, актуальной научной задачей, требующей дальнейшего изучения. Действенность культуры не возникает автоматически или вне зависимости от условий. Ее управление требует осознанных усилий, а также учета потребностей населения как основного потребителя культурного продукта.

В целом значение фильтров состоит в распределении всей поступающей к субъекту управления информации на две категории – воспринимаемые и невоспринимаемые. При этом стоит отметить несколько важных моментов:

Первое. Фильтры не статичны – они трансформируются в связи с изменением социального статуса (например, получение высшего образования), либо с приобретением каких-либо компетенций (курсы по искусствоведению), либо с жизненной ситуацией (вера в бога).

Второе. Фильтры создают ограничения в управленческом процессе ввиду разночтения одного и того же материала разными субъектами управления. Таким

образом, фильтры в определенный и конкретный момент времени дают отклонения «управленческого маятника», корректировку как входных, так и выходных данных¹⁵².

Третье. Не всегда предписанные определенному социальному статусу фильтры имеют место быть. Например, назначение «крепкого хозяйственника» руководителем театрально-концертной организации не гарантирует наличие знаний о современных веяниях в развитии драматического театра, хотя должность предполагает эти компетенции.

В управлении социальными процессами кроме явных функций и задач управления существуют и латентные. В сфере культуры, в динамике отношений между коммуникатором и потребителем, явной функцией выступает удовлетворение потребностей в культурной продукции. Латентная функция заключается в формировании художественного вкуса населения, что, в свою очередь, способствует развитию индивидуальных фильтров восприятия. Важно помнить, что фильтры присущи не только потребителям, но и всем участникам процесса управления, будь то организация, личность или средство коммуникации – имеют свои объективные установки, обусловленные их положением, функциями и ролями. Эти установки часто приобретают субъективный оттенок, неочевидный или не известный другим участникам взаимодействия¹⁵³. Изучение этой области требует сегментирования не только потребителей, но и коммуникаторов, что позволяет устанавливать связи между мнениями, предпочтениями и выбором, с учетом личностных и социальных характеристик каждого участника процесса.

Так, решения коммуникатора могут быть обусловлены его личными вкусами и предпочтениями. Эти предпочтения передаются через выбранный коммуникационный канал и оказывают влияние на восприятие потребителей. Например, представитель группы чиновников является большим поклонником одного из драматургов ввиду их дружеских отношений и общих интересов.

¹⁵² Асаул А.Н., Князь И.П., Коротаева Ю.В. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса; под ред. А.Н. Асаула. – СПб: ИПЭВ, 2007. – С. 61.

¹⁵³ Сагитов С.Т. Роль индивидуальных фильтров в процессе управления сферой культуры // Общественные науки. – 2017. – №2-2. – С. 512-521.

Именно он своим решением обязывает представителей культурной бюрократии ставить в театрах спектакли по произведениям данного драматурга без учета специфики театра, состава актеров (наличие творцов), круга зрителей (потребителей), актуальности и качества пьесы (источник информации). Так, при тотальном «присутствии» на афишах театров и соответствующей поддержке в СМИ может создаться впечатление, что драматург велик, а пьесы близки к гениальным, хотя немногочисленные искусствоведы (творцы) могут говорить совершенно об обратном. Однако потребитель уже будет воспитываться на этих спектаклях, на этом материале, что повлияет на формирование его художественного вкуса.

Эффективным принятое решение будет в случае, если коммуникатор сможет учитывать интересы и особенности потребителя. Это требует анализа самых различных характеристик и структурирования для реализации соответствующих управленческих решений. На основании интересов различных социальных групп коммуникатор должен регулировать потоки информации и распределять ресурсы, включая финансовые, так, чтобы максимально удовлетворить их культурные запросы и способствовать укреплению социальной общности. Важную роль в данном процессе играют индивидуальные фильтры участников процесса, определяющие восприятие направлений культурного развития и видов культурной продукции, предложенных коммуникатором.

Можно заключить, что формирование культурных предпочтений, привитие ценностей и адаптация потребителей к социальной среде требуют активного участия коммуникатора и коммуникационных каналов. Эти усилия должны опираться на традиции и предпочтения большинства населения, ведь технологический прогресс и экономический рост не гарантируют автоматического культурно-духовного развития. Более того, как утверждается в научной литературе, высокий уровень материально-технического достатка может сопровождаться утратой моральных ориентиров, деградацией нравственности,

увеличением бездуховности, а также ростом социальных девиаций и рисков¹⁵⁴. Такие угрозы непосредственно связаны с поведением людей, преследующих исключительно личные интересы.

В условиях демократического общества, где отсутствуют строгая цензура и регламентация духовной жизни, значение индивидуальных фильтров существенно возрастает. Например, современные издания художественной литературы зачастую следуют вкусам массовой аудитории, что приводит к переполнению книжных полок произведениями миллионных тиражей, качество которых вызывает вопросы. Многие из таких книг написаны упрощенным языком, лишены глубины сюжета и ценностного содержания, не пробуждают эмоционального отклика или желания переосмыслить прочитанное. Это контрастирует с русской классикой и литературой советского периода, которая была «литературой общественного служения» и в которой читатель находил ответы на вопросы времени. Нынешняя ситуация нередко напоминает печальное наблюдение М.Е. Салтыкова-Щедрина: «писатель пописывает, а читатель почитывает». Угодничество требованиям массовой аудитории ради финансовой выгоды порой приводит к разрушению духовной культуры социума и окончательной трансформации его в общество потребления.

Индивидуальные фильтры потребителей не только влияют на прием управленческих решений коммуникатора, но и способны корректировать дальнейшую управленческую деятельность на всех этапах. Максимальная реализация планов коммуникатора возможна только при эффективной обратной связи. В противном случае изменяются как первоначальный замысел, так и ожидаемый результат. Система анализа данных наряду с индивидуальными фильтрами включает в себя и обратную связь, на основе чего и проявляются действия, которые отражают персонализированность интерпретации и определяют условия приятия культурной продукции его акторами.

¹⁵⁴ Осипов Г.В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // Социологические исследования. – 2012. – №7. – С. 5-17.

Еще одной детерминантой в восприятии культурной продукции является квазигосударственные фильтры. По своей сути это индивидуальные фильтры одного или нескольких индивидов, которые облачаются в программы развития (села, района, области и т. п.) и получают статус «государственной». Это не единичное желание отдельного представителя культурной бюрократии в организации, например, концерта любимого им артиста, а системная программа на определенный срок с конкретным финансированием, в большей части за бюджетные средства, иногда с определением ожидаемых результатов. В этой программе определяются мероприятия, разработанные опять-таки в рамках индивидуальных фильтров ее авторов. Однако главное отличие в том, что мероприятия подобной программы обязательны к исполнению и транслируются на значимую долю социума. В данном случае программы в сфере культуры мы и определяем как квазигосударственные фильтры. Если тот или иной музыкант «делает джаз», а муниципальная программа предусматривает только поддержку фольклорных коллективов, то налицо искусственно созданное ограничение ввиду позиций, отображенных в программе развития – квазигосударственный фильтр. Такие фильтры определяют поведение участников процесса, что называется «сверху», и творцы, рассчитывающие на государственный заказ, не должны выходить за обозначенные рамки. Более того, квазигосударственные фильтры нередко выступают и в качестве цензуры, как было, например, с рок-культурой и иными субкультурами в СССР.

Культура в современном мире выступает ключевым фактором, влияющим не только на духовное развитие общества, но и на его экономическую динамику, социальное равновесие, национальную безопасность и укрепление институтов гражданского общества. Она представляет собой результат человеческой деятельности и взаимодействия¹⁵⁵, формирующий окружающую реальность. Сфера культуры «не только отражает опыт своей истории, но и постоянно меняется под влиянием внешних и внутренних вызовов, нарастающих

¹⁵⁵ Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

социокультурных угроз национальному развитию»¹⁵⁶. Именно поэтому большое значение имеет то, как построена система управления в сфере культуры, какие выделены приоритеты в развитии, какие роли определены участникам процесса, как выстроена система обратной связи.

Все эти аспекты взаимосвязаны и составляют единую систему, где ее эффективность зависит от каждого элемента, характера их взаимодействия и внутренней сообразности. Система управления не должна рассматриваться как линейный процесс «коммуникатор – канал – потребитель», а, скорее, как динамичное взаимодействие равноправных сторон. Этот подход иллюстрирует непрерывную связь между культурным и общественным развитием, пронизанную активным обменом информацией¹⁵⁷.

Безусловно, такой подход сопряжен с определенными трудностями. Среди них – неопределенный характер восприятия субъектами управления культурных ценностей, многообразие коммуникационных каналов, а также реакция потребителя, носящая латентный характер, а также последствия его взаимодействия в рамках процесса массовой коммуникации. Однако именно он позволяет наиболее точно выявить проблемы управления: определить уязвимые места в системе массовой коммуникации, оценить ее сильные стороны и разработать меры для устранения негативных факторов, одновременно усиливая положительные аспекты. Таким образом, управление сферой культуры эффективно только при применении субъектно-субъектного подхода, где между коммуникатором, каналом коммуникации и потребителем устанавливается тесное взаимодействие, обеспечивающее гармоничное развитие системы.

Все это требует при принятии управленческих решений соблюдения равнозначности всех участников – акторов процесса, необходимости учета законов внутреннего развития и процессов самоорганизации системы при

¹⁵⁶ Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. – 2021. – №2. – С.4

¹⁵⁷ Балакшин А. С. Сущность и содержание понятия «культурная политика». // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия. Социальные науки. Вып. 1(3). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – С. 358-364.

принятии управленческих решений, детального изучения всех элементов процесса управления, а не только характеристик его субъектов.

Таким образом, мы подошли к следующим выводам, которые вытекают из вышеизложенного:

1. Понимая под управлением социальный процесс, представляющий собой совокупный результат деятельности людей по оптимизации функционирования социальной системы в целях более полного удовлетворения потребностей элементов системы – социальных групп, личности и общества в целом, с учетом закономерностей внутреннего саморазвития системы, можем заключить, что сфера культуры подлежит управлению. При этом управление сферой культуры – это сложная динамическая социальная система, основанная на субъектно-субъектном подходе, целью которой является оптимизация функционирования развивающейся социокоммуникативной системы, имеющей исторически сложившиеся законы развития и процессы самоорганизации, участники которой вступают во взаимодействие друг с другом по поводу сохранения, производства, распределения и потребления культурной продукции.

2. Основываясь на позиции социокультурного и институционального подхода в анализе общественного развития, отметим, что в настоящий исторический период новая система культурных ценностей еще не сформирована, что значительно затрудняет организацию процесса управления сферой культуры. Определены три основные причины: первая причина заключается в том, что представители социальных, социально-профессиональных групп, не определились с уяснением своих ролей и функций, а также с пониманием необходимости системного взаимодействия в процессе общественного развития; вторая причина состоит в том, что ввиду бурных технологических преобразований, происходящих в последние четверть века, индивиды, представители разных социальных групп не определили и своего места в структуре новых технологических отношений; третья причина – система социальных взаимоотношений, инфраструктура социальной сферы, фундаментальные социальные институты нашего общества находятся сегодня в

переходном состоянии, в связи с чем не может устояться и структура сферы культуры.

3. Раскрыты аспекты противоречий безусловного недостижения управленческих решений своим целям, которые охарактеризованы как противоречия в системе социального времени; противоречия в понимании проблемы субъектом и объектом управления; противоречия, вытекающие из того, что не существует замкнутых сфер жизнедеятельности и многие процессы протекают одновременно; противоречия между управленческим воздействием и процессами самоуправления и саморазвития. Обосновано, что в настоящее время управление должно представлять собой не одностороннее воздействие управляющей социальной системы на управляемую, а систему, основанную на субъектно-субъектном подходе.

4. Модель управления сферой культуры характерна каждому конкретному историческому периоду и взаимозависит от общественного развития и состояния иных сфер жизнедеятельности социума. Сегодняшняя ступень общественного развития позволяет при рассмотрении управления сферой культуры применять подход, при котором обозначенный процесс будет рассмотрен как процесс массовой коммуникации, где его элементами выступают 3 группы: группа, определяющая предпосылки появления и характеристики продукции (источник информации и культурная продукция); акторы процесса управления сферой культуры (коммуникаторы, коммуникационные каналы, потребители); система интерпретаций данных, позволяющая совершать перцептивные и опознавательные действия (индивидуальные фильтры, обратная связь). Применение этого подхода позволит детально изучить элементы процесса, их взаимосвязи и взаимоотношения в динамике. Определено, что с учетом взаимосвязи всех этих аспектов, которые составляют единую систему, где ее эффективность зависит от каждого элемента, характера их взаимодействия и внутренней сообразности, управление сферой культуры необходимо рассматривать как динамичное взаимодействие равноправных сторон, согласно законам внутреннего развития и процессам самоорганизации системы.

Таким образом, заключая первую главу, можем говорить о том, что сфера культуры является динамичной социокоммуникативной системой, имеющей свои законы развития, основная цель которой заключается в удовлетворении отдельных потребностей и интересов общества, социальных групп и отдельных индивидов. Она является объективным результатом взаимодействия человека с природой, в том числе и собственной природой. Сфера культуры меняется на протяжении всего периода существования социума, и ее структура в каждый конкретный исторический момент зависит от степени влияния функций каждого социального института по отношению к ней. Вместе с тем, и сама сфера культуры оказывает непосредственное влияние на развитие социальных институтов. Доказано, что современный период развития российского социума характеризуется бóльшим влиянием государства как института политической власти ввиду неустоявшихся ролей и задач иных социальных институтов в системе общественного устройства.

Обосновано, что сфера культуры подлежит управлению, наряду с этим выделены причины, затрудняющие организацию самого процесса управления. Представлен подход к управлению сферой культуры как процесса массовой коммуникации, основанного на субъектно-субъектном подходе, с учетом законов внутреннего развития и процессов самоорганизации системы, применение которого позволит учитывать в процессе управления все его элементы, их взаимосвязи и взаимоотношения в динамике.

Глава 2 Исследование процессов в сфере культуры региона на современном этапе развития

2.1 Основные проблемы в организации управленческих процессов в сфере культуры на региональном уровне

Согласившись с утверждением, что управление сферой культуры можно разделить на три содержательных аспекта – целевой, тактический и прикладной¹⁵⁸, отметим их специфику. Целевой аспект предполагает определение ключевых ценностей и идеологических приоритетов в сфере культуры. Тактический аспект связан с разработкой планов и программ действий, а прикладной – с реализацией этих программ на основе установленного порядка приоритетов. Если перенести данное разделение на систему государственного управления России, то целевой аспект можно сопоставить с федеральным уровнем, тактический – с региональным, а прикладной – с муниципальным. При этом важно подчеркнуть, что выделение аспектов в какой-то мере условно, поскольку на каждом уровне управления присутствуют все три аспекта в разной степени, с указанием функций, наиболее свойственных каждому из них, при этом в каждой территориальной общности «следует обращать внимание на следующие элементы, формирующие социальные отношения, а именно: производственные силы, производственные и технолого-организационные отношения, классы, социальные слои и группы, управление, культура и т.п.»¹⁵⁹.

В рамках нашего исследования управленческих процессов в сфере культуры внимание будет сосредоточено на региональном, то есть тактическом уровне. Это объясняется тем, что именно на уровне региона существуют условия, играющие ключевую роль в развитии сферы культуры. В первую очередь отметим тот факт, что на обозначенном нами уровне обеспечивается активное участие различных социальных групп в общественных процессах. Во-вторых, на уровне региона есть

¹⁵⁸ Социология культуры / А.Г.Колесникова, А.В. Матецкая, С.И.Самыгин; под общ.ред. С.Н. Елифанцева. – М.: КНОРУС, 2017. – 246 с.

¹⁵⁹ Быстрянец С.Б. К определению дефиниции территориальная социальная общность // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2015. – № 2 (24). – С. 19-26.

возможности для изучения интересов и потребностей разных категорий населения с последующим их систематизированием и интеграцией в том числе в планы развития сферы культуры. В-третьих, региональный уровень позволяет объективно анализировать влияние разных субъектов управления на процессы управления в указанной сфере с возможностью последующей коррекции и согласования этих воздействий. В-четвертых, организация управления культурными процессами может быть оптимально адаптирована с учетом местной специфики региона.

Конечно, и на прикладном уровне – уровне муниципалитета – все вышеприведенные мероприятия в сфере культуры можно проводить, причем в ряде моментов даже точнее, нежели на тактическом уровне. Однако муниципальный уровень не сможет полностью отразить социальную структуру общества, особенно по месту проживания участников процесса.

Хотя, конечно, и на уровне города можно проследить социальную структуру, особенности социальной географии¹⁶⁰. Региональный уровень, ввиду географического, экономического и социально-демографического разнообразия, позволяет моделировать процессы, которые можно переносить с одного региона на другой с минимальными изменениями. Регион как социально-территориальная общность представляет собой пространство, необходимое и достаточное для осуществления и самовоспроизводства человеческой жизнедеятельности, имеющей культурный аспект¹⁶¹. Регион является социально-территориальной общностью, характеризуемой локализацией единых для страны общественных отношений¹⁶² и занимает мезосоциологический уровень¹⁶³ в трехуровневой парадигме социологического исследования (макро-, мезо-, микросоциология), изучая социальные проблемы промежуточного характера. Процессы на региональном уровне отличаются большим разнообразием, сложностью и

¹⁶⁰ Аитов Н.А. Управление социальной структурой развитого социалистического общества. / Социально-классовая структура развитого социалистического общества. – Свердловск, 1976. – С.27.

¹⁶¹ См. Флиер А.Я. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. – 1994. – №5. – С. 14-25.

¹⁶² Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. – М., 1985. – С.15.

¹⁶³ Зборовский Г.Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен // Социум и власть. – 2010 – №4. – С.15.

высокой инерционностью, что предопределяет необходимость полноценной системы управления.

Многие отечественные исследователи в своих работах уделяют пристальное внимание понятию «регион». Каждый ученый трактует этот термин с позиции своего подхода и наиболее распространенными среди них являются пять подходов: географический, экономический, административно-территориальный, социокультурный и комплексный.

В исторической ретроспективе жизнедеятельность общества находилась в значительной зависимости от природных и географических условий, имея ярко выраженный пространственный характер. С развитием цивилизации, урбанизации и глобализации роль географических факторов уменьшилась, но их значение остается актуальным, что находит отражение в современных концепциях региона, акцентирующих внимание на территориальных особенностях и пространственных характеристиках¹⁶⁴. Именно поэтому в своих концепциях «региона» многие исследователи продолжают акцентировать внимание на территориальных особенностях и пространственных характеристиках. Этот подход четко прослеживается в работах таких ученых, как Э. Алаев, И. Архангельская, Ф. Кожурин, Б. Родоман и других, которые подчеркивают значимость природно-ресурсного потенциала конкретной территории.

Большое количество научных изысканий указывает на экономический фактор, раскрывающий понятие «регион». Ю. Денисов, А. Добрынин, В. Долятовский, А. Маршалова, Т. Морозова, А. Новоселов, Л. Шевчук и др. в своих исследованиях представляют регион как элемент экономической системы, выделившийся в ходе общественного разделения труда, а их функционирование осуществляется в рамках своей структуры производства и характеризуется законченным циклом воспроизводства. Такая трактовка понятия «регион» присуща тем, кто видит в экономике базис, воспринимая все остальные сферы жизнедеятельности как производные, представляя их в виде отраслей экономики.

¹⁶⁴ Вилков Н.О. Региональные факторы социально-экономического развития/. URL: [http:// www.zakon72.info/nic?print&nd](http://www.zakon72.info/nic?print&nd) (дата обращения 21.06.2021).

В трудах В. Бутова, Г. Гутмана, В. Игнатова, В. Орешина, Г. Фетисова, А. Швецова и ряда других исследователей раскрывается направление, где регионы рассматриваются только в пределах административно-территориальных границ субъектов Российской Федерации. К числу сторонников такого подхода следует отнести и тех ученых, кто приравнивает к региону объединение нескольких субъектов РФ (Ю. Гладкий, Л. Коган, Б. Кузин, М. Медников, А. Чистобаев и др.). При анализе особенностей моделей поведения внутри социально-территориальных общностей часто используют границы установленных административно-территориальных образований, либо объединений нескольких образований, единиц, в соответствии с которыми строится система органов государственной власти и органов местного самоуправления, производится с учетом исторических и культурных традиций, хозяйственных связей и сложившейся инфраструктуры: «исходя из этого, регион представляет собой прежде всего (само)управляемое территориальное образование»¹⁶⁵. Представляется, что такой подход целесообразен при исследовании тех регионов, территория и население которых достаточно небольшие и однородные.

Социокультурный подход к рассматриваемому нами термину (точка зрения Н. Лапина, Р. Симонян, А. Флиер и др.) заключается в том, что регион раскрывается в историческом контексте как общественно-культурное объединение, социокультурная интеграция группировок и происходящие в них процессы взаимодействия по обустройству и жизнедеятельности; сотрудничество и контакты социальных акторов с общественными институтами и организациями направлены на сохранение и укрепление территориальной идентичности. Культура понимается ими как ядро, «в котором отображается мотивация деятельности людей»¹⁶⁶.

Комплексный подход подразумевает рассмотрение региона как части территории, обладающей совокупностью общих признаков, включая природные,

¹⁶⁵ Панасюк М.В. Управление регионом: территориальный подход. – Казань, 2015. – С.16.

¹⁶⁶ Барбаков О.М. Регион как объект управления// Социологические исследования. – 2002 – № 7. – С.98.

социально-экономические, национально-культурные и другие характеристики. Р. Ахунов, О. Барбаков, В. Бильчак, И. Бусыгина, Ю. Волков, В. Захаров и М. Панасюк в своих работах рассматривают регион как целостную общественную систему, интегрирующую географические, экономические, исторические, национальные, духовные и правовые аспекты.

Принимая все вышеназванные подходы, мы в своих дальнейших изысканиях под регионом будем рассматривать социально-территориальную общность, преимущественно в рамках субъекта Российской Федерации, с устоявшимися связями между социальными акторами в основных сферах жизнедеятельности общества, обеспечивающими сбалансированное развитие природной среды, духовной сферы, финансово-экономических показателей.

Законодательно государственное управление в сфере культуры закреплено ст.73 Конституции Российской Федерации, где отмечено, что «вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти». Данное положение определяет, что в каждом регионе страны должна быть сформирована система органов государственной власти, полномочия которых в области культуры определены Законом РФ от 9 октября 1992 г. №3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

Полномочия в сфере культуры на региональном уровне состоят в реализации федеральных программ в области культуры и искусства, разработке соответствующих программ на уровне субъекта Федерации, организации системы поддержки подведомственным учреждениям, организации взаимодействия с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти Республики Башкортостан, органами местного самоуправления, общественными, национально-культурными и иными объединениями, творческими союзами и иными организациями.

В качестве основополагающего документа, определяющего вектор развития сферы культурной в региональном контексте и обеспеченного соответствующими

финансовыми ресурсами, выступают региональные программы. В рамках исследования был проведен контент-анализ региональных программ субъектов Российской Федерации, репрезентирующих различные федеральные округа и дифференцирующихся по территориальной локализации, социально-экономическим параметрам, этническому составу и иным значимым характеристикам. В исследовательскую выборку были включены Башкортостан и Дагестан, а также Ивановская, Ленинградская и Новосибирская области¹⁶⁷. Несмотря на значимые диспропорции между всеми регионами России, существуют как в теоретическом, так и в практическом измерениях элементы, консолидирующие и интегрирующие их между собой. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что один из центральных концептов – общероссийское гражданское самосознание или российская идентичность, определяемое в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, может интерпретироваться, восприниматься и конструироваться дифференцированно в зависимости от множества факторов, включая территориальную принадлежность¹⁶⁸.

Если абстрагироваться от вариативных трактовок идентичных мероприятий, обусловленных семантическим богатством русского языка (при этом, в отличие от «Основ государственной культурной политики России», вопрос развития русского языка ни один из анализируемых регионов не выделил в качестве приоритетного направления, что будет предметом отдельного рассмотрения), то только два направления в полной мере репрезентированы во всех программах: приоритеты развития, связанные с необходимостью трансформации сферы культуры на качественно новый, инновационный этап развития с масштабным внедрением информационных технологий, и задача по сохранению и развитию культурного наследия народов Российской Федерации и поддержанию единого культурного пространства на территориях.

¹⁶⁷ НПАР 24

¹⁶⁸ Дробужева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 25-36.

Несмотря на актуализацию темы сохранения объектов культурного наследия в последнее время, что нашло выражение в создании в каждом регионе специализированных органов исполнительной власти в составе региональных правительств и отражении данной темы в федеральных приоритетах развития культурной сферы, в двух из пяти исследуемых регионов эта тематика не обозначена в качестве приоритетной. Примечательно, что оба этих региона являются национальными республиками в составе Российской Федерации.

При анализе сферы культуры в разрезе ее форм поддержка элитарной культуры в приоритетных направлениях отражена в Башкортостане, Дагестане и Новосибирской области, тогда как в Ивановской и Ленинградской областях данный аспект не выделен в качестве самостоятельного пункта. Предположительно, это обусловлено тем, что первые три региона находятся в значительной удаленности от мировых культурных центров Москвы и Санкт-Петербурга и на протяжении десятилетий в достаточной мере более автономно развивают профессиональное искусство, а также обладают выраженной этнической составляющей. Поддержка же сельской культуры, в которой доминирует народная форма культурного выражения, обозначена исключительно в Ивановской области, что представляется парадоксальным с учетом демографических показателей: доля сельского населения в данном регионе не превышает 19%, тогда как в Дагестане этот показатель достигает почти 55%, в Республике Башкортостан – 37,4%, в Ленинградской области – 32,7%, а в Новосибирской – 20,7%¹⁶⁹.

Вопросы социальной поддержки работников культуры и искусства в качестве приоритетных выделены только в Новосибирской области и Башкирии. При этом только в Башкортостане отсутствует среди приоритетных направлений деятельности поддержка и развитие системы художественного образования и подготовки кадров в культурной сфере, несмотря на наличие в республике образовательных учреждений, выпускающих специалистов для

¹⁶⁹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года // Статистический бюллетень Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bulchislennasel-pv01-01-2021.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

профессионального искусства, включая Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова, Башкирское хореографическое училище имени Рудольфа Нуриева, а также ряд специальностей в других вузах региона, четыре специализированные школы для одаренных детей и пять учебных заведений среднего звена.

В ходе дискурсивного анализа региональных программ культурного развития выявлена существенная диспропорция между федеральными установками и их региональной рецепцией. Так, стратегический вектор, артикулированный в «Основах государственной культурной политики России» – расширение и укрепление культурных связей на международном и межрегиональном уровне – нашел институциональное закрепление лишь в программном документе Ивановской области. Более того, контент-анализ региональных программ выявил полное отсутствие в приоритетных направлениях поддержки одаренных детей, что контрастирует как с федеральными установками, так и с результатами трендового социологического исследования, где данный аспект занимает доминирующую позицию в иерархии общественных предпочтений.

Эмпирические данные свидетельствуют о значительном разрыве между общественными ожиданиями и институциональными приоритетами. Поддержка юных талантов, занимающая в рейтинге общественных предпочтений первую позицию с существенным статистическим отрывом, полностью отсутствует в программных документах регионов. Парадоксальная ситуация наблюдается и в отношении инновационных форм деятельности учреждений культуры: данный пункт присутствует во всех региональных программах, тогда как в общественном сознании он занимает последнее место в иерархии приоритетов. Эта диспропорция может быть интерпретирована в рамках нескольких гипотез: либо население не репрезентирует смысл трансформации сферы культурной на новый этап развития, либо не усматривает в ней необходимости, либо органы государственной власти не способны артикулировать необходимость

реформирования ввиду ограниченности бюджетного финансирования и отсутствия четкого представления о конечных или промежуточных результатах.

Особого внимания заслуживает дискурсивное исключение из региональных приоритетов вопроса развития русского языка, что противоречит его фундаментальной роли как неотъемлемого элемента культуры. Нет ни одного человеческого сообщества, ни одной культуры, которая существовала бы без языка, что представляется как упорядоченная коммуникативная знаковая система, в которой знаки выступают заменой предметов, явлений и т. п.¹⁷⁰. Вместе с тем и язык по своей природной сути не может существовать без культуры. Он выполняет функцию основного средства сохранения, развития и трансляции культурных ценностей как внутри социума, так и между различными социальными группами в исторической перспективе и ретроспективе. Отсутствие интереса к языковому развитию в различных сферах жизнедеятельности способно привести не только к его сокращению, но и к отказу от его использования, что имеет прямую корреляцию с вопросами этнической самоидентификации. Исчезновение языка влечет за собой исчезновение этноса как такового, что в условиях глобализации и цифровизации приобретает особую значимость для полиэтнической Российской Федерации. Русский язык сегодня функционирует не только как элемент социальной системы, но и как инструмент государственной политики, направленной на укрепление геополитических позиций страны. Вероятно, разработчики региональных программ ориентировались на Федеральный закон «О культуре», где язык не выделяется как самостоятельный элемент, хотя в рамках антропологического понимания культуры как всего созданного человеческим сознанием язык является базовым элементом как индивидуальной, так и коллективной культуры.

В «Основах государственной культурной политики России» сохранение русского языка и языков народов России выделено в качестве основной задачи. Изменения 2023 года акцентируют два аспекта. Во-первых, принцип сохранения культурной самобытности всех народов и этнических общностей,

¹⁷⁰ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб., 1998. – 288 с.

этнокультурного и языкового многообразия. Особую значимость имеет тот факт, что в качестве одного из 10 принципов государственной культурной политики выделен принцип сохранения культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, этнокультурного и языкового многообразия и подчеркнута необходимость создания условий для сохранения многоязычия. Также в качестве новой задачи можно отметить организацию и поддержку работ в области научного изучения русского языка и языков народов Российской Федерации, их грамматической структуры и функционирования, исследования устной и письменной речи, создания академических словарей, грамматик и электронных лингвистических корпусов. Во-вторых, задачу защиты и поддержки русского языка как государственного, включая противодействие излишнему использованию иностранной лексики. Однако из 85 региональных программ лишь в 4 документах русский язык артикулирован как приоритет развития сферы культуры. Следует отметить и тот факт, что в программах развития культуры и искусства Московской, Новгородской, Омской, Рязанской, Саратовской, Свердловской областей и г. Севастополь отсутствуют приоритеты развития как таковые – есть цели, задачи и набор программных мероприятий, а приоритеты не обозначены. Возможно, что в регионах руководствовались подходом, принятым ранее на общероссийском уровне. Однако если на федеральном уровне документ имеет концептуальное, стратегическое значение и может ограничиться постановками целей и задач, то региональные программы развития сферы культуры носят прикладной характер (соответствующий управленческий уровень) и обязаны четко обозначить приоритеты своей деятельности в конкретной сфере на среднесрочный период¹⁷¹.

Лишь в программных документах Псковской, Оренбургской, Самарской областей и Ямало-Ненецкого автономного округа о русском языке как одном из приоритетов развития сферы культуры России. Еще в 15 регионах, включая 12 национальных образований, вопросы поддержки русского языка не обозначены конкретно, но могут быть обнаружены в пунктах о развитии государственных

¹⁷¹ НПАР 24

языков республик или сохранении языков народов России. При этом в программах 7 субъектов Федерации (в т.ч. г. Москва) приоритеты развития вообще не артикулированы, что противоречит их прикладному характеру как документов управленческого уровня.

В настоящее время владение русским языком и его использование в жизнедеятельности большинства представителей этноса является консолидирующей скрепой, определяющей принадлежность к отечественной культуре. На съезде Общества русской словесности Президент России В.В. Путин начал свое выступление словами о том, что сбережение русского языка, литературы и культуры – это вопросы национальной безопасности, сохранения национальной идентичности в глобальном мире. Он подчеркнул, что нужны конкретные шаги по сохранению и развитию русского языка, по возвращению интереса к чтению и, конечно, по углублению гуманитарной составляющей в образовании¹⁷². В настоящее время в русском языке бесчисленное количество заимствований, и с каждым днем оно только растет. Мы все меньше задумываемся о чистоте русского языка и его богатстве. Носители русского языка не знают многих слов родной речи, используя вместо них заимствованную лексику. И если первый аспект касается уровня понимания разработчиков программы, то второй аспект, на наш взгляд, несет в себе идеологическую нагрузку.

В мире, где процессы глобализации постепенно охватывают все бóльшие стороны жизнедеятельности социума, вопросы о сохранении и развитии языков стоят особо остро. Если английский язык не имеет особых проблем для своего существования ввиду того, что признан международным языком общения, а, например, китайский язык имеет громадное количество носителей, то позиции русского языка достаточно шатки. С одной стороны, 145 миллионов россиян – это не так много в мировом масштабе, и происходящие демографические процессы говорят о том, что в ближайшее время резкого увеличения численности населения

¹⁷² <https://rg.ru/2016/05/26/putin-nazval-sberezhenie-russkogo-iazyka-voprosom-nacbezopasnosti.html> (дата обращения: 15.05.2022).

ожидать не стоит. С другой стороны, языковая ситуация во многих странах, где русский язык и кириллица традиционно имели сильные позиции, в настоящее время изменилась и положение русского языка заметно ухудшилось. Некоторые страны, например, Республика Азербайджан, уже перешли на латиницу, а Казахстан объявил, что планирует это сделать в ближайшем будущем. Другие страны, как Украина, объявили русский язык вообще вне закона. Третьи страны (Болгария, Чехия, Словакия, Словения, Польша), имеющие в качестве государственного языка родственные славянские языки, входят в НАТО и/или Евросоюз, организации, подключившиеся к введению различного рода санкций в отношении Российской Федерации.

Конечно, в каждой региональной программе развития в планах мероприятий обозначены те, которые направлены на развитие русского языка. Кроме того, во многих национальных республиках существуют и отдельные специализированные программы развития языков. Однако, представляется, этот вопрос обязательно должен быть обозначен в приоритетах каждой региональной программы, касающейся сферы культуры. Особенно в национальных регионах России, где важность развития русского языка велика еще и потому, что алфавит практически всех этносов, проживающих в Российской Федерации, зиждется на кириллице. Следовательно, и развитие языков народов России во многом зависит от позиции русского языка не только как государственного, но и как объединительного языка, языка центрального.

Считаем необходимым внесение изменений на общегосударственном уровне в законодательство о культуре положений о государственном языке страны и языках народов России. Эта мера придаст импульс для синхронизации программных документов в разрезе «центр – регионы» в указанной части, более того, позволит пересмотреть и муниципальные программы в развитии сферы культуры.

На сегодняшний день даже в части определения приоритетов развития сферы культуры на уровне муниципалитетов прослеживается как минимум три подхода. Первый – снятие «кальки» с региональной программы с внесением

незначительных изменений. Второй – техницистический подход. Третий – анализ ситуации и составление приоритетов с учетом мнения населения. Для сравнения были отобраны программы развития трех муниципальных образований Республики Башкортостан, в составе которых имеется городское поселение и сельская территория.

Примером первого подхода, на наш взгляд, является программа развития культуры и сохранения культурного наследия в таком муниципальном образовании, как Ишимбайский район Республики Башкортостан¹⁷³. В данной программе определено свыше 20 основных задач, которые, по своей сути, повторяют республиканские положения. При этом пункт о поддержке молодых дарований отсутствует.

При техницистическом подходе развитие сферы культуры представляется разработчикам как укрепление материально-технического состояния и декларация общих слов о необходимости сохранения культурного наследия. Таким примером может служить программа развития культуры и искусства Баймакского района Республики Башкортостан¹⁷⁴, где в качестве основных задач выделено 4:

- сохранение и развитие духовного и культурного наследия района;
- стимулирование подготовки специалистов для учреждений культуры и совершенствование кадровой политики в области культуры;
- концентрация бюджетных средств на наиболее приоритетных направлениях культурной политики, отвечающих стратегическим целям развития культуры;
- реализация программы укрепления материально-технической базы отрасли, строительство, реконструкция, ремонт учреждений культуры, их техническое оснащение, технологическая модернизация.

¹⁷³<https://yandex.ru/search/?text=программа%20развития%20культуры%20ишимбайского%20района&lr=172&clid=1882610&src=suggestPers>

¹⁷⁴ <https://baimak.bashkortostan.ru/documents/active/130692/>

Представляется, что третий подход был применен составителями программы развития культуры и искусства в Туймазинском районе Республики Башкортостан¹⁷⁵, в которой определено 6 задач:

- совершенствование системы образования в сфере культуры и искусства, системы поиска и поддержки молодых талантов;
- создание условий для организации культурного досуга жителей;
- обеспечение функционирования и развития материально-технической базы учреждений культуры и искусства;
- повышение уровня удовлетворенности населения качеством предоставления услуг в сфере культуры и искусства;
- повышение доступности и качества библиотечных услуг;
- создание условий для улучшения доступа к информационным и документальным ресурсам библиотек.

Вышеприведенный контент-анализ позволяет сделать вывод о том, что многие управленческие процессы в сфере культуры находятся в состоянии рассинхронизации, что проявляется как на разных уровнях ее реализации, так и в рамках одного уровня. Все это ведет к тому, что в настоящее время в организации управленческих процессов в сфере культуры на региональном уровне существует ряд противоречий, среди которых мы выделили 4 в качестве основных:

1. Противоречия в отношениях между уровнями управления «центр – регион» в части понимания роли региона как субъекта управления.
2. Противоречия, заложенные в ранжировании сфер жизнедеятельности социума, определении их первичности влияния на развитие общества.
3. Противоречия в части ролей участников процесса управления сферой культуры.
4. Противоречия, зависящие от уровня ИТ-компетенций всех субъектов, в зависимости от каждого конкретного региона.

¹⁷⁵ <https://tuimazy.bashkortostan.ru/activity/5994/>

Сразу отметим, что сфера культуры региона во всех обозначенных позициях имеет далеко не определяющие позиции, скорее, определяемые. Еще с советских времен сфера культуры, управляемая административно из одного всемогущего центра, в содержательном плане находилась в рамках единой государственной политики. Исходя из этого, на региональном уровне управление сферой культуры демонстрировало двойственный характер: с одной стороны, было самостоятельной сферой, ориентированной на развитие и оптимальное использование местных ресурсов; с другой – представляло собой один из инструментов реализации общегосударственной культурной политики. В результате возникала специфическая амбивалентность: культура одновременно выступала объектом территориального и отраслевого управления. В то время как она служила ядром духовной жизни общества, явное доминирование отраслевого подхода привело к значительным разрывам между двумя принципами управления. Регионы стали восприниматься не как самодостаточные единицы со своими уникальными особенностями, в большей степени как источники ресурсов, а «двойственная природа региона обуславливает наличие широкого спектра противоречий регионального развития»¹⁷⁶ особенно между интересами государства и региона.

На протяжении последнего десятилетия наблюдается усиление управленческой централизации как в культурной сфере, так и, например, в экономике. Это выражается в создании госкорпораций и крупных промышленных холдингов. Такой подход продолжил потребительское отношение к регионам, что не только снизило эффективность использования региональных ресурсов, но и вызвало стагнацию инфраструктуры культуры по сравнению с развитием производства. Крупные промышленные гиганты заботятся только о финансовом благополучии и росте прибыли своего предприятия, игнорируя при этом проблемы, возникающие из-за них на региональном уровне. В числе таких назревают и экологические проблемы, и вопросы в сфере культуры, образования и т. п., которые часто требуют безотлагательного решения.

¹⁷⁶ Панасюк М.В. Управление регионом: территориальный подход. – Казань, 2015. – С.10-11.

Предприятия за редким исключением стремятся к расширению своих территорий, и их установка часто остается неизменной: рассматривать территорию исключительно как ресурсную базу и персонал – как производительные силы для достижения доходов. По мнению ряда исследователей, «особенно заметное влияние происходящие в стране изменения оказывают на институциональную сферу культуры, в первую очередь на региональном и муниципальном уровне»¹⁷⁷. В результате остается мало возможностей для обеспечения многостороннего развития территорий, поскольку у представителей региональных властей зачастую не хватает рычагов влияния для корректировки взглядов индустриальных гигантов. Опираясь исключительно на экономическую выгоду и максимизацию прибыли через эксплуатацию природных и человеческих ресурсов, предприятия игнорируют потребности самой экосистемы региона, важной частью которой является сфера культуры. Отраслевой гегемонизм уже приводит к тому, что многие факторы, относящиеся к культурно-духовному потенциалу региона, не задействованы, что в свою очередь способно привести к видимости общекультурного перепроизводства при фактической культурной недоразвитости и избытку общей образованности при фактическом его отставании¹⁷⁸.

Чтобы оценивать деятельность предприятий на основе баланса отраслевого и территориального подходов, предлагается применение модели "партнерской карты". Этот инструмент представляет собой лепестковую диаграмму из пяти ключевых показателей: отраслевой гегемонизм, степень территориального взаимодействия, ориентация на извлечение прибыли как экономический фактор, вклад в духовное развитие региона и меры по решению экологических проблем. Представляется, это позволит более объективно анализировать воздействие предприятия на региональное развитие комплексно и многоаспектно (рисунок 2).

¹⁷⁷ Вишне夫斯基 Ю.Р., Шапко В.Т., Коробейникова А.П. Культурные запросы населения и оптимизация управления деятельностью учреждений культуры. Информационно-аналитические материалы социологического исследования. – М.: Издательство «ИМХО», 2005. – С. 5.

¹⁷⁸ Панарин А.С. Философия политики. – М.: Новая школа, 1996. – 422 с.

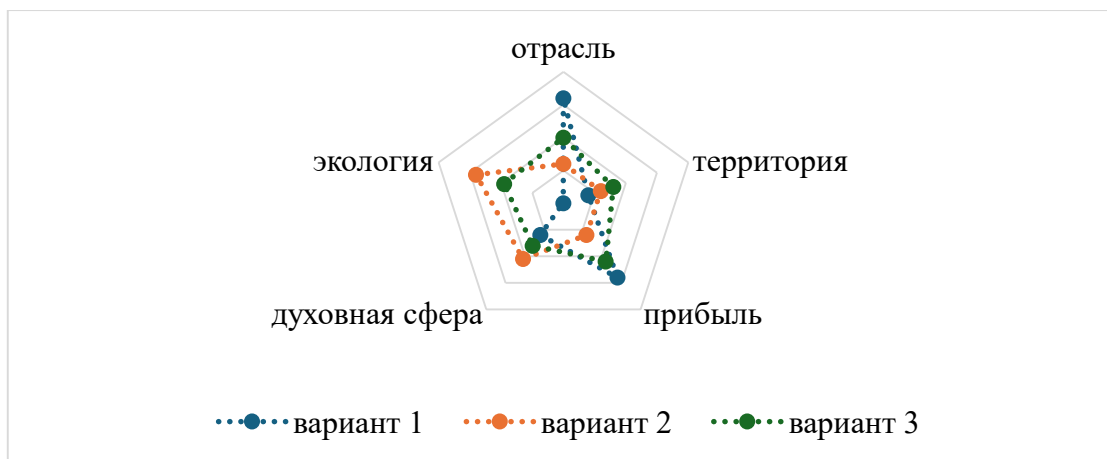

Рисунок 2 – Модели управления предприятиями «Партнерский лепесток»

Представленная диаграмма иллюстрирует три условных подхода к управлению предприятием, хотя их количество на практике может быть значительно больше. В первом сценарии предприятие сосредоточено исключительно на получении прибыли, практически не учитывая региональные особенности, включая социокультурные аспекты, и полностью игнорируя экологические вопросы. К сожалению, такой подход остается наиболее распространенным в стране. Многие компании отказались от содержания социальных объектов, считая их «непрофильными» активами и излишней статьей расходов. Во втором сценарии внимание акцентируется на решении культурных и экологических вопросов, но при этом пренебрегается задача достижения устойчивой прибыли. Такой дисбаланс в долгосрочной перспективе может привести к финансовым трудностям или даже банкротству. Наиболее оптимальным представляется третий сценарий, при котором территориальные органы власти определяют стратегические параметры регионального развития, опираясь на социально-культурные ценности. Отраслевые структуры адаптируются к этим рамкам, что позволяет отказаться от узкого технократического подхода и сделать приоритетными духовное и культурное развитие российского общества. При этом должное внимание уделяется экологической проблематике, которой, как в принципе «проблема выживания

человека как биологического вида остается за пределами осознания и каких-либо действий большинства населения»¹⁷⁹.

Однако в настоящее время изменений не наблюдается. Находясь территориально в столице, уполномоченные лица определяют, что именно необходимо реализовать сегодня в том или ином селе, районе или городе, подтверждая мнение Н.А. Аитова о том, что и «культурные связи между поселениями, как правило, идут «сверху вниз» – из большего в меньшее поселение. Хотя элементы духовной культуры наличествуют в любом поселении, но как правило, в большом поселении они производятся, а в малом – репродуцируются и потребляются»¹⁸⁰. Причем этому находят оправдания, которые, на первый взгляд, вполне убедительны: на местах у специалистов не хватает компетенции, нет общего видения происходящих процессов, нет, в конце концов, необходимых финансовых средств. Этот ассоциативный ряд может быть продолжен. Здесь вопрос в другом – что необходимо сделать, чтобы не только «центр» определял абсолютно все инициативы, но и первичные уровни имели «определяющее слово».

Второе противоречие, обозначенное выше, касается оценки роли сфер жизнедеятельности общества на его развитие, хотя «взаимообусловленность материальных и нематериальных факторов жизнедеятельности людей, связанных с духовной сферой, – одна из ключевых закономерностей любого социума»¹⁸¹. Вместе с тем, даже несмотря на то, что сфера культуры выделяется как одна из основных шести взаимосвязанных сфер, наряду с политической, экономической, технологической, демографической, общественной и, по мнению исследователей, изучаемые во взаимосвязи данные сферы способны охватить «большие изменения» в их универсальных аспектах и в разнообразии их конкретных проявлений¹⁸², в большинстве подходов выделяется первичность экономической,

¹⁷⁹ Широкалова Г.С., Куконков П.И., Саралиева З.М. Экологическая культуры: социальная ответственность и личный интерес студентов // Социология образования. – 2017. – №5. – С. 43-44.

¹⁸⁰ Аитов Н.А. Отношения по расселению. – Свердловск, Изд-во Урал. ун-т, 1987. – С.19.

¹⁸¹ Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. – 2021. – №2. – С.4

¹⁸² Смакотина Н.Л., Саямов Ю.Н., Гаспаршвили А.Т. Социология глобальных социальных процессов. – М., 2021. – 192 с.

технологической и политической сфер. Кстати, американский эксперт Стивен Коэн выделял 24 основных показателя развития российского общества, однако и у него среди них отсутствует сфера культуры¹⁸³. К культуре же сформировано отношение не как к сфере жизнедеятельности, а как к отрасли. Отметим, согласно Международной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности, принятой в 2009 г. ООН, отраслью называется набор статистических единиц, попадающих в одну классификационную категорию.¹⁸⁴

В нашем понимании, отраслевая структура формируется под воздействием специфических экономических детерминант, которые определяют сходство экономической направленности производимой продукции, применяемых материалов, используемых кадровых ресурсов и организации производственных процессов. Данные факторы способствуют интеграции предприятий, функционирующих в смежных сферах деятельности, формируя отраслевые кластеры. Однако с социологической точки зрения, вместо абстрактной системы отраслей в пределах социально-территориальных общностей формируется специфическая социальная структура, где уровень развития трудовых ресурсов оказывает существенное влияние на качество и образ жизни не только работников конкретной отрасли, но и всей социально-территориальной общности в целом. Противоположный процесс – деструкция отраслевой структуры региона – может привести к значительным негативным социальным последствиям, включая рост безработицы, снижение уровня жизни, дезинтеграцию социальных связей и ухудшение социального самочувствия населения.

Несмотря на это, отраслевой подход к культуре превалирует – экономические показатели учреждений культуры часто выводятся государственными органами на первый план. Так, ежегодно Министерством культуры Российской Федерации отмечаются регионы-лидеры по темпам развития культуры. При их определении учитывается следующий комплекс

¹⁸³ Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. – М.: Норма, 2007. – С.67-71.

¹⁸⁴ Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности / Организация объединенных наций, Нью-Йорк, 2009.

показателей: посещаемость учреждений культуры, количество и качество мероприятий в этой сфере, участие региона в федеральных программах, в том числе по ремонту и строительству домов культуры, модернизации кинозалов, ремонту и оснащению учреждений культуры, а также в реализации национального проекта. Таким образом, можно сделать вывод, что работа регионов оценивается исключительно в единицах измерения, которыми выступают рубли, квадратные метры, люди. Духовная же, воспитательная сторона, видимо, в том числе и от того, что в рублях, километрах, килограммах ее измерить нельзя, порой вообще не берется в расчет. По мнению исследователей, «в бюрократических структурах по-прежнему доминирует фундаментальное непонимание того, что на самом деле значит культура и искусство в жизни каждого отдельного человека и нации в целом. Культура – не отрасль, хотя у нее есть своя экономика, и она может зарабатывать деньги. Однако так уж она устроена, что далеко не всегда ее значение и эффективность можно измерить простыми (и даже сложными) числами, отражающими рост доходов от количества посетителей. К несчастью для искателей универсальных и простых решений, результатом культурной деятельности является изменение внутреннего мира человека, его усложнение, пробуждение творческого начала. Культура сама очеловечивает, являясь результатом человеческой деятельности...»¹⁸⁵. Однако представители финансово-экономического блока государственных органов власти считают по-иному. Хотя, посещая спектакль, вероятно, и они, в первую очередь, намереваются пережить катарсис, нежели оценить количество килограммов металла, направленного на декорации.

Следует отметить, что не может быть отдельно взятой постоянно развивающейся отрасли, находящейся в отрыве от других, а любая социальная общность не в состоянии эволюционировать с развитием только одной-двух сфер своей жизнедеятельности. Для прогресса социума необходимо формирование общественных отношений, основывающихся на субъектно-субъектном подходе

¹⁸⁵ Цит. по: Швыдкой М.Е. Чем измерить культуру? // Мишарин В.В. [сайт]. URL: <http://vvmisharin.ru/shvydkoj-mihail-efimovich/> (дата обращения: 15.05.2021).

между различными его элементами. Развитие исключительно экономико-технологической сферы без учета политической, социальной и духовной не сможет обеспечить благополучие социума, а, наоборот, способно привести к конфликтным ситуациям и дальнейшему кризису системы управления. Ведь до сих пор, как показывает анализ политико-управленческих практик в нашей стране, «направление преимущественно у них узкоэкономическое, более того, присутствует инерционное понимание выдвинутого проекта, недостаточное социальное осмысление его целей, задач, вызов пространственного развития, причем, как внутреннего, так и внешнего характера, а главной целью оказывается экономический рост. Не качество жизни, которое ушло куда-то на задний план, что стало, так сказать, полуавтоматическим следствием этого экономического роста, и даже не развитие человеческого капитала, а именно экономический рост»¹⁸⁶. Как отмечается в научной литературе, экспертное сообщество «пришло к пониманию того, что только экономические показатели доходов, расходов, потребления и др. не могут дать полной картины качества жизни, что объясняется хотя бы тем, что оно формируется с учетом ряда неэкономических аспектов – культурных, социально-психологических, физических...»¹⁸⁷.

В социологическом анализе представляется методологически некорректным отождествление понятий «сфера культуры» и «отрасль культуры», поскольку они репрезентируют различные теоретические подходы и методологические основания. «Отраслевой» подход предполагает наличие гомогенных участников культурной деятельности, на которых органы государственной власти осуществляют управленческое воздействие для реализации инициатив, направленных на экономическое развитие, используя при этом субъектно-объектную парадигму управления. Отрасль культуры в данном контексте охватывает сеть учреждений, получающих финансирование согласно утвержденным бюджетным коэффициентам по вертикали управления, что

¹⁸⁶ Маркин В.В. Пространственное развитие России: новые вызовы и социальные смыслы региональных политико-управленческих практик // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т.4 (70). – №S1. – С. 30-35

¹⁸⁷ Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. – 2019. – №11. – С.6

предполагает жесткую иерархическую структуру и централизованное распределение ресурсов.

В противоположность этому, «сфера» культуры характеризуется рядом принципиальных отличий. Во-первых, она не занимает подчиненного положения по отношению к экономической системе, а ее результаты измеряются не только финансово-экономическими показателями, но и социокультурными эффектами, включая символический капитал, социальную интеграцию, культурную идентичность и духовное развитие общества. Во-вторых, несмотря на доминирующую роль государства в культурных процессах, управление строится на основе субъектно-субъектного подхода, предполагающего диалогическое взаимодействие, партнерские отношения и учет интересов различных стейкхолдеров. В-третьих, сфера культуры обладает межотраслевым характером, интегрируя разнообразных участников как с точки зрения организационно-правовых форм, так и по содержанию их деятельности, включая государственные учреждения, некоммерческие организации, творческие объединения, частные инициативы и гражданские институты. Именно поэтому при отраслевом подходе корректно говорить о культурной политике как о системе государственных мер, а при рассмотрении культуры как сферы следует использовать понятие управления сферой культуры, предполагающее более широкий спектр акторов и механизмов регулирования.

Применительно к культурной политике единый научный подход был утвержден более 50 лет назад, под которым понимается «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры»¹⁸⁸. Сложившееся понимание культурной политики исключительно в рамках отраслевого подхода привело к формированию ряда концептуальных ограничений. Во-первых, сформировалось представление о культурной политике как исключительно области государственной ответственности, фактически исключив участие других субъектов управления,

¹⁸⁸Cultural policy: a preliminary study. – Paris: UNESCO, 1969. – 51 p.

включая гражданское общество, бизнес-структуры, профессиональные сообщества и международные организации. Во-вторых, данный подход часто редуцируется к механизму достижения поставленных целей, оставляя без должного внимания такие ключевые аспекты, как субъекты и объекты культурной политики, их функции, роли и задачи, что существенно ограничивает восприятие культурной политики как сложного социального процесса с многоуровневой структурой и динамическими взаимосвязями. В рамках данного подхода культурная политика концептуализируется как комплекс действий субъекта политического процесса, направленный на выполнение задач с использованием доступных ресурсов в конкретный исторический период, что предполагает инструментальное отношение к культуре как к средству достижения политических целей.¹⁸⁹

Такой управленческий подход к культурной политике отражен в ряде исследований отечественных ученых. Например, культурная политика интерпретируется как единая система долгосрочных целей и конкретных задач государства в области культуры, дополняемая средствами их достижения¹⁹⁰; «комплекс мер по искусственному регулированию тенденций развития духовно-ценностных аспектов общественного развития»¹⁹¹; деятельность, связанная с формированием и согласованием социальных механизмов и условий культурной деятельности как населения в целом, так и различных его групп, ориентированных на развитие творческих, культурных и досуговых потребностей¹⁹². Такие трактовки подчеркивают системный и многогранный характер культурной политики, где значительное внимание уделяется управленческим механизмам. Однако в них часто теряются из виду исторические, социальные и другие важные составляющие, которые также являются интегральными элементами этого процесса. У ряда других авторов, к которым

¹⁸⁹ Гвишиани Д.М. Организация и управление. – 3-е изд., перераб. – М.: Изд-во МГТУ, 1998. – 331 с.

¹⁹⁰ Иванов В.Д., Костина Е.П. Экономический механизм реализации культурной политики // Культурная политика в современном обществе. – М., 1992. – С.66-86.

¹⁹¹ Флиер А.О. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. – 1994. – №5. – С. 14-25.

¹⁹² Диагностика социокультурных процессов и концепция культурной политики / Отв. ред. А.Ф.Суходей. – Свердловск: Уральский рабочий, 1991. – 62 с.

относятся И. Васильева, М. Колосницyna, О. Донна, Г. Хофстеде и др., также можно найти подобную трактовку рассматриваемого понятия. По мнению исследователя В. Дмитриевского, культурная политика представляет собой общую направленность мероприятий, направленных на развитие культуры, общества и страны в целом в самых ее широких и разнообразных подходах, поддерживаемых государством, его ведомствами, общественными и частными организациями¹⁹³.

В Российской Федерации, по сути, лишь в 2014 году термину культурная политика было дано определение на государственном уровне. В утвержденных Указом Президента Российской Федерации №808 от 24 декабря 2014 года «Основах государственной культурной политики» (далее – Основы) под культурной политикой определены действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей¹⁹⁴. Вместе с тем в январе 2023 года в данный документ был внесен ряд изменений, которые в том числе коснулись и вопроса в определении культурной политики: термин «культурная политика» из общих положений был исключен, а вместо него включен термин «государственная культурная политика». Представляется, для документа, определяющего главные направления государственной культурной политики, данная замена является оправданной и более того, необходимой по своей сути.

Таким образом, мы можем говорить о том, что термин «культурная политика» имеет место быть, но он присущ отраслевому принципу рассмотрения культуры, где все заточено на выполнение социально-экономических показателей развития государства, которое располагает не только наибольшим объемом

¹⁹³ Дмитриевский В. И. Культурная политика: между прошлым и будущим // Искусство и социальная психология: сб.ст. – М., 1996. – С. 118–149.

¹⁹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. №808. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 15.05.2022).

ресурсов, но и разнообразными организационными структурами, способными непосредственно влиять на различные сегменты культурной жизни.¹⁹⁵ Управление же в сфере культуры предполагает, что каждый субъект имеет свои цели и задачи в культурной жизни социума, а сфера культуры складывается из множества субкультур, направленных на удовлетворение потребностей разных групп населения.

Учитывая внешнеполитическую обстановку, беспрецедентное давление на Россию и все «российское», в изменениях к «Основам» в 2023 году практически в каждый раздел внесены коррективы, подчеркивающие необходимость сохранения и укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, многонациональность и многоконфессиональность российского общества. Введено понятие «культурный суверенитет», под которым понимается совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность; избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния; быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память; придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹⁹⁶. Необходимость таких поправок очевидна: буквально недавно в большей степени на государственном уровне обсуждались вопросы финансовой самостоятельности, экономического самообеспечения, технологического суверенитета, по сути как «необходимых и достаточных условий» развития страны. Появление в этом ряду понятия «культурный суверенитет» создает предпосылки уделения бóльшего внимания развитию наряду с технологической и культурно-духовной составляющей жизни «гармонично развитой и социально ответственной личности». При этом также выделено, что требуется повышение роли России в «мировом гуманитарном и

¹⁹⁵ Ижикова Н. В. Культура и политика. Методологические проблемы // Социологические исследования. – 2007. – №5. – С.95-103.

¹⁹⁶ Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 27.01.2023).

культурном пространстве», а также в целях развития личности и культурных индустрий указывается на необходимость совершенствования отечественных медиаресурсов и информационно-поисковых систем.

Изменилась и правовая база Основ – если ранее в качестве последней указывалась только Конституция Российской Федерации, то последняя определяет в таком качестве также Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации, а также иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие вопросы развития сферы культуры в Российской Федерации. Культурная политика и культура в целом признаны государством как стратегически важные сферы, играющие ключевую роль в дальнейшем развитии страны и общества. Отражая новые подходы, переосмысленные место и значимость культуры в общественном развитии, важно надеяться на то, что эти изменения не ограничатся внесением корректировок в нормативно-правовые акты и только на федеральном уровне. Вместе с тем необходимо уделить серьезное внимание развитию и финансированию сферы культуры наряду с экономикой и IT-сектором. Изменения в Основах культурной политики впервые акцентируют задачи культурной политики, охватывающие не только культурное и гуманитарное развитие как базис экономического роста, сохранения государственного суверенитета и уникальной цивилизационной идентичности страны, но и укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности общества, а также улучшение качества жизни населения в России¹⁹⁷. Таким образом, становится очевидным, что на государственном уровне культура оценивается не как отдельная отрасль, а как важная сфера общественной активности, напрямую влияющая на комплексное развитие страны. Это подкрепляется и изменением, внесенным в раздел II «Основания

¹⁹⁷ Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 27.01.2023).

для выработки государственной культурной политики», в которых ранее как ориентиры модернизации указывалось лишь экономическое и социальное развитие. Новая редакция закрепляет статус культуры «как уникального наследия многонационального народа Российской Федерации, поддерживаемого и охраняемого государством, и уполномочивает Правительство Российской Федерации на обеспечение проведения единой социально ориентированной государственной политики в области культуры». Более того, задача сохранения фундаментальных ценностей и принципов, на которых основано единство российского общества, отмечена как основная. Дополнены принципы государственной культурной политики и положения, касающиеся сохранения культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, этнокультурного и языкового многообразия,¹⁹⁸ уточнены субъекты ее реализации, что подробнее будет рассмотрено нами в последующих параграфах.

Отметим, что дополнительным подтверждением отхода от узкого «отрасль» к более широкому «сфера» в понимании культуры служит и тот факт, что если ранее, согласно документу, культура признавалась объектом исследования исключительно гуманитарных наук, то после новой редакции –и социальных наук, т. е. анализу должны поддаваться не только определенные показатели (рубли, количество постановок, количество зрителей и т.п.), но и воздействие данных показателей на развитие как всего общества, так и отдельно взятых социальных групп и личности. По мнению известного академика Д.С. Лихачева, «гуманитарная наука нужна и ученым, ибо она развивает столь необходимую во всех науках интуицию... Гуманитарные науки, естественные науки и техника должны развиваться равномерно»¹⁹⁹. На самом деле, когда продвигается вариант разделения по принципу: прикладная наука, которую следует поддержать из-за возможного стремительного финансового эффекта; гуманитарная – пока не стоит:

¹⁹⁸ Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 27.01.2023).

¹⁹⁹ Лихачев Д.С. Память преодолевает время // Наше наследие. 1988. – №1. – С. 1-4

слишком затратна и никакой прибыли не дает; фундаментальная – необходимо финансировать, но предусмотрительно, ибо в положительном исходе таких исследований никто не может дать четких гарантий, – уходит из сознания своеобразный постулат: отрицательный результат в науке тоже дает результат. При этом совершенно не берется в учет то, что именно фундаментальные исследования приводят к интенсивному росту в любой сфере жизнедеятельности. Кроме того, в новой редакции «Основ» особо отмечено, что отраслевые образовательные организации высшего образования стали признаваться организациями культуры, т.е. акцентировано, что роль организаций культуры – это не только организация досуга населения, но и его образование и воспитание.

Как уже было отмечено ранее, управление сферой культуры, представляющее собой процесс согласования интересов культурной деятельности, осуществляемое с помощью распределения различного рода ресурсов, имеет дело не только с очевидными процессами воздействия субъектов управления на объект, но и с процессами, протекающими латентно. Представляется, что именно это подтолкнуло к отходу от отраслевого понимания культуры и переходу к рассмотрению культуры как к сфере. В соответствии с принятыми изменениями, разработка и реализация культурной политики требует обеспечения межведомственной координации деятельности государственных органов, организаций культуры, профессионального сообщества и институтов гражданского общества. И если в первой редакции «Основ государственной культурной политики» в целях организационного, аналитического и информационного обеспечения разработки и реализации государственной культурной политики предполагалось создание координационного органа,²⁰⁰ полномочия которого во многом дублировали деятельность отраслевого министерства, то внесенные изменения фиксируют создание координационного надотраслевого органа, к полномочиям которого относится подготовка предложений по выработке стратегических подходов к реализации

²⁰⁰ Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 27.01.2023).

государственной культурной политики и мониторингу выполнения государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов России,²⁰¹ предусматривающих организацию мероприятий в сфере культуры, и планов мероприятий по реализации государственной культурной политики²⁰². При этом документ отныне предписывает Правительству Российской Федерации подготовку ежегодного государственного доклада о состоянии культуры, состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

Кроме того, если в первой редакции «Основ государственной культурной политики» было провозглашено четыре принципа, то в силу изменений, датированных 2023 годом, принципов стало девять, причем три принципа из пяти новых вытекают из еще одного документа, утвержденного Указом Президента страны, – «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²⁰³. Данные изменения явились реакцией на углубляющийся кризис на мировой арене и проявляющийся в сфере культуры в опасности разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ослабление единства многонационального народа Российской Федерации и на подрыв культурного суверенитета России. И создание условий для воспитания и развития детей на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, и защита традиционных семейных ценностей и института брака как союза мужчины и женщины; и приоритетная государственная поддержка культурной деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторической памяти и защиту исторической правды; и осуществление органами публичной власти контроля за деятельностью их должностных лиц на предмет соответствия финансируемых мероприятий целям,

²⁰¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения: 15.05.2022).

²⁰² Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 27.01.2023).

²⁰³ Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 27.01.2023).

задачам и принципам государственной культурной политики потребуют комплексного подхода не только в сфере культуры, но и в других сферах жизнедеятельности общества. Таким образом, можем констатировать, что в последние годы, по крайней мере в нормативно-правовом поле, наблюдается отход не только от отраслевого понимания и восприятия культуры к более широкому подходу как к сфере, но и от вторичности сферы культуры по отношению к другим сферам жизнедеятельности человека. Остается надеяться, что данные изменения получат логическое продолжение и в других документах, причем не только федерального, но и регионального и муниципального уровней, к тому же будут реализованы на практике.

Многолетние исследования Института социологии ФНИСЦ РАН позволили сформулировать шесть постулатов по результатам трансформации социальной конструкции российского общества. Первые три постулата обосновывают роль и значение социальных факторов в функционировании экономики, при этом выстраивание модели экономического роста исключительно из количественных характеристик экономической системы признан крайне неэффективным. Четвертый постулат в большей степени является руководством к действию для управленцев, где разъясняются роль и значение экономических и неэкономических факторов в зависимости от фазы рассматриваемого цикла. Пятый постулат исходит из того, что российское общество в настоящее время крайне сегментировано и разнородно, что требует проведения диагностики макросоциальных показателей и их возможностей для поступательного экономического развития. Шестой постулат, который был сформулирован на основе анализа развития нашей страны за последние 30 лет, гласит о занижении роли государственного участия в решении ключевых как социально-экономических, так и социокультурных задач и необходимости обеспечения качества государственного участия в управлении экономической, социальной и культурной сферами²⁰⁴.

²⁰⁴ Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. – 2019. – №11. – С.14-16.

Несмотря на то, что мы принимаем субъектно-субъектный подход в социальном управлении, отметим, что некоторые из таких субъектов априори оказывают большее управленческое воздействие на деятельность остальных участников и отношения между ними. При этом ряд других субъектов находится в неведении и относительно даже своих функций и ролей, не говоря уже о большем. В том числе и в сфере культуры, которая, как и остальные сферы жизнедеятельности российского социума, оказалась подвержена глубинным процессам за последние 30 лет и «ищет свои пути вхождения в социальную среду»²⁰⁵. Так, в современных российских реалиях государство продолжает оставаться доминирующим субъектом в сфере культуры: доля бюджетного финансирования в общем объеме финансовых поступлений за период с 2016 по 2021 гг. увеличилась с 90% до 94%²⁰⁶. Однако кроме финансовой части и в инфраструктурной, и в образовательной составляющей доля государственного влияния в сфере культуры значительно превалирует над всеми остальными возможными механизмами. Представляется, что именно исходя из сложившейся практики преобладания государственного воздействия, понятия «отрасль культуры» и «сфера культуры» в практике становятся идентичными, хотя мы являемся сторонниками той точки зрения, при которой все субъекты в сфере культуры должны действовать на паритетных началах.

При этом отметим, что качество государственного участия требует своей корректировки не только по горизонтали – в части сфер жизнедеятельности общества, но и по вертикали, ибо в настоящее время в российском социуме преобладает ситуация, когда целевой уровень управления выходит за рамки своих полномочий и берет на себя предписанные тактическому и прикладному уровням функции. При анализе управленческих процессов в сфере культуры на региональном уровне выявляется двойная зависимость между участниками

²⁰⁵ Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т., Коробейникова А.П. Культурные запросы населения и оптимизация управления деятельностью учреждений культуры. Информационно-аналитические материалы социологического исследования. – Москва: издательство «ИМХО», 2005. – С. 36.

²⁰⁶ Матвеев В.В. Финансирование сферы культуры в аспекте реализации государственной культурной политики: аналитический обзор // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2022. – № 4. – С. 59–69.

процесса управления. По вертикали вышестоящий уровень осуществляет управленческое воздействие, часто без учета законов саморазвития и специфики регионального уровня, что приводит к унификации подходов и игнорированию локальных особенностей. По горизонтали среди всех субъектов процесса управления сферой культуры государство фактически занимает доминирующее положение, что ограничивает возможности для развития горизонтальных связей, партнерских отношений и сетевых взаимодействий между различными участниками культурного поля.

Современное российское общество находится лишь на стадии формирования, поэтому очевидно превалирование прежде всего государства среди социальных институтов. Приходится констатировать: нет достаточных условий для продвижения национальных идей «снизу» из-за таких внешних вызовов, как «болезни роста», социальное расслоение общества и т. п. В системе общественного устройства недостаточно полно осознаются роли и функции участниками процесса, социальными группами к тому же, которые нуждаются в мобилизационной силе. Только государство сегодня является единственной силой, способной к мобилизации российского социума и генерированию целостной общенациональной идеи.

Именно данное обстоятельство приводит к третьему, выделенному нами противоречию, заключающемуся в неравномерном влиянии социальных субъектов управления на процессы развития сферой культуры.

Изменения, вносимые в ряд программных документов Российской Федерации, подталкивают к мысли, что несмотря на доминирующую роль государства в управлении сферой культуры на современном этапе развития, предполагается постепенное выравнивание прав и возможностей всех ее участников. Анализ современного российского общества показывает, что государство как политический институт играет решающую роль в регулировании социальных отношений. Оно обеспечивает координацию взаимодействий между людьми и общественными группами в ключевых сферах: от производственной деятельности до распределения ресурсов и сохранения культурного наследия.

Главная задача государства в этом контексте заключается в содействии интеграции общества и его духовному развитию. При этом важно помнить, что культура, будучи процессом человеческого творчества, развивается по собственным законам самоорганизации. Именно поэтому государственная политика в области культуры должна учитывать естественные векторы ее эволюции.

На современном этапе развития общества должны быть четкие ориентиры и установки при управлении сферой культуры в масштабах всей страны. При отсутствии рационального государственного управления в рассматриваемой нами сфере рискуем оказаться, в частности, в атмосфере разобщенности «культуры» и личности, если творцы не смогут обеспечить себе жизнь своими произведениями; «культуры» и бизнеса (если второй не в состоянии заработать на первой); «культуры» со своей историей – в случае потери традиций²⁰⁷.

В современных реалиях к приоритетным целям государства в управлении сферой культуры мы бы отнесли обеспечение полного воспроизводства этой сферы, сохранение традиций, которые объединяют настоящее с историческим прошлым, удовлетворение потребностей граждан в культурном контенте, поддержку как действующих субкультур, так и новых. Необходимость ключевой роли государства в управлении сферой культуры обусловлена рядом факторов. Среди них главной является ведущая роль государственного финансирования как основного инструмента развития сферы культуры, которое выводит государство и как инвестора, и как мецената, и как партнера. Кроме того, необходимо учитывать геополитическую ситуацию в мире, непосредственно влияющую в т. ч. и на сферу культуры страны, осознавая, что идет перестройка социальной структуры российского общества.

Однако непродуктивное управление сферой культуры и перехват государством многих установок на социокультурном поле могут стать угрозой на пути к последующему развитию культуры и общества в целом. Следует уяснить:

²⁰⁷ Смирнов Г. А. Государственная культурная политика как проблема теории и практического действия // Культура региона: состояние, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции – М., 1997. – С. 55–58.

государство несмотря на то, что самый мощный участник не является единственным субъектом процесса управления сферой культуры. Необходимым условием для нарастающего совершенствования социума является субъектно-субъектный подход к процессам управления в социальной сфере при паритетном участии в нем всех его участников. И как уже было отмечено в первой главе, государство осуществляет определенный «захват» функций и в разрезе социальных институтов, что, в первую очередь, говорит о неравномерном развитии социума и возможных рисках его усовершенствования.

Культура – духовная составляющая деятельности государства. И это основной тезис – почему нельзя следовать только желанию потребителей в определении стратегии развития сферы культуры, а необходимо учитывать мнение всех субъектов управления. Современное развитие социума свидетельствует о том, что элементы и формы культуры перестали быть лишь предметом исследования или духовного интереса – это инструменты продвижения определенных идеологических установок и концепций, выражающих интересы конкретных социальных групп, в частности тех, кто на данный момент занимает ключевые позиции власти и представляет государство. Сегодня предлагаемой культурной продукции – великое множество. Конечно, можно пойти по пути распределения финансовых средств всем, кто проявит хоть малейшее желание в создании культурной продукции. И это тоже можно было бы осуществлять, если бы культура была бы просто набором песен, танцев, картин. Однако культура – не музей, хотя и музей в современных условиях, по мнению А. Колесниковой, открыто влияет на процесс социальной консолидации и представляет собой пространство социальной самомобилизации²⁰⁸. Наивно-просто говорить в таком случае о соответствии желанию большинства. Не зря государству как политическому институту отведена роль регулятора производства, распределения и потребления культурных благ между людьми и социальными группами.

²⁰⁸ Колесникова А.Г. Музей в российском социокультурном пространстве: консолидационный потенциал: дис. канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2015. URL: <https://rusneb.ru/catalog/000199000009005570015> (дата обращения: 15.05.2022).

Ускорение темпов интеграции общества и его гармоничное социокультурное развитие прописаны на официальном уровне в качестве декларируемой цели данных процессов. При этом степень социально-экономического прогресса, историко-географические традиции, состояние культуры на определенный момент времени являются основанием для определения векторов стратегического развития в культурно-духовной сфере.

Выше мы уже писали о разном подходе к русскому языку, закреплённому в региональных законах и подзаконных актах и мерах по его сохранению и развитию. Этот вопрос является важнейшим и с той точки зрения, что большинство языков народов России в своем современном использовании используют кириллицу. Соответственно, от состояния русского языка зависит и будущее родных языков народов Российской Федерации. По экспертной оценке Института языкознания РАН, в России насчитывается 151 язык, из которых 18 находятся на грани исчезновения²⁰⁹. При этом на территории Российской Федерации в XX – XXI вв. исчезли 14 языков, половина из которых уже в постсоветский период. Из оставшихся языков России, в соответствии с Атласом исчезающих языков мира, изданным ЮНЕСКО в 2020 году, 136 языков народов и народностей России находятся в той или иной степени под угрозой: вызывает опасение состояние 20 языков (в т.ч. башкирский, кабардино-черкесский, чеченский, якутский); под угрозой исчезновения – 49 (в т.ч. чувашский, удмуртский, калмыцкий); в серьезной опасности – 20 (в т.ч. карельский, чукотский), в критическом состоянии 22 языка, и 20 языков уже признаны исчезнувшими.

Подавляющее большинство языков народов Российской Федерации в их современном функционировании оперируют кириллической графической системой. Следовательно, перспективы развития национальных языков народов России находятся в прямой корреляции с состоянием русского языка. Согласно экспертным оценкам Института языкознания Российской академии наук, на

²⁰⁹ Federal Agency for Nationalities. [Online] Available from: <https://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/029/833/original/aakibrikashldialforum2018.ppt?154239173> Accessed: 22nd April 2019 (дата обращения: 03.02.2016). 7

территории Российской Федерации зафиксирован 151 язык, из которых 18 находятся в предкризисном состоянии²¹⁰. При этом в хронологических рамках XX–XXI столетий на территории Российской Федерации произошла утрата 14 языков, половина из которых исчезла в уже в период новой истории страны. Согласно данным Атласа исчезающих языков мира, изданного ЮНЕСКО в 2020 году, 136 языков народов и этнических групп России подвержены различным степеням угрозы: состояние 20 языков вызывают опасение; 49 языков находятся под угрозой исчезновения; 20 языков пребывают в серьезной опасности; 22 языка находятся в критическом состоянии, а 20 языков уже признаны утраченными.

Значимость языка как одного из фундаментальных элементов культуры невозможно переоценить как в контексте общественного развития, , так и в процессе формирования государственности и национальной идентичности. Одной из институциональных форм, обеспечивающих развитие языков, выступает полилингвальная модель образования в поликультурных обществах, которая обладает актуальностью для значительного числа государств, поскольку рассматривает возможность сохранения языков меньшинств, исторического наследия общества, культурных традиций и обычаев²¹¹. При этом в каждом государстве формируется уникальная модель мультиязычного образования²¹². Следует отметить, что сущность полилингвальной системы образования заключается в том, что наряду с родным языком, русский и иностранные языки используются как средство обучения и как инструмент поликультурного воспитания, тогда как в двуязычных и многоязычных образовательных учреждениях такие языки выступают исключительно в качестве предмета изучения²¹³.

²¹⁰ Federal Agency for Nationalities. [Online] Available from: <https://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/029/833/original/aakibrikashldialforum2018.ppt?154239173> 7
Accessed: 22nd April 2019 (дата обращения: 03.02.2016).

²¹¹ Bilingual education and minority language maintenance in China the role of schools in saving the Yi language / Lubei Zhang, Linda Tsung; Cham: springer international publishing, 2019. – 178 p.

²¹² Основы полилингвального образования. Монография / Ф.Г. Ялалов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2021. – 38 с.

²¹³ Bolton K. Language policy and planning in Hong Kong: Colonial and post-colonial perspectives.– Applied Linguistics Review 2. – 2011. – PP. 51-74.

С целью исследования практик внедрения полилингвальной модели поликультурного образования на территории Российской Федерации коллективом ученых Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акумлы в 2021-2024 гг. был осуществлен их сравнительный анализ (руководитель – С.Т.Сагитов)²¹⁴. Необходимо констатировать, что вопросы полилингвального образования обладают актуальностью для всех регионов и территориальных общностей России: республик, краев и областей; для мегаполисов и крупных городских агломераций, для малых городов и сельских поселений и т.п. При этом формирование образовательной политики не зависит от обстоятельств, в рамках которых сложилась полиэтничность населения. Если на определенных территориях многонациональность сформировалась в прошлом столетии в результате миграционных процессов, обусловленных экономическими аспектами развития, то на других территориях формирование происходило в течение продолжительного исторического периода и в настоящее время интерпретируется как «исторически сложившаяся». Вместе с тем организация полилингвального образования в каждом регионе страны обладает специфическими особенностями, детерминированными комплексом причин.

Безусловно, одним из основных аспектов выступает национальный состав региона. Так, если в Татарстане как государственный объявлены русский и татарский, то в Дагестане, согласно статье 11 Конституции республики, государственными языками являются русский язык и языки народов Дагестана, среди которых письменностью и официальным статусом обладают еще 13 языков. Помимо абсолютного количества национальностей, проживающих в регионах, значимость имеет их процентное соотношение: если балкарцы, занимающие третье место по численности населения в Кабардино-Балкарской Республике, составляют менее десятой части населения региона, то татары, также занимающие третье место по представительству в Чувашии, составляют около 1/45 от общей численности населения. Существует различие и в количестве представителей русской национальности в регионах страны: если в Республике Башкортостан

²¹⁴ ПО 24

доля русских составляет 40% (первое место в регионе среди этносов), то в Чеченской Республике – 2% (второе место в регионе). Безусловно, на модель полилингвального образования оказывает большое влияние и территория региона: гигантская Республика Саха (Якутия) площадью более 3 млн. кв. км превышает по территории Аргентину – восьмое государство в мире по площади, в то время как Республика Северная Осетия-Алания по площади занимает 80-е место в Российской Федерации (7987 кв. км). Вместе с тем, в той же Республике Саха плотность населения составляет 0,32 чел./кв. км, а в Республике Северная Осетия-Алания – 86,78 чел./кв. км.

Религиозная составляющая, а также принадлежность языка к конкретной языковой семье и группе имеют большое значение на развитие языков в регионе. Например, распространение ислама повлекло включение в лексический состав языков мусульманских народов многочисленных заимствований из арабского языка и одновременно обусловило в историческом прошлом арабской вязи как основного средства коммуникации между их носителями.

Можно идентифицировать целый комплекс детерминирующих факторов, оказывающих влияние на функционирование образовательной системы в различных регионах Российской Федерации: к ним относятся инфраструктурное развитие социальных институтов образования и науки, культурных и религиозных организаций, степень урбанизации территории и уровень развития производительных сил региона и т.д. Совокупность этих факторов формирует специфические условия, которые оказывают непосредственное воздействие на выстраивание модели полилингвального образования. Разработанный нами диагностический инструментарий позволил осуществить сравнительно-сопоставительный сбор эмпирических данных в регионах страны и выделить три основные модели, применяемые в настоящее время в рамках полилингвального образовательного процесса в их хронологическом внедрении в системе образования: «родной язык – русский язык – иностранный язык»; «русский язык – родной язык – иностранный язык»; «русский язык – родной язык и иностранный язык». В общем плане выбор конкретной модели определяется двумя ключевыми

факторами: уровнем институциональной поддержки со стороны региональных органов власти и степенью языковой компетенции учащихся в отношении как родного, так и русского языков²¹⁵.

Среди проблемных зон в организации полилингвального образования можно выделить в первую очередь проблематику, связанную с изданием учебников и учебно-методических пособий на родных языках, которая для большинства субъектов Российской Федерации упирается в финансовую составляющую: вопросы финансирования издательской деятельности для полилингвальных школ, несмотря на глубокую методическую проработку или частичную разработанность методического обеспечения, остаются достаточно острыми ввиду дефицита региональных бюджетов. Второй блок вопросов связан с подготовкой и переподготовкой педагогических кадров, способных осуществлять образовательную деятельность (особенно в предметных областях) с одинаково высоким качеством на русском, родном и английском языках. Проблема усугубляется тем, что полилингвальные образовательные учреждения находятся на начальной стадии институционализации, а учреждения высшего образования не осуществляют подготовку универсальных специалистов, обладающих как языковыми, так и предметными компетенциями. При этом сказывается и отсутствие систематизированной программы повышения квалификации для действующих педагогов в рамках полилингвальной образовательной модели в регионах страны ввиду отсутствия единой методики.

Главный вывод, который можно сделать по итогам проведенного нами исследования заключается в том, что на современном этапе в Российской Федерации отсутствует единая эффективная модель развития полилингвального обучения. Объективно назрела необходимость в разработке такой модели, что позволит не только увеличить количество носителей родных языков, но и обеспечить повышение уровня владения русским языком.

Ввиду большого количества цифрового образовательного, в т. ч. языкового контента не последнюю роль играет цифровизация и региональный аспект

²¹⁵ ПО 24

цифрового неравенства. Результаты исследований, проведенных в начале XXI века для оценки практических навыков работы в Интернете, подтвердили их ключевое значение для эффективного использования информационных технологий (ИТ)²¹⁶. Полученные данные также указывают на зависимость результативности обращения с инфокоммуникационными технологиями от различных социальных факторов, таких как возраст, уровень образования, профессиональный опыт работы с ИТ и другие. Так, в рамках изучения цифрового неравенства были выделены такие аспекты, как территориальная принадлежность, пол, возраст, экономическое положение и уровень дохода домохозяйств. Стоит отметить, что рассмотрение проблематики цифрового разрыва в то время сосредоточивалось преимущественно на доступности инфраструктуры и касалось степени распространения персональных компьютеров и подключения к Интернету. В данном контексте информационно-коммуникационные системы рассматривались наравне с другими базовыми элементами социальной инфраструктуры, такими как электроснабжение или водоснабжение. Доступ к электронным ресурсам стал показателем уровня социального неравенства, а его отличительной особенностью стала невозможность компенсировать этот доступ временными альтернативами. Со временем такое явление получило название «цифровой разрыв первого уровня». В свою очередь, вопросы, связанные с пользовательскими компетенциями, эволюционировали в рамки так называемого "цифрового разрыва второго уровня", который охватывает аспекты использования возможностей, предоставляемых выходом в сеть, и способы их практической реализации²¹⁷. Следует отметить тенденцию последних лет: несмотря на стремительный технологический прогресс, цифровое неравенство сохраняется в силу ряда разрывов социального порядка, включая территориальные и региональные признаки: уровень грамотности, уровень доходов, гендерно-возрастной.

²¹⁶ Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. Peer reviewed Journal. First Monday. – 2002. – Vol. 7. – №4. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v7i4.942>. Дата обращения: 9 декабря 2024 г. <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/942>.

²¹⁷ Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. – №1. – С. 108-120.

Сфера культуры является одним из базовых элементов, скрепляющих общество как систему, крепость которых позволяет системе развиваться, сопротивляться внешней агрессивной среде либо быть разрушенной влиянием извне. Именно поэтому основным направлением в управлении сферой культуры в части ее цифровизации является не только восполнение цифрового разрыва как первого, так и второго уровня за счет эффективного использования коммуникационных технологий и создания единого информационного культурного пространства, но и выравнивание цифрового развития регионов нашей страны.

Таким образом, подытоживая рассмотрение основных проблем в организации управленческих процессов в сфере культуры на региональном уровне, отметим следующее.

1. Регион – социально-территориальная общность, сформированная в контексте локального взаимодействия общественных отношений, обеспечивающих гармоничное развитие общества и удовлетворения потребностей людей. Вместе с тем, за последние несколько десятилетий, начиная еще с периода существования СССР, регионы в большей степени воспринимаются преимущественно как ресурсо-ориентированные территории, а не как самостоятельные субъекты с уникальными характеристиками, что проявляется и в отношении сферы культуры. Анализ ситуации в сфере культуры позволил выделить основные противоречия в управленческих процессах на региональном уровне, которые проявляются как на разных уровнях ее реализации, так и в рамках одного уровня управления. Среди таковых следует назвать проблемы в части понимания роли региона как субъекта управления в отношениях «центр – регион»; определения первичности влияния сфер жизнедеятельности на развитие общества; первичности среди субъектов управления; значительные различия в цифровых разрывах между регионами. Все это приводит к тому, что культура нередко оказывается второстепенной по сравнению с другими сферами общественного развития. Такая ситуация сопровождается несоответствием между стратегическими (федеральными) и тактическими (региональными) уровнями

управления, а также доминированием государственного контроля над процессами управления и разобщением их как по вертикальной, так и по горизонтальной линии. Указанные дисбалансы препятствуют раскрытию потенциала культурных ресурсов каждого региона. Узкий технократический подход к управлению снижает значимость приоритезации культурного и духовного развития общества, что остается важным условием содействия устойчивому социальному прогрессу.

2. На основании контент-анализа нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней в сфере культуры сделан вывод, что в последние годы в стратегических общегосударственных документах виден отход от отраслевого понимания культуры к более широкому подходу как к сфере, а также от признания первичности иных сфер жизнедеятельности – к сфере культуры. Однако в иных документах, причем не только регионального и муниципального уровней, но и федерального, ситуация не изменилась: работа регионов в сфере культуры оценивается исключительно в единицах измерения, которыми выступают рубли, квадратные метры, люди, без духовной составляющей содержания. Стратегические и программные документы регионального уровня, касающиеся культурного развития, демонстрируют диспропорции в своих акцентах. Управление в сфере культуры сталкивается с проблемой двойной зависимости: вертикальной – от стратегических направлений федерального уровня, недостаточно учитывающих специфические особенности регионального саморазвития; и горизонтальной – от доминирующего влияния государственных структур, подавляющих местные инициативы. Такое монополизированное управление препятствует гармоничному развитию не только культуры, но и общества в целом, ибо для снижения этих рисков необходим субъектно-субъектный подход к управлению, предполагающий равноправное участие всех заинтересованных сторон.

3. Региональные управленческие процессы в сфере культуры представляют собой сложную систему взаимозависимостей между ключевыми участниками, развивающимися в двух направлениях: на вертикальной плоскости более высокие инстанции оказывают административное воздействие, которое

зачастую игнорирует принципы самоорганизации и специфику регионального развития; на горизонтальном же уровне наблюдается доминирующее влияние государства среди субъектов управления, хотя в идеале все субъекты должны выступать равноправными партнерами в социокультурной среде. Однако использование неэффективных управленческих методов, а также стремление государства к монополистическому контролю над многими аспектами в т. ч. культурной жизни может приводить к нежелательным последствиям, тормозя развитие общества в целом. Для преодоления этих трудностей требуется переход к субъектно-субъектной модели взаимодействия, способной заложить основы более продуктивного механизма управления.

4. Существующий дисбаланс между экономическими, технологическими и политическими приоритетами по отношению к сфере культуры наблюдается и в процессах цифровой трансформации. В недавнем прошлом цифровое развитие преимущественно фокусировалось на обеспечении инфраструктуры и доступности электронных ресурсов, что в свою очередь усугубляло социальные неравенства. В современности эта проблема приобрела новую глубину: помимо инфраструктурного разрыва, или «цифрового неравенства первого уровня», управленческое воздействие оказывается на ликвидацию пользовательских навыков, классифицируемым как «цифровое неравенство второго уровня». Несмотря на бурное развитие технологий, цифровое неравенство не только сохраняется, но и растет. Оно обусловлено различными социальными факторами, такими как региональные и территориальные особенности, уровень доходов и образования, а также гендерные и возрастные аспекты. Культура остается центральным элементом социальной структуры, играя ключевую роль в укреплении связей внутри общества и создании устойчивых моделей его развития. Она способна объединять различные общественные группы и обеспечивать систему способностью адаптироваться к внешним вызовам или, напротив, подвергать ее разрушительным воздействиям при усилении кризисных факторов. В свете этих вызовов главной задачей регионального управления становится разработка эффективного механизма управления сферой культуры.

Ключевую роль в решении этих задач играет применение современных коммуникационных технологий для создания единого культурного пространства, в т. ч. и для устранения инфраструктурного разрыва первого уровня, так и дефицита цифровых компетенций второго уровня. Наряду с этим важным аспектом остается минимизация региональных дисбалансов в цифровом разрезе, что позволит обеспечить гармоничное и сбалансированное развитие сферы культуры в условиях современной реальности.

2.2 Управление сферой культуры на региональном уровне в отражении сознания населения (результаты трендового социологического исследования 2001 – 2025 гг.)

В целях исследования управленческих процессов в сфере культуры на региональном уровне коллектив ученых при непосредственном участии автора провел в Республике Башкортостан социологическое исследование на тему «Проблемы управления сферой культуры». Данное исследование трендовое: опросы по методологическим принципам, основанным на системном подходе, по единой программе, инструментарию исследования проводились в 2001/02 гг., 2016/17 гг. и 2024/25 гг. В дальнейшем в своих изысканиях для более четкого понимания мы будем говорить об опросе 2001/02 гг. как о 1-м этапе, 2016/17 гг. – как о 2-м этапе, 2024/25 – как о 3-м этапе социологического исследования²¹⁸. В качестве основной социальной проблемы было выделено отношение к социокультурным процессам, происходящим в сфере культуры, среди различных социально-профессиональных групп и возможности оптимизации управления в сфере культуры на региональном уровне. Учитывая, что в разные годы и программа исследования, и методика, и инструментарий были аналогичными, мы попытались анализировать исследуемые вопросы в динамике с минимальными потерями.

Что касается Республики Башкортостан, то данный регион характеризуется наличием разных типов социально-территориальных общностей. До начала 70-х

²¹⁸ ПУСК 1-16-25

годов XX века республика характеризовалась преобладанием сельского населения,²¹⁹ и к началу 1972 года соотношение городского и сельского населения составило в корреляции 50:50, что накладывало соответствующие особенности хозяйствования и социальных связей между людьми. Однако, начиная с начала 70-х гг. XX века, происходит активная урбанизация, которая была свойственна не только для советской Башкирии. При этом урбанизация сопровождалась различными процессами:

- социальными трансформациями, сближая жизнь горожан и сельских жителей; активной внутренней и внешней миграцией, связанной с переездом в крупные города (для горожан) и районные, региональные центры (для сельских жителей);
- растущей иммиграцией из других стран, особенно из стран Центральной Азии, связанной с транзитным географическим положением и привлекательностью «богатых» российских регионов (например, Башкортостана); природно-климатическими, сельскохозяйственными ресурсами для прибывающего населения из Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и растущей жизненной необходимостью восполнения демографических ресурсов регионов;
- информатизацией (интернет-коммуникации, возросшая компьютерная грамотность населения, использование в рабочее и досуговое время информационных технологий и т. д.).

На момент проведения исследования население Башкортостана (генеральная совокупность) составляло 4 080 тыс. человек. Выборочная совокупность построена с соблюдением методических требований. Тип выборки – многоступенчатая, квотная. Квотируемые признаки: тип поселения, пол, возраст. Из единиц отбора второго порядка выбирались единицы наблюдения (респонденты), при этом для соответствия структуры выборки структуре генеральной совокупности из единиц отбора типа «сельское поселение» было отобрано в общей сложности 38% респондентов, из единиц отбора типа «городское поселение» – 62% респондентов. Респонденты отбирались по

²¹⁹ Башкирия в Союзе ССР: статистический сборник. – Уфа: Статистика, 1972. – С.5.

квотируемым признаками «пол» и «возраст» в соответствии со структурой генеральной совокупности. Зональное разделение проводилось с учетом природно-экономических характеристик, ресурсного потенциала, специфики отраслевой структуры и ключевых направлений производственной специализации в рамках разделения труда как внутри республики, так и между районами²²⁰.

Общий размер выборки в каждом исследовании составляет 1200 респондентов, из которых 480 приходилось на г. Уфу. В выборку вошло 23 населенных пункта, в том числе: 5 городов, 2 поселка городского типа и 16 деревень, расположенных в 6 социально-экономических зонах Башкортостана – Центральная, Южная, Западная, Северо-западная, Северо-восточная, Зауралье. Населенные пункты дифференцированы как город-миллионник (Уфа), средние города (100 – 500 тыс. жителей), малые города (10 – 100 тыс. жителей), районный центр (3 – 10 тыс. жителей) и деревня, село (менее 3-х тыс. жителей).

В исследовании для более эффективного использования процедуры территориального построения выборки выполнялись определенные преобразования административно-территориальных районов, которые повысили степень гетерогенности между ними, что требуется теорией выборки, и что немаловажно для территориальной выборки – все административно-территориальные районы превращаются в естественные географические участки. Такие преобразования снижают величину стандартной ошибки и сокращают полевые затраты на обследование. По итогам преобразований получен список из 1006 «выборочных» районов, которые были соотнесены с 5 выделенными однородными стратами, образованными преимущественно на основе географических факторов и уровня урбанизации (Таблица 2).

²²⁰ Исянбаев М.Н. Экономические подрайоны Республики Башкортостан: проблемы формирования и развития – Уфа, 1995. – С.13-28.

Таблица 2 – Распределение населения Республики Башкортостан по стратам

№ страты	Название страты	Население РБ в целом (тыс.)	Доля населения РБ в страте	Население РБ в целом (%)
1	крупный город	1083.3	0.27	26.55
2	средний город	651.9	0.16	15.98
3	малый город	708.9	0.17	17.37
4	рабочие поселки и поселки городского типа	230.5	0.06	5.65
5	сельские советы	1405.6	0.34	34.45
Итого		4080.2	1	100

I-страта: крупный город- г. Уфа

Объем выборки по г. Уфа определялся по следующей формуле:

$$n = \frac{N Z_{1-\frac{\alpha}{2}}^2 \sigma^2}{N \Delta_{a\ddot{u}}^2 + Z_{1-\frac{\alpha}{2}}^2 \sigma^2}, (*)$$

где

σ^2 - дисперсия признака по выборки, вычисляемая в ходе пилотажа;

$\Delta_{a\ddot{u}}$ - предельно допустимое значение ошибки выборки, задаваемое, исходя из целей исследования;

$Z_{1-\frac{\alpha}{2}}$ - доверительный коэффициент, соответствующий доверительной вероятности $(1-\alpha)$.

В ходе пилотажного исследования была вычислена дисперсия $\sigma^2 = 0,26$. Исходя из целей исследования, предельно допустимое значение ошибки выборки было определено в размере 5%, соответствующий доверительный коэффициент $Z_{1-\frac{\alpha}{2}} = 1,96$. Соответственно, объем выборки $n = 399$. Учитывая, что уровень недостижимости респондентов как минимум составляет порядка 15% от общего объема выборки в целях сокращения ошибки выборки, объем выборки по городу Уфе был увеличен на 20% и составил 460 человек.

Уфа как крупный мегаполис имеет сложное географическое расположение: вытянут с юго-запада на северо-восток более чем на 60 км, состоит из 7 основных районов – все это значительно влияет на выбор способа построения выборки. Первым этапом построения выборки было деление территории города на качественно однородные и равновеликие по площади фигуры с целью составления списка полученных вследствие деления участков (765).

Второй этап – непосредственная выборка участков, с применением стратификации и пропорционального размещения. В ходе стратификации территория города была поделена на три страты. В качестве признаков – факторов расслоения были взяты: типы жилых домов (частный, многоэтажный), а также с точки зрения удаленности от центральной части города; центральная часть и спальные районы города – с точки зрения их престижности; периферийные районы – промышленная зона города. Целевой объем выборочной совокупности был определен в 21 участок (по 7 участков в каждой страте), что в принципе соответствует известному в математической статистике распределению Стьюдента для малых выборок ($5 < n < 30$). Используя генератор случайных чисел, производилась случайная выборка внутри каждого слоя. Объем выборки внутри каждого слоя рассчитывался пропорционально размерам генеральной совокупности по административно-территориальным районам внутри города.

Третий этап – выборка домохозяйств и респондентов. Для выбора домохозяйств внутри «выборочных квадратов» использовалась квазислучайная систематическая выборка с шагом отбора, равным 5. Интервьюер должен был посетить каждый пятый частный дом или квартиру внутри «выборочного квадрата», при этом интервьюерам не позволялось делать какого-либо рода замены жилищ или домохозяйств.

II- страта: процедура формирования выборки имела те же ступени, что и выборка в г.Уфе. Качественно иной состав генеральной совокупности (более гомогенный в сравнении со столицей), а также разница в количестве проживающего населения почти в 10 раз внесли небольшие коррективы в расчете выборки. Объем выборки для данной страты составил 160 единиц. В качестве

стратификационного признака был выделен тип и качество жилого дома. В результате образовалось 2 страты – районы ветхого жилья (барачного типа и отдельные частные дома без удобств) и благоустроенные районы с развитой инфраструктурой, с домами и квартирами «со всеми удобствами». Опрос проводился в 5 выборочных районах по 32 респондента в квадрате.

III- и IV- страты: объем выборки для третьей страты составил 170 домохозяйств, а для четвертой выборки – 50 домохозяйств. Формирование выборки в третьей и четвертой стратах (малые города и поселки городского типа/рабочие поселки) осуществлялось согласно одной и той же схемы:

1 ступень – составлялся список всех городских улиц, из которых случайно выбиралось либо 6 улиц для малых городов, либо 2 улицы – для поселков городского типа/рабочих поселков;

2 ступень – отбор домохозяйств внутри выбранных улиц посредством маршрутной выборки с шагом, равным 10 или 3. Интервьюер должен был опросить респондента в каждом десятом или седьмом домохозяйстве.

V- страта: объем выборочной совокупности составил 360 респондентов. Выборка состояла из двух ступеней отбора:

1 ступень – отбор домохозяйства в каждом населенном пункте: отбиралось по две улицы (если населенный пункт состоял из единственной улицы, то опрос проводился на ней);

2 ступень – отбор респондентов. В отобранных улицах посредством маршрутной выборки отбирались каждые третьи домохозяйства (шаг отбора равен 3), однако в домохозяйствах проводился отбор всех индивидов, входящих в квоту. Квотное задание рассчитывалось заранее, исходя из существующей статистической информации по районам. В качестве котируемых признаков выступили пол, возраст и национальная принадлежность.

Таким образом, выборка населения Башкортостана строилась по территориальному принципу, при ее конструировании важную роль играло как географическое расположение муниципалитетов республики, так и качественный состав проживающего населения. Общий размер выборки в каждом исследовании

составляет 1200 респондентов, из которых 480 приходилось на г. Уфу. В выборку вошло 23 населенных пункта, в том числе 5 городов, 2 поселка городского типа и 16 деревень. Исходной базой для построения выборки послужили данные переписи Всероссийских переписей населения 2000, 2010, 2021 годов соответственно, Демографический ежегодник Республики Башкортостан и результаты исследований по вопросам демографии в регионе²²¹. Статистическая погрешность по РБ и отдельно по г. Уфе не превышает 5%. Все действия интервьюера по отбору домохозяйств были жестко регламентированы и контролировались. В маршрутном задании для интервьюеров указывалось название улицы; номер дома, с которого начинался маршрут; шаг отбора домохозяйств; размер выборки на маршруте, а также схема выбора респондента в домохозяйстве.

Выявленные нами в ходе социологического исследования факты с точки зрения науки не подлежат сомнению и являются существенными: процесс их сбора проходил согласно системе социологической эпистемологии Л.Н.Когана²²² (рисунок 3).

Рисунок 3 – Структура социологической эпистемологии Л.Н. Когана (цит. по: Захаров Н.Л., 2023)

²²¹ ДБ 18

²²² Захаров Н.Л. Вклад Л.Н. Когана в социологическую эпистемологию// Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 30–40. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-3-30-40>.

Анализ результатов проведенного трендового исследования, являющегося отражением в сознании населения вопросов, касающихся развития сферы культуры, позволил выявить среди них ключевые проблемы и рассмотреть их в динамике.

Ранее мы отмечали, что культура обладает множеством определений, которые варьируются в зависимости от объекта и предмета исследований ученых. Более того, анализ всего лишь двух ключевых официальных федеральных документов дает основания утверждать, что представления о культуре и ее трактовка даже на государственном уровне сильно разнятся, равно как аналогичные противоречия проявляются и в отражении сознания населения – в его восприятии культуры. В целом взгляды на культуру в обществе можно условно разделить на три основные категории. Первая группа рассматривает культуру как ключевой фактор в организации жизнедеятельности и развитии общества; вторая сводит ее к прикладной функции; третья не проявляет значительного интереса к вопросам культурного развития вообще. Респондентам на вопрос: «Как вы считаете, культура – это что?» – было предложено на первом этапе 6 вариантов ответов, а на втором и третьем этапах в связи с бурным развитием ИКТ был добавлен седьмой вариант ответа – «Культуру отлично заменяет Интернет».

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос о понятии «культура», %

№	Культура – это:	1 этап	2 этап	3 этап
1.	Основа жизнедеятельности общества	42	45	44
2.	Двигатель прогресса	11	10	7
3.	Необходимый элемент в организации досуга	27	22	31
4.	Культуру отлично заменяет Интернет	-	4	4
5.	Пустая трата денег	3	2	2
6.	Вопросы культуры мне безразличны	8	4	3
7.	Затрудняюсь ответить	9	13	8

Результаты исследования (таблица 3) свидетельствуют о том, что бóльшая часть респондентов воспринимает культуру как ключевой элемент для развития общества. Более половины опрошенных считают ее основой прогресса, треть видит в ней преимущественно функцию досуга, а меньшая часть выражает безразличие к вопросам культуры. Анализ тенденций за последние 25 лет показывает лишь незначительные изменения: доля тех, кто связывает культуру с организацией жизни общества, составляла 53% на первом этапе исследования, 55% – на втором и снизилась до 51% на третьем этапе. Хотя отмечается некоторая динамика, результаты остаются в пределах статистической погрешности, что подтверждает стабильность общественного восприятия культуры.

Заметное изменение произошло в отношении тех респондентов, чьи вопросы культуры не интересуют – их доля сократилась с 20% на первых двух этапах до 13% – на третьем. В эту категорию был включен также вариант ответа – «Затрудняюсь ответить», поскольку неопределенность в данном случае свидетельствует о низком уровне интереса к теме. Таким образом, за четверть века количество безразличных снизилось примерно на треть, при этом число тех, кто считает культуру пустой тратой денег, осталось практически неизменным.

На втором и третьем этапах исследования был добавлен новый вариант ответа – мнение о том, что Интернет способен заменить культуру. Доля респондентов, придерживающихся этого взгляда, одинаково составила 4% на обоих этапах. Предполагаем, что данный ответ также связан с восприятием культуры через призму досуговой функции, и его результаты были учтены в общей группе респондентов, рассматривающих культуру как элемент организации досуга. Если на первых двух этапах их доля была практически одинаковой (26-27%), то к настоящему времени она выросла до 35%. Это увеличение более чем на четверть демонстрирует заметный рост приверженцев подобного восприятия культуры.

Общая картина полученных данных отражает закономерную динамику: культура становится все более ассоциируемой с досугом, тогда как ее роль в развитии общества постепенно снижается. Причины такого процесса во многом

связаны с общественными тенденциями по упрощению функционала культуры, сведенному зачастую к «песням и танцам». Несмотря на попытки перехода от отраслевого подхода к сфере культуры на федеральном уровне, практическая реализация этой концепции на региональном и муниципальном уровнях остается недостаточной. На третьем этапе исследования наблюдается снижение числа респондентов, которые рассматривают культуру как двигатель прогресса – падение показателя составило 20 процентных пунктов по сравнению с данными 2001 и 2016 годов. Это вызывает определенные опасения и требует пересмотра стратегий информирования населения, улучшения коммуникационных каналов и механизмов обратной связи. Хотя падение оценки ведущей роли культуры составило лишь 2%, рост доли тех, кто воспринимает ее как элемент досуга (+8%), вызывает вопросы о формировании новой системы культурных ценностей в обществе. Если развитие этой системы будет затруднено, существует риск возникновения институционального кризиса, что может негативно повлиять на процесс формирования социума.

Исследование имеет трендовый характер и позволяет анализировать изменения не только в отдельные моменты времени, но и в динамике. Один из значимых выводов заключается в существенном уменьшении доли индифферентного отношения к культуре среди респондентов. Кроме того, изменения затронули и восприятие роли государства в культурной сфере: наблюдается четкое снижение числа тех, кто считает государство малозначимым участником в развитии культуры. Наши данные подтверждают гипотезу о том, что государственные органы должны быть доминирующим субъектом в этой отрасли – мнение, которое также отражено в сознании населения, как демонстрируют приведенные результаты. Напомним респондентам предлагалось оценить роль государства через пять возможных категорий ответов (рисунок 4):

1. «Государство должно проводить культурную политику согласно интересам населения»;
2. «Государство должно способствовать формированию художественного, эстетического вкусов населения»;

3. «Культура должна развиваться сама, без вмешательства в процесс развития»;
4. «Проблемы культуры мне безразличны»;
5. «Другое».

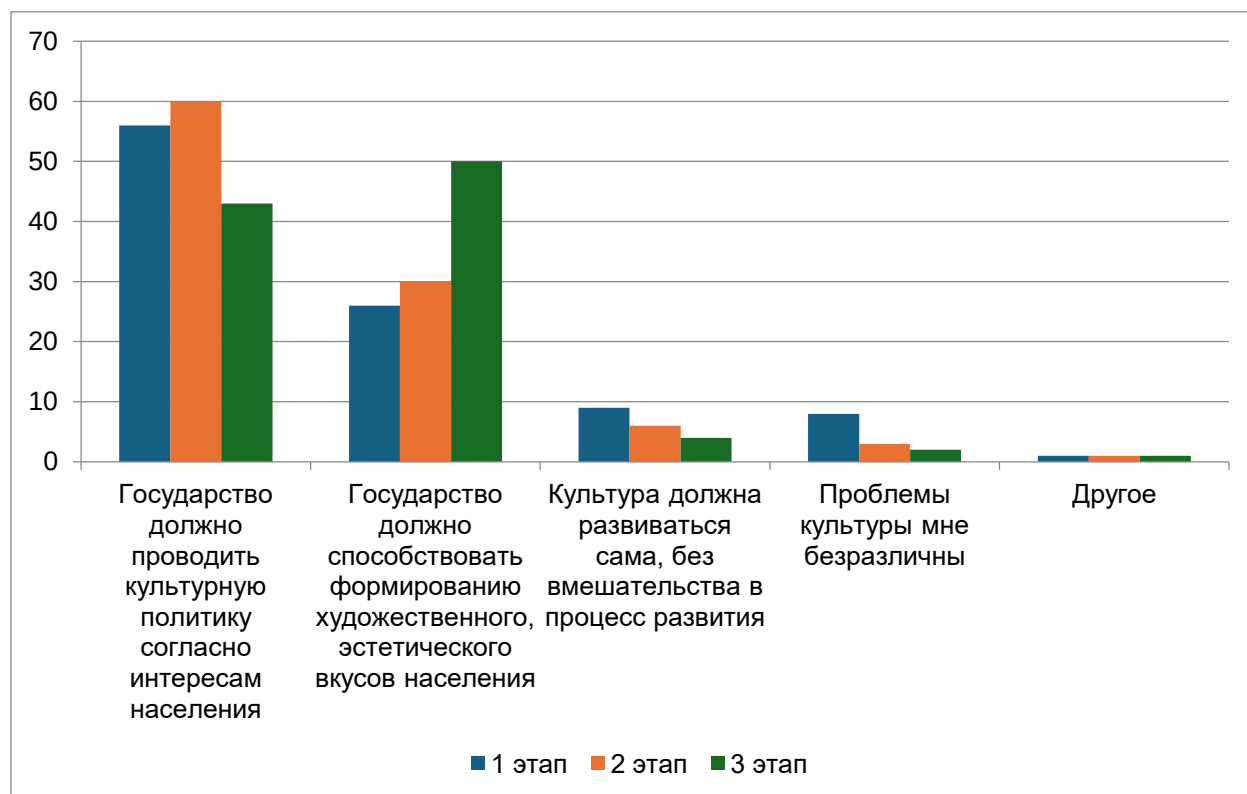

Рисунок 4 – Динамика изменений отражения в сознании населения роли государства в проведении культурной политики

За первую четверть XXI века восприятие роли государства в культурной политике в сознании населения претерпело значительные изменения. По итогам 3 этапа исследования 93% респондентов отвела в данном вопросе главенство государству (с увеличением на 11 процентных пункта), а доля тех, кто не причисляет его к предмету обсуждения составила 2% (с 8% в 2001 году). Сдвиги произошли и в отношении населения к подходам государства в этой области. На первом этапе исследования 56% респондентов полагали, что интересы населения должны быть в приоритете при определении развития сферы культуры; после некоторого роста (+4%) в 2016-2017 гг., фиксируется не только резкое падение в абсолютном значении (почти на 17%), но и потеря лидирующей позиции в общем отношении населения о роли государства. По итогам 3 этапа доминирующие

позиции принадлежат респондентам, которые признают лидерство государства в субъектно-субъектных взаимоотношениях «государство – потребитель» по поводу культурной продукции. Если до 2016 года наблюдался постепенный рост показателя в этом направлении, то в 2025 году было выявлено резкое увеличение, составившее две трети от прежнего уровня – 50%.

К предпосылкам таких изменений, происходящих в рамках нашего государства, относится попытка переосмысления социальных и культурных процессов с учетом традиционных ценностей и исторического опыта народов России. Задача по сохранению общероссийской гражданской идентичности на первый план вывела и необходимость противостояния новым вызовам и угрозам, включая попытки подрыва государственной суверенности и навязывания чуждых ценностных ориентиров. На практике такие упредительные действия вылились в проведение специальной военной операции (с 2022 г.), а на нормативном уровне ответом стал Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

На первом и втором этапах нашего исследования респонденты в своих ответах на вопросы в привязке «согласно интересам населения» и «способствование формированию вкусов населения» показали разницу в 30 процентных пунктов, а на третьем этапе она сократилась до -7%. В целом такой расклад выступает показателями не только сферы культуры, но и всех четвертьвековых изменений, происходящих в российском обществе, когда за последние 5 лет особенно заметно усилилась роль государства практически во всех сферах жизнедеятельности Российской Федерации.

Анализ результатов первого и второго этапов исследования показал, что увеличение самоосознанности участников опроса напрямую повлиял на рост доли респондентов, придерживающихся позиции о необходимости при управлении сферой культуры учитывать мнение самих субъектов. Развитие общества на современном этапе проявляет, как ценности и нормы духовной культуры осознаются не только объектом изучения или отвлеченными понятиями, но и

принимаются за инструменты агитации, пропаганды и популяризации отдельно взятых идеологических установок, отражающих интересы конкретных социальных групп. Мы вовсе не утверждаем, что перечисленные нами моменты явно влияют на определение позиции большинства участников опроса, тем не менее видно, как претерпели значительные изменения и приоритеты по линии учета интересов населения и государственного формирования культурных вкусов.

Нами были выявлены системные изменения при сопоставлении трех этапов исследования, на которых и остановимся подробнее.

По итогам третьего этапа возраст, образование, социальный статус, доходы, сфера профессиональной деятельности и место проживания – все это вошло в число определяющих факторов, влияющих на разницу во взглядах населения. Следует отметить и усиление зависимости мнений респондентов от их семейного положения и гендерных различий. Если в 2001–2002 годах такая связь не была замечена, то результаты исследований 2016 –2017 и 2024 –2025 годов выявили значительное влияние зависимости. Особняком держатся респонденты, никогда не состоявшие в браке, а также вдовы и вдовцы. Вопросы культуры безразличны большинству из них: доля составляла 7,9% (в ходе второго этапа) и сократилась до 2,4% (к третьему этапу), но на сегодняшний день в 2 раза выше по сравнению с представителями категории “ведущие совместную жизнь без регистрации брака”. Среди вдовцов и вдов почти на 25% больше тех, кто отдает первенство в определении культурного развития потребителям, то есть населению. Доля тех, кто видит в лице государства приоритет в принятии решений, оказалась ниже на 10-12% на втором и третьем этапах исследования. Отклонения показателей у состоящих в браке, разведенных и ведущих совместную жизнь без регистрации остаются в пределах статистической погрешности.

Внимательный анализ ответов участников опроса по уровням расходов раскрыл интересную эволюцию. Указание на первичность роли государства в формировании и реализации культурной политики на первом и втором этапах исследования среди групп с различными финансовыми возможностями отличия не вызвало. Однако третий этап выявил явную корреляцию: рост доли тех, кто

поддерживает идею о том, что государство должно активно формировать культурные вкусы населения, находится в тесной связи с увеличением дохода. Для сравнения: доля респондентов, составляющих 35%, – участники с доходом до 20 тысяч рублей, а показатель в 58% – чей месячный доход превышает 100 тысяч рублей. По другому параметру – по отношению к культуре – на первых двух этапах исследования был замечен курс к уменьшению доли безразличных к ней по мере роста дохода. Несмотря на то, что общий уровень безразличия к культуре снизился, последние результаты (2025 г.) не подтвердили закономерность, выявленную на первом-втором этапах. Однако была обнаружена новая связь: уменьшилось число затруднившихся ответить на поставленный вопрос среди участников с высоким доходом.

Многие ученые в своих исследованиях приходят к выводу о том, что нередко значимые различия в ответах респондентов обнаруживаются в зависимости от территории их проживания.²²³ Известно, что в селах и деревнях возможности для организации и проведения культурных мероприятий оставляют желать лучшего, так как почти все учреждения являются муниципальными, можно считать – приравненным к государственным. Коммерческих структур (таковых, если есть в такой местности, очень мало), и частных хозяйствующих субъектов не привлекает участие в культурной жизни на селе. Такие факторы, как пережитки бюджетного дефицита на уровне муниципалитетов, необходимость первостепенного расходования отпущенных средств, демографические процессы, – неблагоприятно влияют на организацию культурной жизни в сельской местности и могут вызвать материальный и моральный упадок в учреждениях культурно-досуговой деятельности, в музеях и библиотеках. К тому же, в связи с развитием сети Интернет библиотечная деятельность не в силах способствовать популяризации чтения и самих библиотек. Информационная среда, которая

²²³ Дробизева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 25-36.

отражается на качестве жизни каждого из нас, играет важную роль в формировании в человеке социальных и культурных ценностей²²⁴.

По справедливому замечанию М. Швыдкого, термин «оптимизация» в наши дни многими рассматривается в негативном контексте, нередко заменяя слова «реорганизация» или «ликвидация». К тому же, в рассматриваемый нами период была проведена процедура, которая не была осуществлена в советский период развития страны. В России культура стала относиться к социальной сфере, а ее продукты входят в разряд услуг для населения, дополняя позицию, стоящую в одном ряду с услугами СПА-салонов и ритуальных агентств²²⁵. Если в начале двадцать первого столетия не столь заметны были различия между ответами городских и сельских жителей, то последние годы отмечены повсюду заметным технологическим скачком в сфере культуры, информатизацией и модернизацией отрасли. Этот процесс затронул в первую очередь городские территории, тогда как сельская местность продолжает оставаться на периферии этих преобразований. Так, разница в ответах респондентов стала более заметной, напрямую зависящей от их места проживания²²⁶. На втором этапе обнаружилось расхождение во мнениях в 10% между сельскими жителями и горожанами по пункту: «государство должно проводить культурную политику в интересах населения». На третьем же этапе разница уменьшилась до 6% среди тех, кто считает, что государство обязано проводить культурную политику, направленную на развитие эстетических вкусов населения. Роль городского населения в процессе формирования вкусов всегда преобладала при этом, а с течением времени разрыв стал все более заметным: 7% (3-й этап), 5% (2-й этап) и 3% (1-й этап).

Согласно данным проведенного исследования влияние возрастного фактора претерпело существенные трансформации. Многие граждане отдавали

²²⁴ Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация как сфера конструирования социальных смыслов // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–15 мая 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; В. Ф. Гигин (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 6-11.

²²⁵ Швыдкой М.Е. Чем измерить культуру [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2017/10/10/mihail-shvydkoj-otom-pochemu-nelzia-ekonomit-na-kulture.html> (дата обращения 15.05.2022).

²²⁶ Стегний В.Н. Новые явления в становлении культуры информационного общества // Культура в информационно-инновационном обществе: моногр. – Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017. – 495 с.

предпочтение мнению населения, в числе которых половина опрошенных – молодежь, на 13% больше – старшее поколение, что демонстрирует увеличение доли в зависимости от возраста респондентов. Обратную зависимость показал следующий пункт: доля респондентов старше 50 лет, полагающих, что государство должно занимать в этих процессах главенствующее положение, всего 24%. Так, выявили минимальный показатель среди всех возрастных категорий (с уменьшением возраста – 28%), хотя в среднем поколении показатель был ненамного выше – 25%, а среди молодежи достигал 28%.

По мере увеличения возраста заметно снизилась и доля приверженцев и автономного развития культуры: от 11% (молодые люди) до 6% (старшее поколение). Остановимся и на других изменениях в предпочтениях респондентов в зависимости от возраста, согласно данным второго и третьего этапов исследования, применительно представителей средней возрастной категории. Вначале ответы таких опрошенных занимали промежуточную позицию между старшими и младшими респондентами, то на третьем этапе их ответы стоят особняком. Доказательство тому – доля сторонников позиции, что культура способна к самостоятельному развитию, выросла до 6,7%, тогда как у молодежи – 5,6%, а среди пожилых – 4,5%.

Своим мнением о роли государства в формировании художественных и эстетических вкусов населения среди всех респондентов выделяется среднее поколение. Активного влияния со стороны государства по этому поводу придерживается более 35% опрошенных из этой категории (для сравнения с другими категориями: 25% – молодежи, менее 24% – старшее поколение).

По итогам третьего этапа нашего исследования можно выделить следующие коррелянты:

- С переходом респондента из одной возрастной категории на другую увеличивается доля считающих, что государство должно играть ключевую роль в развитии сферы культуры (молодежь – 36%, пенсионеры – 55%).

- Позиции, что культура может развиваться самостоятельно, придерживается 10-11% молодежи (по сравнению с 6-7% в 2016 году). Эта точка зрения более распространена среди молодых респондентов.

- Чем старше человек, тем меньше возникают затруднения с ответом на вопрос (10% – среди молодежи, 2% – у пенсионеров).

Проведенные нами исследования позволяют выделить ряд положений, которые определяют особенности отношения молодежи к тем или иным проблемам. Следует отметить, что ответы представителей этой возрастной категории демонстрируют колеблющуюся зависимость некоторых, кто выделяет в качестве основного фактора управления в культурной сфере мнение потребителя. Интересный факт: по данным проведенных другими авторами исследований, молодежь проявляет лояльность в отношении к органам государственной власти, которая выливается в поддержку даже при наличии определенных недостатков в деятельности управленческих структур. На всех этапах нашего исследования наблюдался рост в 10% среди респондентов среднего возраста, кто в определении культурной политики на первое место ставит государство, чем потребителей. Возможно, такой расклад объясняется тем, что они лет 10 и 25 назад входили в число молодежи, а в настоящем представляют уже средний возраст. Известно, что начало третьего тысячелетия и первая половина второго десятилетия пришлись на период активного в ведения в действие так называемых «демократических» ценностей, многие из которых нередко не вписываются в рамки российских традиционных ценностей. По истечении обозначенного нами времени реалии современности натолкнули представителей молодежи к осознанию необходимости продуманной суверенной государственной модели, где ключевым блоком выступает культурно-духовная часть. Изменения в предпочтениях среди представителей старшего возраста также налицо: уменьшилась доля тех, кто отдает первенство в определении культурной политики населению: 70% – в 2001 году, 66% – в 2016 году и 45% – в 2025 году.

Поэтапный рост показателей среди лиц с высшим образованием относительно уровня образования респондентов с их обозначением первичности

государства в определении стратегии и тактики в управлении сферой культуры: 33% (1-й) – 40% (2-й) – 50% (3-й) – позволяет сделать вывод о сохранении устойчивой закономерности.

Одним из приоритетов, приведших к впечатляющим результатам и необходимости пристального изучения в дальнейшем, стало выявление связи между отношением к первенству государства в культурной политике и профессиональной сферой респондентов. Среди всех участников опроса доля в 52% принадлежит безработным и самозанятым, которые проявили равнодушие к этому вопросу. Тем не менее, специалисты в области сельского хозяйства, социальной защиты и здравоохранения подошли обдуманно и осознанно к ответу: тех, кто считает, что государство должно ориентироваться на мнение населения при управлении культурной сферой, оказалось 57 – 63% (при общем показателе в 43%). Примерно такая же картина складывается и среди представителей государственной и муниципальной власти, в сферах культуры и финансов: почти 60% из них придерживается мнения, что государство должно определять направления развития культуры (общий показатель – 50%).

Анализ результатов исследований в целом демонстрирует, что все больше россиян осознают важность государственного регулирования (пусть и не в полной мере) и признают актуальность этой проблемы. Согласно результатам социологического исследования, проведенного Фондом развития гражданского общества, при сопоставлении интересов отдельного человека и государства почти половина респондентов говорит о равенстве личностных и государственных интересов (47,4%); 22,1% предполагает первичность интересов личности и четверть опрошенных (24,9%) высказалась в пользу приоритета интересов государства перед интересами отдельного человека²²⁷. В современном обществе постепенно усиливается осознание важности, а возможно, и неизбежности государственной идеологии, в рамках которой культура занимает ключевое место

²²⁷ Результаты социологического исследования «Россия и россияне: самоидентификация и состояние национального самосознания» // Фонд развития гражданского общества [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/55> (дата обращения: 25.06.2015).

как одна из основных составляющих национального человеческого капитала²²⁸. Именно культура становится одним из фундаментальных элементов, формирующих эту идеологию.

В ходе исследования участникам было предложено выбрать три из тринадцати представленных приоритетов развития, сформулированных на основе вышеупомянутого документа. Ответы на этот вопрос определили 4 группы предпочтений в зависимости от доли поддержавших (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение приоритетов, выделенных респондентами по группам предпочтений, %

Группа	Наименование приоритета	Процентная доля
Группа 1	Поддержка творчески одаренных личностей, юных талантов	53%
Группа 2	Сохранение и обеспечение высокого профессионального уровня искусства и деятельности в сфере культуры	30%
	Сохранение и укрепление материально-технической базы организаций культуры и искусства	29%
Группа 3	Обеспечение максимально широкого приобщения всех слоев населения к духовно-культурным ценностям	24%
	Поддержка и расширения культурных связей с субъектами России и зарубежными странами	24%
	Повышение роли культуры и искусства в процессе социализации личности	20%
	Выработка новых форм деятельности учреждений культуры и искусства в условиях рыночных отношений	20%
Группа 4	Всестороннее и целостное развитие башкирской национальной культуры	16%
	Обеспечение развития национальных культур народов Башкортостана в соответствии с их особенностями	15%
	Формирование общего культурного пространства многонациональной республики	14%
	Обеспечение социальной защищенности работников отрасли культуры	14%
	Совершенствование подготовки кадров деятелей культуры и искусства	13%

²²⁸ Каверина Н. Культура - важнейший фактор развития человеческого капитала. / Н. Каверина // Аист на крыше. Демографический журнал. – 2018. – № 6 (6). – С 14-19.

В ходе реализации второго этапа социологического исследования были получены следующие эмпирические показатели, характеризующие структуру общественных предпочтений в сфере культурной политики. Анализ данных выявил дифференцированную иерархию приоритетов среди респондентов.

Наиболее значимым направлением, идентифицированным 56% респондентов, является поддержка творчески одаренных личностей и юных талантов, что свидетельствует о доминировании антропоцентрического подхода в общественном сознании, где акцент смещается на развитие человеческого капитала в сфере культуры. Вторую позицию в иерархии приоритетов заняло сохранение и улучшение материально-технической базы учреждений культуры и искусства, что отмечено 42% опрошенных, указывая на осознание респондентами инфраструктурных ограничений как существенного фактора, детерминирующего возможности культурного развития. Третье место по значимости занимает необходимость обеспечения широкого доступа населения к духовно-культурным ценностям, о чем заявили 30% респондентов. Данный показатель отражает социальный запрос на демократизацию культурного пространства и преодоление барьеров культурного потребления.

В диапазоне 20-21% распределились предпочтения респондентов, ориентированные на комплексный модуль приоритетных направлений, включающий четыре взаимосвязанных фактора: развитие народного творчества как формы культурной самоорганизации и сохранения традиционных практик; всестороннее и целостное развитие башкирской национальной культуры в контексте сохранения этнокультурной идентичности; сохранение и обеспечение высокого профессионального уровня искусства и деятельности в сфере культуры как основы качества культурных продуктов и услуг; повышение роли культуры и искусства в процессе социализации личности как механизма формирования ценностных ориентаций и социальной интеграции.

Миноритарную позицию продемонстрировали 13% респондентов, выразивших приверженность к поддержке и расширению культурных связей с субъектами Российской Федерации и зарубежными странами, что отражает

ориентацию на экстернальные культурные стратегии и интеграционные процессы в культурном пространстве.

Результаты третьего этапа трендового социологического исследования подтвердили устойчивость ранее выявленных тенденций в структуре общественных предпочтений относительно развития сферы культуры. Поддержка молодых талантов сохраняет статус доминирующего приоритета, демонстрируя незначительный рост на 2 процентных пункта и достигая показателя 58%. Данная динамика свидетельствует об усилении антропоцентрической ориентации в общественном сознании и возрастающей значимости инвестиций в человеческий капитал сферы культуры. Инфраструктурный компонент культурного развития, выраженный в поддержке материально-технической базы учреждений культуры, сохраняет стабильность на уровне 42%, продолжая занимать вторую позицию в иерархии приоритетов, что указывает на устойчивость инфраструктурного дефицита как актуальной проблемы в восприятии респондентов.

Особый исследовательский интерес представляет нелинейная траектория приоритета «Сохранение и обеспечение высокого профессионального уровня искусства и деятельности в сфере культуры». При стабильных количественных показателях (28-29%) данный приоритет демонстрирует значительные позиционные колебания: второе место на первом этапе, четвертое – на втором и третье – на третьем этапе исследования. Эта динамика может интерпретироваться как проявление конкуренции между различными аспектами культурного развития в общественном сознании.

Анализ выявил дифференцированную динамику различных компонентов культурной политики. К стабильным элементам относится доступность культурных благ (максимальное приобщение всех слоев населения к духовным и культурным ценностям), демонстрирующая константность на уровне 28-30%, что свидетельствует о перманентности проблемы культурного неравенства. Социальная защищенность работников сферы культуры сохраняет стабильные показатели на уровне 14% по всем этапам исследования, занимая последнюю позицию в иерархии приоритетов.

Среди динамично развивающихся элементов выделяется этнокультурный компонент («Сохранение и развитие башкирской культуры»), демонстрирующий наиболее выраженную положительную динамику: 16% (2001 г.) → 20% (2016 г.) → 26% (2025 г.). Эта траектория отражает усиление этнокультурной идентичности и возрастающую значимость культурного суверенитета в общественном сознании. Социализирующая функция культуры («Повышение роли культуры и искусства в процессе социализации личности») показывает умеренный рост с 20% до 24%, что указывает на растущее осознание интегративной роли культуры.

Нестабильные элементы с колебательной динамикой включают адаптацию к рыночным отношениям («Выработка новых форм деятельности учреждений культуры и искусства в условиях рыночных отношений»): 20% → 9% → 14%, а также международное культурное сотрудничество («Поддержка и расширение культурных связей с субъектами России и зарубежными странами»): 24% → 13% → 18%. Данная колебательная динамика может интерпретироваться как проявление амбивалентности общественного сознания относительно экстернальных и адаптационных аспектов культурного развития.

Анализ структуры предпочтений респондентов позволяет выделить три концептуальных блока. Первый, инфраструктурно-материальный блок, акцентирует внимание на общероссийских проблемах развития материальной базы сферы культуры. Второй, духовно-ценностный блок, охватывает задачи общего характера с акцентом на духовный аспект культурного развития. Третий, регионально-специфический блок, отражает особенности Башкортостана, включая многонациональный характер культуры республики. Полученные результаты свидетельствуют о сложной, многоуровневой структуре культурных предпочтений населения, характеризующейся сочетанием стабильных, динамично развивающихся и колебательных компонентов. Выявленная дифференциация культурных приоритетов на региональном уровне поднимает фундаментальные вопросы о возможности и путях формирования единого культурного

пространства в условиях сохраняющейся региональной специфики и разнонаправленных общественных ожиданий.

Выявленная дифференциация культурных приоритетов во многом объясняет сложности и неоднозначность процесса формирования и поиска общенациональной идеи в Российской Федерации, свидетельствуя о фрагментации культурного пространства, а также существенное расхождение между мнением населения и реализуемыми на практике управленческими решениями. Кроме того, задача разработки инновационных подходов к деятельности учреждений культуры как основной вопрос в современных условиях развития общества демонстрирует несоответствие теоретических предположений с эмпирическими показателями исследований, что указывает на необходимость пересмотра некоторых методологических оснований культурной политики.

Анализируемый нами раздел хоть и значится во всех региональных программах как важный, респонденты отвели ему последнее место. В этой ситуации можно предположить несколько причин: либо общественность не осознает значимость перехода культурной сферы на новый уровень и не видит необходимости таких изменений; либо органы власти неспособны эффективно объяснить важность преобразований в связи с ограниченным бюджетным финансированием или отсутствием четкого представления о конечных или промежуточных результатах реформ.

Согласно результатам проведенного нами исследования по поводу поддержки культуры со стороны государства в разрезе ее форм, можно сделать несколько выводов (рисунок 5):

- В целом большинство населения отдает предпочтение поддержке профессионального искусства, при этом наблюдается тенденция роста доли респондентов, придерживающихся этой позиции: за 25 лет она увеличилась с 26% до 29%.
- Доля тех, кто испытывает затруднения с ответом на заданный вопрос, сократилась и по результатам третьего этапа исследования составила 15%. Этот

вариант ответа занял четвертую позицию в рейтинге, тогда как на первом этапе он был вторым по популярности с показателем 24%.

- Доля людей, уверенных в необходимости направлять бюджетные средства прежде всего на поддержку народной культуры, значительно выросла: с 15% в 2001 году до 17% в 2016 году и затем до 26% – в 2025 году. Эта форма культуры заняла второе место по популярности, демонстрируя явный рост интереса к указанному направлению. На третьем этапе наблюдалось увеличение числа участников исследования, давших четкий и одобрительный ответ, достигший 78%. Это заметно превышает показатели первых двух этапов, где суммарная доля ответов категории «профессиональное искусство», «народная культура» и «массовая культура» была меньше двух третей.

- Доля опрошенных, считающих, что первоочередной поддержкой должна быть массовая культура, после небольшого снижения на втором этапе (с 21% до 19%) продемонстрировала рост почти до четверти респондентов, впервые войдя в тройку самых популярных ответов.

- Число людей, убежденных, что бюджетные средства на культуру вообще не следует выделять, остается стабильным. Этот показатель составил 2% на каждом из трех этапов исследования. Видна четкая динамика и среди тех, кто затрудняется ответить на этот вопрос – падение по итогам 3-го этапа составило почти 40% к 1-му этапу и 30% ко второму этапу.

- Доля тех, кто считает, что не нужно выделять бюджетные средства на культуру, остается стабильной во всех трех этапах и составляет 2%.

- Среди тех, кто затрудняется ответить на данный вопрос, прослеживается четкая динамика снижения: по итогам третьего этапа зафиксировано падение почти на 40% по сравнению с первым этапом и на 30% – относительно второго.

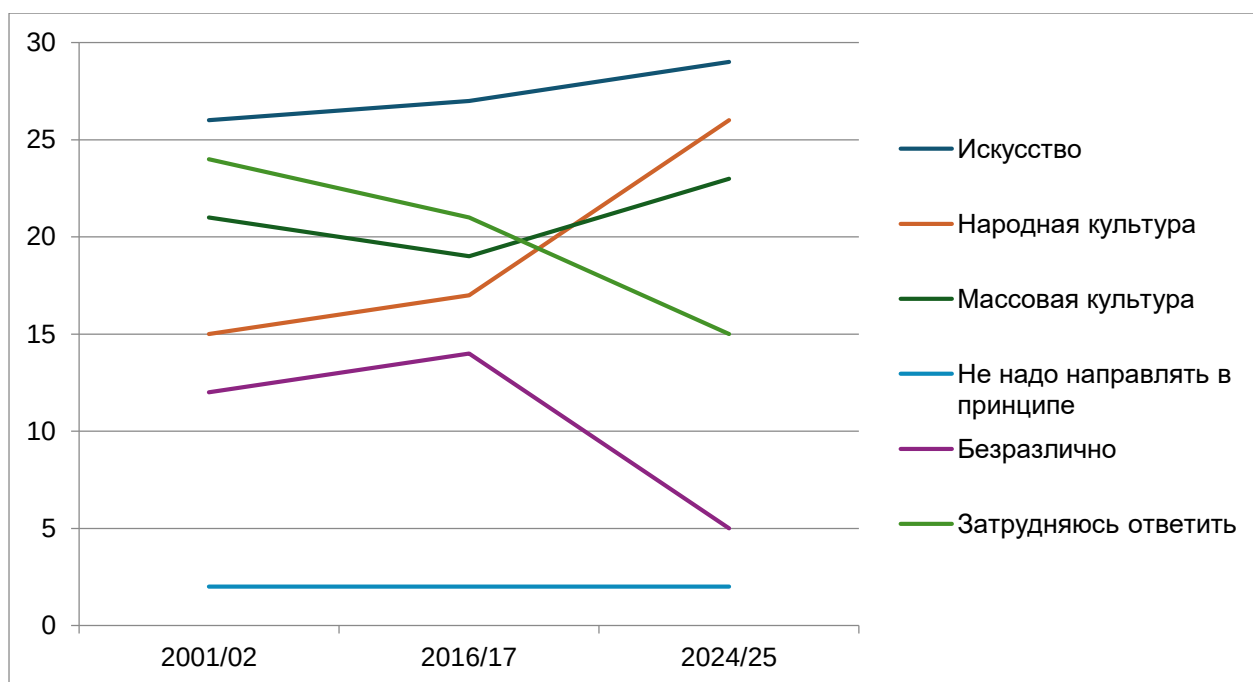

Рисунок 5 – Динамика изменений отражения в сознании населения по поводу поддержки культуры со стороны государства в разрезе ее форм

За последние 25 лет произошли существенные изменения в восприятии того, какие культурные формы требуют приоритетной государственной поддержки. Профессиональное искусство стабильно сохраняет лидирующую позицию, тогда как народная культура поднялась с четвертого на второе место. Массовая культура осталась на третьем месте, но заметно снизилась в доле. Число тех, кто испытывает затруднения в ответе, сократилось на четверть, причем этот вариант переместился со второго места на четвертое. Однако стоит отметить, что обнаруженные данные указывают лишь на общее представление о распределении бюджетных средств между различными формами культуры. Эти показатели скорее служат ориентиром, чем точным назначением для выработки решений в сфере финансирования культуры.

Важно учитывать, что культура выходит за рамки своей собственной отрасли и играет ключевую роль в формировании общественного сознания. Она представляет собой систему гуманистических ценностей, которая способствует не только духовному развитию общества, но и улучшению социально-экономических показателей, ориентированных на материальное производство.

Именно поэтому органы государственной власти всех уровней уделяют значительное внимание этому аспекту.

Результаты проведенного нами социологического исследования подтверждают готовность населения передать государству ведущую роль в управлении данной сферой. Более того, уровень удовлетворенности управленческими мероприятиями растет как на стратегическом, так и на тактическом уровнях.

По итогам третьего этапа исследования 79% респондентов положительно или скорее положительно оценили федеральную культурную политику, а 82% дали аналогичную оценку региональным инициативам. Для сравнения: на втором этапе показатель составлял 70%, а на первом – чуть более 50%. Таким образом, можно утверждать, что поддержка культурных мероприятий со стороны населения значительно выросла. Доля негативных оценок при этом упала с 15 – 17% в начале XXI века до всего 6 – 7% к его первой четверти (рисунок 6.)

Высокая оценка населением проводимой культурной политики напрямую связана с результатами реализации национальных проектов в сфере культуры. Эти проекты были направлены на улучшение материально-технической базы учреждений, внедрение цифровых технологий в культурную сферу, стимулирование посещения культурных и художественных объектов, а также популяризацию достижений отечественной культуры в целом.

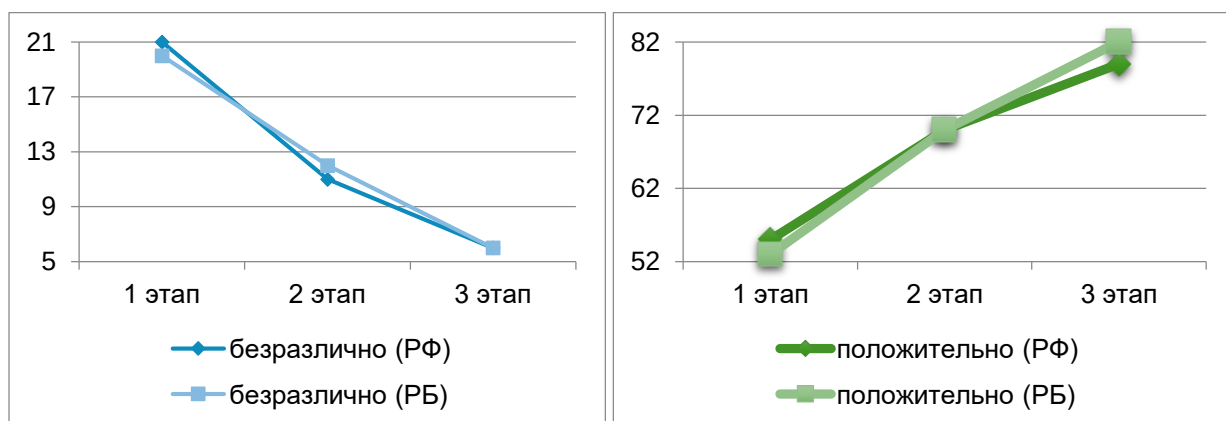

Рисунок 6 – Динамика изменений отражения в сознании населения оценки деятельности государства при проведении культурной политики

На примере Республики Башкортостан с 2019 по 2024 годы в рамках Национального проекта «Культура» выполнен масштабный комплекс мероприятий по региональным направлениям. Так, благодаря проекту «Культурная среда» построено 11 новых учреждений культуры, капитально отремонтировано 100 объектов, реконструировано 6. Помимо этого, открыто 19 современных модельных библиотек, закуплено 11 автоклубов, модернизировано 49 кинозалов. Более 160 образовательных учреждений культуры, включая школы, профессиональные учреждения и музеи, оснащены музыкальными инструментами, современным оборудованием и учебными материалами. Проект «Творческие люди» также принес значимые результаты: за пять лет государственная поддержка оказана 201 лучшему учреждению культуры и 152 работникам сельских учреждений. Было реализовано 85 творческих проектов некоммерческими организациями в области музыки, театра и изобразительного искусства, направленных на укрепление российской гражданской идентичности. Особое внимание уделено популяризации русского языка и литературы, народных промыслов и ремесел. Более 18 тысяч человек зарегистрировались на портале «Волонтеры культуры.РФ» для участия в волонтерских инициативах. Также проведено повышение квалификации более 5,5 тысячи специалистов творческой и административной сфер на базе 14 Центров непрерывного образования. Организовано 20 культурно-образовательных программ для 62 тысяч человек в историческом парке «Россия – моя история» и почти 50 фестивалей творчества различных жанров. Благодаря этим усилиям значительно снизилась доля населения, которое оценивает культурную политику отрицательно – с 15-17% в начале XXI века до 6-7% к концу его первой четверти. Кроме того, анализ показателей интереса к культуре демонстрирует положительную тенденцию: доля равнодушных снизилась с 20-21% в период 2001-2022 годов до 6% – к 2024-2025 годам. Уменьшилась и доля затруднившихся ответить на вопросы о культурной политике – с 9-10% до 6-8%. Таким образом, проводимая работа не только улучшает доступность культуры, но и повышает уровень ее восприятия населением.

Результаты реализации регионального проекта «Цифровая культура» в Республике Башкортостан демонстрируют значительный прогресс в интеграции цифровых технологий в культурную среду региона. В рамках проекта внедрено 20 виртуальных концертных залов, разработано 13 мультимедиа-гидов для взаимодействия с экспозициями и инсертными проектами, позволяющими посетителям использовать технологии дополненной реальности для получения расширенной информации о произведениях искусства. Кроме того, фонд Национальной электронной библиотеки пополнился 780 оцифрованными литературными произведениями, что существенно расширяет доступ к культурному наследию. Эти достижения свидетельствуют о масштабности проведенной работы, охватывающей множество направлений культурной деятельности. Проект оказывает влияние на широкий спектр социальных и профессиональных групп, способствуя формированию положительного общественного мнения в регионе. При этом подход к оценке эффективности культурной политики отличался уровнем детализации: в рамках анализа общероссийских и региональных тенденций респондентам предлагалось дать общую оценку деятельности, тогда как на местном уровне акцент был сделан на оценке качества работы учреждений культуры и состояния их материально-технической базы. Такой метод позволяет не только фиксировать общие достижения, но и уточнять наиболее востребованные аспекты функционирования культурной сферы на местах. Это было сделано в связи с тем, что если на тактическом и целевом уровнях оценка осуществляется исходя из отчетов, предоставляемой информации и итогов реализации глобальных проектов, то на прикладном уровне оценка населения складывается в большей степени от деятельности конкретных учреждений сферы культуры и непосредственного восприятия населением культурной продукции²²⁹.

В рамках реализации регионального проекта «Цифровая культура» в Республике Башкортостан достигнуты значительные результаты,

²²⁹ Захаров Н.Л., Плотникова Т.В. Новые социально-экономические тренды современного мира // Социально-экономическое управление: теория и практика. – Т.19. – № 2. – 2023. – С.43-48.

свидетельствующие о масштабной трансформации культурной сферы региона. Установлено 20 виртуальных концертных залов, обеспечивающих доступ к новым форматам искусства для широкой аудитории. Создано 13 мультимедиа-гидов, которые предоставляют посетителям возможность получить углубленные сведения о художественных экспонатах и инсертных проектах с использованием технологий дополненной реальности, способствующих интерактивному погружению в культурное пространство. Кроме того, фонд Национальной электронной библиотеки пополнился 780 литературными артефактами, что расширяет доступ к оцифрованным произведениям. Эти достижения демонстрируют высокий уровень проводимой работы, охватывающей разнообразные аспекты культурной деятельности. Важно отметить, что данные меры направлены на удовлетворение потребностей различных социальных и профессиональных групп, что способствует формированию позитивного общественного мнения в регионе. При этом процесс оценки результативности реализации культурной политики был структурирован на нескольких уровнях. На общероссийском и региональном уровнях респондентам предлагалось дать общую оценку проводимых мероприятий, в то время как на местном уровне анализ акцентировался на качестве выполнения задач учреждениями культуры, включая их материально-техническое обеспечение. Такой подход позволяет более детально изучить эффективность внедряемых инициатив и выявить ключевые направления для дальнейшего улучшения.

Уровень удовлетворенности состоянием материально-технической базы учреждений культуры постепенно увеличивается, начиная с 32% по результатам первого этапа и достигая 43% по итогам третьего. Однако доля респондентов, выражающих неудовлетворенность инфраструктурой этих учреждений, стабильно превышает число тех, кто доволен ее состоянием. Даже с учетом определенного снижения доля неудовлетворенных остается весьма значительной и составляет примерно половину от всех участников опроса. При анализе ответов на вопросы, касающиеся качества услуг и состояния материально-технической базы учреждений культуры, выявлено отсутствие прямой взаимосвязи между этими

параметрами. Тем не менее, по результатам второго и третьего этапов исследования разница между положительными ответами по обоим направлениям составляет 20 процентных пунктов, а общие тенденции остаются схожими.

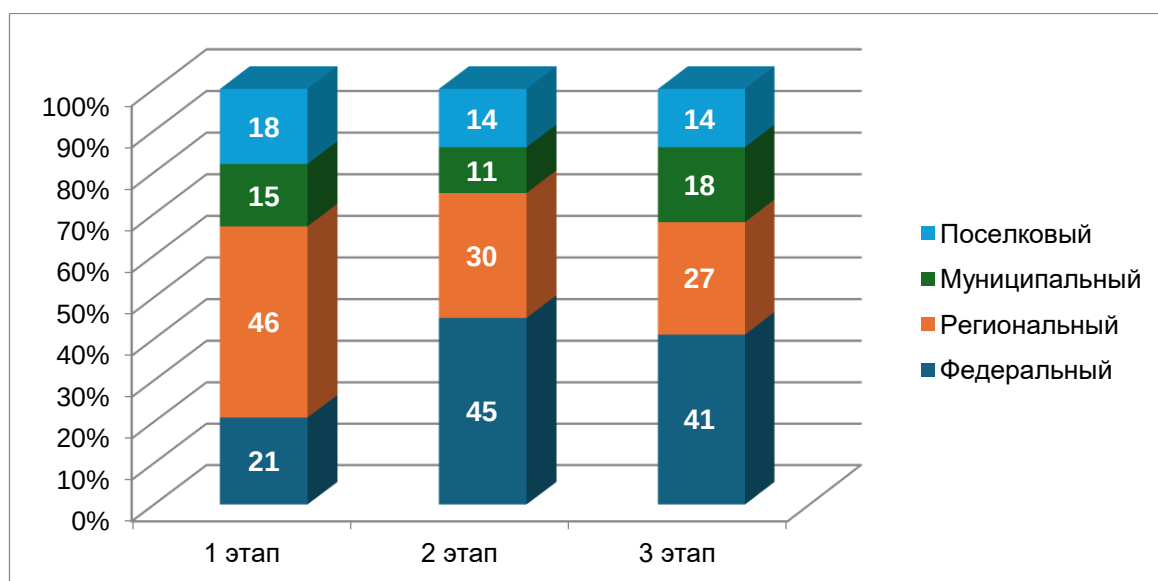

Рисунок 7 – Удовлетворенность материально-техническим состоянием учреждений сферы культуры в зависимости уровня управления, %

В ходе данного исследования мы анализировали ответы респондентов на вопрос о том, какой уровень, по их мнению, играет ключевую роль в управлении культурной сферой. Мы придаем большое значение точке зрения участников опроса: основная масса проблем, касающихся создания, распространения и потребления духовных ценностей, сосредотачивается на нижних уровнях социальной пирамиды, тогда как ресурсы концентрируются на ее вершине.

Социально-экономические и общественно-политические процессы, происходившие за последние два с половиной десятилетия, оказали значительное влияние на ход истории и сформировали восприятие населением относительно лидирующей роли в управлении культурной сферой. Согласно общественному мнению, приоритет институционального влияния оказался выше управленческого уровня (рисунок 7).

Указанные тенденции и выявленные диспропорции в системе культурных приоритетов могут быть объяснены фундаментальными структурными трансформациями, инициированными в начале третьего тысячелетия. В данный

исторический период произошли масштабные изменения в социально-экономической и общественно-политической организации страны, характеризующиеся выраженной тенденцией к централизации управленческих и финансовых механизмов. Ключевым аспектом данных трансформаций стало реформирование системы распределения доходов, включая модификацию механизмов сбора и перераспределения налоговых и неналоговых платежей, а также трансформацию процедур планирования доходов на различных уровнях управления. Эта системная централизация финансовых потоков привела к кардинальному перераспределению ресурсов, направляемых на развитие сферы культуры, и существенно изменила логику финансирования культурных институтов. В результате указанных структурных изменений основные финансовые ресурсы, предназначенные для развития сферы культуры, стали распределяться преимущественно через механизмы федерального бюджета. Более того, поддержание культурных институтов в соответствующем состоянии стало осуществляться не только за счет прямого федерального финансирования, но и через другие централизованные источники, что привело к формированию многоуровневой, но централизованно управляемой системы финансирования культурной деятельности. Происходит активное формирование единой вертикальной структуры управления в сфере культуры. Однако вместе с этим возникают дополнительные угрозы: при недостаточно эффективном управлении и монополизировании значительных позиций на социокультурном поле, особенно государством, появляется риск торможения развития культуры, что напрямую влияет на общее развитие общества. Это подчеркивает важность признания государства как сильного, но далеко не единственного участника в управлении культурной сферой. Для обеспечения гармоничного и прогрессивного развития общественных процессов необходимо придерживаться субъект-субъектного подхода, где все участники управления обладают равными правами и возможностями.

Тем не менее, следование исключительно пожеланиям потребителей, игнорируя исторический контекст, прогнозирование и проектирование, не должно

быть стратегией коммуникационной работы. В данном случае, роль коммуникатора, которую выполняет государство как ключевой субъект управленческих процессов, заключается в формировании приоритетов развития, направленных на удовлетворение потребностей тех субкультур, которые представляют наибольшую значимость в конкретный момент времени. Эти приоритеты должны гармонично соотноситься с общими целями государственной культурной политики. При этом возникает сложность субъективной интерпретации при определении таких приоритетов, что возможно минимизировать посредством внедрения ранее предложенного алгоритма. Этот подход предполагает управление в сфере культуры как процесс массовой коммуникации с использованием специально разработанной управленческой матрицы. В результате данного метода становится более реалистичным учет мнений всех участников коммуникации, а также обеспечение их своевременности в контексте принятия решения.

По результатам исследований выявлено, что вопросы, имеющие непосредственное отношение к профессиональной деятельности, и подходы к определению приоритетов в сфере культуры в представлении определенных групп существенно разнятся. Это обстоятельство ставит задачу постоянного поиска и установления оптимального баланса как в понимании, так и в целеполагании и реализации культурной политики. Важно учитывать, что этот баланс зависит от множества факторов: конкретного направления культурной деятельности, исторического контекста, уровня культурного развития общества, степени легитимности органов государственной власти, состояния культуры в государстве и множества других аспектов.

Нам видится, что стремление к установлению наиболее эффективного баланса между интересами и предпочтениями всех участников культурной жизни служит логическим основанием в процессе управления сферой культуры. Государственные субъекты, представляющие общество, должны работать над созданием и воплощением концепции государственного культурного развития, учитывающей нужды и ожидания большинства населения. При таком подходе

определенное преобладание государства над другими участниками управленческого процесса может быть оправданным, особенно если это способствует эффективному решению задач культурной политики, формированию ее целей и определению приоритетов для каждого этапа развития.

Проведенное в 2001 – 2025 гг. трендовое исследование позволило выявить некоторые тенденции и значимые изменения в восприятии культуры и роли государства в ее развитии среди населения региона на примере Республики Башкортостан за последние четверть века.

1. Респондентами отмечается устойчивая тенденция к росту позитивных оценок управленческих действий в сфере культуры на федеральном, региональном и местном уровнях: более половины опрошенных продолжают считать культуру ключевым фактором развития общества, а государство – главным субъектом, ответственным за управление данной сферой. Одним из основных выводов исследования является сохранение восприятия культуры большинством респондентов как основы общественной жизни (42-44%) и стимула прогресса (7-11%). При этом фиксируется небольшая, но последовательная динамика, свидетельствующая о смещении акцента в сторону рассмотрения культуры как элемента досуга. Положительным моментом является уменьшение числа лиц, относившихся к культуре как «пустой трате денег». При этом появление варианта ответа – «Интернет прекрасно заменяет культуру» – указывает на новые реалии восприятия культуры в большинстве своем молодым поколением.

2. Вместе с тем, в общественном сознании за последние 25 лет произошли заметные изменения в восприятии роли государства в управлении сферой культуры. Значительно возросла доля граждан, убежденных в необходимости участия государства в формировании художественного и эстетического вкуса населения, увеличившись с 26% до 50%; одновременно наблюдается снижение с 60% до 43% числа тех, кто считает, что культурная политика должна ориентироваться преимущественно на интересы общества. Данные тренды подчеркивают потребность в усилении институтов

государственного управления. Также наблюдается растущий интерес к народной культуре, ставшей одним из лидеров в рейтингах приоритетов, что отражает стремление к сохранению традиций и этнической идентичности.

3. Приоритеты развития сферы культуры, выделенные респондентами, можно подразделить на три основные группы. Наибольший интерес вызывают общие вопросы, связанные поддержкой юных талантов, улучшением материальной базы учреждений культуры. Вторая группа включает аспекты, касающиеся духовного развития сферы культуры. Завершает перечень приоритетов блок, отражающий региональную специфику. Однако несмотря на то, что поддержка юных талантов отмечалась населением как самым ключевым приоритетом на всех этапах исследования и закреплена в федеральных стратегических документах, этот аспект полностью отсутствует в региональных программах развития культуры на протяжении всего анализируемого периода, что не может не вызывать озабоченности.

4. Полученные данные позволяют выделить целый ряд важных социально-демографических, профессиональных и экономических факторов, влияющих на восприятие культуры: возраст, образование, социальный статус, семейный уклад и экономическое положение. Так, если молодежь склонна видеть потенциал культуры в развлекательной функции, то старшее поколение более консервативно относится к культурным традициям. Высокий образовательный уровень усиливает доверие к государственным институтам в сфере культуры, а отсутствие семейных обязательств или низкий доход усиливают ощущение безразличия к проблемам культуры. Исследования выявили некоторые особенности оценок в зависимости от уровня образования: респонденты с общим уровнем образования оценивают менее позитивно управленческие действия в сфере культуры на всех уровнях. Различия по полу особенно характерны применительно к оценкам мужчин, они менее положительно оценивают совокупность мероприятий в сфере культуры, проводимых на целевом (федеральном), так и на тактическом (региональном) уровнях.

2.3 Социально-профессиональная классификация субъектов процесса управления сферой культуры на региональном уровне

Социальное управление предполагает взаимодействие множества различных групп и общностей. Выше мы определили в качестве основных участников системы управления в сфере культуры – ее акторов как коммуникаторы, коммуникационные каналы и потребители. Социальные акторы в различных концепциях управления рассматриваются как ключевые отправные точки для изучения социальных систем и явлений. Это связано с тем, что наличие любой социальной системы обусловлено действиями акторов, способных поддерживать ее функционирование или приводить к ее преобразованию²³⁰. Так, например, в рамках теории Т. Парсонса, основным акцентом было выявление «точки отсчета» – определение того, играет ли актор центральную роль в системе либо выступает объектом анализа для другого актора, выбранного за основу. Однако сегодня процесс определения такой «точки отсчета» значительно усложняется ввиду изменившихся социальных условий и взаимодействий. Рассмотрим на примере.

Буквально несколько лет назад, в доковидный период, в традиционной системе образования мало у кого возникал вопрос о том, кто играет определяющую роль в процессе передачи знаний: роль основного социального актора, вокруг которого собираются его ассистенты, принадлежала лектору, который занят «деятельностью социальной направленности» (по Веберу). Именно лектор, находясь во главе одного субъекта – «коллективного актора», оказывал управленческое воздействие на другого субъекта – студентов, которые в рамках ценностно-рационального подхода могли принять или не принять передаваемую информацию. Невзирая на признанный «субъектно-субъектный» подход, в данном случае лектор и есть социальный «актор – индивид», вокруг которого сконцентрировано все социальное действо.

²³⁰ Crozier M., Friedberg E. L'Acteur et le Système: les contraintes de l'action collective. – Paris: Éditions du Seuil, 1977. – 436 p.

В реалиях сегодняшнего дня, с внедрением дистанционного обучения назрел вопрос: кто является этим «актером – индивидом»? Вариаций много, и они биполярны: лектор или IT-специалист, подготовивший техническую сторону онлайн-курса лекций; техник, выложивший готовую информацию на платформу вуза, или бездушный провайдер, обеспечивающий передачу гигабайт-данных по многочисленным IP-адресам. В данном случае, возможно, необходимо применять подход А. Турена, который заявил о необходимости анализа социальных изменений через общественную активность и исследования социального поведения человека – актора²³¹. Допускаем, что по истечении некоторого времени вопросов станет еще больше, особенно с внедрением искусственного интеллекта в процесс обучения, что может говорить о равнозначности явных и внешне не проявляющихся акторов.

Если обратиться к научным трудам признанных социологов (Н. Аитов, Т. Заславская, Г. Осипов, М. Горшков и др.), которые посвящены анализу социальной структуры российского общества, то следует отметить, что по сравнению с советским периодом развития нашей страны, когда в качестве основы придерживались классового подхода, в настоящее время при анализе общественного устройства отечественная социология обращается и к различным вариантам, появившимся в ходе изучения и анализа уже современных подходов к социальной стратификации, ибо нынешняя «социальная структура общества весьма сложна и пестра»²³². В сфере культуры существуют многочисленные классификации, направленные на выделение устойчивых социальных групп и общностей. Эти классификации разработаны как отечественными, так и зарубежными исследователями, включая таких выдающихся ученых, как П. Сорокин, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Элиот, П. Бурдьё, Л. Коган, Л. Ионин, З. Файнбург, А. Кравченко, Т. Савченко и других. Определения субъектов государственной культурной политики отражены также в официальных документах. Например, «Основы государственной культурной политики»,

²³¹ Touraine A. Sociology after sociology // European Journal of Social Theory. – 2007. – Vol. 10. – №2. – PP. 184-193.

²³² Аитов Н.А. Общество переходного периода. – Алматы, 1993. – 112 с.

утвержденные Президентом России, содержат уточнения, представленные как в редакции 2014 года, так и в обновленной версии 2023 года. Если первоначальная редакция акцентировала внимание исключительно на организациях государственной формы, то новый документ значительно расширил понимание субъектов культурной политики, включая индивидуальных авторов и институты гражданского общества. Теперь эти субъекты рассматриваются не только в контексте искусства и творческих индустрий, но и в связи с наукой, образованием, воспитанием, семейными отношениями и работой с детьми и молодежью²³³. Считаем, внесенные изменения в большей части отражают действительность в данном вопросе.

Вместе с тем, представляется, что в социологической литературе недостаточно полно освещены проблемы социальной структуры, социального взаимодействия непосредственно участников процессов, происходящих в сфере культуры, соотношения их интересов и потребностей. Ниже представлена разработанная автором концепция, которая содержит основные социально-профессиональные группы в управлении сферой культуры и позволяет структурировать субъектов и продемонстрировать их общее и особенное в отношении вопросов, касающихся в большей части сферы культуры и культурно-духовных ценностей.

На основе анализа результатов вышеобозначенного трендового социологического исследования сферы культуры за период 2001–2025 годов была определена социальная структура сферы культуры²³⁴. Ключевым критерием классификации стал социально-профессиональный статус субъектов. Данные исследования предоставили как формальные сведения, так и в части взаимодействия между определенными группами участников в динамике. Кроме того, авторская классификация разделяет участников на две основные подгруппы

²³³Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения 27.01.2023).

²³⁴ ПУСК 1-16-25

в зависимости от их прямого либо косвенного участия в создании и реализации культурной продукции.

Как уже было отмечено, данная классификация основывается на социально-профессиональном статусе участников управления сферой культуры. В рамках первого этапа работы были выделены пять ключевых групп: потребители, государственные служащие, культурная бюрократия, служащие и творцы. Эти группы различаются уровнем автономности в принятии решений, взаимным признанием важности друг друга и наличием ресурсов для достижения целей²³⁵. Отталкиваясь от теории социального действия Парсонса, мы считаем, что все выделенные нами участники процесса управления сферой культуры являются его субъектами и эта субъектность проявляется в «согласовании, гармонизации интересов отдельных общностей, групп, отдельных индивидов в процессе осуществления их жизнедеятельности в обществе»²³⁶. Такой подход акцентирует внимание на субъектно-субъектной природе взаимодействия участников управления сферой культурой.

Потребители культурной продукции (далее – «потребители») – охватывают разнообразные социальные группы и субкультуры всего общества. Несмотря на численное преобладание и внутреннюю неоднородность этой категории, ее роль в принятии ключевых решений остается минимальной или вовсе отсутствует.

Вторая группа включает государственных служащих, которые определяют основные направления развития сферы культуры. Важно отметить, что их состав не ограничивается специалистами именно данной области. В эту категорию входят представители в т. ч. финансовой сферы, образования, административного управления и других отраслей, чьи решения оказывают влияние на культуру, т. н. «верхний слой», согласно классификации Т.И. Заславской²³⁷. Эта категория, именуемая нами далее как «государственные чиновники», является наиболее

²³⁵ Цыганков П.А. О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля. – М., 2007. – Т. 2. – С. 33

²³⁶ Слепенков И.М., Аверин Ю.П. Основы теории социального управления. – М.: Высшая шк., 1990. – 301 с.

²³⁷ Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 9.

малочисленной. Однако благодаря значительным материальным и административным ресурсам она существенно влияет на принятие решений согласно принципу социальной пирамиды, где меньшинство общества располагает большей частью активов.²³⁸

Третья группа – творцы, люди, которые профессионально и системно заняты созданием и внедрением духовных ценностей. При этом мы в какой-то мере поддерживаем позицию Л.Н. Когана, который писал, что «чтение художественной или научной литературы, восприятие музыки, театрального спектакля или фильма – тоже творчество»²³⁹.

Четвертая категория включает руководителей учреждений культуры и искусства. Их роль заключается в определении тактики этих учреждений, исходя из приоритетов, обозначенных государственными чиновниками. В рамках исследования такие руководители были обозначены как «культурная бюрократия».

И, наконец, пятая группа – служащие. Это группа людей, занимающихся обеспечением непосредственного внедрения в жизнь общества и предоставлением потребителям определенных и разработанных культурной бюрократией, государственными чиновниками и творцами положений развития сферы культуры, не занимаясь при этом непосредственно их созданием.

Анализ данных второго и третьего этапов исследования показал минимальные различия между культурной бюрократией и служащими, чаще всего находящиеся в пределах статистической погрешности. Исходя из этого, дальнейшие исследования опираются на модель управления, включающую четыре субъекта: потребителей, государственных чиновников, творцов и служащих от культуры.

С точки зрения вовлеченности в производство культурной продукции участников процесса можно разделить на опосредованных и деятельных субъектов. К первой подгруппе относятся государственные чиновники и

²³⁸ Насибуллин Р.Т. Население Башкортостана: социально-демографический анализ. М., 1997. – С. 97.

²³⁹ Коган Л.Н. Духовное производство и культура // Вопросы духовной культуры советских рабочих. Вып. 1. Свердловск, 1969. – С. 12.

потребители, ко второй – творцы и служащие культуры (Таблица 5).

Таблица 5 – Социально-профессиональная структура участников управления сферой культуры

Опосредованные субъекты	Деятельные субъекты
✓ Государственные чиновники	✓ Творцы
✓ Потребители	✓ Служащие от культуры

Важно отметить условность этого разделения, поскольку один человек способен совмещать несколько ролей. Например, директор художественного музея как служащий учреждения культуры может одновременно выступать в роли художника (творца), быть членом коллегии министерства (государственным чиновником) и оставаться читателем (потребителем). Такая многозначность демонстрирует взаимосвязь социальных и профессиональных аспектов с позицией индивида в процессе управленческих решений. В дальнейшем исследование будет основываться на выделенных группах с учетом их уникальных функций и ролей.

Однако необходимо принимать во внимание, что индивидуальные интересы членов каждой социально-профессиональной группы могут как совпадать, так и существенно расходиться с интересами других субъектов или внутри своей категории. При этом интересы субъектов управления не являются статичными; изменения в обществе влияют на их взгляды и позиции. Примером может служить динамика восприятия проблемы уровня культуры населения среди различных групп за исследуемые периоды. В 2001–2002 годах обеспокоенность этим вопросом выражали: 38% потребителей, 41% государственных чиновников, 69% служащих культуры, 88% творцов (самый высокий показатель). В 2016 –2017 годах ситуация несколько изменилась, хотя общие тенденции сохранились: деятельные субъекты больше озадачены уровнем культуры населения, чем представители опосредованных субъектов. На первом месте по степени заинтересованности остались творцы (84%), далее следовали служащие от культуры (67%). У государственных чиновников внимание к этому вопросу снизилось до 40%, а среди потребителей наблюдалась самая низкая активность –

лишь треть из них упоминала проблему как важную.²⁴⁰

Вместе с тем 3-й этап, проведенный в 2024-2025 гг., показал общую тенденцию для всех социально-профессиональных групп, в соответствии с которой уровень развития культуры населения начал расти и интересоваться примерно такую же часть населения, как и в начале века. Таким образом, говорить о каком-то едином тренде, который проистекает в течение 25 лет, не приходится – все выделенные нами группы развиваются по синусоиде. 3-й этап подтвердил скорректированное решение по итогам 2-го этапа исследования о разделении на 4 группы по социально-профессиональному признаку. Анализ результатов исследований 2024-2025 гг. показал, что у опосредованных субъектов наблюдается небольшой, но рост даже по сравнению с первым этапом исследования (39% потребителей и 43% государственных чиновников, соответственно к 38% и 41%), а у деятельных субъектов рост по сравнению со 2-м этапом, но небольшое снижение по сравнению с 1-м этапом. Диаграмма, отражающая мнение субъектов управления о проблеме уровня культуры населения, представлена нами на рисунке 8.

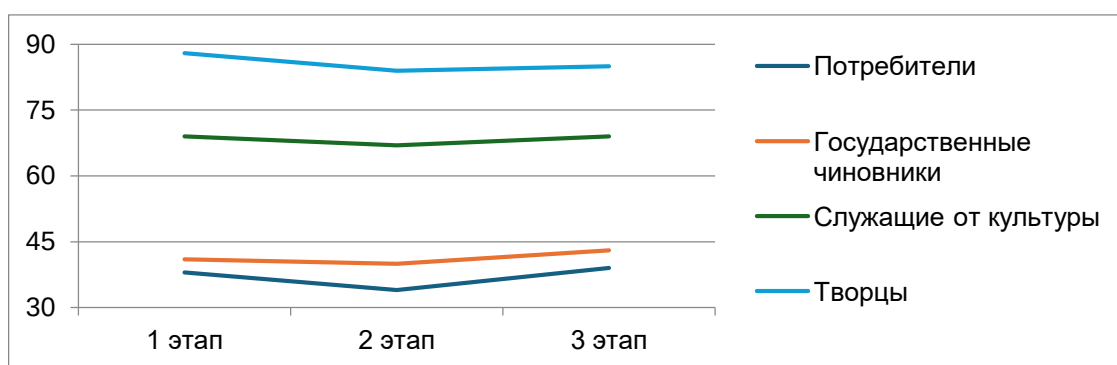

Рисунок 8 – Мнение субъектов управления о проблеме уровня культуры населения

По результатам 1-го этапа исследования мы выдвинули предположение, что «чем «ближе» респондент находится к процессу создания духовных ценностей, тем больше его волнует состояние уровня культуры населения»²⁴¹, которое не утратило актуальности и на сегодняшний день. Это и объяснимо, ведь люди, чья профессиональная деятельность связана с культурой, оценивают ту сферу, в

²⁴⁰ Сагитов С.Т. Социальная структура сферы культуры: социально-профессиональный подход // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2018. – №1(49). – С. 68-74.

²⁴¹ Сагитов С.Т. Социальные проблемы управления сферой культуры. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 164 с.

которой они непосредственно задействованы, и чувство удовлетворенности, согласно мнению исследователей, формируется через достижения личности, преломляясь через внешние социальные нормы и внутренние стандарты²⁴².

Результаты наших исследований о жизненной позиции субъектов процесса управления сферой культуры стали дополнительным подтверждением выдвинутой нами гипотезы о возможной классификации на деятельных и опосредованных, которую при дифференциации социальной структуры можно считать одним из важнейших критериев.

Если говорить о позиции респондентов относительно значения культуры в жизни социума, то результаты исследования позволяют выделить три сегмента: более половины социума воспринимает культуру в широком смысле этого явления, отводя ей ведущую роль в организации жизнедеятельности и развитии общества; около трети – доля тех, кто отводит культуре только прикладную функцию; одна седьмая считающих, что культура не является предметом для обсуждения и рассуждения.

Детальный анализ ответов по отношению субъектов к данной проблеме проявляет, что среди деятельных участников доля тех, кто считает культуру основой жизнедеятельности и прогресса общества, гораздо больше придерживающихся аналогичной точки зрения среди опосредованных субъектов. До более подробного анализа внутри каждой социально-профессиональной группы отметим две общие тенденции, присущие всем субъектам:

1. За 25 лет доля респондентов, отводящих культуре определяющую роль в развитии социума, сократилась во всех группах, хотя и с разной скоростью: глубина падения колеблется от 2% у потребителей, до 10% – у чиновников.

2. По итогам 3-го этапа исследования во всех социально-профессиональных группах появились безразличные к этому вопросу, хотя по результатам первых двух этапов среди деятельных субъектов такого не наблюдалось. Вероятно, на это могли повлиять глобальные события, которыми

²⁴² Степанова О.П., Баженова Н.Г., Токарь О.В. и др. Влияние ценностно-мотивационной сферы на удовлетворенность жизнью пожилых людей // СОЦИС. – 2016. – № 2. – С. 73.

был охвачен российский социум: пандемия из-за распространения коронавируса SARS-CoV-2, а также проведение Специальной военной операции и геополитические процессы, связанные с санкционным давлением.

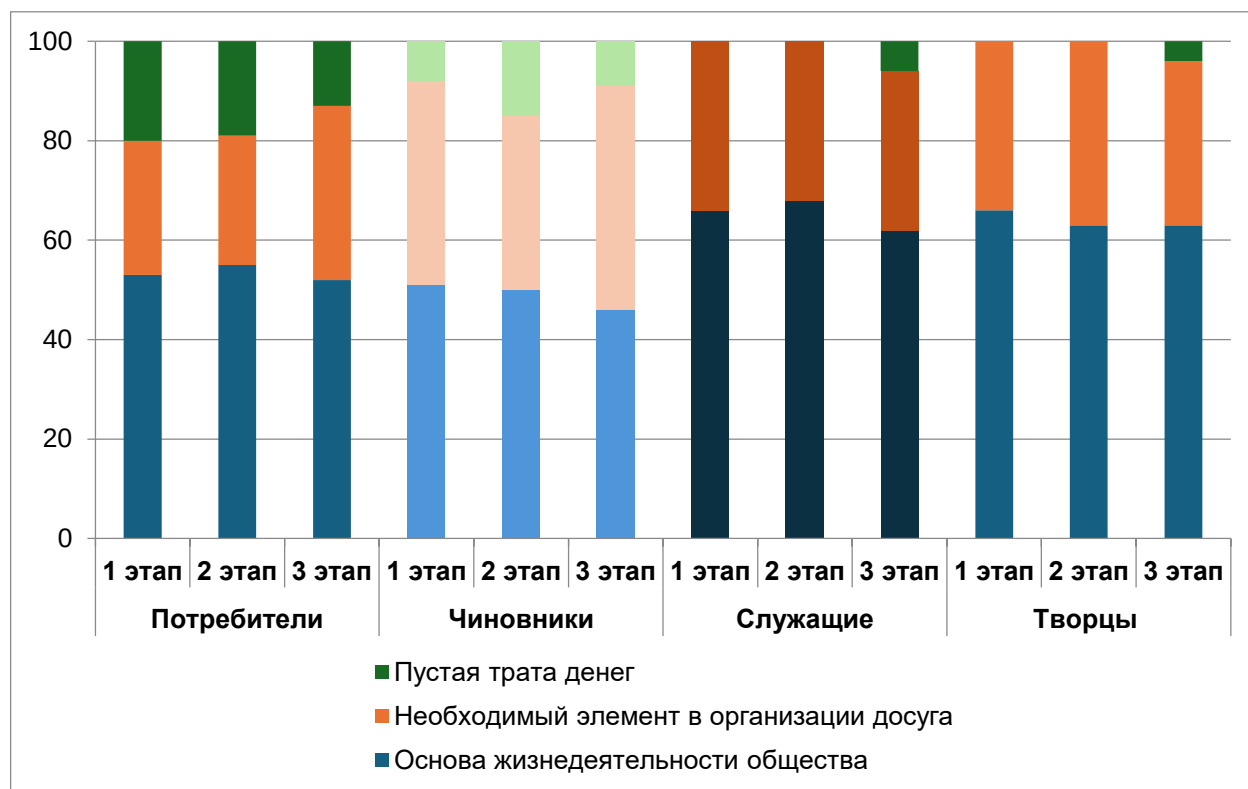

Рисунок 9 – Мнение субъектов управления о восприятии «культуры»

Как видно из представленной выше диаграммы (рисунок 9), отражающей изменения по всем социально-профессиональным группам за 25 лет, среди потребителей и чиновников доля считающих, что культура является основой жизнедеятельности общества, на всех этапах исследования колебалась в пределах 50%, тогда как у служащих и творцов – в пределах 60% и доля безразличных среди опосредованных субъектов выше (9-13%), чем у деятельных (4-6%). Максимальная доля респондентов, проявляющих безразличие, на всех этапах проведения исследования выявлена у потребителей, что и объяснимо. Ведь именно среди них и бóльшая доля тех, кто со сферой культуры непосредственно не связан или не связан вообще (как они сами ошибочно полагают) – выше мы

приводили данные, согласно которым только около 40% потребителей волнует уровень культуры населения.

Стоит отметить, что среди потребителей и чиновников по итогам 3-го этапа исследований на 10% выросла доля тех, кто отводит культуре в первую очередь функцию организации досуга. Причем, если по итогам 2-го этапа мы наблюдали небольшое, но снижение в этих двух группах, то 3-й этап показал значительный рост. То, что эти две группы в своей динамике движутся идентично, может говорить о том, что потребители принимают послы коммуникатора и дают соответствующую обратную связь. Это не может не настораживать, ибо в очередной раз подтверждает, что отраслевое отношение к культуре и прежде всего у чиновников разного уровня не только не уменьшается, а, наоборот, увеличивается. Послы федерального центра по изменению такого подхода пока ни на уровне региона, ни на уровне муниципалитета не услышаны, и культура воспринимается на тактическом и прикладном уровнях как средство развлечения, а не как сфера, определяющая развитие общества. Методом сравнения ответов по данному вопросу представителей опосредованных и деятельных участников можно установить, что видны две разнонаправленные траектории развития: если у опосредованных субъектов групп идет рост, то у деятельных – стагнация в отношении к культуре как к досугу. Причем, если рост у чиновников за 25 лет анализа составил 110%, то у потребителей и вовсе – 130%. Анализ результатов за все три этапа у творцов и служащих показывает, что в данных группах изменения по вариантам ответов минимальные и находятся в пределах ошибки выборки. Таким образом, результаты трендового исследования и по вопросу отношения к культуре представителей выделенных нами социально-профессиональных групп подтверждают предложенную классификацию на деятельных – опосредованных субъектов.

Рассмотрим ответы на вопрос об основных приоритетных направлениях развития в сфере культуры, где респондентам предлагалось выбрать 3 из предложенных вариантов. Здесь, на первый взгляд, тоже нет явного разделения на деятельных и опосредованных субъектов, но более глубокий анализ показывает,

что у потребителей и чиновников среди популярных ответов есть совпадения в части повышения роли культуры в развитии социума; у творцов и служащих больше нашли отклик предложения, касающиеся внутренней жизни сферы культуры: поддержка деятелей культуры, сохранение высокого профессионального уровня в искусстве и народном творчестве. При этом у всех респондентов на первом месте всегда был ответ – «поддержка творчески одаренных личностей, юных талантов», который показали 53% по итогам первого этапа, 56% – по итогам второго и 58% – по итогам третьего. Хотим подчеркнуть к тому же единодушие представителей всех социально-профессиональных групп по итогам всех этапов исследований. Дальнейший расклад ответов как среди субъектов управления, так и в динамике разнится.

Так, у потребителей на всех трех этапах был выделен такой вариант, как «сохранение и обеспечение высокого профессионального уровня искусства и деятельности в сфере культуры», который на 1-м и 2-м этапах стоял вторым по ранжиру, а на 3-м этапе переместился на третье место; вариант ответа на «сохранение и укрепление материально-технической базы» отсутствовал на втором этапе исследования, при этом поднялся с третьего на второе место на 3-м этапе по сравнению с первым; среди ответов-лидеров уникальный случай был зафиксирован на 2-м этапе, когда потребители отвели 3 место «обеспечению максимально широкого приобщения всех слоев населения к духовно-культурным ценностям».

Среди чиновников на всех трех этапах был выделен ответ по сохранению и укреплению материально-технической базы учреждений сферы культуры (3 место, 2 место, 2 место); на 1-м и 2-м этапах исследования в тройке самых популярных ответов среди чиновников был вариант по сохранению и обеспечению высокого профессионального уровня искусства и деятельности в сфере культуры (2 место, 3 место), который к 3-му этапу выпал из ответов-лидеров, и его место занял ответ – «повышение роли культуры и искусства в процессе социализации» – это тоже уникальный случай для всех социально-профессиональных групп за все этапы исследования.

Среди служащих на всех этапах кроме первого места было и второе с вариантом ответа по сохранению и укреплению материально-технической базы учреждений сферы культуры. На 2-м и 3-м этапах в тройке лидеров –ответ, направленный на развитие народного творчества, тогда как в начале века был вариант – социальная защита работников сферы культуры, который после этого ни у кого не был выбран в качестве одного из трех самых популярных вариантов.

И, наконец, творцы на всех трех этапах выбрали «необходимость сохранения и обеспечения высокого профессионального уровня в своей сфере». Этот вариант оказался в лидерах на каждом из этапов (3-е место на первом этапе, 2-е места на втором и третьем). Примечательно, что на первом этапе важной задачей также считали развитие инфраструктуры, но уже на втором и третьем это место заняла позиция «развитие народного творчества».

Анализ ответов всех субъектов управления за весь период исследования позволил сделать следующие ключевые выводы:

- Поддержка творчески одаренных личностей и юных талантов получила безоговорочное приятие: вариант был отмечен всеми социально-профессиональными группами, набрав 12 из 12 возможных первых мест.
- Необходимость сохранения и обеспечения высокого профессионального уровня в области искусства и культуры присутствовала в 8 из 12 ответов. Эта позиция была единым мнением у потребителей и творцов на всех этапах, а также у чиновников – на первых двух. Однако среди служащих данный вариант ни разу не вошел в число предпочтительных.
- Сохранение и укрепление материально-технической базы отметили 7 раз. На первых двух этапах этот пункт выбирали потребители, чиновники и служащие, тогда как творцы упомянули его лишь однажды – на первом этапе исследования (2001–2002 гг.).
- Редко выбираемыми оказались три варианта ответа. Среди чиновников и потребителей это касалось повышения роли культуры в развитии общества, а у служащих – социальной защиты работников сферы культуры.

- На 2-м и 3-м этапах у деятельных субъектов на третье место вышел ответ, касающийся развития народного творчества, что не нашло поддержки среди ответов-лидеров у опосредованных субъектов.

В продолжение предыдущего вопроса рассмотрим отношение респондентов в разрезе социально-профессиональных групп к первичности поддержки форм культуры (рисунок 10).

Общая динамика за 25 лет показала небольшой рост в поддержке профессионального искусства, массовой культуры, значительный рост народной культуры, стабильность в части респондентов, считающих, что сфера культуры не требует финансирования за бюджетные средства и значительное падение доли безразличных и затруднившихся ответить на этот вопрос.

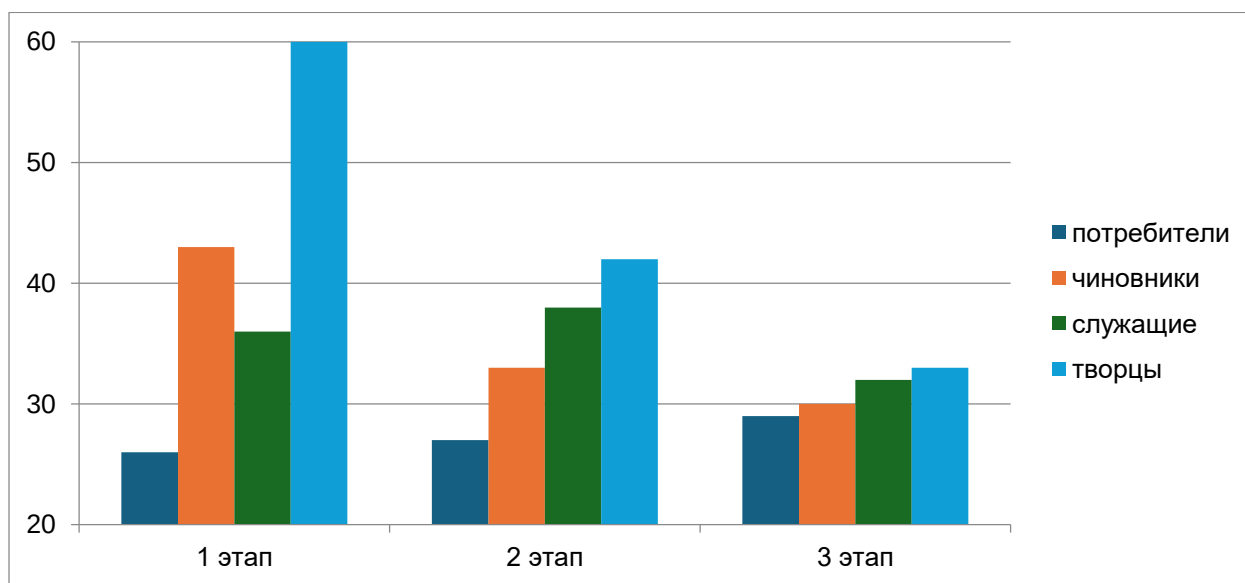

Рисунок 10 – Распределение респондентов по социально-профессиональным группам, поддерживающих выделение средств на профессиональное искусство

Рассмотрим вначале деятельных субъектов – служащих и творцов. Если проанализировать непосредственно те формы культуры, которые предлагают к поддержке представители этих социально-профессиональных групп, то можем говорить, что мнение творцов в большей степени подверглось изменениям: почти в два раза сократилась доля поддерживающих искусство (с 60% в 2001-2022 гг. до 42% в 2016-2017 гг. и до 33% в 2024-2025 гг.). Такого падения не показала за эти

годы ни одна группа ни по какой позиции. У служащих изменения в этом вопросе были небольшими и тоже в сторону уменьшения – с 36% до 32%, хотя по итогам второго этапа наблюдался даже рост до 38%. Группы деятельных субъектов показали максимальный рост в вопросе поддержки массовой культуры (на 15-18%), тогда как у опосредованных рост по данному вопросу составил 2-11%. Что же касается поддержки народной культуры, то представители всех групп по итогам 3 этапа выражают практически идентичное мнение: доля считающих, что именно эта форма культуры требует первоочередной поддержки, составила около 27%, но деятельные субъекты показали рост в среднем на 7% за 25 лет, а опосредованные – 13%. В целом приблизительно одинакова и доля тех, кто поддерживает профессиональное искусство – разница составляет 4% и колеблется в пределах 29-33%, только если у служащих, чиновников и особенно творцов динамика была отрицательная, то у потребителей –положительная.

Доля тех, кому вопросы культуры не представляют интерес, среди творцов сократилась в два раза – до 7%, а среди чиновников почти в 3 раза –до 4%. Глубина падения среди опосредованных субъектов управления, затруднившихся ответить на этот вопрос, меньше, хотя и внушительная – примерно по 30%. Что же касается представителей деятельных социально-профессиональных групп, то здесь вызывает удивление: если на первых двух этапах исследования среди них не было респондентов, которые бы считали, что не надо направлять средства на сферу культуры, то согласно результатам 3-го этапа такие появились: да, их доля совсем невелика – по 1%, но этот факт, который заставляет задуматься. Доля безразличных в этих группах стабилизировалась и составляет по 2%. Также вызывает интерес доля затруднившихся ответить на поставленный вопрос: по результатам исследований 2024-2025 гг. они значительно приблизились друг к другу и составляют 10-11%, но при этом служащие показали за 25 лет значительное падение (на 60%!) с 26% до 10%, а творцы рост (на 40%) до 11% (рисунок 11).

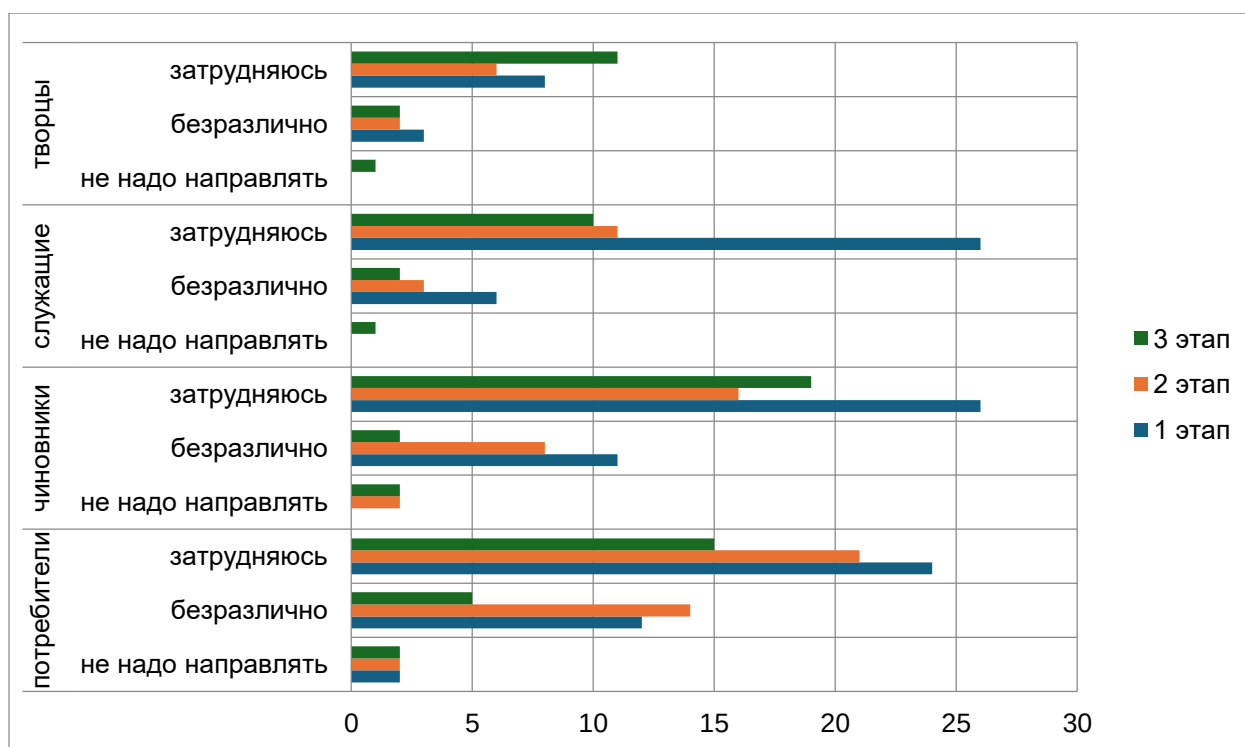

Рисунок 11 – Динамика ответов респондентов, у кого вопросы поддержки сферы культуры не вызывают интереса (по социально-профессиональным группам)

Таким образом, предложенная нами классификация в отношении социально-профессиональных групп получила в результате трендового социологического исследования явное подтверждение и в вопросе поддержки форм культуры, особенно в той части, которая определила респондентов, которые не слишком озадачиваются вопросами сферы культуры: среди деятельных их доля находится в пределах 10%, а среди опосредованных субъектов доля достигает ¼ респондентов. Если же взять разницу между суммой «заинтересованных» (первые три варианта) и отстраненных (следующие три варианта) от сферы культуры ответов, то несмотря на то, что она сокращается и у всех групп, разница дает четкое разделение между ними на деятельных и опосредованных и по этому вопросу (рисунок 12).

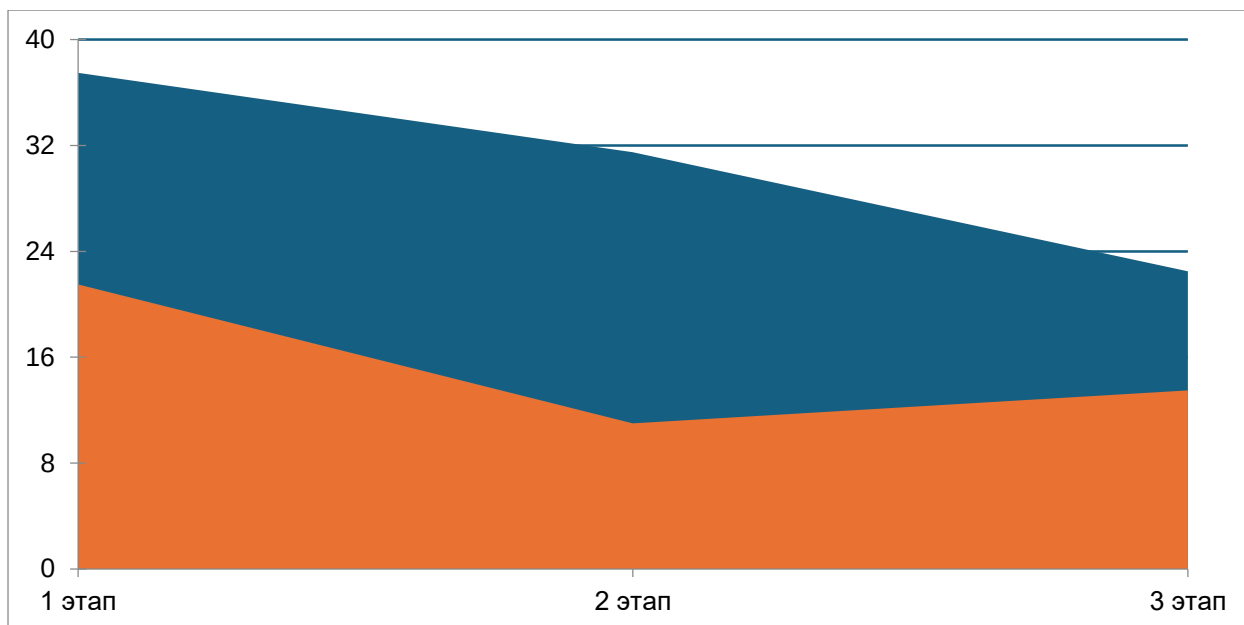

Рисунок 12 – Разница между заинтересованными и отстраненными респондентами в разрезе выделенных опосредованных и деятельных субъектов управления

Прим.: синим цветом выделены группы опосредованных субъектов, красным – деятельных

Ответы участников процесса управления сферой культуры на вопрос об удовлетворенности материально-техническим состоянием учреждений культуры подтверждают обоснование нашей гипотезы. Анализ позиций представителей различных социально-профессиональных групп позволяет выделить тенденцию: чем ближе респондент к процессу создания культурной продукции, тем больше разницы между ответами «удовлетворен»/«неудовлетворен» материально-технической базой учреждений культуры.

Замечено, доля респондентов, удовлетворенных материально-технической базой учреждений культуры, всегда была меньше доли неудовлетворенных; при этом разница между этими значениями на третьем этапе исследования хотя и сократилась по сравнению с первым, но показатели второго этапа явствуют, что тенденция к уменьшению не носит прямой характер от года к году. Так, анализ результатов разницы между неудовлетворенностью и удовлетворенностью на 1-м этапе составлял 20 процентных пунктов (54% не удовлетворены и 34% удовлетворены), на 2-м этапе сократился до 4% (44% к 40%), а на 3-м этапе возрос до 7% (50% к 43%). Вместе с тем, при волнообразном движении кривой

неудовлетворенности удовлетворенность состоянием инфраструктуры постепенно растет и показывает движение только в одном направлении. Такое стало возможно благодаря тому, что в два раза сократилась доля безразличных к этой проблеме: с 14% до 7%.

Напомним, что вышеуказанные показатели отражают восприятие всех респондентов, в целом входящих в потребители. Рост уровня удовлетворенности объясняется внедрением современного оборудования в театрально-концертных учреждениях и кинотеатрах, ранее доступного только в столице или за рубежом. Однако, несмотря на это, как отмечал Л.Н. Коган, в сельской местности часто представлены репертуары, давно утратившие свою актуальность в города – это наблюдается и сегодня.

Группу, демонстрирующую устойчивый рост уровня удовлетворенности, составляют государственные чиновники. Доля удовлетворенных представителей данной категории увеличилась с 24% в 2001–2002 гг. до 40% в 2016–2017 гг., а в 2024–2025 гг. достигла уже 44%. Соответственно, неудовлетворенность материально-техническим состоянием учреждений сферы культуры у чиновников снижается – с 71% на 1-м этапе до 53% на 2-м этапе и 52% на 3-м этапе; вариант «безразлично» не имеет у чиновников определенного тренда и колеблется в пределах 4-7% (Рисунок 13).

Как видно, разница между показателями неудовлетворенности и удовлетворенности составляет в 2025 году 8%, тогда как в начале века она была почти 50%. Представляется, что такой рост связан с несколькими факторами. Во-первых, чиновники часто оценивают культурные учреждения как потребители и действительно отмечают улучшение материально-технической базы. Во-вторых, они видят объемы финансовых средств, выделяемых на отрасль, которые выглядят внушительно даже с точки зрения внешнего наблюдателя. В-третьих, в оценках чиновников присутствует элемент субъективного восприятия – их мнение также отражает собственный вклад в развитие сферы культуры.

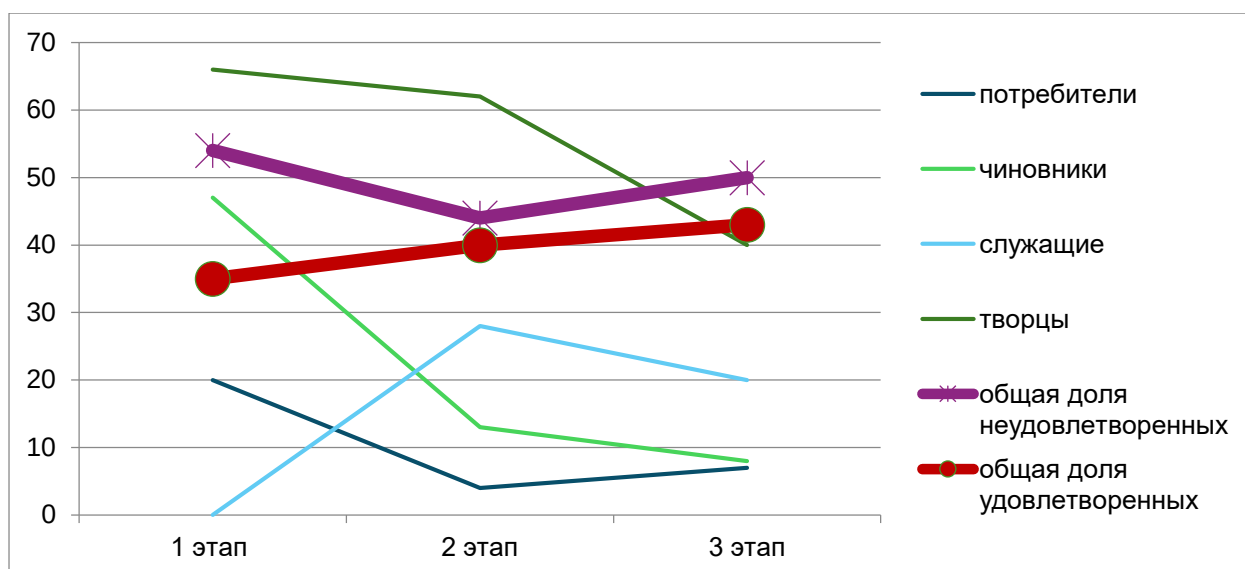

Рисунок 13 – Динамика ответов респондентов по социально-профессиональным группам относительно удовлетворенности материально-техническим состоянием

На фоне названных тенденций совершенно иные результаты наблюдаются у групп, непосредственных участников процесса создания культурных ценностей. Так, по итогам первых двух этапов исследования среди творцов и служащих отсутствовали респонденты с нейтральным отношением к вопросу состояния материально-технической базы. Однако на третьем этапе такая категория появилась, пусть ее доля составляет всего 2%. Да, доля, конечно, небольшая, но сам факт очень интересный и требует дальнейшего наблюдения. То ли это потребительское отношение, то ли другие проблемы современности полностью занимают мысли деятельных субъектов, то ли это разовая ситуация, вполне вписывающаяся в пределы ошибок выборки.

У творцов, согласно результатам исследований, показатели в 2016–2017гг. по сравнению с 2001–2002гг. мало изменились и уровень «неудовлетворенности» (разница между ответами) находился в границах 62-66%, но в 2024-2025 гг. сократился практически на треть. Несмотря на это доля неудовлетворенных превышает 2/3 от общего количества творцов, что, конечно же, много. Среди служащих сферы культуры наблюдалось схожее изменение: если на первом этапе мнения разделились поровну (50% удовлетворенных и 50% неудовлетворенных), то на втором этапе уже 64% испытывали неудовлетворение и лишь 36% были

довольны состоянием базы учреждений. На третьем этапе пропорция немного выровнялась – 59% неудовлетворенных против 39% удовлетворенных.

Из представленных результатов видно, что люди, не связанные профессионально с культурной сферой, куда менее обеспокоены проблемами ее материально-технического обеспечения. Можно предположить, что без дальнейшего развития этой базы учреждения культуры утратят интерес для молодежи и перестанут играть важную роль в формировании духовных ценностей общества. Это может спровоцировать распространение псевдокультурных идеалов, способных разрушить нравственные устои и социальную стабильность. Состоянию всеобщей аномии на смену приходят нормативные и ненормативные реакции²⁴³. Результаты исследований также поднимают вопросы о влиянии различных общественных тенденций на культурные институты. Например, в контексте западной позиции по ЛГБТ-сообществам защита традиционных семейных ценностей часто воспринимается как агрессия или ограничение свободы. В то время как бóльшая часть россиян демонстрирует, согласно данным ученых, стабильное негативное отношение к легализации гомосексуальных браков²⁴⁴. Этот разрыв в восприятии ценностей остается важным фактором для формирования культурной политики на всех уровнях управления.

Благо, в нашей стране в 2022 году были внесены изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации, запрещающие пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, в том числе пропаганду педофилии, среди российских граждан как взрослых, так и несовершеннолетних. В оценке качества работы учреждений культуры мы можем наблюдать следующие тенденции (рисунок 14):

1. Во всех четырех социально-профессиональных группах наблюдается рост доли респондентов, демонстрирующих безразличие к данному вопросу от

²⁴³ Головаха Е.И., Панина Н.В. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 6.

²⁴⁴ Сон Х.И., Михайлова Е.А. Роль эвфемизмов в процессе формирования общественного мнения // СОЦИС. – 2017. – №2. – С. 100.

первого к третьему этапу исследования. Если на первом этапе безразличие выражали исключительно потребители культурных услуг, на втором этапе к ним присоединились представители чиновники, а на третьем этапе аналогичная позиция появилась среди служащих и творцов. Примечательно, что уровень безразличия среди потребителей остался стабильным на протяжении всего исследовательского периода, сохраняясь на уровне 14-15%, в то время как по итогам исследований 2024-2025 годов доля безразличных респондентов среди чиновников и служащих составила идентичные 7%.

2. Во всех четырех социально-профессиональных группах фиксируется снижение доли респондентов, не удовлетворенных качеством работы учреждений культуры. В трех группах (потребители, чиновники, служащие) данный показатель по итогам третьего этапа исследования достиг практически идентичного уровня в 22%. Параллельно в этих же трех группах наблюдается динамика роста удовлетворенности качеством работы учреждений культуры на всех трех этапах исследования, причем количественные показатели во всех трех группах идентичны для второго и третьего этапов. Среди творцов при росте доли удовлетворенных на втором этапе по сравнению с первым, на третьем этапе фиксируется снижение данного показателя. Анализ показывает, что у творцов доля неудовлетворенных в начале века составляла 11%, а по итогам исследований 2016 и 2025 годов осталась на уровне 9%: уменьшение доли удовлетворенных качеством среди творческих работников объясняется появлением безразличных респондентов в данной социально-профессиональной группе.

3. Разница между удовлетворенными и неудовлетворенными качеством работы учреждений культуры за исследуемый период выросла у трех социально-профессиональных групп. Максимальный рост, превышающий восьмикратное увеличение, продемонстрировали чиновники, далее следуют потребители (рост в 4,1 раза) и служащие (рост в 1,7 раза). Творцы, несмотря на сохранение лидирующей позиции по уровню удовлетворенности с показателем в 86%, продемонстрировали минимальное снижение на 1% при сравнении третьего и первого этапов исследования, что может быть интерпретировано как

статистическая погрешность выборки. Дополнительным эмпирическим подтверждением увеличения доли удовлетворенных качеством культурной продукции является рост динамики посещений учреждений культуры, хотя данная динамика демонстрирует неоднородность внутри различных типов культурных институтов. Согласно результатам авторского мониторинга, удельный вес посетителей музеев за последние годы вырос на 41%, театров и филармоний – на 23%, количество участников центров национальных культур увеличилось более чем на половину, при этом наблюдается десятипроцентное снижение читательской активности, что указывает на дифференцированную динамику культурного потребления в различных сегментах культурного пространства²⁴⁵.

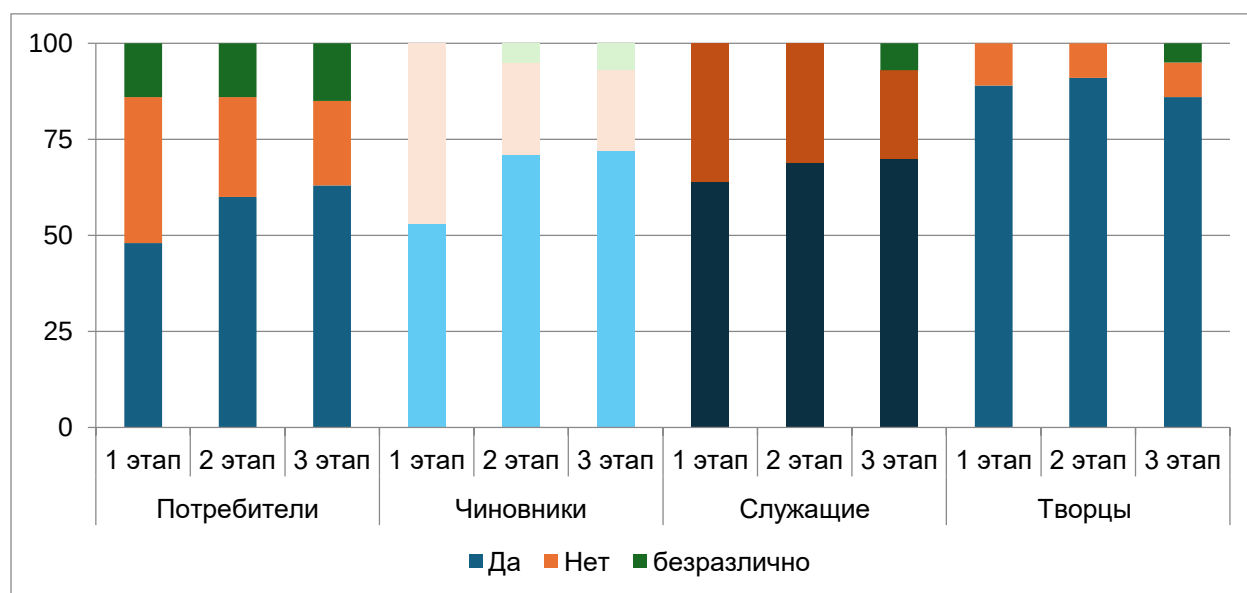

Рисунок 14 – Мнение субъектов управления относительно удовлетворенности качеством работы учреждений культуры

В ходе третьего этапа исследования нами были изучены и вопросы, связанные с производством и размещением респондентами культурной продукции в сети Интернет. Ниже будет предложен более детальный анализ ответов на данный вопрос, здесь же приведем несколько цифр, подтверждающих предложенную нами классификацию. В целом половина опрошенных заявила, что

²⁴⁵ Низова Л.М., Мухаметшина Ч.М. Культура как отрасль социальной политики на мезоэкономическом уровне // Социальная политика и социальное партнерство. – 2016. – № 10. – С. 7-8.

не занимается ни созданием, ни размещением в сети Интернет цифровой культурной продукции (видеоклипы, аудиоклипы, книги, афиши и прочее); чуть менее четверти занимает диаметрально противоположную сторону – и создают, и размещают сами; не занимаются созданием, но размещают культурную продукцию 12% респондентов; создают, но не размещают – около 7% опрошенных и 6% затруднились ответить на этот вопрос. Если самый популярный ответ не дает четкого деления между деятельными и социальными субъектами, равно как и третий по популярности ответ – «не создаю, но размещаю», где выбиваются служащие с более чем полуторным превышением от всех социально-профессиональных групп, что может быть объяснено их профессиональной функцией; то анализ вариантов ответов, где респонденты сами создают цифровой культурный контент, показал, что если среди потребителей и чиновников доля таковых колеблется в диапазоне 36-43%, то среди деятельных субъектов – в границах 27-29% (рисунок 15). Таким образом, опосредованные субъекты гораздо чаще занимаются созданием цифровой культурной продукции, что скорее всего обусловлено тем, что большинству из нас свойственно творческое начало, и если одни (деятельные) имеют возможность воплотить его в реальной жизни, то другие (опосредованные) пользуются возможностями всемирной паутины для выражения своего культурного модуса.

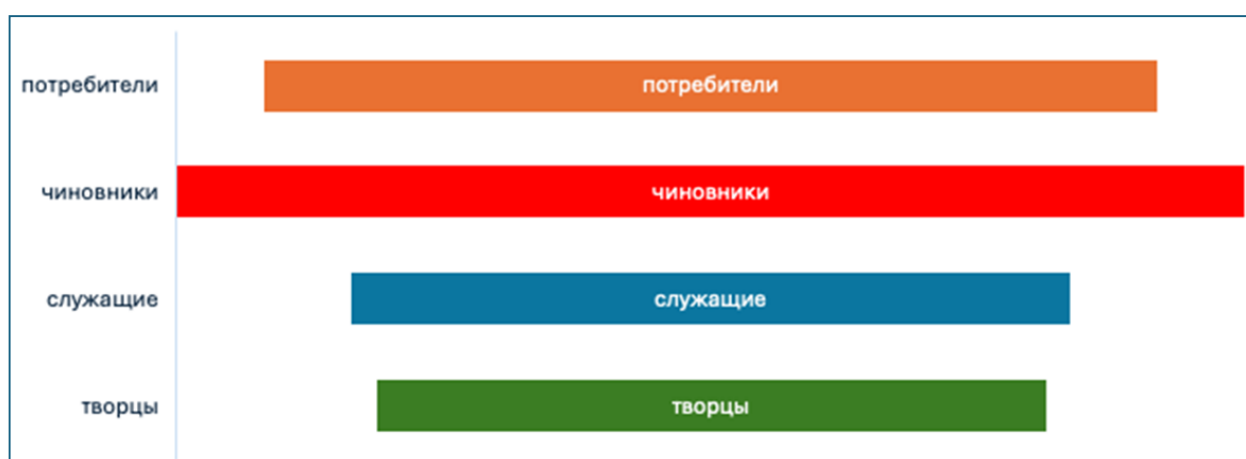

Рисунок 15 – Доля респондентов в размере социально-профессиональных групп, создающих цифровой культурный контент

Возвращаясь к предложенной классификации с выделенными группами участников процесса управления сферой культуры, приведем изученные в ходе исследования вопросы уровня их дохода и изменений материального положения за последние пять лет (рисунок 16). Сразу отметим, что такой подход был применен только на 2-м и 3-м этапах исследования. В целом, по итогам 3-го этапа исследования большинство респондентов во всех социально- профессиональных группах в своих оценках изменений за последние пять лет отмечают, что материальное положение семьи не изменилось – так ответили от 44% до 48% представителей групп. Однако наше разделение на деятельных и опосредованных субъектов и отнесение их к той или иной социально-профессиональной группе находит подтверждение при анализе ответов «в лучшую сторону» и «в худшую сторону»: разница между этими ответами у потребителей и чиновников положительная, т. е. тех, кто отмечает улучшение материального состояния семьи, а у творцов и служащих – отрицательная.

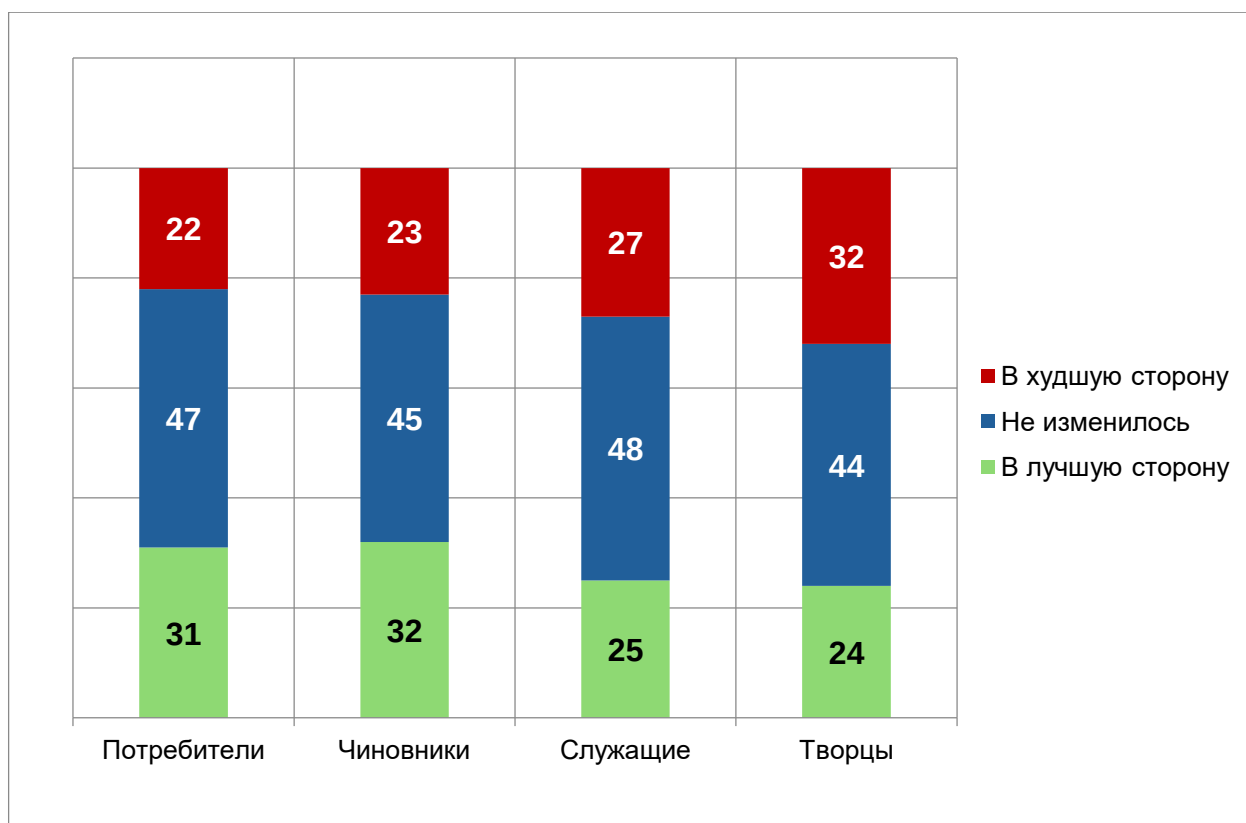

Рисунок 16 – Мнение субъектов управления относительно изменений за последние пять лет

Если рассматривать этот вопрос в динамике, то среди общих тенденций можно выделить следующее: по сравнению со 2-м этапом в целом доля респондентов, кто отметил изменения в лучшую сторону, возросла к 3-му этапу на 6%; кто отметил ухудшение – снизилось на 10% и на 4% увеличилась доля тех, кто выбрал вариант ответа: «ничего не изменилось в материальном плане семьи за 5 лет». Анализ же по субъектам управления результатов второго этапа не давал четкой дихотомии ни по одному из вариантов ответов, а вот динамика по вариантам ответов в разрезе социально-профессиональных групп, приведенная в таблице, также подтверждает наше распределение по деятельным и опосредованным субъектам: у последних тренды идентичны между 2-м и 3-м этапами исследования. При том у опосредованных субъектов все тренды указывают на улучшение материального положения семьи за 5 лет, то у деятельных ситуация менее радостная (таблица 6).

Таблица 6 – Мнение социальных субъектов относительно изменений за последние пять лет

	Потребители	Чиновники	Служащие	Творцы
В лучшую сторону				=
Не изменилось				
В худшую сторону			=	

Со своей стороны, отталкиваясь от нестабильности курса рубля, растущей инфляции (ее разницы по данным официальных источников и реальной картиной), неустойчивой цены на нефть и принятого курса на импортозамещение в связи со введенными в отношении России санкциями, считаем целесообразным анализировать вопрос дохода не в рублях или другой валюте, а рассмотреть возможности расходования респондентами своих доходов без привязки к конкретной сумме в рублях.

Обратимся к результатам второго этапа исследования. 42% респондентов (бóльшая часть) заявили: «денег хватает на одежду и питание, но покупка

бытовой техники, мебели вызывает затруднения». 29% указали на вариант ответа, согласно которому денег хватает на питание, но покупка одежды вызывает затруднения. Каждый 8-й респондент отметил: «денег хватает на бытовую технику и мебель, но покупка автомобиля вызывает затруднения». Менее 10% опрошенных выбрали остальные три варианта ответов, среди которых – «денег хватает на все, за исключением покупки квартиры» – 8%, «денег не хватает даже на питание» – 7%, «денег достаточно для покупки квартиры или дома» – 1,5% респондентов. Помня о том, что респонденты, согласно нашей градации, являются представителями социально-профессиональной группы «потребитель», можно заключить: больше 40% потребителей расходует свои заработки на одежду и питание, а покупка бытовой техники и мебели вызывает у них затруднения (таблица 7).

Таблица 7 – Распределение социальных субъектов в зависимости от их экономического состояния

	Потребители		Чиновники		Служащие		Творцы	
	2 этап	3 этап	2 этап	3 этап	2 этап	3 этап	2 этап	3 этап
Денег не хватает даже на питание	7	6	7	3	8	7	8	10
Денег хватает на питание, но покупка одежды вызывает затруднения	29	26	16	23	39	29	43	30
Денег хватает на одежду и питание, но покупка бытовой техники, мебели вызывает затруднения	42	50	41	48	26	49	27	47
Денег хватает на бытовую технику и мебель, но покупка автомобиля вызывает затруднения	12	11	22	15	15	10	13	10
Денег хватает на все, за исключением покупки квартиры или дома	8	6	9	9	9	5	7	3

Денег достаточно для покупки квартиры или дома	2	1	3	2	2	0	2	0

Среди чиновников этот уровень расходования средств находится на первом месте и практически с идентичным показателем – 41%. Заметим, что между первым и последующим вариантами расходов у потребителей – 13%, а у чиновников – 19%; при этом если у потребителей это ситуация, при которой денег хватает на питание, у чиновников – на бытовую технику и мебель (ситуация вполне объяснимая). Можно говорить о том, что в ранжировании расходования средств уровень определен достаточно четко. Между первым и третьим вариантами ответов разница в 25 – 30 процентных пунктов. Три последних варианта ответов (минимальная возможность расходования средств и 2 максимальные) в своем ранжире идентичны не только у этих двух групп, но и у представителей деятельных субъектов. Вместе с тем ситуация у творцов и служащих от культуры разительно отличается. Максимальное количество представителей этих групп имеет возможность расходования своих средств только на питание (39 – 43%). Приобретение одежды, не говоря уже о бытовой технике или тратах большего характера, вызывает затруднения. И среди творцов, и среди служащих от культуры наблюдается прямая зависимость между возможностью расходования средств и увеличения качества расходов (исключение составляет лишь вариант «денег не хватает даже на питание» – 5 место из 6).

Результаты 3-го этапа исследования по возможности расходования финансовых средств респондентов значительно отличаются от 2-го этапа. Напомним, за это время очень сильно изменились экономические условия деятельности и показатели, связанные прежде всего с геополитическими процессами, а также пандемией коронавируса, которая также привела к падению как мировой экономики, так и российской, что естественным образом отразилось и на покупательской способности населения нашей страны. Как уже было обозначено в нашем инструментарии, на вопрос о возможности расходования

заработанных средств было предложено 6 вариантов (от минимального до максимального).

Анализ результатов 3-го этапа показал, что в целом увеличилась доля первых трех вариантов при уменьшении доли трех последних: суммарно с 78% до 82% и с 22% до 18% соответственно. Если же разбирать ответы по принадлежности респондентов к социально-профессиональным группам, то сумма долей первых трех вариантов ответов хотя и уменьшилась у всех участников процесса, но глубина падения у творцов, служащих и чиновников составляет порядка 10%, тогда как у населения в целом 4%; итоговые суммы по этим же вариантам подтверждают нашу классификацию – у опосредованных субъектов она находится в пределах 74 – 82%, у деятельных – 86%. Во всех группах на этом этапе характерно одинаковой стала градация ответов: в 2025 году у всех участников процесса управления сферой культуры так же, как ранее у деятельных субъектов управления; на второе место вышел вариант – «денег хватает на питание, но покупка одежды вызывает затруднения»; но если у опосредованных участников колебания наблюдались в пределах 25%, то у деятельных – 30%.

По итогам третьего этапа исследования на первом месте среди ответов у представителей всех категорий оказался вариант – «денег хватает на одежду и питание...», тогда как в 2016 – 2017 гг. у творцов и служащих он был на втором месте и разрыв между ответами на этот вопрос составлял 15 процентных пункта, а к 2024-2025 гг. – всего 3. С одной стороны, можно подумать, что деятельные субъекты несколько улучшили свое финансовое положение, но выше мы уже приводили сумму по первым трем ответам у разных групп, что скорее говорит о том, что опосредованная группа «просела» в своей финансовой составляющей.

Также в подтверждение нашей градации можно взять показатели последних двух ответов, которые наиболее четко показывают разницу между выделенными социально-профессиональными группами. У деятельных субъектов сумма ответов на два последних варианта упала с 9-11% до 3-5%, т.е. падение составило 2-3 раза, при этом по итогам 3-го этапа и среди творцов, и среди служащих ни один

человек не сказал, что у него достаточно средств для покупки квартиры или дома. Среди населения и чиновников, способных купить жилье, тоже всего 1-2%, но падение с 2016-2017 гг. составило по этим двум вариантам от 10% до 30%: с 10% до 7% – у населения и с 12% до 11% – у чиновников.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем следующие основные тезисы:

1. Анализ результатов проведенного трендового социологического исследования сферы культуры за период 2001–2025 годов позволил определить структуру участников процесса управления сферы культуры на региональном уровне, основанного на предлагаемом подходе рассмотрения управления как процесса массовой коммуникации. С учетом автономности в принятии решений, признанием со стороны других субъектов управления наличия ресурсной базы, мнением респондентов по итогам исследования, участников процесса управления сферой культуры на региональном уровне можно классифицировать на 4 крупные группы (потребители, государственные чиновники, творцы, служащие от культуры), где в качестве критерия взят их социально-профессиональный статус.

2. Полученные данные позволяют утверждать, что большинство участников признают культуру основой жизнедеятельности общества. Однако за 25 лет доля тех, кто видит в культуре основополагающий фактор развития социума, снизилась во всех группах с разной степенью интенсивности. Это снижение варьируется от 2% – у потребителей до 10% – у государственных чиновников. При приоритете развития сферы культуры все определенные социальные группы высоко оценили необходимость поддержки талантливых личностей и творчески одаренной молодежи. Эта идея стабильно отмечалась как крайне значимая на всех этапах исследования. К третьему этапу исследования во всех социально-профессиональных группах появилась новая категория – респонденты, индифферентные к теме культуры; подобное явление отмечалось на первых двух этапах не во всех группах. Также наблюдался 10%-й рост числа участников из потребителей и чиновников, рассматривающих культуру, скорее, как средство досуга. Если на втором этапе такой подход практически отсутствовал, то третий показал его заметное резкое увеличение. Такая динамика

может указывать на восприятие потребителями установок, транслируемых коммуникатором, что подтверждает наличие обратной связи. Этот тренд вызывает беспокойство, так как демонстрирует усиление утилитарного подхода к культуре в особенности на тактическом уровне.

3. Проведенные исследования позволили разделить участников управления сферой культуры на две категории – деятельные и опосредованные субъекты – в зависимости от степени их вовлеченности в процесс создания культурной продукции. Такой подход позволил выявить взаимосвязи между социальным и профессиональным положением участников и их влиянием на управленческие решения. Анализ подтвердил обоснованность классификации: среди деятельных субъектов значительно больше тех, кто рассматривает культуру как ключевой двигатель общественного прогресса, чем среди опосредованных. Среди приоритетов развития народное творчество оставалось недостаточно востребованным у опосредованных субъектов, хотя деятельные участники признавали его одним из основных. Исследование также выявило серьезные различия среди индифферентных представителей выделенных нами групп: так, лишь около 10% деятельных субъектов выражают безразличие к вопросам культуры, тогда как среди опосредованных доля таких респондентов составляет порядка 25%. Этот разрыв подтверждает гипотезу о разной степени вовлеченности участников управления в процессы развития культуры.

4. Предложенная классификация субъектов управления сферой культуры доказала свою состоятельность не только в вопросах, касающихся мировоззренческих аспектов (значение культуры в жизни социума), тактических решений (приоритеты в развитии сферы культуры), оценочных суждений (уровень материально-технического развития учреждений сферы культуры), но и экономического положения субъектов (возможности расходования денежных средств) и их действенных мероприятий (создание цифрового культурного контента). За рассматриваемый 25-летний период исследования произошли значительные изменения внутри социально-профессиональных групп. Статистическая динамика и общие тенденции указывают на неоднородность

преобразований в сфере культуры. Было установлено, что развитие подгрупп внутри категорий деятельных и опосредованных участников не всегда синхронизировано с общей траекторией их трансформации. Темпы изменений варьируются, подчеркивая многослойность наблюдаемых процессов. В этом контексте становится актуальной задача непрерывного поиска наиболее эффективных решений при разработке и внедрении стратегий развития сферы культуры.

Таким образом, анализ процессов в сфере культуры на современном этапе развития, которые рассматривались во второй главе, позволил выделить четыре основных группы противоречий в управленческих процессах на региональном уровне, препятствующих более полному раскрытию потенциала культурных ресурсов каждого региона: первичность в отношениях «регион – отрасль», первичность в отношении «сфера культуры – иные сферы жизнедеятельности», первичность в отношении «государство – иные субъекты управления» и цифровые разрывы между регионами.

Несмотря на наблюдаемый отход от отраслевого понимания культуры к сферному на целевом (федеральном) уровне управления, на тактическом (региональном) уровне сфера культуры находится в качестве производной к федеральной составляющей, с одной стороны, и иным сферам жизнедеятельности общества – с другой, в том числе в вопросах цифрового развития. В региональном масштабе тренды федерального уровня по пересмотру отношения к культуре как к сфере не привели к изменениям. Определено, что наблюдается рост влияния государства среди всех субъектов управления, что подтверждено результатами проведенного трендового социологического исследования в 2001–2025 гг.: демонстрируется устойчивая тенденция увеличения доли респондентов, признающих первенство государства над иными субъектами управления сферой культуры в регионе. В целом определена ситуация, в соответствии с которой бóльшая часть населения продолжает считать культуру ключевым фактором развития общества и стимулом прогресса, а культурная политика должна ориентироваться преимущественно на интересы общества.

Реализация национальных проектов привела к существенному повышению удовлетворенности деятельностью властей в сфере культуры. Выявлено положительное отношение к культурной политике у подавляющего большинства населения, что подтверждает успешность принимаемых мер. Использование инноваций, таких как цифровые технологии, способствует вовлечению широких слоев населения в культурную жизнь, создавая благоприятные условия для сохранения традиционного культурного наследия и его адаптации к требованиям времени.

Вместе с тем наряду с позитивными оценками населения управленческих действий на региональном уровне стоит отметить, что региональными органами государственной власти при определении приоритетов развития сферы культуры берутся в учет не все соответствующие позиции, выделенные потребителями, хотя на федеральном уровне они присутствуют.

Анализ результатов проведенного трендового социологического исследования сферы культуры за период 2001–2025 годов позволил определить структуру участников процесса управления сферой культуры на региональном уровне, основанную на социально-профессиональном статусе субъектов: потребители, государственные чиновники, творцы, служащие от культуры. Именно выделение данных субъектов и отличает региональный уровень управления в сфере культуры от других. Кроме того, данные исследования послужили основанием для подразделения участников на две категории – деятельные и опосредованные субъекты – в зависимости от степени их вовлеченности в процесс создания культурной продукции. Данная классификация позволила выявить взаимосвязи между социальным и профессиональным положением участников и их влиянием на управленческие решения. Было установлено, что развитие подгрупп внутри категорий деятельных и опосредованных участников не всегда синхронизировано с общей траекторией их трансформации. Темпы изменений варьируются, подчеркивая многослойность наблюдаемых процессов. В этом контексте становится актуальной задача

непрерывного поиска наиболее эффективных решений при разработке и внедрении стратегий развития сферы культуры.

На основе результатов исследования можно сделать вывод о необходимости сбалансированного подхода к культурному развитию: учет интересов и потребностей всех участников процесса управления сферой культуры на региональном уровне и организация процессов на субъектно-субъектной модели взаимодействия. Также результаты исследования доказывают целесообразность дальнейшей интеграции цифровой среды и классического культурного опыта, обеспечивая оптимальное соотношение между традиционным наследием и современными технологиями, в т. ч. и в организационно-административном аспекте.

Глава 3 Направления и механизмы совершенствования управления сферой культуры в условиях цифровой трансформации общества на региональном уровне

3.1 Особенности управления цифровизацией в сфере культуры

Цифровизация, под которой понимаются процессы сбора, обработки, передачи и использования данных технологическими системами, охватывает все большие сферы жизнедеятельности человека. Более того, мы являемся свидетелями и участниками глубинной цифровой трансформации, ибо в настоящее время имеется возможность формировать технологические системы для решения целого класса задач²⁴⁶. Современный процесс цифровизации характеризуется фундаментальной перманентностью, проявляющейся в непрерывном, ежедневном и ежечасном характере трансформационных процессов. Эта непрерывность приводит к глубоким структурным изменениям, затрагивающим не только формальные аспекты социальной организации, но и содержательные характеристики всех сфер человеческого функционирования. В настоящее время наблюдается формирование социокультурного феномена, при котором цифровые технологии перестают восприниматься как экзогенные инновации, становясь имманентными элементами повседневной реальности. Такие понятия как цифровая фотография, цифровое телевидение и цифровые образовательные ресурсы эволюционировали от статуса технологических новшеств к положению самоочевидных, естественных компонентов современного социокультурного ландшафта.

В рамках теоретического осмысления цифровых трансформаций особое значение приобретает концепция четвертой промышленной революции, разработанная Клаусом Швабом, основателем и президентом Давосского Всемирного экономического форума. Шваб аргументирует, что «цифровые технологии, основанные на аппаратном и программном обеспечении и сетях,

²⁴⁶ Принять вызов цифровой экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/siberia/2017/48/prinyat-vyizov-tsifrovoj-ekonomiki/> (дата обращения: 10.05.2018).

становятся более усовершенствованными и интегрированными, вызывая трансформацию общества и глобальной экономики»¹. В своей аналитической конструкции немецкий экономист выделяет три ключевые характеристики четвертой промышленной революции как глобального процесса: экспоненциальный темп технологического развития, синергетическое сочетание разнородных технологических платформ и системное, тотальное воздействие цифровизации на все сферы человеческого бытия. Согласно историко-эволюционной перспективе, предложенной Швабом, после аграрной революции человечество пережило три последовательные стадии промышленных революций. Первая промышленная революция, базировавшаяся на технологиях парового двигателя, хронологически относится ко второй половине восемнадцатого века. Вторая промышленная революция, детерминированная возникновением массового производства и распространением электрических технологий, охватывает период конца девятнадцатого – начала двадцатого веков. Третья промышленная революция, обусловленная развитием полупроводниковых технологий, персональных компьютеров и сети Интернет, развернулась во второй половине двадцатого века. Шваб обосновывает тезис о наступлении именно четвертой, а не продолжении третьей промышленной революции, аргументируя это не только количественным ростом машин и электронных систем, но и качественно новым уровнем интеграции ранее несовместимых технологических платформ.

Концептуальный базис новой революции, по Швабу, составляют три взаимосвязанных технологических кластера: искусственный интеллект, распределенные реестры и гетерогенные технологии новой природы²⁴⁷. В своих работах исследователь систематически анализирует влияние цифровых трансформаций на ключевые сферы социальной организации: государственное строительство, экономические системы и бизнес-процессы. В ряде его теоретических положений прослеживается попытка прогностического

²⁴⁷ Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции: перевод с английского / Клаус Шваб, Николас Дэвис. – М.: Издательство «Эксмо», 2018. – 410 с.

моделирования влияния современных технологических изменений на траектории развития личности и макросоциальных структур. Вместе с тем необходимо констатировать определенный теоретический пробел в его концепции: исследователь практически не затрагивает проблемы эволюции духовной сферы и трансформации социальных отношений в контексте цифровизации. Тем не менее, Шваб признает потенциал инновационных технологий для углубления социального неравенства, отмечая: «как и во все моменты крупных технологических изменений, люди... чувствуя глубину изменений, не могут в них досконально разобраться и не понимают их последствий»²⁴⁸.

Возникновение принципиально новых социальных вызовов, ранее немислимых в теоретическом дискурсе, связано прежде всего с процессами виртуализации общественной жизни. Эта виртуализация порождает необходимость комплексной оценки воздействия социальных процессов, протекающих в виртуальном пространстве, на структуры повседневной реальности. Методологическим ответом на эти эпистемологические вызовы становится формирование новой отрасли социологического знания – цифровой социологии, ориентированной на изучение социальных взаимодействий в цифровой среде²⁴⁹.

Воздействие процессов цифровой модернизации выходит за пределы информационно-технологических отраслей, оказывая трансформационное влияние на экономические системы, что находит отражение в корпусе научных трудов отечественных и зарубежных исследователей последних лет. Эмпирическим свидетельством этого процесса служит научно-просветительская серия «Цифровая экономика», инициированная Российским обществом «Знание», где в первом томе систематизированы материалы по развитию цифровых технологий и экономических систем в национальном контексте²⁵⁰. Также

²⁴⁸ Castells Manuel. The Impact of the Internet on Society: A Global Perspective [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.technologyreview.com/s/530566/the-impact-of-the-internet-on-society-a-global-perspective/>

²⁴⁹ Шульц В.Л., Гребенюк А.А., Ашманов И.С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т.28. – №1. – С.126-144.

²⁵⁰ Цифровая реальность: вызовы и перспективы. Под ред.: Л.Н.Духаниной, Н.А.Махутова, В.Г.Мартынова, М.Н.Русецкой, Ф.Ф.Светика – М.:Международный гуманитарный общественный фонд «Знание», 2018 – 336 с. (Серия «Цифровая экономика», выпуск №1).

издаются сборники материалов по цифровой экономике под грифом «Сретенского клуба имени С.П. Курдюмова». Авторы указанных изданий позиционируют свои работы как предлагающие не узкоспециализированные, а интегральные, целостные перспективы цифровой реальности. Однако необходимо отметить сохраняющуюся теоретическую лакуну: даже в современном научном дискурсе не все социальные институты подвергаются систематическому анализу с точки зрения воздействия цифровизации²⁵¹.

На многочисленных научных форумах различного уровня, посвященных проблематике цифровизации, в последние годы наблюдается доминирование дискуссий по вопросам внедрения искусственного интеллекта, технологической безопасности, цифровых инноваций, анализа современного общества и антропологической трансформации. Согласно критическим оценкам ряда исследователей, проблемам развития духовной сферы в эпоху цифровизации уделяется непропорционально слабое внимание²⁵², тогда как исследовательский фокус концентрируется преимущественно на состоянии экономических систем и образовательных институтов, в дозированной мере – на государственных структурах и средствах массовой информации, и в минимальной степени – на духовной сфере, религиозных институтах, семье и культуре как социальных институтах.

Указанная асимметрия объясняется доминированием экономико-центричной парадигмы, согласно которой экономика воспринимается преобладающим большинством исследователей как базисный элемент социальной системы, что детерминирует повышенное внимание к цифровым процессам в экономической сфере. Уточнив, что цифровая трансформация экономики не является непосредственным объектом настоящего исследования, следует согласиться с позицией представителей Сретенского клуба, выделяющих важный аспект, коррелирующий с принципами современной культуры управления,

²⁵¹ Введение в «Цифровую» экономику /А.В.Кешелава, В.Г.Буданов, В.Ю.Румянцев и др.; под общ.ред. А.В.Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А.Зименко. – ВНИИГеосистем, 2017 – 44 с.

²⁵² Бороноев А.О., Поздеева Е.Г., Фетисов В.Я. Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы // СОЦИС. – 2018. – №10. – С. 157-159. DOI 10.31857/S013216250002168-7

развивавшимися в течение последних десятилетий. Исследователи утверждают: «Если ранее все технологии оказывали влияние в процессы создания, распределения и обмена товаров и услуг, то когнитивные технологии проникнут, вмешаются и вызовут существенные изменения на всех этапах экономического процесса, в том числе и в процессе потребления»²⁵³.

Необходимо подчеркнуть, что цифровизация, изначально представляющая собой технологический процесс, в современном контексте обретает новые социокультурные характеристики. Для ее успешной имплементации и эффективного использования в любой сфере человеческой жизнедеятельности требуется не только технологические и технические решения со стороны единичных субъектов управления, но и формирование общих и специфических компетенций, знаний и навыков у потребителей цифровой продукции²⁵⁴. Этот аспект указывает на необходимость перехода от технократического к социокультурному пониманию цифровых трансформаций.

Появление нового инструментария вносит свои неизбежные коррективы в деятельность субъектов управления во всех сферах жизни. Так, в России практически в каждом регионе создаются Центры управления регионом, призванные проводить мониторинг общественного мнения, выражаемого гражданами в соцсетях, мессенджерах, и обрабатывать обращения граждан. Если данная инициатива будет не только облечена в красивую форму, но и будет иметь соответствующее содержание, то получение обратной связи с населением должно приобрести более системный характер. И, возможно, органы государственной власти смогут не только реагировать на одно-два высказывания в соцсетях, но и, занимаясь аналитической работой, формируя обращения в единую базу большого массива данных, организовать действительно системную работу по социально-экономическому развитию территории, в т. ч. ориентируясь на результаты обратной связи от граждан, учитывая детерминанты восприятия от потребителя.

²⁵³ Введение в «Цифровую» экономику /А.В.Кешелава, В.Г.Буданов, В.Ю.Румянцев и др.; под общ.ред. А.В.Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А.Зименко. – ВНИИГеосистем, 2017 – 44 с.

²⁵⁴ Акаев А.А., Садовничий В.А. Человеческий фактор как определяющий производительность труда в эпоху цифровой экономики // Проблемы прогнозирования. – 2021. – №1 (184). – С.45-58.

Цифровизация активно внедряется даже в сугубо социальные проблемы, к которым, например, относятся и процессы усвоения правил, норм, ценностей и традиций, установленных в социуме. Мы становимся свидетелями функционирования виртуального и реального миров в объединенном формате, с периодическим доминированием первого из них, например, в процессе социализации детей. Идет формирование прогрессивного типа личности в обновляющемся обществе, на что указывают некоторые российские ученые, характеризуя явление как информационно-инновационное, и в качестве его гносеологической основы выделяют информированность, образованность, нравственность человека²⁵⁵.

В целях построения «общества благосостояния и модернизации»²⁵⁶ в Китае, используя объемы комплексных данных, собираются ввести единую систему социального рейтинга каждого человека. Еще в 2013 году в КНР была принята правительственная программа оценки по ряду параметров, согласно которой передовые граждане страны поощряются, а в отношении не соблюдающих законодательство – применяется взыскание. По данным исследования McKinsey, за 2024 год более 75% городского населения Китая уже охвачено различными элементами данной системы²⁵⁷. Особый интерес вызывает тот факт, что позиция социальной полезности каждого индивида определяется благодаря цифровым технологиям. Аналитики цифровых данных контролируют каждого в отношении соблюдения им социальных правил и норм, цифровые машины распознают гражданина, показывают в баллах социальную значимость. Как отмечается специалистами, особенность китайской системы в том, что она не просто собирает данные, но и активно использует машинное обучение для предсказания возможного поведения граждан, что позволяет не только реагировать на совершенные действия, но и предупреждать потенциальные нарушения²⁵⁸.

²⁵⁵ Культура в информационно-инновационном обществе: моногр. / Стегний В.Н. – Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017. – 495 с.

²⁵⁶ Социальная политика в России и Китае: монография / отв.ред. З.Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф, 2016. – С.54

²⁵⁷ <https://ssl-team.com/blog/sotsialnyy-reyting-v-kitae-chto-eto/>

²⁵⁸ <https://ssl-team.com/blog/sotsialnyy-reyting-v-kitae-chto-eto/>

Конструкторы этого программного обеспечения, возможно, рассчитывают на окультуривание людей. По мнению А. Кириллова, «власти страны с населением 1,4 млрд. человек пытаются найти свой путь управления обществом с использованием современных методов вроде обработки «больших данных»²⁵⁹. Боимся предположить, какой шаг будет следующим, возможно, и «вживления в тело человека устройств микроэлектроники, предназначенных для усиления каких-либо естественных функций (силы, скорости, зрения, слуха) или реализации новых (ночного зрения, приема радиосигналов и т. п.). Единожды начавшись, такая чипизация станет необратимой и приведет к киборгизации человека»²⁶⁰.

Определенные элементы аналогичных процессов стали появляться в 2020 году и в нашей стране. В связи с угрозой распространения в Москве новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) власти столицы весной 2020 года применили технологии QR-кодов и цифрового слежения посредством сотовой связи. А в 2021 году QR-коды стали общеприменимым явлением вовсе не для отслеживания передвижения граждан во благо здоровья населения, а в целях пресечения (по мнению властей) ненужных контактов и поездок, непересечения вакцинированных и невакцинированных граждан. Единую государственную информационную систему социального обеспечения (ЕГИССО), внедряемую в российском пространстве, следует рассматривать в качестве положительного примера при использовании в социальной парадигме big data (масштабных данных).

Еще один современный тренд – это кардинальное изменение форм и методов дистанционного образования. Несмотря на имеющиеся разногласия по поводу дистанционного обучения, практически одномоментно весь цивилизованный мир перешел весной 2020 года на эту форму, причем даже те, кто еще вчера яростно выступал против этой возможности. И все теоретические рассуждения о «плюсах» или «минусах» цифрового формата обучения получили

²⁵⁹ Кириллов А. Как работает система социального доверия в Китае URL:<https://tass.ru/opinions/5225841>

²⁶⁰ Введение в «Цифровую» экономику /А.В.Кешелава, В.Г.Буданов, В.Ю.Румянцев и др.; под общ.ред. А.В.Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А.Зименко. – ВНИИГеосистем, 2017 – 44 с.

еще больше вопросов. Ибо наряду с возможностью просто продолжать образовательный процесс, переходить в какой-то его части к индивидуальной траектории обучения, вынужденное, назовем его «самоизоляционное образование» даже за этот сравнительно короткий срок выявило множество проблем, которые сопровождают процесс передачи знаний²⁶¹. Начиная с технических, например, нехватки компьютеров и иных устройств, а также «зависания» сети из-за одномоментного обращения миллионов пользователей, и заканчивая цифровой грамотностью и цифровой «честностью» субъектов образовательного процесса, в итоге все это может сказаться на снижении эффективности и качества образования.

В соответствии с данными GlobalWebIndex, в период с апреля по июнь 2020 года среднестатистический пользователь Интернета проводил в сети почти 7 часов в день²⁶². И если для некоторых участников образовательного процесса произошло просто количественное увеличение времени участия в дистанционном образовательном процессе, то для других этот формат обучения, единственно возможный на тот период, был новым и в плане качества. В целом, система образования стала в 2020 году показательной в части актуализации проблемы цифрового разрыва между ее участниками. Т. н. пандемия коронавируса вынудила по всему миру закрыть учебные заведения в традиционном представлении и ввести режим самоизоляции. В этот период Интернет стал, по сути, единственным средством коммуникации доступа к необходимой информации, что позволило сохранить право на образование путем создания виртуальных аудиторий и учебного контента. Такой переход в онлайн-формат предполагает, что все люди (и образовательные учреждения) имеют качественный доступ в глобальную сеть. Однако, по оценке We Are Social и Hootsuite, уровень ее проникновения в глобальном масштабе на начало 2021 г. составлял 59,5%²⁶³. Данный показатель характеризует так называемый цифровой разрыв первого

²⁶¹ Сагитов С.Т. Изменяющееся образование: самоизоляционное // Педагогический журнал Башкортостана. – 2020. – №1. – С. 7-9.

²⁶² <https://datareportal.com/reports/digital-2020-october-global-statshot> (дата обращения: 15.05.2021).

²⁶³ Digital 2021: Global Overview Report // Data Reportal <http://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 15.05.2022).

уровня – явление, которое характеризует существенное различие в возможностях доступа к использованию информационно-коммуникационных технологий и, соответственно, в возможностях потребления услуг, оказываемых на основе почтового и телекоммуникационного обслуживания отдельным людям, социальным группам, социальным слоям общества, которые могут быть представлены в странах с разным уровнем экономического развития²⁶⁴, т. е. неравенство в технологическом доступе к сетевым ресурсам.

Вынужденный переход образования в онлайн-формат в 2020 году потребовал от его участников прежде всего выработки новых навыков и компетенций в цифровой среде: например, от преподавателей – подготовку совершенного иного контента, а от образовательных учреждений – организацию новых технических возможностей обеспечения образовательного процесса. Дистанционный формат обучения особенно в высшей школе необходимо было в короткие сроки выстроить так, чтобы оставался «цифровой след» каждого преподавателя и каждого студента для реализации системы прокторинга в образовательном процессе. Внедрение онлайн-курсов в образовательный процесс вузов России массово началось во втором десятилетии XXI века. Однако формат «самоизоляционного образования» не подразумевал дальнейшее планомерное развитие и вынудил всех субъектов образовательного процесса принимать, зачастую, неординарные решения: от формальных документов, обеспечивающих процесс образования, до качества предлагаемой образовательной продукции. Стоит отметить, что не все вузы на 100% смогли обеспечить все свои образовательные программы самостоятельно, без привлечения ресурсов других вузов. И в данном случае мы тоже наблюдаем цифровой разрыв между идентичными по своей сути акторами образовательного процесса – коммуникационными каналами.

В плане концептуализации феномена цифрового неравенства отсутствует общепризнанная единая модель, отражающая взаимосвязь его уровней. Например,

²⁶⁴ <http://www.aselibrary.ru/presscenter/journal/irr/2007/number6/number63/number63731/>
15.05.2021).

(дата обращения:

Вернон Харпер в своих работах отмечает 2 вида цифрового неравенства²⁶⁵ – неравенство доступа и социальное неравенство. Социальный вид цифрового неравенства в свою очередь включает мотивационный барьер, барьер знаний и навыков, барьер содержания (отсутствие интереса к содержанию интернет-ресурсов) и барьер социальных сетей. В свою очередь, Ван Дейк предлагает 4 вида доступа²⁶⁶: мотивация – физический доступ – навыки использования ИК-технологий и интенсивность использования ИК-технологий. Причем, согласно данной модели, рост интенсивности использования ИК-технологий усиливает мотивационный уровень доступа. Представляется, что с точки зрения управления цифровым неравенством большую значимость имеет улучшение физического доступа и компетенций использования информационных технологий. Проблема мотивации использования ИК-технологий и повышения объема используемых цифровых услуг среди подготовленных пользователей станет более актуальной при достижении высокого уровня инфраструктурной доступности.

Технологическая компетентность индивидов в наши дни является, на наш взгляд, даже более насущной проблемой, чем отсутствие определенной возможности равномерного доступа к информационным системам. По данным одного из опросов²⁶⁷, 55% отвечающих относится к цифровому неравенству как к различию между «теми, кто компетентен, и теми, кто не компетентен в применении информационно-коммуникационных технологий». Показателями ИК-компетенций на макроуровне являются специально спроектированные индексы: готовности к сетевой экономике, экономики знаний, информатизации общества. По мнению некоторых исследователей, отмечается тесная корреляция названных индексов с индексом человеческого потенциала²⁶⁸, которая и указывает на

²⁶⁵ Harper V. The Digital Divide (DD): A Reconceptualization for Educators. Available at: <http://www.aace.org/pubs/etr/issue4/harper2.pdf>.

²⁶⁶ Van Dijk J. The Evolution of the Digital Divide. The Digital Divide Turns to Inequality of Skills and Usage // Digital Enlightenment Yearbook, Fairfax, VA: IOS Press. – 2012. – PP. 57–75.

²⁶⁷ Epstein D. Who's Responsible for the Digital Divide? Public Perceptions and Policy Implications. The Information Society, 2011. – №27. – PP. 92–104.

²⁶⁸ Родионова И.А., Гордеева А.С. Роль информационных технологий в социально-экономическом развитии стран мира // Вопросы инновационной экономики. – 2011. – № 7. – С. 18–26.

объективную взаимообусловленность степени освоения ИКТ и социально-экономического развития общества.

Следует отметить, что вопреки модернизации технологий сохранение цифрового неравенства в определенном отношении объясняется рядом причин социального порядка, таких как:

- низкий уровень грамотности: обладатели высшего образования в 10 раз чаще используют потенциал современных информационных технологий в своей повседневной жизни по сравнению с людьми со средним школьным образованием или ниже;
- разрыв в доходах: богатые семьи в 10 раз превосходят по владению компьютерами с домашним высокоскоростным подключением к Сети семьи с низкими доходами, которые не могут себе позволить дорогостоящие ежемесячные траты на подобные услуги;
- ограничения по географическому признаку внутри страны: городские регионы с высокой плотностью застройки с большей вероятностью будут подключены к мобильной связи четвертого и пятого поколений или к оптоволокну, чем сельские или горные районы;
- гендерный разрыв особенно заметен в развивающихся странах: согласно докладу МСЭ²⁶⁹, доступ к Всемирной сети имеют 55% мужчин и только 48% женщин;
- возрастной разрыв: во всем мире пожилых людей становится все больше, но использование ими ИКТ отстает от других возрастных групп. Причина в том, что в последнее десятилетие рабочие места перемещаются в интернет-пространство, все больше виртуализируется повседневная жизнь, в силу чего старшее поколение испытывает трудности с освоением новых цифровых возможностей;
- отсутствие необходимых навыков, которое является важным препятствием в освоении и эффективном применении ИКТ. В 40 из 84 стран, по

²⁶⁹ Measuring digital development: Facts and figures 2020 // ITU <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2020.pdf>. (дата обращения: 15.05.2021).

которым у МСЭ²⁷⁰ имеются данные, менее 40% населения обладает базовыми цифровыми навыками, такими как копирование файла или отправка электронной почты с прикрепленным вложением.

Так, согласно результатам исследований 2023 года, динамика информационной компетенции российского населения носит в целом позитивный, но не равномерный характер: Индекс цифровой грамотности россиян составляет 71 процентных пункта, тогда как еще в 2018 году он составлял 52²⁷¹. У мужчин наблюдается более высокий уровень цифровой грамотности, чем у женщин (72 против 70). Также он выше у россиян от 35 до 54 лет (73%), а ниже – у молодежи (среди тех, кому от 18 до 24 лет – 69%). Кроме того, цифровая грамотность россиян зависит от населенного пункта: жители небольших городов и сел обладают уровнем цифровой грамотности в 71 процентный пункт, а у проживающих в городах-миллионниках среднее значение индекса составляет 75. Измерение общего Индекса цифровой грамотности россиян включает измерение пяти подындексов в качестве составных частей. Исходя из оценки подындексов, на текущий момент лучше всего у россиян развиты информационная и коммуникационная грамотность, а также навыки решения проблем в цифровой среде, хуже – компетенции в сфере цифровой безопасности и создания контента.

Сегодня социум находится «в процессе сложной перекодировки, переформатирования всего привычного социокультурного пространства»²⁷², связанного с цифровизацией. При этом есть четкое понимание того, что для формирования социума, объединенного общими целями и задачами, требуется разработка совершенно новых программ и положений в сфере культуры государства в части цифровизации, которая является одним из приоритетных направлений государственной политики, что призвано обеспечить вовлечение в культурную жизнь представителей разных поколений и социальных групп,

²⁷⁰ Measuring digital development: Facts and figures 2020 // ITU <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2020.pdf>. (дата обращения: 15.05.2021).

²⁷¹ <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutim-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/>

²⁷² Прокудин Д. Е., Соколов Е. Г. «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – Вып. 4. – С. 83.

ориентированных как на реальный, так и на цифровой форматы восприятия информации.

Сложности в организации системы управленческого воздействия цифровизацией сферы культуры заложены, прежде всего, в парадигме внутренней сути указанных процессов. Анализ подходов к определению цифровизации сферы культуры позволяет выделить 2 основных направления, которые мы определяем как технологический и когнитивный.

Воззрения технологического подхода первоначально сводились к пониманию цифровизации как процесса по простой оцифровке культурной продукции, переводу информации в цифровую форму и автоматизации ряда управленческих процессов, в том числе для обработки больших данных²⁷³. Авторы, придерживающиеся данной методологии, в первую очередь делают акцент на переводе ряда управленческих процессов со стороны субъекта управления в автоматизированный режим, что позволяет сократить разного рода затраты в процессе управления; ибо «развитие современной экономики невозможно без обработки больших массивов данных с использованием цифровых сетей и систем с элементами искусственного интеллекта»²⁷⁴. На наш взгляд, основным недостатком данного подхода является то, что авторами управление рассматривается не как субъектно-субъектный, а как субъектно-объектный процесс, где субъект управления использует те или иные технологические нововведения для сокращения собственных издержек²⁷⁵.

Другой подход, который мы обозначили как когнитивный, трактует цифровизацию как «комплексное решение инфраструктурного, управленческого,

²⁷³ См., например, Гао Ц. Влияние цифровизации общества и культуры на перевод // Вестник Московского университета. Сер.: Теория перевода. 2020. № 3. С. 3-25.; Игнатьев В.И. Информационная перегрузка социальной системы и ее социальные последствия // Социологические исследования. – 2017. – №7. – С. 3–12.; Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л.Н. Данилова, Т.В. Ледовская, Н.Э. Солынин, А.М. Ходырев // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – № 2. – С. 5-9.

²⁷⁴ Бабкин А.В., Кунин В.А., Тарутко О.А. Влияние цифровизации экономики на конкурентоспособность предпринимательских структур. Экономика и управление. – 2019. – №10. – С.66

²⁷⁵ Шаповалова И.Б., Черных А.И. Цифровизация как направление развития управления сферой культуры и искусства в современных условиях // Инновационная экономика и право. – 2022. – № 1. – С. 50

поведенческого, культурного характера с применением цифровых технологий»²⁷⁶ и рассматривается как изменение парадигмы общения и взаимодействия друг с другом и социумом²⁷⁷. Развитие цифровых технологий в данном случае рассматривается не как цель, а как инструмент, который позволяет не просто сократить временной лаг, экономические затраты и т. п., а изучить влияние того или иного управленческого действия на его субъектов, их взаимодействие с целью дальнейшей оптимизации процессов в сфере культуры с удовлетворением потребностей всех ее участников. Только техническая организация неэффективна при когнитивном подходе к процессу цифровизации в сфере культуры, обязательными являются соответствующие компетенции ее участников, которые помогут выделить фундаментальную составляющую технологического процесса компьютеризации и информатизации, внедрив в управленческую часть сферы культуры интенсивное применение нововведений. Таким образом, формирование информационной и цифровой культуры, концептуализируемой одновременно на уровне индивидуальных акторов и коллективных социальных субъектов, наряду с институциональным регулированием полного цикла процессов разработки, производства и внедрения цифровых продуктов и услуг, в условиях перманентной модернизации исследуемого поля деятельности становится имманентным условием для эффективного управления процессами цифровизации в сфере культуры. Эта необходимость детерминирована не только технологическими императивами, но и фундаментальными социокультурными трансформациями, требующими комплексных адаптационных стратегий, охватывающих технологические, институциональные измерения.

Понятие «цифровая культура» в современном научном дискурсе характеризуется значительным эпистемологическим плюрализмом, демонстрируя множественность вариантов теоретического толкования и методологических

²⁷⁶ См., например, Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев [и др.]; под общ. ред. А. В. Кешелава ; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. — ВНИИ Геосистем, 2017. — 28 с.; Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. — 2018. — №8. — С. 107–113;

²⁷⁷ Марей А. Цифровизация как изменение парадигмы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx> (дата обращения: 15.04.2023).

подходов. В рамках одного из исследовательских подходов цифровая культура понимается как «общие основополагающие и глубоко укоренившиеся базовые допущения, ценности, убеждения и нормы, характеризующие то, как организация поощряет и поддерживает использование технологий для наиболее эффективного использования в работе»²⁷⁸. С нашей точки зрения, данное определение акцентирует преимущественно технологический и инструментальный аспекты процесса, редуцируя цифровую культуру к организационным практикам и оставляя за пределами анализа фундаментальные социокультурные измерения цифровизации.

Альтернативный, теоретизированный подход к определению изучаемого термина, осуществляющий эпистемологическую абстракцию от конкретных участников процесса цифровизации, представляет символично-институциональную точку зрения, понимая цифровую культуру как «науку, выраженную в символических структурах и символических знаках, тотально включенных в институциональную систему и способствующих поддержанию определенных ценностей»²⁷⁹. Данная перспектива, укорененная в традициях символического интеракционизма и институциональной теории, смещает аналитический фокус с технологических аспектов на символические репрезентации, семиотические системы и институциональные матрицы цифровых трансформаций, подчеркивая их нормативно-ценностное измерение.

Другие исследователи концептуализируют цифровую культуру как «многоаспектный феномен, который характеризуется иным (сжатым) восприятием времени; совмещает архаичные и новейшие (в том числе цифровые) методы и формы коммуникации; определяет выработку иного стиля поведения индивидов и вырабатывает иные институциональные установки повседневного бытия»²⁸⁰. Это определение подчеркивает четыре взаимосвязанных измерения

²⁷⁸ Цит. по: Кузнецова Т.Ф. Цифровая культура // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2018. – № 4. – С. 235. Digital cultural: your competitive advantage (2017). Microsoft Corporation. – 25 p.

²⁷⁹ Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики (Электронный ресурс) // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – №3(8).– С.11-16. URL: www.culturalresearch.ru/files/openissues/032012/IJCR03%288%292012.pdf (дата обращения 17.10.2020).

²⁸⁰ Фролова С. М., Листвина Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – Вып. 4. – С. 409

цифровых трансформаций: темпоральное (изменение восприятия и организации времени), коммуникативное (гибридизация архаичных и цифровых форм коммуникации), поведенческое (формирование новых паттернов социального действия) и институциональное (трансформация повседневных практик и социальных установок).

Мы принимаем интегративную диалектическую точку зрения, где цифровая культура, с одной стороны, «представляет собой совокупность цифровых технологических процессов в сфере культуры, а с другой – является комплексом ценностей, норм и правил, регулирующих отношения людей в информационном пространстве культуры»²⁸¹. Эта диалектическая природа позволяет анализировать цифровую культуру одновременно как технологическую инфраструктуру и как социокультурную систему. Цифровая культура, являясь органической, имманентной частью культуры как таковой, определяет не только вектор технологических трансформаций и внедрения инновационных технологий в современных реалиях, но и формирует новые конфигурации социальных отношений и культурных практик. При этом особое методологическое значение приобретает проблема выделения, идентификации и анализа субъектов процесса управления сферой культуры в условиях цифровых трансформаций, включая вопрос об их агентности, ресурсах и стратегиях.

Отметим, что цифровизация в сфере культуры продвигается неоднозначно, поскольку затрагивает миропонимание и нравственные (нематериальные) ценности людей. Эти обстоятельства и формируют необходимость поиска подходящих путей внедрения инновационных технологий в социальную сферу жизнедеятельности, которая не даст возможность превращения человека в кибернетического субъекта, а отношения между людьми не станут простым обменом цифровыми данными. Современный историко-социологический контекст выдвигает на первый план ряд актуальных исследовательских задач,

²⁸¹ Житенев С.Ю. Новые информационные технологии и современная культура коммуникаций: состояние, определения и вопросы развития // Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий : материалы Всерос. науч. конф. (08 октября 2020 г.) / под ред. С. Ю. Житенева; Институт Наследия. – М.: Институт Наследия, 2020. – С.14.

требующих не только эмпирического изучения, но и фундаментальной методологической рефлексии. К ним относятся: комплексный анализ структур и динамики взаимоотношений между разноуровневыми участниками процесса управления в сфере культуры в условиях цифровизации; разработка концептуальных оснований и парадигм управления культурными процессами в контексте перехода к цифровому обществу; определение и концептуализация ролей, функций, ресурсов и стратегий субъектов процесса управления сферой культуры в период цифровой трансформации. Эти задачи отражают необходимость разработки новых теоретических моделей, методологических подходов и аналитических инструментов для изучения и управления культурными процессами в эпоху цифровых трансформаций, требующих междисциплинарной интеграции социологических, культурологических, экономических и технологических перспектив.

Развитие цифровой культуры нуждается в постоянном изучении на основе учета сочетания социальных и технологических процессов. Сегодня мы уже воспринимаем как данность и необходимость применение компьютерных технологий во многих направлениях культурной деятельности. Однако, от чего бы точно хотелось предостеречь – это от подмены понятия творчества, которое все больше и больше внедряется в нашу жизнь с использованием искусственного интеллекта. Технологии развиваются очень быстро, и недалек тот час, когда нейронные сети будут писать поэмы, картины. Только здесь хочется заметить, что творчество – это не только конечный результат, но и процесс, путь, который проходит его автор еще до публикации, а автор, как написал еще в начале XX века Валерий Брюсов, «художник, который пересказывает свои настроения; его постоянная цель – раскрыть другим свою душу»²⁸². Исходя из этого, можно рассматривать нейропродукцию как ремесленный продукт, что уже в наши дни является достаточно сносным произведением, с точки зрения критики, и шаблонным для употребления, но по сути совершенно бесполезным, с точки зрения художественной составляющей. Однако если условная поэтическая

²⁸² <https://www.litmir.me/br/?b=282002&p=1>

нейросеть будет давать анализ текстов, сопоставительный анализ, предложит новые методики изучения текстов и языков, тогда, несомненно, прорисовывается и практическая, и научная ценность ее составляющих.

С нашей точки зрения, уже на начальной стадии цифровых преобразований в жизнедеятельности общества следует не только выстраивать алгоритм по технологическим решениям, но и выделить существенные приоритеты, требующие решения от субъектов целеполагания. Повторимся, речь идет о двух составляющих цифрового разрыва: первого – технологического, второго – компетентностного.

На первоначальной стадии цифровой разрыв трактовался как неравенство в физическом доступе к информационно-коммуникативным ресурсам. Благодаря прогрессу цифровой индустрии и увеличению научных исследований в этой области анализу стали подвергаться зависимости цифрового неравенства от территориальных, половозрастных, экономических и ряда других аспектов. В основу данного подхода заложен техницизм, где информационно-коммуникативные системы представляются в виде важных составляющих инфраструктуры наряду с другими системами жизнеобеспечения, развитие технологий может осуществляться сам по себе, без оглядки на вопросы социальные характера.

Все эти процессы неизбежно усиливают внимание науки к проблеме цифрового разрыва. Уже в 2005 году на Всемирном саммите информационного общества, состоявшемся в Женеве, было признано, что ограниченный подход, сводящий цифровое неравенство исключительно к проблемам физического доступа к ресурсам, недостаточен²⁸³. Проводимые эксперименты по измерению навыков использования Интернета вывели на первое место значимость социальных характеристик пользователей, включая возраст, уровень образования

²⁸³ Epstein D. Who's Responsible for the Digital Divide? Public Perceptions and Policy Implications // The Information Society, 2011. – №2. – PP. 92–104.

и опыт работы с технологиями, в процессе освоения современных информационных технологий²⁸⁴.

Снижение барьеров, связанных с техническим доступом индивидов, стало возможным благодаря совершенствованию устройств и развитию цифровых технологий. Начиная с 2014 года, продажи смартфонов обогнали рынок персональных компьютеров, что объясняется их функциональностью, предоставляющей доступ к уникальным сервисам, таким как геолокация, бесконтактные платежи, системы идентификации и т. п. Согласно результатам опроса Фонда «Общественное мнение», с 2011 по 2020 годы доля пользователей мобильного интернета среди россиян существенно возросла: за девять лет показатель вырос с 17% до 27% для пользователей только мобильного интернета, до 21% – только домашнего интернета и до 51%, которые пользовались обоими форматами²⁸⁵. Ожидается, что уже в ближайшее время доля пользователей исключительно мобильного интернета перейдет отметку в 50%, ибо уже в 2024 году она достигла 43%²⁸⁶. Однако говорить о том, что проблема цифрового неравенства решена, не приходится: разрыв в качестве связи даже внутри одного населенного пункта свидетельствует о том, что наличие широкого технического доступа не гарантирует равномерности его распределения.

Опрос студентов Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы в 2020 году позволил выявить основные трудности, связанные с вынужденным дистанционным обучением в период пандемии коронавируса (выборка составила более 3000 студентов)²⁸⁷. Более трети респондентов указали на технические проблемы, такие как устаревшие устройства и слабое качество интернет-соединения. Также были обозначены социальные (недостаток живого общения), физиологические (длительное нахождение за компьютером) и финансовые (высокая стоимость образовательных

²⁸⁴ Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. Peer reviewed Journal. First Monday. – 2002. – Vol. 7. – №. 4. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v7i4.942>. Дата обращения: 9 декабря 2024 г. <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/942>.

²⁸⁵ <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402> (дата обращения: 10 декабря 2024 года).

²⁸⁶ <https://inclient.ru/mobile-internet-stats/>

²⁸⁷ К 20

услуг для коммерческих студентов) аспекты. 25% студентов отнесли к онлайн-обучению отрицательно, причем почти половина из них выразила крайне негативное отношение. В то же время 57% студентов оценили дистанционный формат большей частью положительно, а 13% выступили за комбинированный подход к образовательному процессу. Более 1/3 респондентов в одном ряду с обозначенными проблемами технического характера выделили и аспекты, касающиеся качества образования и некомпетентности преподавателя в использовании современных компьютерных технологий. Таким образом, в рамках только одного исследования удалось установить противоречие: удобство выполнения заданий, с одной стороны, и проблемы содержания и структуры цифрового образовательного контента – с другой. Проблемы цифрового неравенства первого уровня была связана, главным образом, с техническими сбоями, в то время как образовательные трудности относятся ко второму уровню цифрового разрыва, «с возможностями, которые предоставляет выход в сеть, и тем, каким образом эти возможности используются»²⁸⁸.

Цифровой разрыв второго уровня на протяжении более двух десятилетий остается значимым индикатором социально-экономического развития общества. Интеграция показателей технологической грамотности в международные системы оценки стала важной вехой в этом направлении. К примеру, уже в 2000 году Ассоциация колледжей и научных библиотек США приняла стандарт информационной грамотности²⁸⁹. Еще в начале 2010-х исследователями отмечалось, что «в инновационной модели развития к показателям уровня доходов/потребления, доступности социальных сервисов и комфортности среды необходимо добавить показатели насыщенности жизни людей активностью в новых коммуникационных сетях»²⁹⁰. Стала очевидной корреляция уровня доступа

²⁸⁸ Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. – №1. – С. 108-120.

²⁸⁹ Information Literacy Competency Standards for Higher Education. Available at: <http://www.ala.org/acrl/standards/informationliteracycompetency>.

²⁹⁰ Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С., Иванов Д.В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. – 2021. – №1. – С. 76-77.

к информационным сервисам к степени вовлеченности граждан в социально-экономическую жизнь страны.

При этом важное значение имеет и региональный аспект цифрового неравенства. Согласно результатам отчета «Московской школы управления «Сколково» и компании «ЕУ», цифровой разрыв второго уровня между регионами России весьма существенен: значение итогового Индекса цифровой жизни городов-лидеров (Краснодар, Екатеринбург) почти в 5 раз выше, чем у замыкающих городов (Назрань, Магас) (Рисунок 17). При этом распределение предложения существенно более равномерно, разница между лидирующим и замыкающим городами сокращается до трех раз; общий цифровой разрыв в большей мере определяется различиями на уровне цифрового спроса, определяемым цифровыми навыками и компетенциями населения.

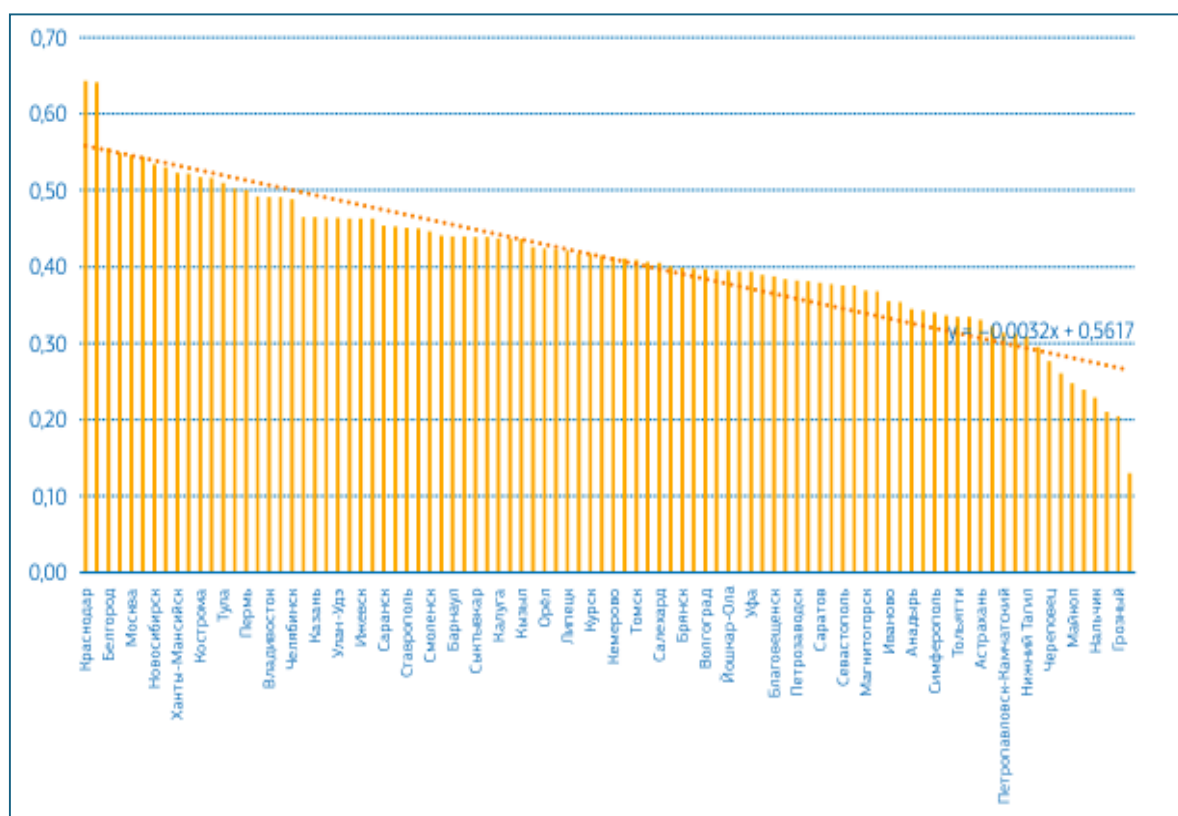

Рисунок 17 – Общий уровень цифрового разрыва между городами РФ

Например, город Уфа в этом рейтинге находится в третьей группе городов с показателем общего (итогового) значения индекса 0,39. В сфере образования в Уфе индекс цифрового спроса чуть выше, чем общей цифровой жизни – 0,45.

Между тем разрыв между цифровым спросом и предложением в Уфе в сфере образования существенный (0,2) с преобладанием спроса. Это говорит о большом потенциале для образовательной деятельности в цифровом формате. Превышение спроса над предложением в принципе присуще всем городам-миллионникам, за исключением Москвы, Омска и Казани. При этом в той же Уфе предложение превышает спрос в сфере транспорта, финансов, торговли, здравоохранения.

По результатам проведенного исследования «Разработка модели социального развития в условиях постглобализации и поствиртуализации», проведенном в 2020 году учеными из СПбГУ, частота пользования Интернетом тем выше, чем крупнее город: если в Свердловской области практически ежедневно пользуются Интернетом 83% населения, то в Москве этот показатель превышает 87%: практически не пользуются Интернетом более 10% респондентов Свердловской области, 9,7% – Санкт-Петербурга и 7% – Москвы²⁹¹. Учитывая, что Москва и Санкт-Петербург – крупнейшие города России, а в составе Свердловской области город – Екатеринбург, население которого превышает 1,5 млн. человек, то их показатели, по сравнению с общероссийской суточной аудиторией, составляющей 69% взрослого населения России,²⁹² подтверждают цифровой разрыв, зависящий от регионального аспекта.

В современном российском обществе цифровое население, концептуализируемое как совокупность всех пользователей онлайн-ресурсов и мобильных цифровых устройств, демонстрирует значительную интенсивность цифрового потребления, проводя более двадцати восьми часов ежемесячно за компьютерными устройствами. Данный показатель сопоставим с аналогичными метриками в крупных европейских странах, что свидетельствует о достижении определенного уровня цифровой вовлеченности в российском социуме. Однако необходимо констатировать наличие существенной структурной проблемы в цифровом развитии российского общества – высокого уровня цифрового разрыва между пользователями современных цифровых технологий и общей

²⁹¹ Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С., Иванов Д.В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях// Социологические исследования. – 2021. – №1. – С. 77.

²⁹² <https://fom.ru/SMI-i-internet/144021%20> (дата обращения: 10 декабря 2024 года).

численностью населения. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что данный разрыв достигает 21%, тогда как средний показатель в большинстве европейских стран составляет менее 12%²⁹³.

Эта структурная диспропорция подчеркивает не только количественные, но и качественные различия в цифровом неравенстве, актуализируя необходимость разработки и реализации активных управленческих решений и стратегий для ее преодоления. Цифровой разрыв представляет собой не только технологическую, но и социальную проблему, отражающую глубинные структурные неравенства в доступе к цифровым ресурсам, компетенциям и возможностям, что требует комплексного социологического осмысления и целенаправленной политики цифровой инклюзии.

Сокращение цифрового разрыва во всех аспектах человеческой деятельности становится актуальной задачей нашего времени. Уже в начале XXI века ЮНЕСКО обратило внимание на угрозу переноса существующего социального неравенства в сферу цифровизации, что может привести к усугублению цифрового разрыва²⁹⁴.

Не будет социально-экономического развития социума при отсутствии единого социума, объединенного общими целями и задачами, в т. ч. и в вопросах цифровизации. Безусловно, возраст, уровень образования и уровень доходов человека влияют на потребление населением цифровой продукции. Вместе с тем результаты исследований демонстрируют, что в простом количественном потреблении, например, Интернета прослеживается нивелирование позиций. В то же время наблюдается изменение его качественного потребления в виде создания своего контента, т. е. выхода на новый уровень потребления и использования цифровых технологий. Здесь четко видны следующие зависимости: большее количество контента создают представители молодежи (18-29 лет),

²⁹³ Амзин А. и др. Как новые медиа изменили журналистику 2012–2016. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – 304 с.

²⁹⁴ UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. – URL: <http://portal.unesco.org/en/ev.php-URLID=13179&URLDO=DOTOPIC&URLSECTION=201.html>.

среднеобеспеченные и высокообразованные люди²⁹⁵. Все это стало возможным благодаря и широкому распространению Интернета и появлению новых технологий, которые позволяют даже простому потребителю, не имеющему навыков в программировании и интернет-дизайне, самому создавать культурную продукцию и размещать ее во Всемирной паутине. Конечно, здесь не идет речь о том, что это высокохудожественная культурная продукция, в преобладающей своей части это – элементы массовой культуры (видео, фото, аудиопродукция), которые заполнили и социальные сети и иные платформы.

Масштабные социальные, экономические и технологические процессы, разворачивающиеся в современном глобальном контексте, включая процессы глобализации, построения цифровой экономики, формирования информационного общества и сопутствующие структурные трансформации, обуславливают фундаментальную необходимость подготовки компетентного специалиста, обладающего способностью решать комплексные профессиональные и социальные задачи в условиях возрастающей неопределенности и динамической сложности социальной среды. Данные макросоциальные трансформации формируют новые структурные требования к профессиональным компетенциям, выдвигая на первый план не только узкоспециализированные профессиональные знания, но и комплексные социокультурные, коммуникативные и адаптационные способности, необходимые для эффективного функционирования в условиях перманентных изменений и институциональных трансформаций, ибо «только высококлассный специалист способен «работать» на экономику будущего, экономику знаний, генерировать новую, исключительно ценную добавленную стоимость и стать важнейшим фактором экономического роста и социального развития»²⁹⁶. Все это говорит о значении высшей школы в развитии социума. В начале 90-х годов прошлого века ректор одного из наиболее передовых технических вузов СССР, Уфимского

²⁹⁵ Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С., Иванов Д.В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях// Социологические исследования. – 2021. – №1. – С. 79-84.

²⁹⁶ Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А.М. Корбута; под общ. ред. М.А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2009. – 299 с.

авиационного института, Р.Р. Мавлютов акцентировал внимание на том, что ни общество, ни государство не способны эффективно решать свои ключевые задачи без участия высших учебных заведений, а главной миссией последних он считал исполнение социального заказа, сформулированного обществом и государством²⁹⁷. Однако сегодняшняя реальность заставляет задуматься над тем, что уже в обозримом будущем наличие высшего образования может перестать быть основным показателем прогресса. Стремление к массовизации высшего образования и постоянное увеличение числа бюджетных мест в университетах приводит к тому, что студентами становятся и те, кто лишь минимально преодолел пороговый уровень результатов ЕГЭ для поступления. «Ниже среднего» школьник становится «ниже среднего» студентом, при этом не получая знания в университетах, а прослушивая курс лекций и становясь обладателем «корочки». И проблема высшей школы, которая становится далее проблемой всего дальнейшего развития общества, заключается в выпуске людей с высшим образованием, но только с невысоким его качеством. Представляется, что в ближайшее время необходимо вернуться к пониманию высшего образования, как элитного, «противопоставленного массовому и узкоспециализированному образованию в том смысле, что предполагает первостепенную ценность такого содержания и организации образовательного процесса, которые ориентированы на поиск истины и понимания изучаемых предметов...Элитное образование необходимо обществу, так как посредством него осуществляется передача генетического кода нации — ее культуры, интеллекта, высших духовных и нравственных ценностей»²⁹⁸.

Система образования служит важной основой для формирования личности и развития сферы культуры. Содержание и технологии, лежащие в основе образовательного процесса, который ориентирован на стремление к нравственному идеалу человека, должны быть организованы с учетом

²⁹⁷ Мавлютов Р.Р. Высшая школа глазами ректора. — М.: изд-во МАИ, 1992. — 176 с.

²⁹⁸ Жукова О.А. Духовный опыт и культура разума: религиозно-философская традиция в университетском образовании // Культурологический журнал. — 2011. — № 1(3). — С.1-8. [Электронный ресурс] <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/37.html&jid=5>.

особенностей человеческой природы. Психолого-педагогические условия их применения призваны помогать раскрытию качеств личности, необходимых для прогрессивного развития общества. Даже при самых современных уровнях технологического оснащения «на уровне смысложизненных установок личности, включающих, безусловно, получение профессиональных умений и на их основе профессионально-творческих достижений, образование будет нуждаться в мудром учителе, обладающем духовным опытом и культурой разума, и, конечно, в вопрошающем, внимающем ученике, который вступает в диалог с ним»²⁹⁹.

Таким образом, можем констатировать, что цифровизация активно внедряется во все сферы жизнедеятельности общества. Однако процессы цифровой трансформации в сфере культуры имеют свои особенности, связанные прежде всего с тем, что отражают нравственные качества личности, что требует постоянного анализа связей между субъектами управления, определения их ролей и функций, особенностей их взаимодействия, для выработки модели управления в конкретный исторический момент. Подытоживая материалы параграфа, мы выделяем три основных вывода.

1. Определено, что ранее процессы цифровизации в сфере культуры носили в большей степени технический, технологический характер и сводились к простой оцифровке культурной продукции, переводу информации в цифровую форму и т. п., что не отражает механизм управления сферой культуры как субъектно-субъектный процесс. Современный исторический период требует рассмотрения цифровизации в сфере культуры как комплексное решение инфраструктурного, поведенческого и управленческого характера, где развитие цифровых технологий является не целью, а инструментом, по выявлению того или иного управленческого действия на его субъектов, их взаимодействие, с целью дальнейшей оптимизации процессов в сфере культуры для удовлетворения потребностей всех ее участников.

²⁹⁹ Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики / под ред. Я. И. Кузьмина, И. Д. Фрумина; Центр стратегических разработок; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2018. – 106 с.

2. Обосновано, что в настоящее время основным направлением в реализации управленческого воздействия на сферу культуры на региональном уровне в части ее цифровизации является восполнение цифрового разрыва первого уровня, который носит в большей степени технологический характер и зависит от коммуникаторов; и второго уровня, который требует развития соответствующих компетенций посредством образования и самообразования всех участников процесса в качестве деятельных субъектов. Цифровой разрыв второго уровня является значимым индикатором социально-экономического развития общества, при котором важное значение имеет региональный аспект цифрового неравенства.

3. Результаты проведенного социологического исследования позволили выявить основные причины цифрового неравенства, носящего перманентный характер: разрывы в уровне грамотности, в доходах, по территориальному признаку и половозрастным отличиям, а также компетентностные дефициты, выражающиеся на уровне необходимых навыков для освоения и эффективного применения цифровых технологий. Сделан вывод, что для развития общества требуется организация работы со стороны коммуникатора по нивелированию цифрового неравенства среди потребителей за счет эффективного использования коммуникационных технологий через коммуникаторов и обеспечения функционирования единого информационного культурного пространства.

3.2 Основные этапы цифровизации сферы культуры: проблемы и задачи

Стоит отметить, что в целом в России вопросы цифровизации сферы культуры обозначены и прописаны в разного рода документах. Так, в одном из положений «Основ государственной культурной политики», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. №808, по осуществлению всех видов культурной деятельности и развитию связанных с ними индустрий с использованием цифровых коммуникационных технологий

предполагается, по нашему мнению, работа деятельных субъектов целевого уровня по нескольким направлениям:

- совершенствование законодательных и нормативных актов, регулирующих информационные технологии в сфере культуры;
- создание условий для развития цифровизации сферы культуры и обязательная государственная поддержка технологических и информационных нововведений для всех ее участников;
- содействие созданию национальных цифровых платформ и развитию эффективного взаимодействия всех субъектов цифровых коммуникаций в сфере культуры;
- подготовка соответствующих кадров в сфере культуры.

Ускоренное внедрение цифровых технологий в социальной сфере является и одной из национальных целей, зафиксированных в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. И это не случайно, ведь внедрение цифровых технологий предоставляет широкие возможности для развития сферы культуры уже в цифровых отношениях, преодоления цифрового неравенства в части доступности культурных благ. Как отмечается рядом авторов, в настоящее время все более отчетливо укрепляется понимание того, что прежние задачи, стоявшие перед государствами в сфере культуры, отработаны, и необходима их существенная перезагрузка³⁰⁰. При этом, по нашему убеждению, именно преодоление цифрового неравенства, цифрового разрыва второго уровня и должно стать задачей при становлении отрасли культуры как части цифровой экономики, а не столько внедрение цифровых технологий в эту сферу. Такой подход позволит решить задачу, установленную на целевом уровне и определенную в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, по содействию формированию гармонично развитой личности, способной к активному участию в реализации государственной культурной политики путем формирования:

³⁰⁰ Богатырева Т.Г. Цифровая культурная политика: возможности формирования и перспективы влияния на развитие современного медиапространства. // Коммуникология. – 2018. – №6(3). – С.64.

- информационной грамотности граждан, в том числе путем повышения качества материалов и информации, размещаемых в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;
- единого российского информационного пространства знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных фондов, собранных в Национальную электронную библиотеку и национальные электронные архивы по различным отраслям знаний и сферам творческой деятельности³⁰¹.

Вопросы цифровизации сферы культуры вошли и в Национальные проекты. В частности, основной задачей федерального проекта «Цифровая культура» определено широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны.³⁰² Начиная с 2019 года, ежегодно за счет бюджетных средств появляются по 80 виртуальных концертных залов, организуются онлайн-трансляции масштабных мероприятий на портале культурного наследия, традиций народов «Культура.РФ». Эти меры позволяют миллионам жителей страны вне зависимости от их места проживания получить бесплатный доступ к концертам как в записи, так и в режиме реального времени³⁰³. К примеру, такие залы в Республике Башкортостан оборудованы и действуют не только в городе-миллионнике Уфе, но и в муниципальных дворцах культуры, оснащенных аудио- и видеооборудованием современного образца с высокоскоростным Интернет-соединением. Это обстоятельство является лишь подтверждением того, что данный проект продолжает реализовываться не только на федеральном (целевом) уровне, но и в ряде регионов (тактическом) при непосредственном участии муниципального (прикладного) уровня. В целях сохранения культурного наследия народов и дальнейшей передачи его последующим поколениям в 2019 – 2021 гг. подверглись переводу в цифровой вид более 7,5 тысяч кинопродуктов и 24 тысячи книжных памятников. Такое масштабное медийное пространство в

³⁰¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения: 15.05.2022).

³⁰² Федеральный проект «Цифровая культура» // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (дата обращения: 20.07.2022).

³⁰³ Татьяна Голикова провела заседание проектного комитета по национальному проекту «Культура» <http://government.ru/news/41906/> (дата обращения: 20.07.2022).

сфере культуры предоставляет возможность разместить в одной информационной системе календарь инициатив, проводимых коммуникационными каналами, что создает условия коммуникатору, применяя индивидуальные фильтры, добиваться реализации поставленных задач с учетом мнения всех участников процесса. Музейные платформы по созданию мультимедиагидов «Артефакт» и «Госкаталог», в которых зарегистрировано 40 млн. предметов, специализируются на музейной тематике.

Развернутую картину о диапазоне происходящих изменений в России, связанных со введением инновационных технологий в сферу культуры, можно увидеть, обратившись к ключевым показателям эффективности федерального проекта на 2021–2024 годы (Таблица 8).

Таблица 8 – Целевые индикаторы федерального проекта «Цифровая культура»

Индикатор	Год реализации проекта	Показатели
Количество созданных виртуальных концертных залов (ед.) (нарастающим итогом)	2021	563
	2022	643
	2023	723
	2024	823
Количество выставочных проектов, снабженных цифровыми гидами в формате дополненной реальности (ед.) (нарастающим итогом)	2021	325
	2022	400
	2023	475
	2024	550
Охват молодежной аудитории контентом, направленным на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей	2021	995
	2022	1367
	2023	1739
	2024	2110
Количество онлайн-трансляций мероприятий, размещаемых на портале «Культура.РФ» (ед.)	2021	100
	2022	100
	2023	100
	2024	100

Внушительные цифры критериев эффективности федерального проекта «Цифровая культура» нацпроекта «Культура» сами говорят за себя: посещаемость портала «Культура.РФ» ежегодно увеличивается почти в два раза (в 2019 году –

31 млн. посещений, в 2020 – 69 млн., в 2021 – 131 млн.). Рекламный анонс культурной виртуальной жизни развивается в скоростном ритме: в рамках портала в 2019 году было проведено 174 000 акций, в 2020 году – 330 000 ситуаций, а в 2021 году – 667 000 событий. С нашей точки зрения, ключевым фактором успешной реализации таких проектов на просторах Интернета является согласованные усилия всех субъектов управления сферой культуры по удовлетворению культурных потребностей потребителей на «получение информации любого рода и отсутствие каких-либо ограничений на получение такой информации»³⁰⁴.

Одним из важнейших условий эффективного использования названных платформ является уровень соответствующих компетенций субъектов управления. Относительно позднее подключение России к процессу технологических преобразований явствует о достаточно большой степени цифрового разрыва в нашей стране. Тому подтверждение – данные рейтинга готовности стран к сетевому миру: в 2008 – 2011 гг. Россия находилась в восьмом десятке рейтинга в 2015 году, а в 2020 году – на 48 месте с показателем 54,23, соседствуя с такими странами, как Уругвай, Румыния, Чили, Таиланд; при этом лидеры рейтинга – 6 стран (Швеция, Дания, Сингапур, Нидерланды, Швейцария, Финляндия) – имели индекс свыше 80. По приведенным данным³⁰⁵, всего в рейтинг попали 134 страны, и у трех аутсайдеров (Йемен, Конго и Чад) показатель меньше 20. Уровень развития ИКТ измеряется по 62 контрольным показателям, составляющим четыре основные группы: технологии, управление, влияние и человеческий потенциал.

Считаем, что одной из основных задач для преодоления цифровой фрустрации должна стать подготовка людей к новой реальности, в т. ч. и в сфере культуры. В этот план и вписывается создание центров непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры на базе творческих вузов как одна из главных функций

³⁰⁴ Лифанова Т.Е., Кривоносова Ж.В., Ерохов М.В. Социальная роль цифровизации в становлении всеобщей культуры и ее воздействие на молодежь// Экономика. Социология. Право. – 2023. – №3. – С.51.

³⁰⁵ <https://Bgmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (дата обращения: 15.05.2021).

действующего федерального проекта «Творческие люди» в рамках Национального проекта «Культура». При этом открытым остается вопрос о способности творческих вузов, в силу их специфики, действительно заниматься подготовкой и переподготовкой цифровых кадров для сферы культуры.

В целом, определяя направления цифровизации сферы культуры России, рядом авторов предлагается выделить 5 основных:

- Изучение культурных ценностей;
- Создание культурных благ;
- Распространение и потребление культурных ценностей и культурных благ;
- Организационно-экономические аспекты деятельности организаций культуры;
- Информационные системы для государственного учета объектов культуры и культурных ценностей³⁰⁶.

Действительно, во всех этих направлениях в сфере культуры проводится определенная работа, в том числе и в Республике Башкортостан: это и оцифровка культурных ценностей³⁰⁷ (например, студентами БГПУ им.М.Акумуллы после масштабных археологических раскопок на улице Октябрьской революции в Уфе был создан виртуальный музей, в котором представлены уникальные артефакты, предметы быта горожан середины XVII – начала XIX вв.); и создание цифровых культурных благ, например, еще в 2019 году была создана нейросеть Нейрошагир³⁰⁸; и создание портала «Культурный мир Башкортостана»³⁰⁹ (на портале, ставшем в 2023 году информационным партнером платформы «PRO.Культура.РФ», собрана информация об учреждениях культуры республики, аккумулируются культурные мероприятия и муниципальных образований); и

³⁰⁶ Музычук В.Ю. Основные направления цифровизации в сфере культуры России: зарубежный опыт и российские реалии // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – №5. – С.50-59.

³⁰⁷ <https://gtrk.tv/novosti/370114-ufe-sozdali-virtualnyy-muzey-arheologii-materialam-raskopok-ulice-oktyabrskoy>

³⁰⁸ Шахов С. Искусственный интеллект впервые написал стихи на башкирском языке. URL: <http://www.bashinform.ru/news/1277730-iskusstvennyy-intellekt-vpervye-napisal-stikhi-na-bashkirskom-yazyke/?sphraseid=9335627>.

³⁰⁹ <https://kulturarb.ru/ru/>

музейный комплекс «Пещера Шульган-Таш»³¹⁰ (научно-исследовательский и просветительский центр, экспозиция которого включает в себя семь тематических блоков, в т. ч. точную 3Д-копию ряда залов всемирно известной пещеры с наскальными рисунками эпохи палеолита); и перечень объектов культурного наследия регионального значения, расположенных на территории Республики Башкортостан³¹¹; и участие в проекте «Пушкинская карта» и многое-многое другое. Вместе с тем все эти мероприятия в большей степени ориентированы на непосредственное представление культурной продукции потребителю, в лучшем случае – от коммуникационного канала. Однако управленческой составляющей в этой палитре цифровых технологий нет, «что заметно сужает сферу деятельности, где применяются цифровые технологии»³¹². Вместе с тем такой подход позволяет сегодня говорить о том, что цифровизация сферы культуры проводится фрагментарно, не затрагивая именно управленческий блок, который представляет собой более высокий уровень цифровых навыков участников процесса управления сферой культуры. И для реализации управленческих цифровых мероприятий необходим определенный уровень цифровой культуры, что означает «не только применение новых технологий, но и появление новых возможностей для выражения и функционирования всех сфер жизни общества, изменения ряда социальных отношений, ценностей, норм, стереотипов поведения»³¹³, а исследования цифровой культуры не должны исчерпываться анализом форматов или технологий³¹⁴.

Конечно, наивно было требовать от участников процесса с первого же уровня цифровизации переходить на управленческие вопросы: для этого необходимо обеспечение формирования системы взаимоотношений между

³¹⁰ <http://shulgantash.ru/>

³¹¹ <https://okn.bashkortostan.ru/documents/active/75568/>

³¹² Музычук В.Ю. Основные направления цифровизации в сфере культуры России: зарубежный опыт и российские реалии // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – №5. – С.62.

³¹³ Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15.– №5. – С. 520.

³¹⁴ Study on the Digitalization Methods, Visualization Technologies and Interactive Information Systems for Popularization of Tangible and Intangible Heritage // Joint International Conference on Digital Arts, Media and Technology with ECTI Northern Section Conference on Electrical, Electronics, Computer and Telecommunications Engineering (ECTI DAMT & NCON). – Chiang-mai, 2024. – PP. 296-301.

социальными группами, наличие технологической базы, развитие соответствующих компетенций у каждого участника процесса, а также организация системы обучения и передачи компетенций. На наш взгляд, такой момент наступил буквально несколько лет назад, что требует от участников процесса управления сферой культуры новых навыков, в т. ч. и взаимного общения. Мы делаем такой вывод на основании того, что наступил новый – уже пятый этап цифровизации. На основе анализа работ ряда авторов³¹⁵ и изучения официальных документов, мы, исходя из нашего представления об управлении сферой культуры как процессе массовой коммуникации и собственного опыта работы в сфере культуры, выделяем 5 основных этапов цифровизации.

Первый этап цифровизации сферы культуры, хронологически относящийся к девяностым годам двадцатого столетия, характеризовался преимущественно технологической модернизацией материально-технической базы посредством интеграции аппаратных средств, делегирования отдельных функций информационным системам и реализации точечного, фрагментарного подхода к цифровым трансформациям. Поскольку сфера культуры традиционно занимала периферийное положение в системе социальных приоритетов, концепция ее информатизации выстраивалась без учета специфики культурных процессов и институтов, а также при практически полном отсутствии подготовленных профессиональных кадров, обладающих необходимыми цифровыми компетенциями. Тем не менее, можно говорить о том, что именно в этот период произошло институциональное становление структуры участников процесса цифровизации сферы культуры, включающей четыре ключевые группы: государство как регулятивный и финансовый субъект, потребители культурных продуктов и услуг, учреждения культуры как институциональные носители

³¹⁵ См, например:

Шунков А.В., Тараненко Л.Г., Дворовенко О.В. Феномен цифровизации культуры и искусства в России// Мир русскоговорящих стран. – 2024. – №2. – С. 105-128. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-105>; Лопатина Н.В. Управление цифровизацией культуры: опыт, ошибки, перспективы // материалы Всероссийской научно-практической конференции «Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий», М.:2020. – С.170-178; Коваленко Т.В., Саркисова Е.Г.. Цифровая инфраструктура учреждений культуры и задачи культурной политики в современной России: этапы и специфика формирования // Известия УрФУ. Серия 1.Проблемы образования, науки и культуры. – Т.30. – №4. – С.151-163.

культурных практик и представители технологического сегмента как поставщики цифровых решений. Роль коммуникационных каналов в данной конфигурации выполняли последние две группы, которые осуществляли медиацию между государством-коммуникатором и потребителями культурной продукции, информируя последних о технологических преобразованиях, инициированных государственными структурами.

Увеличение численности деятельных субъектов в технологическом процессе и рост количества информационных ресурсов детерминировали переход ко второму этапу цифровизации сферы культуры, хронологически относящемуся к началу века. Особенностью этой стадии стало превалирование разобщенных, нескоординированных программ информатизации, реализуемых через различные коммуникационные каналы при фактическом бездействии на целевом, стратегическом уровне. Несмотря на эту структурную фрагментацию, необходимо отметить реализацию практических аспектов цифровизации, нацеленных в данный период преимущественно на оцифровку культурного наследия как материальной основы культурной памяти.

Повышение влияния коммуникатора (государства) и документированное подтверждение информационно-технологических актов в сфере культуры приходится на третий этап цифровизации, охватывающий период конца 2000-2010 годов. Если на предыдущих этапах акцент делался преимущественно на технологические особенности цифровизации, то на данной стадии использование проектного подхода к внедрению информатизационных систем в сферу культуры открыло путь не только к организации мероприятий системного характера, затрагивающих все уровни управления и реализацию культурной политики, но и к концентрации внимания на контенте и распределении информационных ресурсов. Однако заданное ускорение темпов и масштабов информационных процессов в сфере культуры наталкивалось на структурные ограничения, включая цифровой разрыв в кадровом составе учреждений культуры, что не позволяло говорить об интенсивном, качественном развитии процессов цифровизации, несмотря на количественный рост технологических внедрений.

Четвертый этап цифровизации сферы культуры, охватывающий период 2010-2020 гг., характеризовался, в первую очередь, ростом инновационных преобразований на уровне индивидуального потребителя, что было детерминировано массовым распространением персональных мобильных гаджетов. Можно констатировать совершившийся переход культуры из гуманитарной в мозаичную область, согласно теоретической трактовке А. Моля: если первая была сформирована в соответствии с логически организованной познавательной деятельностью, опосредованной укоренившейся системой образования, то вторая сформировалась под влиянием непрерывного, интенсивного и беспорядочного потока информации, распространяемого средствами массовой коммуникации³¹⁶, с выраженной тенденцией к фрагментации культурного пространства^{317 318}.

Применение субъект-субъектного подхода к процессам управления в цифровизации сферы культуры можно считать основным парадигмальным отличием четвертого этапа цифровизации сферы культуры. Произошла фундаментальная перестройка всей системы цифровизации: отныне не только коммуникатор (государство) определяет направление развития цифровизации, как это было на предыдущих этапах, но и потребители культурной продукции, опосредуя свои предпочтения через индивидуальные и социальные фильтры, начали выступать в роли равноправных участников исследуемого процесса. Развитие цифровизации стало определяться не только в рамках общих нормативных положений, вследствие решений коммуникаторов и коммуникационных каналов, но и с учетом индивидуального подхода к потребителю, что стало возможным благодаря всеобщей доступности населения к различного рода гаджетам и сети Интернет. Эта трансформация знаменует переход от патерналистской модели цифровизации к партисипативной модели,

³¹⁶ Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.

³¹⁷ <https://cyberleninka.ru/article/n/fragmentatsiya-kultury-v-tsifrovuyu-epohu-ugroza-ili-bлаго/viewer>

³¹⁸ Колядко ИН. Цифровая трансформация общества и культуры: особенности формирования медиареальности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2024. №.3 – С.23-28.

основанной на взаимодействии равноправных субъектов цифрового культурного пространства. В результате поменялся даже сам статус потребителя культурной продукции: многие потребители сами стали источником информации и даже коммуникаторами. Цифровые инновации, предоставляя возможность гражданам принимать участие в производстве и распространении культурной продукции, по мнению исследователей, полностью перенастроили традиционную динамику между производителем и потребителем культурных ценностей³¹⁹.

В рамках нашего исследования мы сделали попытку к определению уровня элементарного цифрового развития населения Республики Башкортостан, в т. ч. в сфере культуры, в части их использования Интернета, а также участия в производстве минимальной цифровой культурной продукции, с учетом того, что вопросы цифровизации в большей степени получили свое развитие в последние 10 лет, наши изыскания проводились на 3 этапе исследования, и в настоящее время не имеется возможность отследить этот вопрос в динамике. Однако данные, полученные в 2024-2025 гг., являются хорошей базой для последующего изучения и этого аспекта развития сферы культуры в дальнейшем. Результаты нашего исследования показали, что в настоящее время (2025 год) использование потребителями мобильного интернета преобладает над сетевым на 20-30%. На вопрос, каким интернетом пользуется респондент, было предложено 2 ситуации по 4 варианта ответа; первая ситуация – использование интернета на работе, вторая – дома; варианты ответа: мобильный интернет, сетевой, и тот и другой, не пользуюсь. На работе в той или иной степени использует мобильный интернет 68% пользователей, причем 46% – только мобильный, 22% – в сочетании с сетевым; 27% респондентов используют исключительно сетевой интернет и 5% не используют его вовсе. Анализ использования Интернета вне работы показывает, что ситуация значительно меняется. Первое – доля тех, кто не использует Интернет вовсе, составляет менее 1% (тогда как на работе – 5%). Это может говорить о том, что несмотря на то, что Интернет прочно вошел в нашу жизнь,

³¹⁹ Богатырева Т.Г. Цифровая культурная политика: возможности формирования и перспективы влияния на развитие современного медиапространства. // Коммуникология. – 2018. – №6(3). – С.69

есть ряд профессий, представители которых не используют его по работе и одновременно с этим активно используют его вне работы. В соответствии с результатами нашего исследования, в эти 5% преимущественно входят представители таких сфер деятельности, как сельское хозяйство и социальная защита. Вне работы использование мобильного интернета выросло до 53%, выросло и использование Интернета в сочетании до 26%, при сокращении доли использующих сетевой интернет до 20% (рисунок 18).

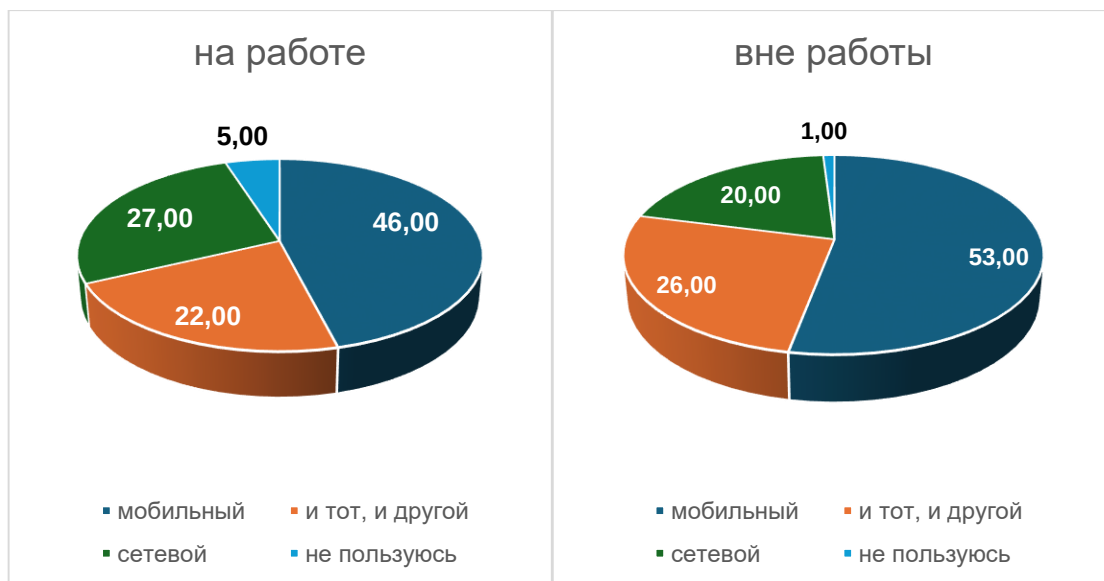

Рисунок 18 – Распределение ответов респондентов относительно использования интернета на работе и вне работы

Кроме уже указанных различий в зависимости от сферы деятельности, вырисовывается и разница в ответах у представителей разного поколения на эти вопросы. Если на работе мобильным интернетом в большей степени пользуются молодые респонденты в возрасте от 18 до 24 лет (56%), а в меньшей – представители в возрасте 45-59 лет (37%), вне работы мобильным интернетом больше пользуется старшее поколение (60%), а в меньшей (49%) – люди в возрасте 25-34 лет. Если брать сетевой интернет, то его чаще других на работе используют представители среднего возраста (45-59 лет) с долей 36%, далее идут представители старшего поколения (29%), а следом – по убыванию в прямой зависимости от возраста (15% у респондентов до 24 лет). Ситуация вне работы чуть меняется, хотя доля юных респондентов сокращается до 11%, а чаще других

сетевой интернет используют представители в возрасте 35 – 44 лет (24%). Доля же не использующих Интернет вне работы не зависит от возрастной принадлежности респондентов.

Таким образом, к пятому этапу цифровизации среди пользователей Интернета видно явное преобладание тех, кто в большей части использует мобильный интернет, что позволяет и потребителям культурной продукции, и коммуникационным каналам, и коммуникаторам оперативно изготавливать культурную продукцию и реагировать на нее. Тектонические сдвиги среди социальных акторов произошли как по вертикали, так и по горизонтали. Еще вчерашние опосредованные субъекты становятся деятельными³²⁰.

В целом, как показали результаты нашего исследования, 95% респондентов ежедневно пользуются Интернетом; 2% отметили, что очень редко; доля тех, кто ответил, что пользуется Интернетом два – три раза в неделю, никогда не пользовался Интернетом или затрудняется ответить на этот вопрос, составляет 1%. Анализ по гендерному признаку, по месту проживания, по возрасту и иным показателям не дал разницы в ответе на этот вопрос. Таким образом, мы можем говорить, что подавляющее большинство потребителей пользуется Интернетом каждый день и Всемирная сеть перестала быть чем-то особенным, тогда как еще 5-7 лет назад, согласно статистическим данным 2017 года, постоянными пользователями сети Интернет было не более 84%³²¹.

Если же брать цели, для которых потребители пользуются Интернетом, то здесь вырисовывается следующая картина. С большим отрывом лидирует вариант ответа – «получаю нужную информацию» – почти $\frac{3}{4}$ респондентов выбрали этот вариант ответа. Отметим, что предлагалось выбрать до 5 вариантов ответов. Во вторую группу ответов, с долей более 50% можно отнести 2 варианта: «узнаю новости» (58%) и «для общения в соцсетях с родными, друзьями, знакомыми» (54%). В третью группу с долей от 30 до 50% вошли ответы: «пользуюсь

³²⁰ Haigh T. The history of information technology // Annual Review of Information Science and Technology. – 2011. – Vol. 45. – PP. 431–487.

³²¹ Губченкова А.С., Чеснова О.А., Еникеева Л.А. Проблемы цифровизации сферы культуры Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. – 2019. – №4. – С. 58-59.

Госуслугами» (45%), «пользуюсь банковскими услугами» ((44%), «пользуюсь электронной почтой» (42%), «совершаю интернет-покупки» (34%). Три варианта ответа находятся в зоне от 20 до 30% – «слушаю музыку» (29%), «смотрю видеоконтент» (28%), «для учебы» (22%), «слушаю аудиокниги» (20%). 6% выбрали вариант – «играю в интернет-игры» и по 2% респондентов выбрали вариант ответа: «другое» либо же затруднились дать ответ.

Таким образом, мы можем сделать несколько выводов:

1. Чаще всего респонденты пользуются Интернетом для получения информации – в целом из сети, либо из новостей или общения с друзьями.

2. Во второй категории по ранжиру располагаются ответы, которые касаются личной информации для каждого потребителя, но связанных с финансовой его стороной.

3. Культурно-образовательный контент у пользователей Интернета находится в третьей категории предпочтений, причем доля женщин в этой категории в среднем на 7-10 процентных пункта выше, чем доля мужчин, и в большинстве своем это представители молодежи до 35 лет и не состоящие в браке.

Здесь стоит заметить, что среди информации, которая вызывает интерес у респондентов, культурная жизнь стоит на третьем месте после тематик «Семья, дети, дом» и «Здоровье и социальные проблемы», т. е. мы можем предположить, что в принципе сферой культуры интересуется достаточно большое количество респондентов, а не только те, кто отметил, что пользуется цифровой культурной продукцией.

Более того, кроме роста количества пользующихся Интернетом, есть значительная доля тех среди населения, которые сами создают и размещают цифровой культурный контент, т. е. кто является не просто потребителем, но и коммуникационным каналом. Согласно результатам нашего исследования, почти 30% пользователей создают собственную культурную продукцию, причем 83% из них и размещают свой контент; половина респондентов не создает и не размещает в сети Интернет культурный контент (видеоклипы, аудиоклипы, фотографии,

книги, афиши, информацию о культурных событиях и пр.); 12% респондентов занимаются перепостом соответствующего контента других пользователей; 6% затруднились ответить на поставленный вопрос. Достаточно большая разница в ответах наблюдается в зависимости от уровня образования респондентов. У респондентов с высшим образованием доля чуть превышает 20%, тогда как у всех остальных – в полтора раза больше. Большая часть, кто занимается перепостом информации других пользователей, среди респондентов со средним и ниже образованием (24%), а среди тех, кто и не создает, и не размещает культурный контент, большинство имеет высшее образование, также как и внутри представителей с высшим образованием большинство выбрало именно этот ответ – потребитель (56%). Причем среди потребителей культурной продукции видна прямая зависимость от уровня образования – чем выше его уровень, тем больше доля тех, кто занимается как созданием, так и размещением цифрового культурного контента: 52% – у лиц с высшим образованием и всего 3% – со средним образованием и ниже – практически не создают свой контент (3%). Вообще среди респондентов со средним образованием 40% и не создает, и не размещает культурный контент.

Среди наиболее активно создающих и размещающих культурную продукцию в Интернете преимущественно либо молодые люди в возрасте до 34 лет, либо лица в возрасте 60 лет и старше – каждый третий в этих категориях, тогда как у представителей среднего возраста – каждый пятый. Соответственно, представители средней возрастной категории преобладают в выборе ответа – «не создаю и не размещаю» – 57%, тогда как у молодежи этот показатель находится в районе 40%, а у старшего – 48%. Гендерные различия также влияют на выбор ответа: среди мужчин 59% ответили, что не создают и не размещают культурный контент, тогда как среди женщин этот показатель составляет 45%, во всех остальных вариантах ответов доля женщин больше. Интересно, но различий среди городского и сельского населения в этом вопросе не наблюдается, равно как и семейное положение не влияет на выбор респондентов. Но вот наличие детей является значимым фактором, причем различия наблюдаются по двум позициям:

«не создаю и не размещаю», а также «не создаю, но размещаю»: родители детей в меньшей степени участвуют в этом процессе, нежели респонденты без детей (53% – к 47% и 11% – к 15% соответственно).

Анализ результатов исследования показывает, что каждый третий респондент создает и распространяет цифровую культурную продукцию и наиболее активны в этом представители женского пола, в возрасте до 34 лет, не имеющие детей, со средним профессиональным образованием, причем совершенно не обязательно работающие в сфере культуры. Учитывая возраст активных респондентов и развивающиеся технологии по изготовлению цифровой продукции без особых навыков и образования, предположим, что в дальнейшем доля активных участников будет только увеличиваться. Увеличение количества традиционных каналов культурной коммуникации, имеющих в Интернет-пространстве с расширенными функциями и услугами, до этого ими не предоставляемых, стало вынужденным ходом в ответ на активное продвижение своего культурного контент-материала физическими лицами и их переход из обычных потребителей в ряды коммуникационного канала. В рамках Национального проекта «Культура», придерживаясь конкретной стратегии, коммуникатор – государство со своей стороны на системной основе приступило к масштабной реализации задач по цифровизации сферы культуры.

Все это раскрывается на следующем – пятом этапе (начало 20-х годов XXI века), который нацеливает на решение 2 основных задач: укрепление «тактического» звена (регионального, муниципального) для цифровизации данных в сфере культуры и наращивание компетенций в использовании информационных технологий всеми субъектами процесса управления сферой культуры. Умение применения цифровых технологий участниками процесса управления сферой культуры, виды задействованных технологий, процессов, типы возникающих культурных форм и виды опыта, которые влечет за собой цифровая культура (по М. Кастельсу)³²², – все это требует сокращения двух

³²² Фирсова С.В., Данилина О.М., Дашков А.А., Показаньев В.Ю. Культура как атрибут цифровой трансформации//Цифровая социология. – 2021. – Т. 4. – №1. – С.7.

составляющих цифрового разрыва: первого – технологического, и второго – компетентностного; т. е. в сфере культуры необходимо будет одновременно решать две задачи – преодоление цифрового разрыва и первого, и второго уровней. Можем отметить, что с начала XXI века стали появляться труды о цифровом разрыве второго уровня как одном из критериев социально-экономического развития общества, связанного, по мнению исследователей, «с возможностями, которые предоставляет выход в сеть, и тем, каким образом эти возможности используются»³²³.

Как известно, в классической науке определены 4 вида фрустраторов: физические, психологические, биологические и социальные³²⁴. Полагаем, что в связи с произошедшими изменениями в самом обществе за последние 30 – 40 лет в этот ряд можно ставить и цифровые фрустраторы. Можем говорить о том, что цифровые разрывы, особенно второго уровня и особенно в культурно-духовной сфере, являются новым типом фрустраторов, ибо «выйдя за рамки трансформации и оптимизации бизнес-процессов, цифровизация стала оказывать влияние на все сферы современного общества, включая образовательные и культурные ее составляющие... Цифровизация давно перестала быть далеким будущим, ее влияние и последствия простой обыватель наблюдает и ощущает во всех сферах своей жизни – от современной школы, рабочего места, форм и видов потребления до собственного бытового окружения, способов времяпрепровождения и межличностного общения».³²⁵ Отметим, что под фрустрацией мы понимаем состояние человека, вызываемое объективно непреодолимыми трудностями, возникающими на пути к достижению цели, а необходимыми признаками фрустрирующей ситуации – «наличие сильной мотивированности достичь цель и преграды, препятствующей этому достижению»³²⁶.

³²³ Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. – №1. – С. 108-120.

³²⁴ Ф.Е. Василюк. Психология переживания. – Издательство Московского университета. – Москва, 1984. – 200 с.

³²⁵ Кузнецова Ю.М., Курузов И.А., Смирнов И.В., Станкевич М.А., Старостина Е.В., Чудова Н.В. Текстовые проявления фрустрированности пользователя социальных сетей // Медиалингвистика. – 2020. – №7 (1). – С. 4–15. URL: <https://medialing.ru/tekstovye-proyavleniya-frustrirovannosti-polzovatelya-socialnyh-setej/> (дата обращения: 22.07.2022).

³²⁶ <https://psychologos.ru/articles/view/problema-kriticheskoy-situacii>

Изначально к цифровым технологиям многие относятся с некоей опаской, пытаясь предостерегать себя от всякого общения в виртуальном пространстве. Некоторые до сих пор пренебрегают возможностями банковских карт, ограничиваясь оплатой за наличный расчет, и тешат себя оправданием уязвимостью и незащищенностью в Интернет-пространстве. Другие не стремятся стать активными пользователями цифровых технологий из-за боязни выявления у них отсутствия соответствующих компетенций перед окружающими. Третьи считают себя бессильными перед искусственным интеллектом, испытывая страх, подкрепленный всякого рода фэнтези- и хоррор-фильмами. Есть и группа людей, которые при существующей необходимости не могут получить ИТ-навыки. Перечисленные первые три варианта цифровых фрустраторов обладают выраженной эпистемологической принадлежностью к психологическому направлению анализа и должны концептуализироваться именно в этом теоретическом контексте, фокусируясь на индивидуальных когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакциях субъектов на цифровые трансформации. В противоположность этому, устранение цифрового разрыва второго уровня, особенно в институциональных сферах культуры и образования, относится к категории управленческих проблем.

Несмотря на постоянную дискуссионную активность на круглых столах и научных конференциях, а также рефлексию данных идей в академических докладах и концептуальных разработках, рудименты «индустриального сознания» демонстрируют удивительную устойчивость и персистенцию в глубинных структурах российского общества. Российский социум продолжает оставаться в значительной степени дистанцированным от полного осознания фундаментального тезиса о том, что «в настоящее время лидерами в мире стали страны, которые научились лучше других формировать и использовать знания, умения, компетенции людей, их способности к дальнейшему обучению и сложноорганизованной совместной деятельности»³²⁷, что отражает глубокий

³²⁷ Ильинский И.М. Образовательная революция. – М.: Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2002. – 591 с.

парадигмальный разрыв между индустриальной и постиндустриальной логиками социального развития.

Подготовка высококлассного специалиста на образовательной платформе, укорененной в индустриальном типе развития и соответствующих ему эпистемологических предпосылках, в современных социокультурных, технологических и экономических условиях становится не только неэффективной, но и принципиально невозможной априори. Более того, необходимые трансформации в архитектонике образовательного процесса должны затрагивать не только его профессиональную составляющую – как в аспекте содержательного наполнения, так и в отношении технологий образовательного процесса – но и фундаментально пересматривать освоение общекультурных компетенций. Именно общее развитие личности, ее ценностные ориентации, критическое мышление и социокультурная рефлексивность определяют подлинный уровень развития современного специалиста в условиях сложности и неопределенности. Ведь «какой бы технологической оснащенности не достигла система образования, на уровне смысло-жизненных установок личности, включающих, безусловно, получение профессиональных умений и на их основе профессионально-творческих достижений, образование будет нуждаться в мудром учителе, обладающем духовным опытом и культурой разума, и, конечно, в вопрошающем, внимающем ученике, который вступает в диалог с ним»³²⁸. Компетенции и навыки образуют тот самый человеческий капитал, без которого невозможна продуктивная производственная и инновационная деятельность, обеспечивающая прогресс общества³²⁹. Однако в современном контексте концепция человеческого капитала требует переосмысления: она должна включать не только узкопрофессиональные компетенции, но и комплексные социокультурные способности, такие как критическое мышление,

³²⁸ Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики / под ред. Я. И. Кузьмина, И. Д. Фрумина; Центр стратегических разработок; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2018. – 106 с.

³²⁹ Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие [Текст]: тез. докл. / Бирюкова С. С. и др.; под ред. Я. И. Кузьмина, Л. Н. Овчаровой, Л. И. Яковсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 64 с.

этическая рефлексия, межкультурная коммуникация, адаптационная гибкость и способность к непрерывному обучению. Эта расширенная концепция человеческого капитала становится мета-концепцией, объясняющей механизмы социального прогресса в условиях цифровых трансформаций и глобальной неопределенности.

Как отмечают авторы, «вопросы цифровизации сферы культуры «носят междисциплинарный характер», и представители разных наук посвящают этой проблематике свои труды³³⁰. И то, что на первом месте находятся научные работы по педагогике (рисунок 19), это далеко не случайность, потому что на сегодняшнем этапе развития социума, в том числе в части цифровой трансформации его сфер жизнедеятельности, именно вопросы компетентности и грамотности выходят на первый план, ибо, как показали в т.ч. и наши исследования, вопросы технологического плана последовательно решаются.

№	Тематическая рубрика	Статей	
1	Народное образование. Педагогика	270	
2	Культура. Культурология	200	
3	Экономика. Экономические науки	191	
4	Философия	80	
5	Искусство. Искусствоведение	72	
6	Социология	49	
7	Государство и право. Юридические науки	35	
8	Общественные науки в целом	25	
9	Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации	23	
10	История. Исторические науки	18	

Рисунок 19 – Тематическая рубрика научных (цит. по: Шунков А.В., 2024)

При непосредственном руководстве автора научным коллективом ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы» с 2021 года ведется проект, направленный на создание инструментария по преодолению цифрового разрыва второго уровня –

³³⁰ Шунков А.В., Тараненко Л.Г., Дворовенко О.В. Феномен цифровизации культуры и искусства в России // Мир русскоговорящих стран. – 2024. – №2. – С.112. https://mir.yspu.org/wp-content/uploads/sites/21/2024/07/MIR_2024_105-128.pdf

разработка региональной модели управления качеством образования на основе выявления профессиональных дефицитов, обеспечивающая непрерывное развитие профессиональных компетенций³³¹. Проведенный анализ российского и международного опытов управления качеством образования на основе моделей и механизмов независимой оценки позволяет сделать вывод, что оно в основном зависит от компетенций учителей – непосредственного деятельного субъекта образовательного процесса. Именно поэтому на первом этапе исследования в качестве объекта были выбраны педагогические работники. Однако предложенная методика позволяет перенести реализацию модели практически на любую сферу жизнедеятельности общества, в том числе и на сферу культуры. Разработка механизмов выявления профессиональных дефицитов и сопровождение индивидуальной образовательной траектории участников процесса является одним из основных направлений в т. ч. по сокращению цифрового разрыва второго уровня. Заметим, что под профессиональными дефицитами в контексте данного исследования понимается отсутствие или недостаточное развитие профессиональных компетенций субъектов управления, вызывающее типичные затруднения в выполнении тех или иных трудовых функций.³³²

Теоретический анализ проблемы и апробация проекта в 8 регионах России дали возможность определить следующие основные направления использования результатов модели³³³:

1. Оценка профессиональных компетенций субъектов управления, направленных на выявление профессиональных дефицитов, с дальнейшим выстраиванием индивидуального образовательного маршрута и формированием объективной картины состояния уровня компетентности участников процесса.
2. Совершенствование программ повышения квалификации и

³³¹ КПО 24

³³² Более подробно см. Сагитов С.Т., Дорофеев А.В., Мустаев А.Ф., Калимуллина Г.И. Структурно-функциональная модель единого образовательного пространства развития образовательных компетенций педагога // Педагогика и просвещение. – 2022. – № 1. – С.103-115.

³³³ Сагитов С.Т. Управление сферой культуры: социологический анализ – М.: Наука, 2022 – С. 164-182.

профессиональной переподготовки на основе объективных данных об уровне профессиональной компетентности субъектов управления, с формированием актуальных направлений взаимодействия между ними в целях сокращения профессиональных дефицитов и ликвидации цифрового разрыва второго уровня.

3. Мгновенная автоматическая обработка данных с дальнейшим предложением компетентностного роста для каждого участника процесса в целях ликвидации цифрового разрыва второго уровня с учетом персонализированного подхода.

4. Возможность организации индивидуального подхода к различным участникам процесса управления сферой культуры: потребителям, коммуникаторам, коммуникационным каналам, – причем наличие обратной связи и влияние социальных и индивидуальных фильтров гарантировано.

Даже пилотажные исследования показали, что результаты исследования представляют серьезный интерес и уже используются:

- органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими управление в сфере культуры и образования, для совершенствования системы аттестации педагогических работников и разработки единых подходов к оценке эффективности их деятельности;
- реализующими образовательные программы высшего образования для совершенствования образовательных программ с учетом выявленных профессиональных дефицитов и организациями, осуществляющими повышение квалификации, для совершенствования системы и разработки адресных программ дополнительного профессионального образования на основе объективных данных об уровне профессиональной компетентности слушателей;
- научными организациями, социологическими исследовательскими институтами и группами для получения и обновления методологии количественных исследований, получения объективной количественной базы, результатов исследования, для развития прикладной и теоретической науки в данных областях.

Реализация модели предполагает проведение на первом этапе стратегических исследований в контексте диагностики профессиональных дефицитов, обработку статистических данных и аналитическое описание результатов, так как выстраивание стратегии развития в целом невозможно без организации исследовательской деятельности в области развития профессионального мастерства участников процесса. Итогом служит формирование единого фонда контрольно-оценочных материалов и электронной базы профдефицитов каждого участника и планирование его точек роста. На втором этапе реализуется анализ запросов субъектов управления и проведение соответствующей диагностики, с проектированием карты компетенций на основе матрицы знаний, умений и ценностных установок; первичная диагностика имеющихся компетенций на основе единого фонда оценочных материалов; проведение анализа карты компетенций с результатами диагностики для определения целей обучения. Следующий этап предполагает построение индивидуальной образовательной траектории для участников процесса и как результат – персонифицированная ликвидация выявленных разрывов, в т. ч. цифровых и второго уровня, и устойчивый рост профессиональных компетенций; разработку эксклюзивных образовательных модулей для организации горизонтального обучения по технологии peer-to-peer, стажировок, наставничества и обмена лучшими практиками. В блоке высокотехнологичных средств обучения регулируется выбор такой образовательной среды, которая наиболее приемлема и удобна для каждого участника: это могут быть и оффлайн-среда с традиционными формами обучения, и онлайн-платформа, и, конечно, комбинированная образовательная среда. Ведущая роль в повышении профессионального мастерства и развитии необходимых компетенций отведена электронно-образовательной платформе. Таким образом, управление качеством образования на основе структурно-функциональной модели единого образовательного пространства предусматривает:

- диагностику профессиональных дефицитов субъектов управления для выявления проблемных зон профессионального развития;

- формирование карты профдефицитов и выявление точек роста каждого участника;
- разработку эксклюзивных образовательных мероприятий для устранения выявленных профессиональных дефицитов;
- построение индивидуальной образовательной траектории на основе эксклюзивных образовательных мероприятий;
- повторную диагностику для определения динамики его профессионального развития и эффективности образовательных мероприятий.

Для оценки итогов выполнения диагностического исследования разработана пятиуровневая таксономия сформированности компетенций, основанная на критериально-ориентированном подходе и определяемая по общему количеству баллов, набранному участником. Уровень компетенций классифицируется как низкий при результатах менее 30% от максимально возможного балла, что свидетельствует о фундаментальных профессиональных дефицитах; удовлетворительный – от 30% до 59%, указывающий на наличие базовых, но недостаточно развитых компетенций; базовый – от 60-69%, отражающий минимально необходимый уровень профессиональной подготовки; повышенный – от 70: до 79% процентов, демонстрирующий уверенное владение профессиональными компетенциями; и высокий – свыше 80%, характеризующий экспертный уровень профессионального мастерства³³⁴.

Результаты выполнения диагностической работы обладают значительным праксиологическим потенциалом, позволяя осуществлять переход от констатации профессиональных дефицитов к построению индивидуальных образовательных траекторий учителя. Этот переход способствует трансформации системы повышения квалификации от унифицированных, массовых программ к адресным, персонализированным интервенциям. Кроме того, диагностические данные предоставляют эмпирическую основу для актуализации профессиональных основных образовательных программ высшего образования, требуя пересмотра содержания, технологий и инструментария оценки компетенций в соответствии с

³³⁴ ОУКО 22

выявленными профессиональными дефицитами. Потребителями результатов оценки компетенций могут выступать все социальные акторы, вовлеченные в экосистему: коммуникаторы (государственные органы управления образованием), разнообразные коммуникационные каналы (образовательные учреждения, методические службы), и конечные потребители (учителя, учащиеся, родители). При этом модель предполагает гарантированное наличие обратной связи и учет влияния социальных и индивидуальных фильтров, что обеспечивает циркуляцию информации в образовательной системе. Цифровая поддержка программы позволяет осуществлять моментальную обработку больших массивов информации, создавая условия для оперативного принятия управленческих решений.

Каждый вариант диагностической работы представляет собой сложную архитектурную конструкцию, состоящую из восемнадцати заданий, организованных в две взаимодополняющие части. Первая часть включает десять заданий в тестовой форме, направленных на оценку предметных компетенций и выявление профессиональных дефицитов в конкретной предметной области. Вторая часть содержит восемь методических задач, представленных в форме тестовых заданий различных видов, предназначенных для оценки методических компетенций учителя, соответствующих требованиям профессионального стандарта.

Методические задания организованы в три блока, соответствующие основным компонентам процесса обучения в рамках системно-деятельностного подхода. Блок «Целеполагание» (определение целей, задач, образовательных результатов) включает два задания, направленных на оценку способности учителя формулировать образовательные цели в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов. Блок «Обучение» (формы, методы, приемы, технологии, средства, индивидуализация обучения) содержит четыре задания, из которых два оценивают базовые методические компетенции, одно – информационно-коммуникационные технологические компетенции, и одно – компетенции, необходимые для организации обучения лиц

с ограниченными возможностями здоровья. Блок «Оценка и контроль» (критериальное оценивание, формы и виды контроля) включает два задания, оценивающие способность учителя осуществлять объективную оценку образовательных результатов.

Ниже приведем данные наших исследований за последние 3 года, которые наглядно демонстрируют те разрывы второго уровня, которые требуются для восполнения учителями наиболее интересующих нас предметов – «Музыка» и «Изобразительное искусство» – общеобразовательных школ 8 регионов России. Было охвачено более 4200 учителей из общеобразовательных школ восьми регионов Российской Федерации. Исследование было направлено на выявление предметных и методических профессиональных дефицитов учительского состава. Методологически важно отметить, что если предметная область является уникальной для каждого учителя-предметника, то методическая составляющая профессиональной подготовки обладает универсальным характером для всех педагогических работников. В методической области исследование фокусировалось на оценке пяти ключевых компетенций: способности к оценке образовательных результатов; понимания особенностей взаимодействия с ребенком с ограниченными возможностями здоровья; владения информационно-коммуникационными технологическими компетенциями; знания базовых основ методики преподавания; умения осуществлять постановку целей и задач обучения. Эта пятикомпонентная модель образует интегральный показатель методической готовности учителя.

Анализ результатов диагностики выявил дифференцированную картину профессиональных компетенций учителей. Процент выполнения заданий – доля среднего балла по всей выборке от максимального балла – демонстрирует неоднородное распределение: по третьему, четвертому и пятому показателям он превышает пятидесятипроцентный барьер и находится в среднем на уровне 69%, тогда как по первым двум – опускается до уровня 29%. Эта диспропорция указывает на структурные проблемы в системе профессиональной подготовки учителей.

Более подробно мы разберем эти показатели и реализацию данной модели ликвидации разрывов второго уровня, в т. ч. цифрового, в следующих параграфах, здесь же хотелось привести лишь сравнение с общеучительскими данными результаты мониторинга учителей эстетического направления (Рисунок 20).

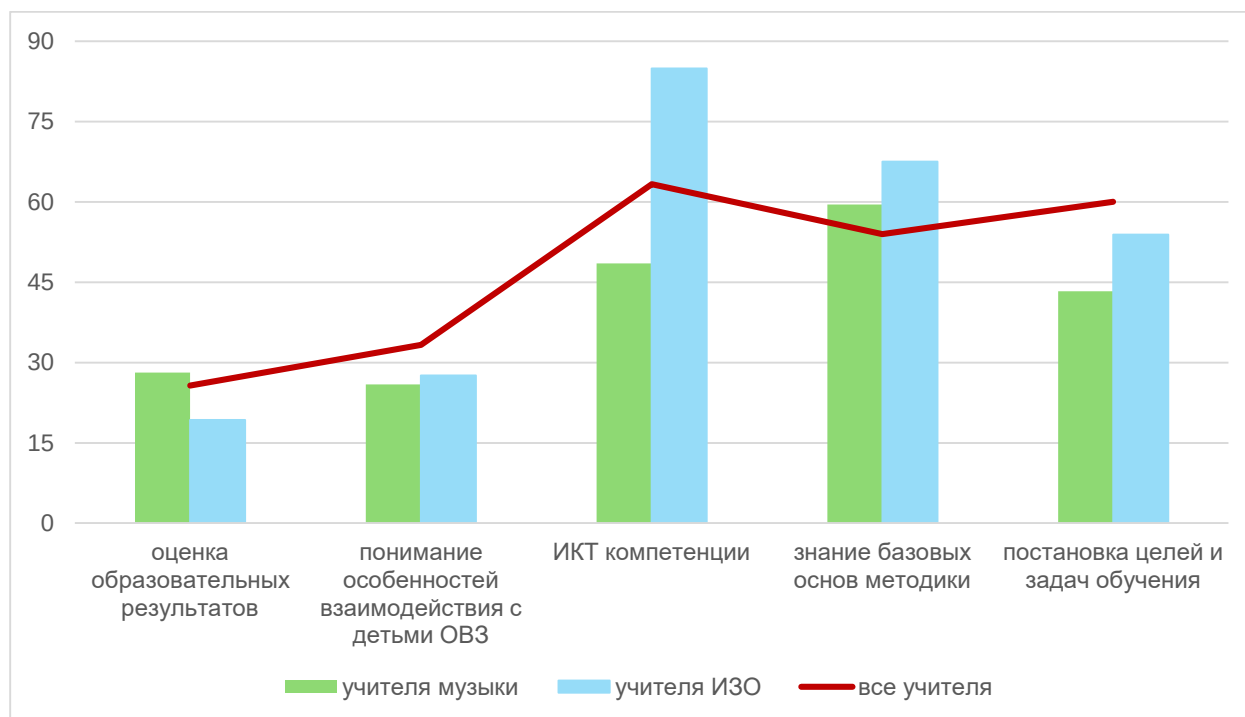

Рисунок 20 – Результаты мониторинга компетенций у учителей

Сравнительный анализ данных мониторинга учителей эстетического направления выявил специфические паттерны профессиональных компетенций. Из пяти оцениваемых категорий лишь знание базовых основ методики превышает средний показатель у учителей музыки и изобразительного искусства. В двух дополнительных показателях превышение среднего демонстрируют учителя одного из предметов: по оценке образовательных результатов – учителя музыки (28,1 против среднего 25,7), по информационно-коммуникационным технологическим компетенциям – учителя изобразительного искусства. Направления, связанные с постановкой целей и задач обучения и особенно работой с детьми с ограниченными возможностями здоровья, вызывают у учителей значительные затруднения.

Настоящий параграф посвящен проблематике цифровизации сферы культуры, где центральной проблемой идентифицирован цифровой разрыв второго уровня – системная недостаточность информационно-коммуникационных технологических компетенций у большинства участников культурно-образовательного процесса. Поскольку педагогические кадры, включая преподавателей эстетического цикла, являются не только деятельными субъектами культурного пространства, но и агентами первичной социализации, их информационно-коммуникационная компетентность приобретает стратегическое значение для культурного воспроизводства общества.

Среди всех учителей средний балл по информационно-коммуникационным технологическим компетенциям составляет 63,3%. Однако распределение этого показателя демонстрирует значительную межпредметную вариативность. Учителя изобразительного искусства показывают значительно более высокие результаты – практически 85%, хотя 30% из них демонстрируют результаты ниже среднего по данной категории. Ситуация с учителями музыки является критической: средний балл составляет лишь 49%, при этом доля учителей музыки с результатами ниже среднего превышает 80%. Эта диспропорция явно указывает на наличие цифрового разрыва второго уровня в музыкальном образовании (рисунок 21).

Учитывая, что современные школьники обладают продвинутыми информационно-коммуникационными технологическими компетенциями и демонстрируют повышенный спрос на цифровой контент, можно предположить, что уроки музыки в школе не вызывают достаточного интереса со стороны учеников. Этот вывод становится особенно значимым в контексте результатов предметного мониторинга, который показывает, что средний балл учителей музыки по всем десяти предметным компетенциям колеблется от 59% (тема «Жизненный и творческий путь русских композиторов») до 82% (тема «Знание основных понятий средств музыкальной выразительности»).

Рисунок 21 – Средний балл учителей по отдельным компетенциям

Ликвидация цифрового разрыва у учителей музыки в сочетании с существующей предметной компетенцией могла бы привести к значительному усилению эффекта в деле привития первичных музыкальных знаний и ценностей подрастающему поколению. Что касается учителей изобразительного искусства, то анализ семи предметных компетенций выявил следующее распределение: две компетенции на уровне 97%, еще две – 89%, одна превысила 75%, и минимальные показатели по двум тематикам – 63% (тема «Общие сведения о декоративно-прикладном искусстве») и 53% (тема «Многообразие предметного мира, создаваемого человеком. Архитектура и дизайн»). Согласно данным нашего мониторинга, учителя изобразительного искусства демонстрируют более продвинутый уровень как в методической, так и в предметной компетенциях. Этот вывод приобретает особую социологическую значимость в контексте того, что большинство людей в повседневной жизни сталкивается преимущественно с музыкальной культурной продукцией, особенно в ее цифровых формах. Учитывая, что в проведенном нами трендовом социологическом исследовании большинство респондентов отводят сфере культуры ведущую роль в организации жизни общества, значение школьных уроков музыки и изобразительного

искусства, которые посещает все подрастающее поколение страны, невозможно переоценить.

Современные социокультурные реалии, описываемые в терминах «смена технологических укладов», «фазовый переход», «антропологическая революция», убедительно демонстрируют, что одним из ведущих исторических факторов развития общества является возрастание роли человеческого капитала, понимаемого как интегральный ресурс науки, культуры и образования. В российском обществе концепция человеческого капитала как значимого фактора развития социума начала обсуждаться относительно недавно несмотря на то, что фундаментальные работы американских экономистов Теодора Шульца («Теория человеческого капитала») и Гэри Беккера («Человеческий капитал: теоретический анализ») были опубликованы более шестидесяти лет назад. Под человеческим капиталом в современном понимании подразумеваются знания, умения и установки, позволяющие индивиду создавать доход и другие полезные эффекты, превосходящие первоначальные инвестиции и текущие затраты, для себя, работодателя и общества в целом³³⁵. Именно во второй половине XX века сформировалась теория постиндустриального общества, которое базируется не на промышленном производстве, а на теоретических знаниях, и в котором главным структурным элементом становятся университеты как центры производства и накопления знаний.

Ориентация на человеческий капитал в принятии управленческих решений может рассматриваться как индикатор культуры управления на современном этапе развития российского общества. Проблемы развития человеческого капитала требуют системного анализа и оценки имеющегося созидательного потенциала, меняющихся потребностей, выбора эффективных технологий, составляющих основу для практических действий в интересах развития социальных систем. К сожалению, практика показывает, что данный подход далеко не всегда является приоритетным в работе организаций и учреждений

³³⁵ Воронин С.А. Ключевые проблемы современного образования и пути выхода из кризиса // Профессорский журнал. – 2017. – Пилотный выпуск. – С. 32-39

нашей страны, которые преимущественно ориентированы на краткосрочное извлечение прибыли. Поэтому полного осознания того, что образование специалиста и его профессиональная квалификация являются такими же определяющими факторами в постиндустриальном обществе, как материальные ресурсы в индустриальную эпоху, в российском социуме пока не произошло.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Цифровизация сферы культуры, вопросы развития которой находят отражение во всех стратегических документах, касающихся развития страны, в настоящее время находится на пятом этапе своего развития, начало которой можно отнести к 90-м годам XX века. Рассматривая управление сферой культуры в нашей парадигме как процесс массовой коммуникации, отметим, что несмотря на то, что уже на первых этапах была сформирована структура участников – потребители, коммуникатор (государства) и коммуникационные каналы (учреждения культуры и технологические структуры), процессы цифровизации проходили хаотично, и, по сути, каждый участник данного процесса действовал самостоятельно и без определенного плана развития. Третий и четвертый этапы характеризуют два важных момента: увеличение влияния коммуникатора с внедрением программно-проектного подхода и начало применения субъект-субъектного подхода, когда уже все участники начали выступать в роли равноправного участника процесса управления сферой культуры, а коммуникатор – государство приступило к масштабной реализации задач по цифровизации сферы культуры на системной основе и с конкретной стратегией, в рамках Национального проекта «Культура» на целевом (федеральном) уровне.

Начавшийся пятый этап цифровизации в сфере культуры предполагает решение вопросов по усилению «тактического» звена (регионального) в проведении технологической цифровизации и расширения знаний в сфере информационных технологий всех субъектов процесса управления сферой культуры. Это требует совершенно иного качественного развития от его участников для получения максимального эффекта в принятии и реализации управленческих решений. Следует учитывать, что еще вчерашние

опосредованные субъекты становятся деятельными при создании соответствующих условий по наращиванию компетенций в использовании информационных технологий в процессе управления сферой культуры. В ином случае может сложиться ситуация цифровой фрустрации, которые являются новым типом фрустраторов, наряду с физическими, биологическими, психологическими и социальными.

2. Понимая, что цифровизация стала оказывать влияние на все сферы современного общества, включая образовательные и культурные ее составляющие, считаем необходимым условием внедрение инструментария по преодолению цифровых фрустраторов в управленческие практики регионального уровня. Прототип данной модели был разработан и внедрен научным коллективом во главе с автором в виде региональной модели повышения компетенций субъектов управления на основе выявления профессиональных дефицитов. Апробация модели, реализованной в сфере образования, показала, что предложенная методика позволяет перенести ее на сферу культуры, что позволит выработать механизмы выявления профессиональных дефицитов и сопровождение индивидуальной образовательной траектории субъектов процесса управления сферой культуры в т. ч. по сокращению цифрового разрыва второго уровня.

3. Анализ результатов трендового социологического исследования позволил сделать вывод, что значительное большинство населения пользуется в повседневной жизни цифровыми продуктами (95%), а 30% сами создают цифровой культурный контент. Данная ситуация вносит коррективы и в структуру участников процесса управления сферой культуры, когда потребитель как субъект управления в определенные моменты становится коммуникационным каналом. Для принятия своевременных управленческих решений необходимо выявлять значимые зависимости, влияющие на поведение участников процесса управления сферой культуры. В настоящее время, как выявили результаты исследования, таковыми являются возраст, уровень образования респондентов и наличие у них детей.

4. Таким образом, можно сделать вывод, что современный пятый этап цифровизации сферы культуры характеризуется началом ее программной реализации на тактическом (региональном) уровне, чего до этого не было, и выравниванием значения каждого субъекта управления, что требует от всех ее участников соответствующих компетенций.

3.3 Теоретико-методологический конструкт управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровизации

Анализируя хронологию промышленных революций, становится очевидной их связь с ключевыми культурными эпохами: первая революция совпала с эпохой Просвещения, вторая – с активным развитием научных изысканий, третья – с расцветом массовой культуры. В настоящее время мы являемся свидетелями и участниками начала формирования новой культуры постиндустриального типа. Существуют мнения, что уже к середине XXI века цивилизация достигнет такого уровня развития, когда смена технологических укладов утратит свое значение³³⁶. Это утверждение, безусловно, вызывает дискуссии, но нельзя отрицать его основания. Для нас в большей степени вопрос заключается в том, сможет ли культура адаптироваться к столь стремительному прогрессу и какова будет роль сферы культуры при новом укладе: будет ли она определяющей для развития всего или сведена до статуса «организации развлечений»?

Мы обращаемся к этим вопросам, потому что сегодня искусственный интеллект самостоятельно может переводить с одного языка на другой в режиме реального говорения, навигационные приложения оптимизируют маршруты даже в незнакомых территориальных образованиях, программы подбирают для каждого конкретного человека торговые предложения и подборку новостей³³⁷ и т.д., и т.п. Люди сами стремятся к тому, чтобы традиционно выполняемую ими работу за них претворяла в жизнь «умная машина». Вместе с тем, с учетом того,

³³⁶ Контуры современной реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего/ под ред. В.В.Иванова, Г.Г.Малинецкого, С.Н.Сиренко. – М.: Леланд, 2018. – 339 с.

³³⁷ Костина С.Н., Кузьмин А.И., Банных Г.А., Забонова Е.Н. Массовые коммуникации и особенности потребления информации населением Свердловской области // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С.83-90. DOI 10.31857/S013216250000763-2

что техника и технологии являются неотъемлемым, но структурным элементом в процессе жизнедеятельности социума, она не может быть где-то над обществом. Это его часть, равно как и сфера культуры, которая не может оставаться в стороне протекающих переходных процессов. Цикл «технологии – культура – технологии» будет определять развитие общества всегда, так как любые технологические и экономические изменения требуют осмысления и адаптации в общественном сознании. Более того, технологии не могут развиваться только ради самих технологий. Все технические достижения будут инструментами для культурного и духовного роста общества и далее являются продуктами культурного и духовного роста. Иное же может привести к отставанию деградации социума.

Внедрение цифровых технологий становится неотъемлемой частью современной реальности, но нельзя допускать применения технологий исключительно ради самого факта их использования. Как отмечается, «для технократического мышления не существует категории нравственности, совести, человеческого переживания и достоинства»³³⁸, оно лишено гуманистической базы. Эти риски нельзя игнорировать, но, если подойти к проблеме осмысленно, новая технологическая эпоха «может служить катализатором нового культурного ренессанса, который позволит нам почувствовать себя частью глобальной цивилизации»³³⁹. В то же время очевидна указанная ранее взаимосвязь между развитием культуры и технологиями: устойчивый прогресс технической эры возможен только при параллельном росте фундаментальных культурных ценностей. Для этого жизненно важно найти равновесие между адаптацией к будущим реалиям и сохранением традиционных основ общества – таких как семья, личность и солидарность. Эти размышления перекликаются с идеями академика С.П. Капицы, который предупреждал о необходимости выбора между двумя моделями дальнейшего развития человечества в условиях демографических изменений – либо упадка через деградацию социальных процессов, либо

³³⁸ Зинченко В.П. Человеческий интеллект и технократическое мышление // Коммунист. – 1988. – №3. – С. 96-104.

³³⁹ Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с английского / Клас Шваб. – Москва: Издательство «Э», 2018. – 208 с.

качественного обновления жизни с акцентом на развитие науки, образования и культуры³⁴⁰. Возможно, грядущие достижения Четвертой промышленной революции обеспечат новый уровень благосостояния, если эти технологии будут подкреплены духовным ростом и базироваться на принципах ценностно-ориентированного подхода. Сегодня мы наблюдаем новый этап взаимодействия человека с искусственным интеллектом. В этих условиях исключительно важно, кто все субъекты управления, все кто «причастен к принятию решений, затрагивающих интересы большего числа людей и всего человечества, не были технократами... они должны быть широко образованными, высококультурными, воспитанными в духе гуманистических идеалов людьми»³⁴¹.

Поэтому резонно возникает вопрос об особенностях управления процессами, происходящими в сфере культуры, когда все его участники становятся субъектами управления. В отличие от недавнего прошлого сегодня индивидуализация ранее обозначавшихся как «объект управления» требует пересмотра подходов и методов в сам процесс управления. Благодаря технологиям и цифровизации огромное количество информации доставляется множеством каналов коммуникации миллиардам потребителей в короткие сроки. Обработка больших данных происходит одновременно как производителями, так и потребителями. Мы уже сами и достаточно давно пользуемся благами индивидуального подхода при приобретении большого количества товаров и услуг. Однако в духовной сфере, особенно в культуре и образовании, создание индивидуальных процессов без потери качества представляет собой сложную задачу, так как с одной стороны управление в сфере культуры не сводится лишь к количественным показателям, о чем мы писали ранее, с другой – уровень цифрового разрыва у каждого индивида свой. Если брать практически любую теорию мотивации, то цифровизация в духовной сфере способствует удовлетворению потребностей физического существования, но удовлетворить

³⁴⁰ Капица С.П. Модель роста населения земли и предвидимое будущее цивилизации [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/291/971/1219/2002n3p22-43.pdf>

³⁴¹ Мавлютов Р.Р. Высшая школа глазами ректора. – М.: изд-во МАИ, 1992. – 176 с.

социально-приобретенные потребности (которые создаются на эмоциональной основе) только в цифровом формате невозможно.

Исследования российских и зарубежных ученых представляют достаточно широкий спектр подходов к управлению социокультурной сферой, отражающих многоаспектность данной области. Так, ряд исследователей, изучая процессы управления в социокультурной сфере, выдвигает метод интегративного междисциплинарного поиска, состоящий из пяти компонентов: автоматизированная добыча информации, анализ социальных сетей, геопространственный анализ, моделирование сложности и агент-основанное моделирование³⁴². Данный подход, по мнению разработчиков, позволяет получать необходимую фактуру для соответствующего управленческого решения.

Можно выделить так называемый геокультурный матричный метод, который предлагает систематизацию знаний о культурном наследии для его сохранения и развития. Ключевая идея данного метода состоит в проведении структурного анализа и классификации объектов культурного и природного наследия, которые составляют материальную основу на уровне региона³⁴³. Метод ориентирован на учет уникальных характеристик этих объектов, а также на выявление закономерностей их распределения по территории России посредством использования культурометрических эквивалентов. Среди важных элементов подхода предполагается разработка цифровой платформы, которая обеспечивает интеграцию процессов сохранения наследия, его рационального использования и взаимодействия с внешними социокультурными системами. Однако, несмотря на концептуальную значимость метода, в нем отсутствуют четко прописанные инструменты для практической его реализации, а также недостаточно

³⁴² Cioffi-Revilla C. Computational Social Science // Wiley Interdisciplinary Reviews: Computational Statistics. – 2010. – Vol.2. – № 3. – PP. 259–271. – Computational Social Science. URL : <http://research.microsoft.com/en-us/groups/cssnyc/>

³⁴³ Путрик Ю.С. Геокультурный матричный подход к вопросам изучения формирования культурной среды малого города и сельского поселения // материалы Всероссийской научно-практической конференции «Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории». – М., 2020. – С.26-31; Нельзина О.Ю., Путрик Ю.С. Базовые компоненты геокультурной матрицы//Геокультурная матрица Российской Федерации как новый фактор и перспективный инструмент формирования общероссийской системы сохранения, изучения, популяризации и использования объектов культурного наследия: сборник научных докладов.– М.: Институт Наследия, 2022. – С. 18-21.

учитывается влияние управленческих решений социальных субъектов, действующих в сфере культуры.

Другие исследователи, сосредоточившиеся на изучении процессов управления в социокультурной сфере, предлагают метод интегративного междисциплинарного поиска, включающий пять ключевых компонентов: автоматизированный сбор информации, анализ социальных сетей, геопространственный анализ, моделирование сложных систем и агентное моделирование³⁴⁴. С точки зрения разработчиков, данный подход способствует формированию необходимой базы данных для принятия эффективных управленческих решений. Однако, как отмечается, при этом новые технологии могут усугубить отношения между различными социальными группами в первую очередь потому, что «как и во все моменты крупных технологических изменений, люди...чувствуя глубину изменений, не могут в них досконально разобраться и не понимают их последствий»³⁴⁵. Это, в свою очередь, может обострить социальные противоречия между различными группами населения и создавать дополнительные барьеры в процессе управления в изменяющихся условиях.

Для исследования управления сферой культуры как сложного феномена предлагается следующий теоретико-методологический конструкт, под которым понимается когнитивная модель рационально-проектного характера, задающая предметное поле научного исследования, подходы и методы решения научно-исследовательских задач. Учитывая, что управление сферой культуры затрагивает чрезвычайно широкое поле проблем, которые находятся в зоне интересов представителей множества самых разных наук, отметим, мы используем систему методов, понятий и категорий, постулатов и аксиом социологической науки, а в качестве основных направлений научного познания мы применяем несколько подходов.

³⁴⁴ Cioffi-Revilla C. Computational Social Science // Wiley Interdisciplinary Reviews: Computational Statistics. – 2010. – Vol.2. – № 3. – PP. 259–271. – Computational Social Science. URL : <http://research.microsoft.com/en-us/groups/cssnyc/>

³⁴⁵ Castells Manuel. The Impact of the Internet on Society: A Global Perspective [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.technologyreview.com/s/530566/the-impact-of-the-internet-on-society-a-global-perspective/> (дата обращения: 23.01.2024)

В анализе общественного развития мы являемся приверженцами социокультурного и институционального подходов, которые рассматривают социальную систему, в том числе и сферу культуры, как единое целое во временной динамике, а все элементы – как взаимосвязанные и взаимозависящие друг от друга.

Культура рассматривается нами в рамках социологической науки как выражающийся в общественных отношениях процесс, направленный на перманентное социальное эволюционирование, который касается человеческого творчества по усвоению, созданию, сохранению и распространению материальных и духовных ценностей и норм. При этом культура, имея внутренние законы развития и активно взаимодействуя с другими социальными процессами и явлениями, удовлетворяет потребности и интересы как отдельно взятой личности, так и социальных групп и социума в целом. Изучение культуры проводится нами на основе сферного подхода, при котором она является равнозначной к остальным сферам жизнедеятельности человека и имеет межотраслевой характер, а взаимоотношения ее участников строятся на субъектно-субъектном подходе.

Понимая под социальным институтом устойчивое, развивающееся социальное формообразование, которое регулирует деятельность людей, удовлетворяющих в процессе жизнедеятельности свои потребности в конкретно-исторических условиях функционирования, мы придерживаемся концепции социального конструирования, предложенной Питером Бергером и Томасом Лукманом. Эта концепция рассматривает институционализацию как совокупность процессов, включающих экстернализацию, объективацию, интернализацию и легитимацию. Согласно этому подходу, типизация так называемых привычных действий, составляющих основу институтов, становится понятной всем членам определенной социальной группы. Причем сам институт типизирует не только действия, но и участников процесса. Таким образом, принимая, что социальные институты составляют структуру сферы культуры, и на каждом конкретном историческом этапе функции каждого социального института можно ранжировать

на 3 категории (непосредственные, опосредованные, производные), можем говорить, что институты способствуют постоянному воспроизводству институционального порядка и созданию более сложной структуры социального мира, сами при этом изменяясь под воздействием и сферы культуры, и остальных сфер жизнедеятельности человека.

В рассмотрении управления сферой культуры мы применяем системный подход, ибо данный феномен обладает всеми свойствами сложных систем (имеется цель функционирования, структура, базовые элементы, наличие связей, соответствие принципам целостности, декомпозиции и синергетического эффекта) и структурно-функциональный подход с учетом того, что управление является системой непрерывных и взаимосвязанных действий его субъектов и объектов. При этом мы подчеркиваем, что считаем всех участников процесса равноправными независимо от своей позиции в системе социальной иерархии, а сам процесс рассматриваем с точки зрения субъектно-субъектного подхода.

При исследовании понятия регион мы исходим из комплексного подхода и рассмотрения его как части территории, обладающей совокупностью географических, социально-экономических, административных и культурно-антропологических признаков.

Комплексный междисциплинарный характер феномена управления сферой культуры детерминирует множественность его теоретико-методологических воззрений, концепций и обозначенных подходов. В этой связи большое значение приобретает определение структурных базовых понятий методологического конструкта научного исследования, позволяющих провести описание модели.

1. Сфера культуры – это социокоммуникативная система взаимодействия социальных акторов по поводу производства, распределения и потребления духовных ценностей, выражающаяся в достижениях науки, литературы, искусства и народного творчества.

2. Управление сферой культуры – социальный процесс, представляющий собой совокупный результат деятельности людей по поводу производства, распределения и потребления духовных ценностей в целях более полного

удовлетворения потребностей социальных институтов, социальных групп, личности и общества в целом в достижениях науки, литературы, искусства и народного творчества.

3. Цифровая трансформация в управлении сферой культуры – процесс, направленный на восполнение цифровых разрывов как первого уровня, носящего технологический характер, и второго уровня, требующего соответствия профессиональных компетенций субъектов управления.

На современном этапе развития технологий появилась возможность не только обрабатывать гигантские объемы данных, но и внедрять новые междисциплинарные методы их анализа. Этот прогресс обусловлен синтезом теорий из разных научных областей, что зачастую стало возможным только благодаря автоматизированным системам и алгоритмам. Цифровизация может ускорить процесс принятия решений и повысить эффективность управления за счет использования инновационных инструментов. Однако важно понимать, что «цифровизация – «это не автоматизация существующих экономических и управленческих процессов, а быстрая сопряженная эволюция управленческих процессов и соответствующих инструментов»³⁴⁶. Это требует самостоятельности и ответственности от всех участников процесса управления, а также умения учитывать мнения других сторон для формирования объективной картины происходящего.

Выше мы отмечали, что управление сферой культуры рассматривается нами как процесс массовой коммуникации, включающий три группы элементов:

- 1) предпосылки возникновения и характеристика культурной продукции;
- 2) субъекты управления сферой культуры;
- 3) система интерпретации культурных ценностей.

Заметим, что первая и третья группа элементов являются идентичными для всех уровней управления, ибо включают такие объективные понятия, как источник информации и культурная продукция (первая группа элементов), а

³⁴⁶ Кешелава Г.Б. Когда сознание определяет бытие На пороге «цифрового» будущего. Книга вторая [Электронный ресурс]. – URL: <http://digital-economy.ru/images/easyblogarticles/345/000>

также субъективные составляющие, как индивидуальные фильтры и обратная связь (третья группа элементов). Особенностью, которая определяет уровень управления – целевой, тактический или прикладной, – является структура субъектов управления, основанная на социально-профессиональной их классификации. Учитывая, что наша модель ориентирована на региональный (тактический) уровень управления, то, исходя из результатов проведенного трендового социологического исследования, описанного в параграфе 2.3., к субъектам мы относим потребителей, государственных чиновников (коммуникатор), творцов и служащих от культуры (коммуникационные каналы). Для рассмотрения указанных процессов на иных уровнях управления требуется определение субъектов управления, характерных для целевого (федерального) или прикладного (муниципального) уровней, что не является предметом нашего исследования. При этом перед тем, как перейти к описанию взаимодействия внутри региональной системы управления сферой культуры, отметим, что она и в целом, и каждый ее элемент, с одной стороны, подвергается воздействию с субъектами федерального уровня (например, выполняя поручения по цифровизации музейного фонда) и муниципального уровня (например, организация парковки вблизи театров), так и сама воздействует на них (например, обязуя муниципалитеты проводить культурные мероприятия к Дню башкирского языка или «выбивая» федеральные финансовые средства на строительство музыкальной школы для одаренных детей).

Таким образом, управление сферой культуры на региональном уровне как процесс массовой коммуникации, состоит из элементов, представленных в таблице 9.

Таблица 9 – Элементы процесса управления сферой культуры на региональном уровне

1.	Источник информации (далее – ИИ)	<i>предпосылки возникновения и характеристика культурной продукции</i>
2.	Культурная продукция (ПР);	
3.	Государственные чиновники (ГЧ);	<i>субъекты управления сферой культуры</i>
4.	Служащие от культуры (СК);	
5.	Творцы (Т);	

6.	Потребители (П);	
7.	Социальные и индивидуальные фильтры (Ф);	<i>система интерпретации культурных ценностей.</i>
8.	Обратная связь (ОС).	

Рассмотрение управления сферой культуры через призму массовой коммуникации показывает, что для повышения эффективности таких процессов, как планирование, анализ, контроль и изучение управленческих механизмов, а также для успешного достижения поставленных целей, рекомендуется использовать предложенную ниже матрицу. Заметим, что в настоящее время стал возможен анализ и обработка обширных массивов данных благодаря стремительному развитию цифровизации. Если в прошлом создание точного портрета потребителя представляло собой весьма сложную задачу из-за многообразия и латентности коммуникационных процессов, в которых они участвуют, то постоянное изменение предпочтений лишь усложняло эту задачу. В свою очередь, потребитель также получает возможность делать свой выбор, основываясь на индивидуальных характеристиках «коммуникатора». Нынешний этап развития характеризуется возможностью обработки колоссальных объемов данных, появлением новых научных методов, основанных на их анализе, и доминированием синтезирующих теорий, анализ которых невозможен «...ни в каком другом виде, кроме автоматизированного»³⁴⁷. Современные цифровые инструменты позволяют не только глубже изучить поведение людей, но и существенно повысить уровень персонализации подхода к анализу их запросов. Если ранее актуализация знаний о потребителях требовала регулярного проведения социологических исследований, то сегодня автоматизация процессов позволяет с легкостью раскрывать основные причины предпочтений или отказов от той или иной культурной продукции, экономя тем самым как время, так и ресурсы. Одновременно с этим у самих потребителей появляется возможность

³⁴⁷ Журавлева Е. Ю. Социология в сетевой среде: к цифровым социальным исследованиям // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 25-33

принимать более осознанные решения, опираясь на данные, соответствующие их индивидуальным характеристикам и предпочтениям.

В предлагаемой матрице (таблица 10) элементы коммуникационного процесса расположены на пересечении строк и столбцов, что позволяет наглядно отразить их взаимосвязи и облегчает применение на практике. Каждая ячейка предложенной таблицы представляет собой эпистемологическую точку пересечения ключевых элементов процесса массовой коммуникации, образуя сложную семиотическую матрицу, в которой категориальные оси соответствуют фундаментальным измерениям коммуникативного взаимодействия. Эта табличная репрезентация выполняет не только дескриптивную, но и аналитическую функцию, позволяя визуализировать структурные взаимосвязи между компонентами коммуникационной системы.

Таблица 10 – Управленческая матрица «Управление сферой культуры на региональном уровне»

	ИИ	ПР	ГЧ	СК	Т	П	Ф	ОС
ИИ	ИИ.1	ИИ.2	ИИ.3	ИИ.4	ИИ.5	ИИ.6	ИИ.7	ИИ.8
ПР	ПР.1	ПР.2	ПР.3	ПР.4	ПР.5	ПР.6	ПР.7	ПР.8
ГЧ	ГЧ.1	ГЧ.2	ГЧ.3	ГЧ.4	ГЧ.5	ГЧ.6	ГЧ.7	ГЧ.8
СК	СК.1	СК.2	СК.3	СК.4	СК.5	СК.6	СК.7	СК.8
Т	Т.1	Т.2	Т.3	Т.4	Т.5	Т.6	Т.7	Т.8
П	П.1	П.2	П.3	П.4	П.5	П.6	П.7	П.8
Ф	Ф.1	Ф.2	Ф.3	Ф.4	Ф.5	Ф.6	Ф.7	Ф.8
ОС	ОС.1	ОС.2	ОС.3	ОС.4	ОС.5	ОС.6	ОС.7	ОС.8

Всестороннее изучение данной табличной структуры способствует совершенствованию управленческих процессов посредством детального анализа трех ключевых элементов массовой коммуникации: коммуникаторов как субъектов, продуцирующих и транслирующие сообщения; потребителей как реципиентов и интерпретаторов коммуникативных актов; коммуникационных каналов как медиаторов, обеспечивающих передачу информации между

субъектами коммуникации. Выделение данных трех базовых компонентов массовой коммуникации обусловлено их фундаментальной значимостью в структуре социального взаимодействия и методологической возможностью рассматривать их в рамках социологического анализа с высокой степенью достоверности получаемых результатов. Каждый из этих компонентов представляет собой отдельный объект социологического исследования, обладающий специфическими характеристиками и функциями в системе массовой коммуникации. Трикомпонентная модель массовой коммуникации (коммуникатор – коммуникационный канал – потребитель) образует теоретико-методологический каркас для социологического анализа коммуникационных процессов. Интеграция этих трех аналитических перспектив обеспечивает комплексное понимание динамики массовой коммуникации в современном обществе.

Для эффективного принятия управленческих решений требуется тщательное исследование каждой отдельной ячейки представленного аналитического инструмента. Если ранее такой анализ представлял собой сложный, трудоемкий и финансово затратный процесс, то современные технологии обработки больших массивов данных посредством цифровых сетей и систем, включающих элементы искусственного интеллекта, существенно повысили его эффективность. Функционирование современных управленческих процессов трудно представить вне взаимодействия с такими инструментами, что делает их неотъемлемой частью любой аналитической структуры.

ИИ1: Источники информации – источники информации. Источники информации являются основой коммуникации в сфере культуры. Ячейка матрицы ИИ1 фокусируется на взаимодействиях между различными источниками культурно значимой информации. Комплексный количественный и качественный анализ спектра информационных источников, а также их взаимосвязей способствует формированию целостного представления об актуальном состоянии информационного поля и позволяет выявить:

- определения перечня источников информации и их территориального распределения;
- оценку количественных параметров источников (например, тираж, количество эфирных передач, уровень посещаемости, число пользователей и т.п.);
- взаимодействие между источниками информации, а также выявление элементов конкуренции;
- классификацию источников информации по содержательным аспектам и тематической направленности;
- нормативные основы, регулирующие деятельность данных источников информации.

Представление о состоянии «поля» информационных источников позволит в рамках управленческого процесса расставлять приоритеты и задавать вектор его развития. Например, представление о слабой конкурентоспособности Интернет-ресурсов, посвященных этнической культуре, может способствовать принятию решений о каких-либо предпочтениях или продвижении данного вида источника информации. Перспективным направлением анализа представляется также изучение потенциала интеграции различных видов источников информации в целях повышения их эффективности.

В рамках второго и третьего этапов нашего исследования респонденты отвечали на вопросы о ключевых каналах получения информации, о прошедших культурных событиях. По итогам второго этапа были выделены три наиболее популярные категории источников (предлагалось указать три варианта ответа): 1. Интернет – свыше 60% опрошенных; 2. Телевидение – 44%; 3. Личное общение со знакомыми – 19%. Следовательно, учреждениям сферы культуры в период 2016 – 2017 годов целесообразно было отдавать приоритет данным каналам для реализации стратегии привлечения целевой аудитории. При этом интернет-ресурсы и телевизионные платформы демонстрировали наилучшую результативность, значительно опережая остальные каналы. Такие средства, как радио, наружная реклама и печатные издания, каждый из которых набрал около 16% предпочтений среди респондентов, оказались менее эффективны. На третьем

этапе исследования наблюдались изменения не только в долях значимости каналов, но и в структуре самих категорий источников. Прежняя категория "Интернет" была заменена на более актуальные варианты: "новостные сайты", "форумы, блоги или социальные сети". Это позволило выделить обновленную тройку лидеров: новостные сайты и телевидение занимали по 53% выборов, а социальные сети привлекли 36% опрошенных. На основании полученных данных рекомендуется использовать эти каналы в стратегии распространения культурной информации на перспективный период 2025 года. Конечно, в данном случае был рассмотрен региональный аспект без разделения по месту проживания, возрастной категории культурной продукции и т. п., но он достаточно показателен, чтобы пояснить взаимодействие источников информации между собой.

ИИ2: Источник информации – продукция. В данном сегменте информационные источники выполняют роль инструмента для обмена и распространения культурной продукции. Этот процесс характеризуется измерением качественных и количественных величин контента. Особое внимание уделяется оценке ценности представляемой продукции и ее территориальному распределению. Среди практических приложений такого подхода выделяется разработка веб-ресурсов учреждений культуры, которые содержат детализированный перечень предлагаемой продукции, что способствует улучшению ее доступности для потребителей. Роль управления в данном аспекте заключается, на наш взгляд, в оптимизации доступа источника информации к средствам коммуникации.

ИИ3: Источники информации – государственные чиновники регионального уровня (далее – чиновники). Ячейка матрицы ИИ3 посвящена исследованию взаимодействий между информационными источниками и чиновниками. Здесь источники рассматриваются как объекты вовлеченности, при этом характер взаимодействий может быть взаимным, что усиливает связь данных компонентов в управлении социальной системой. Анализ этой области направлен на совершенствование взаимодействий чиновников с источниками информации

посредством соответствующих управленческих решений. Также необходимо представление о структуре взаимосвязей источников информации с коммуникатором, характере и содержании информации, идущей от источников информации к чиновникам. Управленческие решения в данном сегменте должны быть направлены на оптимизацию отношений источника информации с чиновниками. Как пример можно привести госзаказ со стороны регионального министерства культуры на постановку спектаклей, посвященных 80-летию Великой Победы.

ИИ4, ИИ5: Источник информации – служащие от культуры (далее – служащие), источник информации – творцы. Источник информации играет ключевую роль в коммуникационном процессе, служа неотъемлемым элементом для осуществления множества задач и функций. Одним из центральных аспектов является использование коммуникационных каналов, которые формируют основу деятельности источника, причем как в духовно-судебной ее составляющей (творцы), так и организационно-технической (служащие). Важно отметить, что набор этих каналов не является статичным; каждый из них обладает уникальными характеристиками, влияющими на эффективность передачи информации. Поэтому для оптимальной работы источнику информации требуется не только тщательно выбирать подходящие каналы, но и выстраивать эффективные отношения с каждым из них. Управление в данной сфере фокусируется на обеспечении доступа источника к этим каналам, что позволяет повысить результативность информационных потоков.

ИИ6: Источник информации – потребитель. Источник информации выполняет функцию, ориентированную на удовлетворение культурных потребностей потребителя, который выступает конечной точкой взаимодействия в цепи передачи данных. Однако управление в сфере культуры должно не только отвечать существующим запросам потребителей, но и стимулировать их развитие. Для принятия стратегических управленческих решений на данном этапе критически важным представляется комплексный анализ предпочтений различных социальных групп, направленный на достижение оптимального

баланса между удовлетворением интересов потребителя и выполнением социализирующей функции культуры. Этот аналитический процесс обладает двойственной эпистемологической значимостью: с одной стороны, он позволяет идентифицировать те социальные категории, которые в силу различных структурных, экономических, географических или социокультурных факторов испытывают систематические затруднения с доступом к важным информационным ресурсам; с другой стороны, он способствует выявлению и анализу существующих разногласий и диссонансов между источником информации и пользователем, что имеет фундаментальное значение для разработки эффективных коммуникационных стратегий. Результаты эмпирических социологических исследований демонстрируют, что менее активно учреждения культуры посещают женщины старшего возраста, проживающие в сельской местности, имеющие среднее образование, одинокие и бездетные. Эта социальная категория представляет собой специфический сегмент культурного потребления, характеризующийся комплексом взаимосвязанных факторов ограничения: возрастной (пожилой возраст), гендерный (женский пол), географический (сельская местность), образовательный (среднее образование), семейный (одиноким статус) и репродуктивный (бездетность). На основе таких социодемографических данных может быть организовано дополнительное углубленное изучение данной категории с применением качественных методов исследования (глубинные интервью, фокус-группы, включенное наблюдение), что позволит разработать конкретные, адресные меры для устранения выявленных социальных, экономических, инфраструктурных и психологических барьеров.

ИИ7: Источник информации – социальные фильтры. Анализ взаимосвязей в данной ячейке осуществляет эпистемологическую реконструкцию теоретического понимания отношения источника информации к потребителю через призму социальных фильтров освоения культурно значимой информации. Социальные фильтры представляют собой сложную систему социокультурных, психологических и когнитивных механизмов, которые выполняют функцию селекции, интерпретации и структурирования информационных потоков. Эти

фильтры опосредуют и конституируют интерес к источнику информации, регулируя частоту, интенсивность и характер взаимодействия с ним. Управление в сфере культуры должно способствовать целенаправленной «настройке» источников информации под существующие социальные фильтры, что предполагает разработку и реализацию дифференцированных коммуникационных стратегий, основанных на принципах культурной релевантности и социальной адресности. Эта настройка представляет собой не техническую адаптацию, а социокультурный процесс согласования между продуцируемым контентом и структурой ожиданий, ценностей и компетенций целевых аудиторий. Например, каждая библиотека как институциональный источник информации осуществляет не только функцию хранения и предоставления книг, но и выполняет роль коммуникационного канала, выписывая периодическую литературу. Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что не все издания (в том числе электронные) пользуются равной популярностью среди различных социальных групп, что указывает на действие дифференцированных социальных фильтров. Согласно результатам 3 этапа нашего исследования, респондентов в большей степени интересуют такие тематические направления, как: политика, вопросы семьи, дома и быта, вопросы культуры и шоу-бизнеса, проблемы здравоохранения и здоровья. В меньшей степени интерес вызывают: экономика и финансы, а также природные катаклизмы и катастрофы, вопросы моды и стиля. Следовательно, для привлечения большего количества читателей и повышения эффективности библиотечной деятельности библиотеки должны осуществлять целенаправленный отбор, приобретение и распространение источников информации, специализирующихся на вышеуказанной тематике. Эта стратегия предполагает не только реактивное следование существующим предпочтениям, но и проактивное формирование культурных интересов через образовательные программы, тематические выставки, дискуссионные клубы и другие формы культурно-просветительской деятельности. Такой дуальный подход позволяет библиотекам выполнять как функцию удовлетворения существующих культурных

потребностей, так и функцию формирования новых культурных компетенций и интересов.

ИИ8: Источник информации – обратная связь. Значительную роль в управлении коммуникационным процессом играет систематическая ориентация на механизмы обратной связи между источником информации и потребителем. Обратная связь представляет собой не просто технический канал передачи реакции потребителя, но сложный социокультурный феномен, включающий оценочные суждения, конструктивные предложения, критические замечания, эмоциональные реакции и поведенческие паттерны. В рамках социологической теории обратная связь может быть концептуализирована как форма символического взаимодействия, в которой потребитель не только реагирует на предлагаемый контент, но и участвует в конституировании смыслов и значений культурных продуктов. Сбор, анализ и интерпретация обратной связи помогают сформулировать научно обоснованные рекомендации для повышения качества взаимодействия, оптимизации эффективности распространения данных и максимального удовлетворения ожиданий и потребностей целевой аудитории. Так, результаты третьего этапа нашего трендового исследования демонстрируют выраженные различия в культурных предпочтениях различных возрастных групп городских жителей. Старшее поколение проявляет устойчивое предпочтение к концертам как форме культурного досуга, что может быть интерпретировано через призму ценностей коллективного переживания, живого исполнения и традиционных форм культурного потребления. Молодежь статистически значимо чаще выбирает кинотеатры как пространство культурного потребления, что отражает ориентацию на визуальные формы культуры, технологическую современность и социальные практики группового досуга. Люди среднего возраста демонстрируют склонность к посещению театров как институциональной формы культурной практики, что свидетельствует о предпочтении структурированных, традиционных форм культуры с выраженным образовательным и статусным компонентом. Такая дифференцированная информация позволяет более точно и адресно определять коммуникационные

каналы и способы распространения культурной информации с учетом не только географических особенностей, но и сложной структуры возрастных, социальных и культурных предпочтений целевых групп.

ПР1: продукт – источник информации. Данное пересечение представляет собой аналитический ресурс, предназначенный для изучения взаимосвязей между культурной продукцией и различными информационными источниками. В рамках его исследования рассматриваются такие аспекты, как представленность культурной продукции в медиапространстве и ее взаимодействие с информационными каналами. Этот подход позволяет структурировать культурную продукцию по типологии источников, а также определить перспективы ее дальнейшего развития. Ключевым элементом анализа выступает количественная оценка продукции с учетом ее распределения среди различных информационных платформ.

Ячейка ПР2 касается изучения взаимодействий внутри культурного производства. Хотя охват абсолютно всех связей практически невозможен, научный подход выделяет наиболее значимые аспекты этих взаимодействий. С применением современных технологий анализа больших данных и матричных методов становятся доступными исследования состава, структуры и территориального распределения культурного контента, а также анализа содержания продуктов в заданных географических контекстах.

ПР 3: продукция – чиновники. Здесь проводится разграничение между официальной культурной продукцией и независимыми формами культурного производства, что позволяет оценить влияние государства на культурный контент и его соответствие задачам государственной культурной политики. Также исследуется позиция независимого сегмента культуры относительно государственной структуры: это включает оценку контркультурных и субкультурных явлений как в содержательном, так и в количественном аспекте. Результаты анализа дают возможность выстраивать более эффективные стратегии взаимодействия с независимой частью культуры – либо интегрируя ее в управляемые процессы, либо минимизируя ее влияние, когда это необходимо.

ПР4: продукция – служащие. Данный фокус исследования изучает связь культурной продукции с техническими каналами ее распространения. Этот инструмент нацелен на определение классификации продуктов культуры в зависимости от типов коммуникационных каналов, мониторинг объемов ее распространения и выявление барьеров, связанных с особенностями функционирования этих каналов. Такой фокус позволяет проводить качественный анализ распределения культурного контента и выявлять факторы, ограничивающие его доступность для аудитории.

В ячейке ПР5 есть возможности для изучения связи культурной продукции и творцов, анализ которой способен представить информацию: какая культурная продукция способствует появлению новой культурной продукции посредством ее воздействия на творцов. Например, на основе изначально литературного произведения могут быть сняты фильмы, написаны картины, поставлены спектакли и т. п. После успеха у потребителей определенного рода культурной продукции те же самые творцы либо создают сиквел, либо появляется целая индустрия и выдуманные культовые культурные цивилизации» (например, произведения о хоббитах).

ПР6: продукция – потребитель. В данном случае анализ ориентирован на исследование взаимодействий между культурной продукцией и ее потребителями: рассматриваются целевая направленность продукции, а также восприятие аудитории с точки зрения самого производителя. Такой подход помогает выделить ключевые функции культурного контента по отношению к целевым группам, создавать его типологию и детализировать структуру в соответствии с потребностями различных категорий пользователей. Например, подобный анализ может выявить, что в российском кинопроизводстве отсутствуют или представлены в очень малом количестве фильмы для детей при высоком спросе на них. Тогда управленческое решение, основанное на таких объективных данных, должно быть связано с увеличением финансирования производства данной продукции.

Ячейки ПР7 и ПР8 тесно связаны с отношением продукции и потребителя (ПР6). Культурная продукция так или иначе учитывает существование различных социальных фильтров. Более того, процесс создания и потребления культуры может сам выступать механизмом формирования таких фильтров. Например, способность людей воспринимать сложные формы искусства свидетельствует о преодолении определенного фильтра, открывающего доступ к элитарным формам культуры. Анализ динамики элитарной, массовой и народной культуры может способствовать созданию стратегий управления социальными фильтрами для повышения доступности культуры у различных слоев населения.

Переходя к рассмотрению чиновников как одного из участников коммуникационного процесса, важно анализировать его параметры взаимодействия с источником информации. Критическими элементами здесь являются количество используемых источников информации, степень их важности для принятия решения и степень осведомленности чиновников как коммуникатора о функциональных характеристиках каждого из них. Исследование этих параметров в точке ГЧ1 дает возможность лучше понимать масштабы работы коммуникатора и эффективность интеграции источников информации в процесс принятия решений.

Изучение характеристик взаимодействия между коммуникатором и культурной продукцией (ГЧ2) позволяет выделить критерии определения приоритетов в развитии сферы культуры. Эти критерии, безусловно, оказывают значительное влияние на результаты работы всей системы, включая разнообразие предлагаемой культурной продукции. Например, результаты трендового социологического исследования, охватывающего двадцатипятилетний временной интервал, демонстрируют фундаментальную трансформацию ценностных ориентаций среди чиновников в отношении приоритетов бюджетного финансирования сферы культуры. За указанный период произошло статистически значимое уменьшение доли респондентов, считающих, что в первую очередь требует поддержки за счет бюджетных средств профессиональное искусство – с 43% до 30%. Параллельно наблюдается выраженный рост доли сторонников

поддержки народной культуры – с 11% до 27%. Эта динамика может быть интерпретирована в рамках теории культурного воспроизводства Пьера Бурдьё как сдвиг в структуре символического капитала бюрократического поля, где происходит переоценка соотношения между профессиональным искусством и народными формами культурного производства. С учетом институционального влияния региональных властей на процессы перераспределения бюджетных средств можно выдвинуть гипотезу о преимущественном финансировании тех форм культурной деятельности, которые наиболее соответствуют стратегическим предпочтениям и решениям управленческих органов. Этот процесс, может быть, концептуализирован в рамках неинституциональной теории как результат взаимодействия формальных правил распределения ресурсов и неформальных норм, ценностей и интересов, доминирующих в конкретных бюрократических контекстах. Региональные власти, действуя как ключевые субъекты в системе культурного финансирования, осуществляют отбор культурных проектов не только на основе объективных критериев качества или социальной значимости, но и в соответствии с локальными политическими приоритетами, электоральными стратегиями и символическими интересами.

Еще одним аспектом, требующим изучения, является сложная структура отношений между чиновниками внутри процесса управления культурной сферой (ГЧЗ). Эти отношения, несмотря на наличие выраженного вертикального измерения (иерархические связи между федеральными, региональными и местными органами власти), в данном контексте требуют анализа преимущественно в горизонтальном измерении – как взаимодействие с органами власти, не напрямую связанными с культурой, но оказывающими существенное влияние на ее развитие через смежные политические, экономические и социальные решения. Эта диалектика вертикальных и горизонтальных отношений образует сложную сетевую структуру бюрократического управления, где формальные иерархии пересекаются с неформальными связями и коалициями. Результаты нашего исследования выявили статистически значимые различия во взглядах различных групп чиновников на роль культуры: 46% чиновников из

сферы культуры отводят культуре определяющую роль в развитии общества, тогда как среди представителей иных сфер аналогичное мнение разделяют лишь 37% процентов. Эта диспропорция может быть интерпретирована как проявление профессионально-специфических перспектив, где оценка социальной значимости собственной сферы деятельности подвержена когнитивным искажениям, связанным с профессиональной социализацией, групповой солидарностью и защитой профессиональных интересов. Понимание роли коммуникаторов в данном контексте приобретает фундаментальное значение для совершенствования систем взаимодействия между различными уровнями управления с целью эффективного продвижения культурной политики и разработки стратегий информатизации населения. Этот аспект требует применения теории организационной коммуникации, которая позволяет анализировать барьеры и факторы эффективности информационного обмена в сложных бюрократических системах. Особую значимость приобретает проблема преодоления ведомственной разобщенности и создания механизмов координации действий различных структур, вовлеченных в реализацию культурной политики.

Взаимодействие между чиновниками и служащими (ГЧ4) проявляется не только в реакциях последних на управленческие действия, но и в их активности при разработке механизмов внедрения необходимых решений. Особый исследовательский интерес представляет данная ячейка еще и потому, что здесь важную роль играет степень воздействия коммуникатора на коммуникационный канал в контексте отношений «начальник – подчиненный». Эта конфигурация позволяет анализировать не только формальные механизмы влияния, основанные на иерархическом положении и административных полномочиях, но и неформальные механизмы воздействия, включая символическое насилие (в терминологии Бурдье), мягкую силу, убеждение, манипуляцию и другие формы влияния, которые определяют эффективность реализации управленческих решений в сфере культуры. Анализ этих механизмов позволяет выявить скрытые структуры власти и контроля, которые часто остаются невидимыми при изучении

формальных организационных схем, но оказывают решающее влияние на процессы принятия решений и реализации политики в сфере культуры.

Творцы далеко не всегда находятся в прямой зависимости от чиновников, а производимая ими культурная продукция, учитывая ее эмоциональную составляющую, в большей степени не есть выполнение указаний чиновников. Именно эта дилемма, по нашему мнению, и есть наиболее интересная для анализа составляющей в отношениях «чиновник – творец» (ГЧ5). Конечно, некоторые произведения создаются по заказу, но большинство из них – порыв души творцов. Учитывая тот факт, что коммуникационный канал служит прослойкой (но необходимой) между коммуникатором и потребителем, здесь важно, чтобы передаваемая информация максимально точно доносилась до потребителя. Проблема заключается в том, что возможны случаи (и они нередки), когда первоначальный смысл, заложенный в культурную продукцию при ее воспроизводстве, может искажаться, что влияет на последствия, которые в итоге могут не совпасть с прогнозами и предположениями чиновников.

Одно из главных взаимодействий в процессе массовой коммуникации – это ячейка ГЧ6 «Чиновник – потребитель» как две крайние отправные точки процесса. Чтобы коммуникация была результативной, необходимо учитывать особенности целевой аудитории. Анализируя потребителей по гендерным, возрастным, социально-экономическим, этнокультурным и другим признакам, можно разрабатывать и реализовывать дифференцированную культурную политику. Финансовые ресурсы, в данном контексте налоги, поступающие от потребителей, должны распределяться и перераспределяться с целью улучшения благосостояния этих социальных групп и удовлетворения их культурных потребностей. Так, в рамках 3-го этапа нашего исследования мы выяснили, что каждый третий респондент посещает учреждения сферы культуры для того, чтобы интересно провести время; 31% опрошенных – для получения эстетического удовольствия; чуть более четверти – для получения новых знаний; 8% – для общения и еще 7% – потому что это их работа. Такая статистика дает возможность оценить уровень эффективности работы коммуникатора-чиновника

через сопоставление целей учреждений культуры с ожиданиями и мотивацией их посетителей. Более того, реакция аудитории на предпринятые управленческие решения, выраженная в рамках модели как ГЧ8, становится важным инструментом анализа корректности стратегии чиновников. В этом контексте обратная связь выступает значимым индикатором, отражающим степень достижения коммуникатором-чиновником поставленных целей в рамках выбранного коммуникационного канала. По результатам нашего исследования, положительная динамика удовлетворенности качеством предоставляемых учреждениями культуры услуг за последние 25 лет подтверждает успешность работы коммуникатора: послы через выбранные каналы доходят до целевой аудитории и вызывают ее позитивный отклик. Значительное внимание требуется уделить аспектам восприятия аудитории направлений развития культурной политики и произведений, инициированных коммуникатором (ГЧ7). Для этого необходимо изучать предпочтения и выбор целевых групп как с позиций индивидуальных установок, так и общих тенденций. Анализ населенных пунктов по семейному положению потребителей позволит коммуникатору точнее определить их культурные предпочтения. Например, согласно результатам нашего исследования, лица, состоящие в браке, вдовы/вдовцы и разведенные в большей степени предпочитают посещать эстрадные концерты, а лица, никогда не состоявшие в браке и ведущие совместную жизнь без регистрации, отдают приоритет походу в кинотеатр.

Служащие в предлагаемой нами матрице являются каналами коммуникации, т. е. связующим звеном между потребителями, чиновниками и творцами. Ячейка СК1 служит инструментом, который предоставляет служащим возможность самостоятельно определять наиболее подходящие источники информации. Эта функция становится особенно важной в условиях современного информационного переизбытка, характерного для эпохи цифровой трансформации. Комплекс взаимодействия служащих с творцами изучается в точке СК5 именно с точки зрения коммуникационных каналов, которые в зависимости от конкретной временной ситуации, от направленности канала будут

определять необходимость и своевременность выбора того или иного творца для сотрудничества. Например, драматический театр может заказать у популярного автора новую пьесу либо использовать уже имеющуюся для осуществления новой постановки, которая будет интересна потребителю; либо будет подбирать конкретных творцов-исполнителей для реализации заказа чиновников.

Определение ранжира к решениям того или иного коммуникатора-чиновника и значимость принятых разноуровневыми коммуникаторами решений для практической реализации служащими изучается в ячейке СК3. Практическая важность таких решений меняется в зависимости от масштаба действия: поправки федерального законодательства касательно вопросов культуры могут оказать меньший эффект на локальные библиотеки в сравнении с региональными инициативами по цифровизации данных или муниципальными проектами финансирования. Однако признание определенной литературы экстремистской на уровне федерального законодательства серьезно влияет на формирование библиотечных фондов, включая их обновление за счет региональных бюджетов.

Анализ структуры ячейки СК4 позволяет проследить сложную сеть вертикальных и горизонтальных связей между производителями культурной продукции, а также выявить их взаимные зависимости. Исследование этих связей предоставляет шанс минимизировать или полностью исключить «эффект маятника», который порой оказывает деструктивное воздействие на процессы принятия решений в сфере культуры. Кроме того, важно учитывать зависимость культурной продукции от социальных и индивидуальных фильтров, а также ее реакцию на обратную связь или ее отсутствие. Этот аспект становится особенно значимым при сопоставлении данных ячеек СК2, СК7 и СК8, что позволяет сформировать более целостное представление о механизмах культурного взаимодействия. Культурные коммуникационные каналы создают потоки информации, которые часто связаны с социально значимыми материалами и культурными ценностями. Эти сообщения, адресованные общественности, по сути, становятся объектом анализа в ячейке СК2. Однако степень приверженности таких каналов к культурной продукции варьируется: они отличаются по качеству

контента, масштабам влияния и целевой направленности на конкретные социальные группы. Например, в конце 90-х в российском телевидении появился канал «Культура», призванный восполнить дефицит «высокой» культуры на ТВ. Следовательно, изучение их коммуникативного поведения как активных субъектов процесса становится критически важным. Анализ эффективности или потенциального деструктивного влияния этих каналов-служащих способствует более успешной реализации целей культурной политики.

Одним из основных субъектов управления являются творцы, которые выступают создателями культурной продукции. Смеем утверждать, что создание любого вида культурной продукции творцом находится в прямой зависимости от различного рода информации и не только, а может и не столько духовного плана, которая перерабатывается индивидуально каждым творцом и через разнообразные способы обретает свои формы. Именно изучение взаимодействия творцов с другими субъектами и элементами процесса относится к той категории, где управленческое воздействие на процесс сотворения будет опосредованным, причем как неодушевленной окружающей действительностью, так и одушевленными субъектами управления. Ячейка T1 выступает своего рода точкой отсчета начала жизненного пути культурной продукции, побуждая творцов к реализации своих мыслей и чувств. При этом произведения творцов не только производные, как отражение действительности, но и сами выступают источниками информации, определяющими дальнейшее развитие. В ячейке T2 предполагается как процесс изучения творцами культурной продукции других творцов, так и возможное влияние одной культурной продукции на создание иных. Например, можем наблюдать достаточно большое количество примеров, когда произведения художественной литературы подталкивают к написанию картин, музыкальных произведений, изготовлению художественных фильмов, созданию целой креативной индустрии.

Позиция T3 предполагает воздействие творцов на чиновников. В большей степени речь идет об опосредованном воздействии через культурную продукцию, на основании которой чиновники уже будут решать вопросы поддержки или

воспрепятствования деятельности творцов. Аналогичные действия предполагаются и в ячейке T4, но если в последнем случае это воздействие будет иметь местечковый характер и, возможно, однократный, то воздействие на чиновников может положить начало не только долгосрочной программе, но и квазигосударственным фильтрам, далее транслируемым чиновниками. Анализ ячейки T5 позволит увидеть всю палитру субкультур, сформированных в регионе. Причем особый интерес будет представлять анализ в динамике, который позволит понять жизненный цикл той или иной субкультуры, число последователей и идейных соратников. Самая большая как по числу участников, так и по количеству передаваемой информации – это точка пересечения T6, где происходит взаимодействие творцов с потребителями. Мы можем утверждать это, исходя из того, что, согласно данным проведенного исследования, почти 30% респондентов, не являясь профессиональными деятелями культуры и искусства, создают свой цифровой культурный контент. Вместе с тем, информация, полученная путем анализа данной ячейки, позволит увидеть реальную картину, без преломлений после возможного воздействия чиновников и служащих, интересов, предпочтений и определенного культурного заказа со стороны потребителя. Учитывая, что мы рассматриваем региональный уровень управления, то в данном случае речь идет в большинстве своем не об индивидуальном взаимодействии «творец – потребитель», а о взаимодействии социальных групп творцов (и в разрезе субкультур, и видов искусства, и иных классификаций, существенных для данного региона) с группами потребителей. Для творцов ячейка T8 является индикатором популярности и востребованности, которая во многом зависит от фильтров T7, и ее анализ позволит творцам планировать дальнейшую культурную продукцию в соответствии с поставленными ими же целями.

Если же подойти к рассмотрению других ячеек матрицы, где отражен цикл взаимодействий такого ключевого субъекта управления, как потребитель, то, например, в ячейке П1 нас интересуют следующие фундаментальные параметры, характеризующие отношение потребителя к источнику информации в рамках

социологической теории культурного потребления. Первый – когнитивный параметр: знание/незнание о существовании того или иного источника информации. Данный параметр отражает эпистемологический статус потребителя в отношении информационных ресурсов. Знание о существовании источника информации представляет собой необходимое, но недостаточное условие для установления коммуникационной связи. Незнание же о существовании источника информации формирует символический барьер, исключая целые категории населения из системы культурной коммуникации. Второй параметр – это аффективный: интерес/отсутствие интереса к источнику информации, который характеризует эмоционально-ценностное отношение потребителя к источнику информации. И третий параметр – интенциональный: желание/нежелание узнать подробности о функционировании источника, который отражает поведенческую готовность потребителя к углубленному взаимодействию с источником информации.

Представленная триада параметров образует комплексную аналитическую программу действий для изучения потребительских отношений к источникам информации и позволяет диагностировать уровень информационной включенности различных социальных групп в систему культурной коммуникации, анализировать механизмы формирования культурных предпочтений через призму когнитивных, аффективных и интенциональных компонентов, разрабатывать дифференцированные стратегии информационного продвижения, учитывающие специфику отношения различных категорий потребителей к источникам информации, а также выявлять структурные барьеры доступа к культурной продукции и разрабатывать меры по их преодолению. Анализ указанных параметров приобретает особую социологическую значимость в контексте исследования процессов культурной коммуникации, поскольку позволяет перейти от абстрактных моделей информационного обмена к конкретному изучению практик культурного потребления. Эта аналитическая перспектива способствует пониманию того, как структурные характеристики социальных позиций (класс, образование, возраст, гендер) трансформируются в

специфические паттерны отношения к источникам информации, формируя сложную карту культурного ландшафта современного общества.

Ячейка П2 акцентирует внимание на критериях выбора культурной продукции среди населения. Анализ факторов выбора включает как внешние характеристики продукта, например, качество производства, так и содержательные аспекты, такие как тематика. Отмечается также различие в оценках качества предоставляемых услуг учреждениями культуры и их инфраструктурного состояния. Согласно данным третьего этапа исследования, 63% населения положительно оценили качество работы учреждений (прирост на 15% по сравнению с первым этапом), тогда как удовлетворенность инфраструктурой выросла лишь до 43% (увеличение на 11%). Разрыв в 20 процентных пунктов отмечает потенциальные риски потери части аудитории, негативно настроенной из-за неудовлетворительных условий использования культурных ресурсов.

Инструмент в точке пересечений П5 и П3 предоставляет возможность творцам и чиновникам тщательно сегментировать потребительскую аудиторию, анализируя и устанавливая взаимосвязи между их взглядами, предпочтениями, выбором, особенностями личности и различными социальными факторами. Его применение позволяет глубже понять вкусы потребителей, их духовные запросы. Если для первых это послужит основой для последующего создания новой культурной продукции, то для вторых – это база для возможности определения стратегии развития сферы культуры.

Ячейка П6 – точка соприкосновений потребителей при их бесчисленном разнообразии. Здесь можно выделить внутренние взаимосвязи социальных групп, формирующие восприятие культурной продукции. Однако потребители не ограничиваются пассивным восприятием информации: они участвуют в процессах ее воспроизводства как на индивидуальном уровне, так и в рамках социальной среды. Еще один аспект, представляющий значительный теоретический интерес, заключается в том, что отношение к тому или иному виду культурной продукции, мотивация его выбора, предрасположенность человека к

восприятию формируются не исключительно самой личностью как автономным субъектом, но и социумом, окружающим его, в рамках сложного процесса социокультурного взаимодействия, где социальные структуры и индивидуальные действия находятся в отношениях взаимного конституирования³⁴⁸. Наиболее подвержены социальному влиянию люди, которые в своем выборе демонстрируют недостаточную самостоятельность, предпочитая в оценках и нормативных суждениях руководствоваться точкой зрения референтных групп. Кроме того, особую социальную уязвимость демонстрирует подрастающее поколение (дети, подростки, молодежь) с еще не сформировавшейся мотивационной структурой и неустойчивой идентичностью, что делает их особенно восприимчивыми к внешним влияниям в процессе культурной социализации. С этой точки зрения, особенно важно исследовать источники информации, которыми руководствуются потребители при выборе культурной продукции. Этот исследовательский фокус позволяет перейти от абстрактного анализа культурных предпочтений к конкретному изучению механизмов формирования этих предпочтений в повседневных социальных взаимодействиях. Анализ источников информации приобретает эпистемологическую значимость как ключ к пониманию того, как социальные структуры трансформируются в индивидуальные культурные практики. Зачастую основными ориентирами выступают рекомендации друзей, членов семьи или коллег, что свидетельствует о фундаментальной роли первичных социальных сетей в формировании культурных предпочтений. Исследование социальных влияний на культурное потребление приобретает особую социологическую значимость, поскольку позволяет понять, как культурные практики становятся механизмом социальной интеграции, дифференциации и стратификации. Через анализ источников информации и референтных групп можно выявить скрытые структуры культурного неравенства и механизмы воспроизводства социальных различий в сфере культурного потребления.

³⁴⁸ Климов И. А. Социологическая концепция Энтони Гидденса // Социологический журнал. – 2000. – № 1-2. – С.121-149.

Анализ взаимоотношений между потребителем и служащими в ячейке П4 подчеркивает фундаментальную важность понимания уровня воздействия конкретного типа коммуникационного канала на целевую аудиторию, а также факторов, которые способствуют такому влиянию. Каждый вид культурной продукции направлен на свою собственную специфическую аудиторию, что соответствует принципу сегментации культурного рынка и дифференциации культурных предложений. Поэтому чиновники должны осуществить комплексную оценку степени соответствия выбранного коммуникационного канала социодемографическим, культурным и психологическим характеристикам отдельных групп населения. Эта управленческая задача требует применения методов социологического анализа, по идентификации и описанию целевых групп на основе социально-демографических, культурных и поведенческих характеристик, изучение паттернов использования различных коммуникационных каналов различными социальными группами и измерению воздействия различных типов каналов на восприятие, установки и поведение целевых аудиторий. Анализ взаимоотношений между потребителями и служащими приобретает особую социологическую значимость, поскольку позволяет понять, как формальные организационные структуры и неформальные взаимодействия формируют практики культурного потребления и восприятия. Через изучение этих взаимоотношений можно выявить скрытые механизмы культурного неравенства, барьеры доступа к культурным ресурсам и возможности для повышения культурной инклюзии различных социальных групп.

Детальное исследование осей взаимодействия в ячейках П7 и П8 становится методологическим инструментом для сегментации потребителей, позволяя обнаружить статистические зависимости между мнениями, предпочтениями и выбором индивида с его личностными и социальными особенностями, раскрыть их истинные мотивации, что способствует более точному определению целевых групп и разработке эффективных стратегий взаимодействия. Например, согласно результатам третьего этапа нашего трендового исследования, у респондентов с высшим образованием и ученой

степенью основная цель посещения культурных мероприятий – получение эстетического удовольствия. Среди респондентов со средним и среднеспециальным образованием доминирует мотивация отдохнуть и интересно провести время. В связи с этим посещение музея выбирают 20% потребителей с высшим образованием и ученой степенью и всего 13% с образованием ниже высшего. Эта статистическая диспропорция свидетельствует о существовании образовательного барьера в доступе к определенным формам культурного потребления.

Строка социальных и индивидуальных фильтров позволяет сгруппировать всех субъектов процесса управления сферой культуры в зависимости от заданного исследователем критерия, например, от уровня их образования. Группировка по образовательному критерию создает основу для сравнительного анализа культурных практик различных социальных слоев. В ячейке Ф1 возможно проведение углубленного анализа по отношению различных образовательных групп ко всем источникам информации, а также изучение предпочитаемых каналов для каждой из этих групп. Этот анализ позволяет выявить, как образовательный капитал структурирует не только культурные предпочтения, но и информационные практики, формируя специфические паттерны медиапотребления для различных образовательных страт. Анализ данных ячейки Ф7 помогает не только определить прямую связь между индивидуальными предпочтениями аудитории и уровнем ее образования, но и выявить более сложные зависимости второго порядка. Эти зависимости могут включать взаимодействие образования с другими социальными переменными (возраст, пол, доход, профессиональный статус), создавая многомерные профили культурного потребления. Главное – анализ данной ячейки позволит выявить зависимости в фильтрах социальных акторов, определить основные факторы, влияющие в дальнейшем на фильтры следующего порядка, что соответствует логике каузального моделирования в социологических исследованиях. В предлагаемой работе подробно представлен этот материал при рассмотрении социально-профессиональных групп участников процесса управления сферой культуры.

Этот подход позволяет не только описать различия в культурных практиках различных профессиональных групп, но и проанализировать механизмы, через которые профессиональная принадлежность структурирует культурные предпочтения, информационные практики и управленческие решения в сфере культуры.

Обратная связь и каналы коммуникации. Обратная связь играет центральную роль в управлении культурной сферой. Важно понимать, насколько эффективно включается трансляция мнений целевой аудитории в процесс принятия решений субъектами управления. Эффективность подразумевает реальное применение данных обратной связи при разработке управленческих стратегий.

Ячейка ОС1 фиксирует взаимосвязь между источниками информации и степенью их отзывчивости. На данном этапе возможно определить, присутствует ли обратная связь во взаимодействии аудитории с источниками информации и насколько эффективно она используется. Следующим шагом становится анализ содержания обратной связи: ее характер относительно предоставленных данных. Такие исследования позволяют создать систему критериев для оценки эффективности источников информации, что, в свою очередь, дает возможность ранжировать каналы коммуникации по уровню их открытости к мнению потребителей. Кроме того, важно оценить потребность социальных групп в обратной связи. Для ячейки ОС3, где пересекаются управленческие процессы и деятельность чиновников, следует уделить внимание изучению «неучтенной» обратной связи – тех реакций аудитории, которые остаются за пределами учета коммуникаторов. Это может быть связано с восприятием населением деятельности субъектов коммуникации. Обширный анализ такой обратной связи способствует улучшению управленческих механизмов, ориентированных на удовлетворение запросов целевых аудиторий. Например, исследования культурной политики Башкортостана показали, что 80% жителей региона положительно оценивают ее качество (прирост положительных отзывов за 25 лет

составил около 25%), а доля нейтральных или равнодушных снизилась почти втрое – до 6%.

В точке пересечения уровня ОС4 и ОС5 эффективность механизмов обратной связи в значительной степени обусловлена особенностями духовных, социальных и инфраструктурных параметров служащих и творцов – действующих коммуникационных каналов. Это требует внимательного анализа всевозможных форм обратной связи, выполняемого с обязательным учетом целевой аудитории – конечного получателя информации, а также специфики самих коммуникационных каналов. В подобной ситуации можно выявить две противоположные тенденции: это, с одной стороны, отсутствие или минимальная востребованность обратной связи при неэффективности существующих каналов, а с другой – активное использование интерактивных платформ, работающих в режиме непрерывного анализа и обработки поступающих данных. Основная цель управления здесь заключается в выявлении потребности общества в механизмах обратной связи, а также в определении перспектив их совершенствования для повышения эффективности различных видов коммуникационных систем и создания новой культурной продукции (ОС2). Ключевым этапом дальнейшего анализа выступает уровень ОС8 – исследование взаимодействия механизмов обратной связи с потребителем. Здесь особое внимание уделяется изучению предпочтений целевой аудитории в отношении доступных форм использования обратной связи, а также обоснованию сложностей, с которыми сталкиваются пользователи при ее реализации. Помимо этого, важно учитывать степень информированности потребителей о доступных инструментах взаимодействия, поскольку именно осведомленность оказывает прямое влияние на их активность и готовность участвовать в обмене информацией. Управление на данном уровне предполагает разработку и внедрение оптимизированных инструментов обратной связи, сосредоточенных на максимальном удобстве и доступности для всех участников коммуникации.

Отметим, что приведенная матрица имеет плоскостной вид только с одной целью – упрощение понимания взаимодействия субъектов и элементов

управления сферой культуры. Таких матриц в конкретном управленческом действии может быть единицы или сотни, или даже миллионы, в зависимости от поставленной задачи. При этом, как уже было отмечено выше, региональный уровень управления – в вакууме, а находится во взаимодействии как с федеральным, так и с муниципальным уровнем. Но это ни в коей мере не мешает представить данный теоретико-методологический конструкт и сделать следующие обоснованные выводы.

Интеграция цифровых технологий становится неотъемлемой характеристикой современного общества, включая сферу культуры. Обработка больших данных осуществляется всеми субъектами управления в данной области, и современные технологии способствуют распространению значительного объема информации по множеству коммуникационных каналов для всех участников. Однако в сфере культуры разработка индивидуализированных подходов при сохранении высокого качества остается сложной задачей. Это связано с тем, что управление сферой культуры выходит за рамки простого анализа количественных показателей. Тем не менее, современные цифровые технологии предоставляют возможности для автоматической и оперативной оценки профессиональных компетенций участников процесса. На их основе можно выявить профессиональные дефициты, разработать индивидуальные образовательные траектории и сформировать объективное представление о состоянии компетентности субъектов с учетом персонализированного подхода.

Так, например, в рамках проведенного трендового социологического исследования была установлена положительная динамика удовлетворенности качеством предоставляемых культурных услуг за последние 25 лет. Это подтверждает успешность работы управляющих структур: послания достигают своей целевой аудитории и вызывают ее положительный отклик. При этом каждый третий респондент посещает учреждения культуры с целью проведения досуга; 31% опрошенных ориентированы на получение эстетического удовольствия; чуть более четверти стремятся обогатить свои знания; 8% используют эти площадки для общения, а 7% посещают их по профессиональным

обязательствам. Эти данные позволяют оценивать эффективность работы коммуникаторов (чиновников) через сопоставление целей культурных учреждений с ожиданиями и мотивацией их аудитории. Кроме того, реакция посетителей на управленческие решения становится важным инструментом для анализа корректности стратегий управления. Обратная связь от аудитории служит ключевым индикатором степени достижения поставленных целей через определенные каналы коммуникации. Исходя из этого, можно сделать следующие выводы:

1. Основываясь на социокультурном и институциональном подходах, в анализе общественного развития, придерживаясь концепции социального конструирования при рассмотрении социальных институтов, исследуя культуру на основе сферного подхода, а региона – на основе комплексного, рассматривая управление сферой культуры с точки зрения системного и структурно-функционального подходов, для исследования управления сферой культуры на региональном уровне как процесса массовой коммуникации нами разработан теоретико-методологический конструкт в виде матрицы. Эта матрица включает ключевые элементы коммуникационного процесса, адаптированные для регионального уровня. На основании трендового социологического исследования выделены субъекты управления: потребители, государственные чиновники как коммуникаторы, а также творческие работники и сотрудники культурных учреждений, выступающие в роли коммуникационных каналов. Это определяющее в данном случае положение, ибо на федеральном и муниципальном уровнях управления будет группа совершенно иных субъектов управления.

2. Каждая ячейка предложенной управленческой матрицы представляет собой пересечение элементов процесса массовой коммуникации. Их углубленный анализ позволяет совершенствовать управленческую деятельность за счет детального изучения коммуникаторов, потребителей и каналов коммуникации. Выделение трех ключевых компонентов обусловлено их значимостью и потенциалом для социологического анализа с высокой степенью достоверности

получаемых данных. Ранее такой анализ был трудоемким и затратным процессом, но современные технологии обработки больших данных, включая элементы искусственного интеллекта, радикально повысили его эффективность.

3. Предложенный теоретико-методологический конструкт управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровизации в виде управленческой матрицы позволит эффективно осуществлять управленческие процессы в сфере культуры на региональном уровне. Рассмотрение управления сферой культуры на региональном уровне в призме данного подхода и его реализация в объективной реальности стали возможными ввиду стремительного развития информационных технологий, позволяющих сочетать и анализировать большое количество разнообразных данных, накладывать их друг на друга, выявлять не только одноуровневые зависимости для одного участника, но и глубинные зависимости между всеми субъектами процесса управления сферой культуры.

Подводя итоги третьей главе, отметим, что цифровая трансформация сферы культуры, в отличие от многих других сфер, отражает нравственные качества личности и должна рассматриваться как комплексная программа с инфраструктурными новациями, изучением поведения участников процесса управления и научно-обоснованными управленческими решениями. При этом цифровые технологии должны использоваться в качестве средства по выявлению того или иного управленческого действия для более полного удовлетворения потребностей всех ее участников.

Обосновано, что в настоящее время на региональном уровне вопросы развития технологий должны включать два аспекта: ликвидацию цифрового разрыва первого уровня (технологические процессы) и цифрового разрыва второго уровня (когнитивные процессы). И если задача по восполнению технологических разрывов находится в большей части в зоне ответственности коммуникатора, то ликвидация цифровой неграмотности требует непосредственного участия всех субъектов управления. Результаты проведенного исследования выявили основные причины цифрового неравенства, среди которых

уровень образования, доходов, возрастно-гендерные различия, место жительства и компетентностные дефициты в применении цифровых технологий.

Определено, что цифровизация сферы культуры в Российской Федерации сегодня находится на пятом этапе своего развития, который предполагает решение блока вопросов на региональном уровне, как в части инфраструктурного контекста, так и расширения знаний в сфере информационных технологий у участников процесса управления сферой культуры. Выделено, что в настоящее время сложилась ситуация, когда наряду с традиционными типами фрустраторов начала проявляться новая ее форма – цифровая. Результаты исследования позволили выявить, что подавляющее большинство (95%) респондентов постоянно пользуется цифровыми технологиями, а каждый третий создает цифровой культурный контент. Данные процессы вносят коррективы и в структуру участников процесса управления сферой культуры, когда потребитель как субъект управления в определенные моменты становится коммуникационным каналом. Таким образом выравнивается значение каждого субъекта управления, что требует от всех ее участников постоянного компетентностного развития.

Представлен инструментарий – региональная модель повышения компетенций субъектов управления на основе выявления профессиональных дефицитов, разработанная при руководстве автора. Апробация модели показала, что предложенная методика позволяет выработать механизмы выявления профессиональных дефицитов и сопровождения индивидуальной образовательной траектории субъектов процесса управлением сферы культуры, в т. ч. по сокращению цифрового разрыва второго уровня.

Несмотря на то что управление сферой культуры выходит за рамки простого анализа количественных показателей, современные цифровые технологии предоставляют возможности для автоматической и оперативной оценки профессиональных компетенций участников процесса. В этих целях предлагается и доказательно обосновывается возможность для исследования управления сферой культуры на региональном уровне авторского теоретико-методологического конструкта в виде матрицы, включающего в себя ключевые

элементы коммуникационного процесса, адаптированные для регионального уровня.

Проведенное трендовое социологическое исследование позволило определить основные группы субъектов управления, присущие исключительно региональному уровню. Разобраны все ячейки матрицы с указанием возможных процессов в управлении сферой культуры в каждой из них. Обосновано, что предложенный теоретико-методологический конструкт матрицы в условиях цифровизации позволит эффективно осуществлять управленческие процессы в сфере культуры на региональном уровне и совершенствовать управленческую деятельность за счет детального изучения коммуникаторов, потребителей и каналов коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании представлена научно обоснованная концепция управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровой трансформации общества. Анализ современного состояния культуры в Российской Федерации показал, что данная сфера жизнедеятельности общества продолжает функционировать и развиваться по остаточному принципу. Во многом это происходит потому, что не только в общественном мнении, но и даже в официальных нормативно-правовых документах культура представляется как средство организации досуга, а не как одна из важных сфер жизнедеятельности общества. Данный подход в управлении социально-экономическими процессами отчетливо проявляется и в региональном развитии, требующем отхода от исключительности технократическо-отраслевого управления и перехода к системному развитию, включающему и культурно-духовную составляющую.

Кардинальные изменения в общественном устройстве страны естественным образом повлияли и на сферу культуры. Вместе с тем, за эти три десятилетия не только возникла аморфность культурных ценностей, но и до сих пор не определены роли, функции и значения субъектов процесса управления сферой культуры. В диссертации на основе результатов проведенных исследований и с учетом субъектно-субъектного подхода в социальном управлении охарактеризована структура участников процесса управления сферой культуры, основанная на социально-профессиональной дифференциации ее участников.

Исследование показало, что достижение положительного результата в процессе управления сферой культуры невозможно без нахождения оптимума в соотношении интересов и приоритетов всех субъектов управления. Также в работе было определено, что индивидуальные, квазигосударственные фильтры и качество обратной связи между участниками процесса управления сферой культуры являются теми детерминантами, которые влияют на восприятие культурной продукции. Подтверждено, что отсутствие баланса мнений субъектов управления и учета внутренних законов саморазвития сферы культуры приводят к

рассинхронизации в планировании и осуществлении управленческих процессов как между разными аспектами ее реализации, так и внутри целевого, тактического и прикладного уровней управления. Для преодоления данного обстоятельства предложено рассматривать управление сферой культуры в качестве процесса массовой коммуникации, при котором появляется возможность учета всех элементов управленческого процесса, а не только характеристик его субъектов.

Предложенная новая классификация субъектов процесса управления сферой культуры на региональном уровне позволила выйти и на сущностные связи между явлениями в процессах и определить значения того или иного участника в процессе принятия решения в управленческом процессе. Это дало возможность доказать, несмотря на разнообразие как в качественном, так и в количественном плане участников процесса управления сферой культуры, что государство на сегодняшний день выступает в роли доминирующего субъекта управления. В работе представлена классификация ролей государства в управлении в сфере культуры на региональном уровне на современном этапе развития, основанная на участии государства в формировании культурной политики. Результаты проведенного социологического исследования подтвердили тезис о том, что хотя государство – доминирующий участник процесса управления сферой культуры, но не единственный, и в связи с этим субъектно-субъектный подход к процессам управления является необходимым условием для прогрессивного развития социума.

Выявлены объективные и субъективные факторы, влияющие на имеющиеся в управлении сферой культуры институциональные проблемы, среди которых одно из основных мест занимает отсутствие синхронности между субъектами управления, в том числе в части определения приоритетов развития сферы культуры. Анализ состояния реализации декларируемых государством принципов политики в сфере культуры позволил диссертанту сделать вывод о том, что они в большей степени носят декларативный характер.

В ходе исследования подтверждено, что процессы цифровизации в сфере культуры происходят с заметным временным опозданием по сравнению с

другими сферами, особенно с информационной, экономической и образовательной, хотя переход на следующий этап технологического развития не может быть осуществлен без обеспечения равномерного развития всех сфер жизнедеятельности социума. Исследование процессов цифровизации в сфере культуры выявили две основные задачи, требующие решения в данном направлении: технологический аспект, связанный с ликвидацией цифрового разрыва первого уровня, и преодоление цифровой фрустрации как результата цифрового разрыва второго уровня. При этом и первая, и вторая задачи предполагают для своего разрешения соответствующих и постоянно совершенствующихся профессиональных компетенций всех участников процесса социального управления. Предпринятый анализ показал, что для эффективной реализации поставленных выше задач в настоящее время необходимо отойти от принципов поголовного «обучения всех всему» и перейти к модели, при которой у каждого конкретного участника процесса будут решаться выявленные профессиональные дефициты в конкретный момент времени, что позволит оптимально распределять имеющиеся кадровые, финансовые и временные ресурсы с наибольшей отдачей. Представлена разработанная и апробированная модель организации индивидуального образовательного маршрута для ликвидации профессиональных дефицитов участников процесса управления сферой культуры на региональном уровне, направленная на преодоление цифрового разрыва второго уровня с применением цифровых технологий и основанная на индивидуальном подходе к ним.

Уточнение категориально-понятийного аппарата, проведенное в рамках диссертационного исследования, теоретический анализ законодательной, нормативно-правовой базы, принципов и результатов реализации управленческих процессов в сфере культуры, результаты трендового социологического исследования позволили не только представить управление сферой культуры как процесс массовой коммуникации, выявить основные группы элементов, участвующих в процессе управления, классифицировать их, определить проблемы в реализации культурной политики; а также вынести на защиту

теоретико-методологический конструкт – матричную модель управления сферой культуры на региональном уровне в условиях цифровой трансформации общественного развития. Данная модель позволяет в режиме реального времени с использованием цифровых технологий, в частности массивов данных большого объема, при помощи специальных автоматизированных инструментов использовать данные для статистики, анализа, прогнозов, принятия и корректировки решений. Это позволит, определив реперные точки, обеспечить оптимальную реализацию управленческих решений с учетом мнения субъектов управления и законов саморазвития сферы культуры.

Сформулированные выводы свидетельствуют о том, что в диссертации решены важные исследовательские задачи: разработан теоретико-методологический конструкт – модель управления сферой культуры на региональном уровне на современном этапе развития социума; управление сферой культуры рассмотрено в качестве процесса массовой коммуникации, выявлены основные группы элементов, участвующих в процессе управления; определены субъекты процесса управления сферой культуры на региональном уровне в зависимости от степени их вовлеченности в реализацию культурной политики; выявлены основные детерминанты, влияющие на разницу восприятия субъектами управления явлений и процессов, происходящих в сфере культуры региона; обоснована необходимость для дальнейшего развития регионов соответствия в принятии управленческих решений между экономическими, территориальными и культурными составляющими; выявлено, что заявленные приоритеты реализации культурной политики не совпадают не только между разными уровнями реализации культурной политики, но и разнятся с мнением населения об основных приоритетах культурной политики в России; определена доминирующая роль государства как социального института политической власти в реализации культурной политики на современном этапе развития российского социума; выявлены основные факторы и задачи, определяющие развитие сферы культуры в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации общества; разработана региональная модель совершенствования

профессиональной компетентности участников процесса управления сферой культуры, построенная на основе субъектно-субъектного подхода с применением цифровых технологий.

Доказана вынесенная на защиту гипотеза о том, что в настоящее время сложились объективные условия и созданы предпосылки как в части технологического развития, так и в степени компетентностной подготовки субъектов управления для эффективного внедрения цифровых технологий на региональном уровне управления сферой культуры.

Диссертационное исследование обеспечило приращение новых знаний, относящихся к социологии управления, о взаимодействии субъектов и объектов управления в сфере культуры и о возможностях применения новых социальных технологий в условиях цифровой трансформации общества. Все это позволило сформировать новые концептуальные позиции в управлении сферой культуры на региональном уровне.

В диссертации решена важная теоретико-методологическая задача по организации управления сферы культуры на региональном уровне в период цифровой трансформации и последующего развития его теоретических принципов в социологии управления.

Исследование продемонстрировало значительный эвристический потенциал подхода к изучению проблем управления в сфере культуры в качестве процесса массовой коммуникации. Кроме того, мы считаем перспективным и необходимым дальнейшее исследование указанных в диссертации проблем использования матричной системы управления и применения возможностей, предоставляемых современными цифровыми технологиями.

Основная цель диссертационного исследования достигнута – разработан научно обоснованный теоретико-методологический конструкт – модель управления сферой культуры на региональном уровне на современном этапе цифровой трансформации общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW28399/5b9338a7944b7701fbe63f48c943e8175be16462/> (дата обращения: 27.01.2023).
2. Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения 02.01.2016).
3. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (в ред. Указа от 25.01.2023 №35). // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 27.01.2023).
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 30.11.2022).
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения: 15.05.2022).
6. Приказ Министерства культуры Республики Башкортостан от 16.06.2023 № 294 «Об утверждении границ территории и режима использования территории объекта культурного наследия регионального значения «Дом, в котором в 1930-1936 гг. жил Гайнан Хайри». URL: <https://okn.bashkortostan.ru/documents/active/75568/>
7. Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация как сфера конструирования социальных смыслов // Коммуникация в социально-гуманитарном знании,

- экономике, образовании: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–15 мая 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; В. Ф. Гигин (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 6-11.
8. Аитов Н.А. Общество переходного периода. – Алматы, 1993. – 112 с.
9. Аитов Н.А. Отношения по расселению. – Свердловск, Изд-во Урал. ун-т, 1987. – 164 с.
10. Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. – М., 1985. – 220 с.
11. Аитов Н.А. Управление социальной структурой развитого социалистического общества. / Социально-классовая структура развитого социалистического общества. – Свердловск, 1976. – 296 с.
12. Акаев А.А., Садовничий В.А. Человеческий фактор как определяющий производительность труда в эпоху цифровой экономики // Проблемы прогнозирования. – 2021. – №1 (184). – С.45-58.
13. Актуальные направления совершенствования и перестройки управления в сфере культуры: Сб. науч. тр. /М-во культуры РСФСР, АН СССР, НИИ культуры; [Редкол.: В. Г. Родионов (отв. ред.) и др.]. – М.: НИИК, 1988. – 294 с.
14. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – №3. – С.6-40.
15. Амзин А. и др. Как новые медиа изменили журналистику 2012–2016. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – 304 с.
16. Аналитический центр НАФИ. В России выросла доля людей с продвинутым уровнем цифровой грамотности. URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/>
17. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 0203000 "Социология" / [А. И. Антонов и др.]; под ред. А.И. Антонова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 640 с.
18. Арнольдов А.И. Социалистический образ жизни и культура. – М.: Мысль, 1976. – 156 с.

19. Асаул А.Н., Князь И.П., Коротаева Ю.В. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса / под ред. А.Н. Асаула. – СПб: ИПЭВ, 2007. – 224с.
20. Асочаков Ю.В., Богомягкова Е.С., Иванов Д.В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. – 2021. – №1. – С. 76-77.
21. Асп Э.К. Введение в социологию. – СПб.: Алетей, 2000. – 256 с.
22. Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15. – № 5. – С. 516-531.
23. Атаманчук Г.В. К вопросу о взаимосвязи субъектов и объектов социального управления. // Вопросы философии. – 1974. – № 7. – С. 29-37.
24. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: опыт системного исследования – М.: Политиздат, 1968. – 384 с.
25. Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. – М.: Мысль, 1968. – 351 с.
26. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
27. Бабкин А. В., Кунин В. А., Тарутько О. А. Влияние цифровизации экономики на конкурентоспособность предпринимательских структур // Экономика и управление. – 2019. – № 10 (168). – С. 65–73. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-10-65-73
28. Бабосов Е.М., Трусь А.А. Социальный портрет современного руководителя // Проблемы управления (Минск). 2015. – № 1 (54). – С. 47-53.
29. Балакшин А.С. Сущность и содержание понятия «культурная политика». // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия. Социальные науки. Вып. 1(3). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – С. 358-364.
30. Баллер Э.А. Коммунизм. Культура. Человек. – М.: Сов. Россия, 1979. – 256 с.

31. Бальчиндоржиева О.Б., Залхоева М.В. Цифровая культура vs культурная уникальность (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности) // Социологические исследования. – 2022. – №3. – С.95
32. Барбаков О.М. Регион как объект управления// Социологические исследования. – 2002 – № 7. – С.98.
33. Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриненко О.В. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием/ Вестник Российского университета дружбы народов. Серия социология. – 2024. – № 1. – С.58-70.
34. Барсук В.Л. Региональная сфера культурно-образовательных услуг: особенности диверсификационных процессов /В.Л. Барсук, А.Ф, Суховой, Л.А. Юрганова. – Екатеринбург: УрО РАН: Ин-т экономики. Ч2: Культура. – 1999. – 42 с. (Научные доклады /Рос. акад. наук. Ур. отд-ние. Ин-т экономики)
35. Башкирия в Союзе ССР: статистический сборник. – Уфа: Статистика, 1972. – 245 с.
36. Белл Дж. Массовая культура и современное общество // Америка. – 1963. – №103.
37. Белоусова А. С. Фрагментация культуры в цифровую эпоху: угроза или благо? // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fragmentatsiya-kultury-v-tsifrovuyu-epohu-ugroza-ili-bлаго/viewer>
38. Белых А.К. Управление и самоуправление. – Ленинград, 1972. – 209 с.
39. Белянин А. В. Институциональная экономика: учебник и практикум для вузов. – Москва: Юрайт, 2024. – 394 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16487-0. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=282002&p=1>
40. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
41. Богатырева Т.Г. Цифровая культурная политика: возможности формирования и перспективы влияния на развитие современного медиапространства // Коммуникология. – 2018. – Том 6. – №3. – С. 164-175. DOI 10.21453/2311-3065-2018-6-3-164-175.

42. Богатырева Т.Г. Шоу-бизнес: организации и технологии // Социокультурное пространство: структуры и процессы. М., 1996. – 246 с.
43. Бормотова Т. М., Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н. Институциональные проблемы современного российского общества // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 1. – С. 18-36.
44. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2: Пер. С англ. М: Вече. – АСТ, 2001. – 528 с.
45. Бороноев А. О., Поздеева Е. Г., Фетисов В. Я. Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 157-159. DOI 10.31857/S013216250002168-7.
46. Брунер, Джером С. Психология познания: За пределами непосредств. информации / Пер. с англ. К.И. Бабицкого ; Предисл. и общ. ред. д. чл. АПН СССР А.Р. Лурия. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с. (Обществ. науки за рубежом. Философия и социология).
47. Бурдьё П. Начала. Choses dites: пер. с фр./Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. / Перевод Шматко Н.А. – М.: Socio-Logos, 1994, – С. 215, 217
48. Быстрынцев С.Б. К определению дефиниции территориальная социальная общность // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2015. – № 2 (24). – С. 19-26.
49. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1977. – 567 с.; Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 575 с.
50. Васильева Э.К. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). – М.: Статистика, 1975. – С.112-126.
51. Вахтина М.А. Институционализм как отражение социокультурного подхода в экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2005. – №11. – С. 23-25.
52. Введение в «Цифровую» экономику / А.В.Кешелава, В.Г.Буданов, В.Ю.Румянцев и др.; под общ.ред. А.В.Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А.Зименко. – ВНИИ Геосистем, 2017 – 44 с.

53. Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
54. Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – С. 200-201.
55. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. В. Желнинова. – М., 2022. – 416 с.
56. Веремчук В.И. Социология религии / В. И. Веремчук. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 255 с.
57. Вилков Н.О. Региональные факторы социально-экономического развития. URL: <http://www.zakon72.info/nic?print&nd> (дата обращения: 21.06.2021).
58. Вишневский Ю. Р. Единство социалистической культуры и всестороннее развитие личности // Философско-социологические проблемы формирования личности. – Свердловск, 1979. – С. 44-55.
59. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т., Коробейникова А.П. Культурные запросы населения и оптимизация управления деятельностью учреждений культуры. Информационно-аналитические материалы социологического исследования. – Москва: издательство «ИМХО», 2005. – 112 с.
60. Волков В.В., Юмкина Е.А. Психологическое измерение культуры // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – №1. – С. 92-101.
61. Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. – 2022. – №3. – С. 13-23.
62. Волков Ю.Г. Социология / Ю.Г. Волков, В.И. Добренчиков, В.Н. Нечипуренко, А.В. Попов. – М.: Гардарики, 2003. – 512 с.
63. Воронин С.А. Ключевые проблемы современного образования и пути выхода из кризиса // Профессорский журнал. – 2017. – Пилотный выпуск. – С. 32-39
64. Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики (Электронный ресурс) // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – №3(8). – С.11-16. URL: www.culturalresearch.ru/files/openissues/032012/IJCR03%288%292012.pdf (дата обращения 17.10.2020).

65. Гао Цзяи Влияние цифровизации общества и культуры на перевод. // Вестник Московского Университета. – Серия 22. Теория перевода. – 2020. – №3. – С.3-25
66. Гвишиани Д.М. Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. – М.: «Канон+», 2007. – 524 с.
67. Гвишиани Д.М. Организация и управление. – 3-е изд., перераб. – М.: Изд-во МГТУ, 1998. – 331 с.
68. Гетманова А.Д. Логика. – М., 1986. – 288 с.
69. Глотов М.Б. Социальный институт: определение, строение, классификация // Социологические исследования. – 2003. – №10. – С.13-19.
70. Гнедовский М. Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. – 2005. – № 4 (24). – С. 168-172.
71. Голикова Т. Татьяна Голикова провела заседание проектного комитета по национальному проекту «Культура». URL: <http://government.ru/news/41906/> (дата обращения: 20.07.2022).
72. Головаха Е.И., Панина Н.В. Постсоветская anomia: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 5-10.
73. Горбухов В.А. Основы социального управления. – М.: ФОРУМ, 2011. – 223 с.
74. Гордеев А. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 15.05.2021).
75. Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. – 2021. – №2. – С.3-14.
76. Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. – 2019. – №11. – С.3-17.
77. Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. На переломе веков: социодинамика российской культуры. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 703 с.

78. Гринин Л.Е. Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций // Кондратьевские волны: аспекты и перспективы. Волгоград: Учитель, 2012. – С. 222-262.
79. Гришин А.И. Роль государства в сфере культуры как отрасли народного хозяйства // Культура. Духовность. Общество. – 2016. – № 26. – С. 155-160.
80. Губченкова А.С., Чеснова О.А., Еникеева Л.А. Проблемы цифровизации сферы культуры Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. – 2019. – №4. – С 52-60.
81. Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 283: Серия «Юридические науки. Экономические науки». – С. 123-128.
82. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
83. Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики / под ред. Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина; Центр стратегических разработок; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2018. – 106 с.
84. Демографические проблемы семьи / под ред. Н.М. Римашевская ; АН СССР, Центр. экон.-мат. ин-т, Науч. совет "Соц.-экон. пробл. народонаселения". – Москва : Наука, 1978. – 208 с.
85. Диагностика социокультурных процессов и концепция культурной политики / Отв. ред. А.Ф.Суховей. – Свердловск: Уральский рабочий, 1991. – 62 с.
86. Дмитриевский В.И. Культурная политика: между прошлым и будущим // Искусство и социальная психология: сб.ст. – М., 1996. – С. 118–149.
87. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. – №1. – С. 108-120.
88. Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 25-36.

89. Дуреев С.П. Человек и общество: управление и самоуправление // Вестник Омского университета. – 2009. – №1. – С. 149-159
90. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер.с франц. и послесловие Л.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
91. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней: Учебник для вузов.— 5-е изд., перераб. и доп.— М.: Академический Проект, 2004. – 576 с.
92. Житенев С.Ю. Новые информационные технологии и современная культура коммуникаций: состояние, определения и вопросы развития // Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий: материалы Всерос. науч. конф. (08 октября 2020 г.) / под ред. С. Ю. Житенева; Институт Наследия. – М.: Институт Наследия, 2020. – 204 с.
93. Жукова О.А. Духовный опыт и культура разума: религиозно-философская традиция в университетском образовании // Культурологический журнал. – 2011. – № 1(3). – С. 1-8. URL: <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/37.html&jid=5>.
94. Журавлева Е.Ю. Социология в сетевой среде: к цифровым социальным исследованиям // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 25-33
95. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. – №2. – С. 9.
96. Захаров Н.Л. Вклад Л.Н. Когана в социологическую эпистемологию// Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 30–40.
97. Захаров Н.Л., Плотникова Т.В. Новые социально-экономические тренды современного мира // Социально-экономическое управление: теория и практика. – Т.19. – № 2. – 2023. – С.43-48.
98. Захаров Н.Л. Теория социальных регуляторов. – М., 2024. – 241 с.
99. Зборовский Г.Е. Общая социология: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Гардарики, 2004. – 592 с.
100. Зборовский Г.Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен // Социум и власть. – 2010 – №4. – С. 11-20.

101. Зборовский Г.Е., Костина Н.Б. Социология управления – М.: Гардарики, 2004. – 272 с.
102. Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. – 671 с.
103. Зинченко В.П. Человеческий интеллект и технократическое мышление // Коммунист. – 1988. – №3. – С. 96-104.
104. И Лю, Б. Панышин. Особенности и направления развития креативной экономики: опыт Китая // Наука и инновации. – 2024. – № 11. – С. 54-60.
105. Иванов В.Н. Идеология: pro et contra / В.Н. Иванов; ФНИСЦ РАН. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2021 – 72 с.
106. Иванов В.Д., Костина Е.П. Экономический механизм реализации культурной политики // Культурная политика в современном обществе. – М., 1992. – С.66-86.
107. Ивашкин М.В., Короткова Г.Л. Сфера культуры как объект управления и ее роль в развитии социально-экономических отношений общества // Экономика и управление народным хозяйством. – Вестник ТОГУ. – 2011. – №1. – С. 201-206.
108. Ивенский Л.М. Культура управления: сущность, генезис, метауправление. – Чебоксары, 1992. – 63 с.
109. Ивлев Ю.В. Логико-методологические критерии научности и ненаучности знания // Вестник московского университета. Серия 7. Философия. – 2008. – №5. – С.40-45.
110. Игнатьев В.И. Информационная перегрузка социальной системы и ее социальные последствия // Социологические исследования. – 2017. – № 7. – С. 3-12.
111. Ижилова Н. В. Культура и политика. Методологические проблемы // Социологические исследования. – 2007. – №5. – С.95-103.
112. Ильинский И.М. Образовательная революция. – М.: Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2002. – 591 с.
113. Индекс сетевой готовности // BGT Market. URL: <https://bgtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (дата обращения: 15.05.2021).

114. Интернет как СМИ: динамика аудитории // ФОМ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402> (дата обращения: 10.12.2024).
115. Иовчук М.Т., Коган Л.Н. Советская социалистическая культура: исторический опыт и современные проблемы. М.: Политиздат, 1979. – 206 с.
116. Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
117. Исянбаев М.Н. Экономические подрайоны Республики Башкортостан: проблемы формирования и развития. Учебное пособие. – Уфа, 1995. – 184 с.
118. Каверина Н.А. Культура – важнейший фактор развития человеческого капитала // Демографический журнал. – 2018.– № 6 (6). – С 14-19.
119. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тез. докл. / Бирюкова С.С. и др. / под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л. И. Якобсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 64 с.
120. Капица С.П. Модель роста населения земли и предвидимое будущее цивилизации. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/291/971/1219/2002n3p22-43.pdf>.
121. Кассирер Э. В.Ю. Философия символических форм. Том 1. Язык. – М, 2011. – 272 с.
122. Кешелава Г.Б. Когда сознание определяет бытие. На пороге «цифрового» будущего. Книга вторая. URL: <http://digitaleconomy.ru/images/easyblogarticles/345/000>.
123. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социологические исследования. – 2001. – №2. – С.13-23.
124. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. – 2002. – № 12. – С. 23-32.
125. Кириллов А. Как работает система социального доверия в Китае. URL: <https://tass.ru/opinions/5225841>.

126. Климов И.А. Социологическая концепция Энтони Гидденса // Социологический журнал. – 2000. – №1-2. – С. 121-149.
127. Ковалевский М.М. Политическая программа нового союза народного благоденствия. – СПб., 1906. – -23 с.
128. Коваленко Т.В., Саркисова Е.Г.. Цифровая инфраструктура учреждений культуры и задачи культурной политики в современной России: этапы и специфика формирования // Известия УрФУ. – Серия 1. – Проблемы образования, науки и культуры. – Т.30. – №4. – С.151-163.
129. Коган Л.Н. Духовное производство и культура // Вопросы духовной культуры советских рабочих / Академия наук СССР / Под ред. Л.Н. Когана, М.П. Козлова. – Вып. 1. – Свердловск: РИСО УФАИ СССР, 1969. – С. 3-18.
130. Коган Л.Н. О сущности советской культуры в прошлом и настоящем // Политика и культура. Екатеринбург, 1991.
131. Коган Л.Н. Теория культуры. – Екатеринбург, 1993. – 160 с.
132. Коган Л.Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. – 208 с.
133. Козлова А. Методы и принципы управления сферой культуры // Культура: Управление, экономика, право – 2004. – № 2. – С. 8-11.
134. Колесникова А. Г. Музей в российском социокультурном пространстве: консолидационный потенциал: дис. канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2015. URL: <https://rusneb.ru/catalog/000199000009005570015> (дата обращения: 15.05.2022).
135. Колосницына М.Г. Зарубежный опыт культурной политики. / Культурная политика в современном обществе. – М., 1992. – С. 189-204
136. Колядко И.Н. Цифровая трансформация общества и культуры: особенности формирования медиареальности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2024. – № 3. – С.23-28.
137. Контурь современной реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / под ред. В.В.Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н.Сиренко. – М.: Леланд, 2018. – 339 с.

138. Костина Н.Б. Социальный институт как общественное явление (на материалах институтов культуры) : автореф. дисс.. канд. филос. наук. – Свердловск, 1982. – С.10.
139. Костина С.Н., Кузьмин А.И., Банных Г.А., Заборова Е.Н. Массовые коммуникации и особенности потребления информации населением Свердловской области // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С.83-90. DOI 10.31857/S013216250000763-2
140. Кравченко С.А. Цивилизационные вызовы устойчивому развитию России (интерферентные риски, востребованность долговременно функционирующих факторов) // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т.67. – №2. – С. 30-40.
141. Крупнейшие сделки М&А в России в 2023 году. Рейтинг Frank Media // Frank Media. URL: <https://frankmedia.ru/181054>.
142. Кузнецова Ю.М., Курузов И.А., Смирнов И.В., Станкевич М.А., Старостина Е.В., Чудова Н.В. Текстовые проявления фрустрированности пользователя социальных сетей // Медиалингвистика. – 2020. – Т. 7. – №1. – С.4-15. URL: <https://medialing.ru/tekstovye-proyavleniya-frustrirovannosti-polzovatelya-socialnyh-setej/> (дата обращения: 22.07.2022).
143. Кузнецова Т.Ф. Цифровая культура // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2018. – № 4. – С. 233-237.
144. Кукаркин А.В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. – М.: Политиздат, 1974. – 558 с.
145. Кули Ч. Социальная самость. Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд – во МГУ, 1994. – С. 316-329
146. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма / Пер.с фр.С. Рындина. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. –432 с.
147. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М.: Институт философии РАН, 2000. – 194 с.
148. Лебедев П.Н. Очерки теории социального управления. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 144 с.

149. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. 5-е изд., Т.36. – М.: Политиздат, 1969. – 742 с.
150. Лифанова Т.Е., Кривоносова Ж.В., Ерохов М.В. Социальная роль цифровизации в становлении всеобщей культуры и ее воздействие на молодежь // Экономика. Социология. Право. – 2023. – №3. – С.51.
151. Лихачев Д.С. Память преодолевает время // Наше наследие. 1988. – №1. – С. 1-4
152. Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. – 438 с.
153. Лопатина Н.В. Управление цифровизацией культуры: опыт, ошибки, перспективы // материалы Всероссийской научно-практической конференции «Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий». – М.:2020. – С.170-178.
154. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб., 1998. – 288 с.
155. Лю И., Паньшин Б. Особенности и направления развития креативной экономики: опыт Китая // Наука и инновации. – 2024. – №11. – С. 54-60.
156. Мавлютов Р.Р. Высшая школа глазами ректора. – М.: изд-во МАИ, 1992. – 176 с.
157. Мальцева А. В., Шилкина Н. Е., Махныткина О. В. Об эмпирических индикаторах социальной структуры и социальной стратификации // Социологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 33-42
158. Марей А. Цифровизация как изменение парадигмы. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx> (дата обращения: 15.04.2023).
159. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
160. Маркин В.В. Пространственное развитие России: новые вызовы и социальные смыслы региональных политико-управленческих практик // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т.4 (70). – №S1. – С. 30-35.
161. Маркс К, Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., Т.3. – М.: Политиздат, 1955. – 629 с.

162. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.
163. Матвеев В.В. Финансирование сферы культуры в аспекте реализации государственной культурной политики: аналитический обзор // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2022. – №4. – С. 59–69.
164. Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. – М.: «Наука», 1989. – 125 с.
165. Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности / Организация объединенных наций, Нью-Йорк, 2009.
166. Межуев В.М. Философия культуры в системе современного знания о культуре. <http://cult-cult.ru/philosophy-of-culture-in-the-system-of-modern-knowledge-about-culture> [дата обращения: 16.07.2024].
167. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. – М. 1996. – С. 393–461.
168. Мертон Р. К. Явные и латентные функции. // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. – М., 1968. (Информационный бюллетень ССА. – №6. – Вып. 1. – С. 126.
169. Министерство культуры Республики Башкортостан // kulturarb.ru. URL: <https://kulturarb.ru/ru/>
170. Михайлова Л.И. Социология культуры. М., 2004. – 343 с.
171. Михалева К.Ю., Полякова Н.Л. Концепция социального института в социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – №2. – С.129.
172. Моль А. Социодинамика культуры. – М.,1973. – С.24.
173. Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б.В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с

174. Муzychuk В.Ю. Основные направления цифровизации в сфере культуры России: зарубежный опыт и российские реалии // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – №5. – С.50-59.
175. Насибуллин Р.Т. Здравоохранение как социальный институт // Вестник ПИНПУ. Социально-экономические науки. – 2019. – №4. – С.161-173.
176. Насибуллин Р.Т. Управление как социальное явление: социологический подход // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №8. – С. 46-57.
177. Насибуллин Р.Т. Население Башкортостана: социально-демографический анализ. – М.: ИСЭПН РАН, 1997 – 160 с.
178. Насибуллин Р.Т., Сагитов С.Т. Социальная сущность управленческого процесса // Теории и проблемы политических исследований. 2016. – №5. – С. 109-118.
179. Низова Л.М., Мухаметшина Ч.М. Культура как отрасль социальной политики на мезоэкономическом уровне // Социальная политика и социальное партнерство. – 2016. – № 10. – С. 5-9.
180. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 8. – С. 107–113.
181. Ноздренко Е. А. Сфера культуры как специфический объект маркетинговой деятельности // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 6. – С. 86-87.
URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12815> (дата обращения: 24.02.2025).
182. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С.6-17.
183. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – М., 1997. – 180 с.
184. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 16-изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – С.780.

185. Озерский С. В. Влияние уровня безработицы на уровень преступности: противоречивые аспекты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-urovnya-bezrobotitsy-na-uroven-prestupnosti-protivorechivye-aspekty/viewer>.
186. Осадчая И.М. Глобализация и государство: новое в регулировании экономики развитых стран // Известия Гомельского государственного университета имени Ф.Скорины. – 2002. – № 2(11). – С. 3-14.
187. Осипов А.М., Бабинцев В.П., Матвеева Н.А. Социология образования в России: тренды и риски последнего десятилетия // Вестник Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы. – 2024. – Т.24. – №3. – С.777-794
188. Осипов А.М. К научной трактовке общественной эффективности образования // Вестник Института социологии. – 2024. – Т.15. – №3. – С.156-171.
189. Осипов А.М. К теории образовательной политики // Социологические исследования. – 2022. – №2. – С.23-33.
190. Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. – М.: Норма, 2007. – 846 с.
191. Осипов Г.В. Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле // Социологические исследования. – 2008. – №6. – С. 5-21. URL: https://socisras.ru/s0132-16250000616-3-1-ru-1064/?version_id=33006
192. Осипов Г.В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // Социологические исследования. – 2012. – №7. – С. 5-17.
193. Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России. – М.: Экономическое образование, 2012. – С.153-156
194. Осипов Г.В. Социология. – Москва, URSS, 2008. – 372 с.
195. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л.Н. Данилова, Т.В. Ледовская, Н.Э. Солынин, А.М. Ходырев // Вестник Костромского государственного университета. – Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – № 2. – С. 5-9.
196. Основы полилингвального образования. Монография / Ф.Г. Ялалов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2021. – 38 с.

197. Панарин А.С. Философия политики. – М.: Новая школа, 1996. – 422 с.
198. Панасюк М.В. Управление регионом: территориальный подход. – Казань, 2015. – 161 с.
199. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Американская социологическая мысль: тексты. /под ред. В.И. Добренькова. – М.,1994. – 496
200. Парсонс Т. О структуре социального действия. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.
201. Парсонс Т. Система современных обществ. <https://gtmarket.ru/library/basis/5395/5397> [дата обращения: 11.02.2018].
202. Покровская Н.Н., Снисаренко С.О., Чурина Е.Н., Федотова В.А. Социокультурная регуляция формирования конструктивных патриотических установок и гражданской идентичности студентов в условиях цифровой среды. – С.-Пб., 2024. – 147 с.
203. Понятие и состав сферы культуры. Ее место в национальном хозяйстве. – Текст: электронный // Искусствоед.ру – сетевой ресурс об искусстве и культуре: [сайт]. – 2016. – URL: <https://iskusstvoed.ru/2016/02/18/ponjatie-i-sostav-sfery-kultury-ee-mes/> (дата обращения: 01.11.2022).
204. Принять вызов цифровой экономики. URL: <http://expert.ru/siberia/2017/48/prinyat-vyizov-tsifrovoj-ekonomiki/> (дата обращения: 10.05.2018).
205. Проблема критической ситуации // Психологос. URL: <https://psychologos.ru/articles/view/problema-kriticheskoy-situacii>.
206. Продажа самой дорогой картины в истории // FinCalendar. URL: <https://finkalendar.ru/articles/prodazha-samoj-dorogoj-kartiny-v-istorii/>
207. Прокудин Д. Е., Соколов Е. Г. «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – Вып. 4. – С. 83.
208. Путрик Ю.С. Геокультурный матричный подход к вопросам изучения формирования культурной среды малого города и сельского поселения //

материалы Всероссийской научно-практической конференции «Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории» – М., 2020. – С.26-31.

209. Рабочая книга социолога / под общ. ред. и предисл. Г.В.Осипова. Изд.5-е – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 – 480 с.

210. Радугин А.А. Введение в религиоведение. – Москва, 1996. – С.50-62.

211. Радугин А.А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: курс лекций. –М.: Центр, 2000. – 240с.

212. Результаты социологического исследования «Россия и россияне: самоидентификация и состояние национального самосознания» // Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/55> (дата обращения: 25.06.2015)

213. Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А.М. Корбута; под общ. ред. М.А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2009. – 299 с.

214. Родионова И.А., Гордеева А.С. Роль информационных технологий в социально-экономическом развитии стран мира // Вопросы инновационной экономики. – 2011. – № 7. – С. 18–26.

215. Сагитов С.Т. Социальные проблемы управления сферой культуры. – М.: изд-во РАГС, 2002. – 164 с.

216. Сагитов С.Т. Художественное слово как способ познания взаимодействия социальных институтов (на примере повести Мажита Гафури «Черноликие») // Аитовские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – 2005. – С. 163-168.

217. Сагитов С.Т. Культурная политика: теоретический аспект // Социально-гуманитарные знания. – 2008 – №7. – С.58-73.

218. Сагитов С.Т. Можно ли управлять сферой культуры? // Вестник ВЭГУ. – Издательство: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. – №2 (70). – 2014. – С. 73-78.

219. Сагитов С.Т. Культурная политика: социологический аспект // Вестник ВЭГУ. – Издательство: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. – № 6 (80). – 2015. – С. 120-127.
220. Сагитов С.Т. Об «отставании» культуры // Казанский педагогический журнал. – № 6-2 (113). – 2015. – С. 485-490.
221. Сагитов С.Т. Экономика? Не только. И не столько! // Жизненный потенциал региона: социально-демографические проблемы современного общества (Аитовские чтения): сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2015. – С.345-348.
222. Сагитов С.Т. Культура: от возделывания почвы до развития общества // Известия национальной академии наук Кыргызской Республики. – № 1. – 2016. – С. 74-79.
223. Сагитов С.Т. О принципах государственной культурной политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – № 3. – 2016. – С.15-27.
224. Сагитов С.Т. Социальная сущность управленческого процесса // Теории и проблемы политических исследований. – Том 5. – № 5А. – 2016. – С. 109-118.
225. Сагитов С.Т. Роль государства в реализации культурной политики на современном этапе // Социология. – № 4. – 2016. – С. 31-37.
226. Сагитов С.Т. Особенности управления сферой культуры // Казанский педагогический журнал. – № 1 (114). – 2016. – С. 31-36.
227. Сагитов С.Т., Нагорнова А.Ю., Левицкая И.А., Воронкова О.А., Арпентьева М.Р., Корбан И.В. и др. Социальные изменения в современном обществе (коллективная монография) / Ульяновск: Издательство: «Зебра». – 2016. – 365 с.
228. Сагитов С.Т. Приоритетные направления развития сферы культуры: теория и практика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – № 4. – 2017. – С. 181-187.
229. Сагитов С.Т. Роль индивидуальных фильтров в процессе управления сферой культуры // Общественные науки. – № 2-2. 2017. – С. 512-521.

230. Сагитов С.Т. Роль общественного мнения в процессе управления сферой культуры // Социология. – Учредители: Российская социологическая ассоциация, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – № 4. – 2017. – С. 100-105.
231. Сагитов С.Т. Роль государства как субъекта управления в современном духовном развитии населения // Социальная политика и социология. – Том 16. – № 6 (125). – 2017. – С. 91-98.
232. Сагитов С.Т. Инновационное образовательное пространство - важнейшее условие эффективного развития региона: опыт Республики Башкортостан // Педагогика. – № 7. – 2017. – С. 12-27.
233. Сагитов С.Т. Культурно-духовные ценности: проблемы определения / Перекресток культур: межкультурный диалог и сотрудничество на евразийском пространстве. Евразийский гуманитарный форум. Материалы Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 20-25.
234. Сагитов С.Т. Реализация культурной политики государства: трансформация взглядов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – № 3. – 2018. – С. 140-151.
235. Сагитов С.Т., Асадуллин Р.М. Модернизация деятельности университетов в новых условиях социокультурного развития // Вестник экономики, права и социологии. – № 2. – 2018. – С. 150-155.
236. Сагитов С.Т., Асадуллин Р.М. Человеческий капитал как критерий культуры управления // Казанский педагогический журнал. – № 5 (130). – 2018. – С. 224-229.
237. Сагитов С.Т. Культура как объект социологического познания // Высшее образование сегодня. – № 4. – 2018. – С. 33-39.
238. Сагитов С.Т. Социальная структура сферы культуры: социально-профессиональный подход // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. – № 1. – 2018. – С.68-74.

239. Сагитов С.Т. Проблемы управления духовной сферой в условиях перехода к цифровой экономике // Педагогический журнал Башкортостана. – № 3 (82). – 2019. – С. 12-19.
240. Сагитов С.Т. Социокультурная сфера и развитие цифровой экономики // Высшее образование в России. – Том 28. – № 10. – 2019. – С. 97-105.
241. Сагитов С.Т. Сохранение нематериального культурного наследия народов России: проблемы и задачи // Материалы Первого Алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». – 2019. – С. 194-197.
242. Сагитов С.Т. Профессиональные компетенции будущего учителя в цифровую эпоху // Современные проблемы и перспективы развития естествознания: материалы Национальной научно-практической конференции. – Том 3. – 2020. – С.129-132.
243. Сагитов С.Т. Изменяющееся образование: самоизоляционное. – Педагогический журнал Башкортостана. – 2020. – №1. – С. 7-9.
244. Сагитов С.Т. Социально-профессиональный статус как критерий классификации социальных акторов // Социальные последствия пандемии: мифы и реальность. Аитовские чтения: материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С.26-30.
245. Сагитов С.Т., Насибуллин Р.Р. On the priority of social systems in the management of socio-cultural processes // European proceedings of social and behavioural sciences epsbs. Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age (HPEPA 2019). – Vol. 93. – 2020. – PP. 827-837.
246. Сагитов С.Т. Actors in the process of managing the sphere of culture: socio-professional classification // The European proceedings of social & behavioural sciences. Proceedings of the 4th International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021). – Том 117. – Грозный, 2021. – С. 2445-2454.
247. Сагитов С.Т., Саттаров В.Н., Тайтели М.А., Семенов В.Г., Борулько В.Г. Генетическое и электронное образование в условиях смешанного обучения //

Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия биологическая и медицинская. – № 5-6. – 2021. – С. 61-69.

248. Сагитов С.Т., Иксанова Р.М., Киреева З.Р., Буркова Т.А., Саттаров Э.И. Сравнительный анализ практик внедрения полилингвальной модели поликультурного образования (на примере Республики Башкортостан, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Саха (Якутия), Республики Северная Осетия-Алания, Республики Татарстан, Чеченской Республики, Чувашской Республики) (коллективная монография). – Уфа. – 2021. – 227 с.

249. Сагитов С.Т. Управление сферой культуры: социологический анализ. – М.: Наука, 2022. – 223 с.

250. Сагитов С.Т., Иксанова Р.М., Киреева З.Р., Саттаров Э.И. Studying the practices of implementing a multilingual model of multicultural education in the Russian Federation // Science for education today. – Учредители: Новосибирский государственный педагогический университет. – Том 12. – № 1. – 2022. – С. 127-149.

251. Сагитов С.Т., Дорофеев А.В., Мустаев А.Ф., Калимуллина Г.И. Структурно-функциональная модель единого образовательного пространства развития профессиональных компетенций педагога // Педагогика и просвещение. – 2022. – № 1. – С. 103-115.

252. Сагитов С.Т., Алтыникова Н.В., Дорофеев А.В., Музаев А.А. Управление качеством педагогического образования на основе диагностики профессиональных дефицитов учителя: теоретико-методический аспект // Психологическая наука и образование. – 2022. – Том 27. – № 1. – С. 65-81.

253. Сагитов С.Т., Саакян А.А., Насибуллин Р.Т. Театральное искусство и его зритель в зеркале социологии // Journal of art studies. – 2023. – С. 257-267.

254. Сагитов С.Т. Управление культурой региона: проблемы и пути развития // Гуманитарные исследования центральной России. – № 4 (29). – 2023. – С. 68-78.

255. Сагитов С.Т. Цифровой разрыв второго уровня в художественном образовании: социологический анализ профессиональных дефицитов учителей эстетических дисциплин // Вестник университета - №1 – 2026. – С. 272-281.

256. Сагитов С.Т. Цифровизация сферы культуры России: этапы и проблемы // Социологическая наука и социальная практика. – Том 12. – № 1. – 2024. – С. 80-93.
257. Сагитов С.Т. Взаимовлияние сферы культуры и экономических институтов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2025. – Т.11(77). – № 2. – С. 50-61.
258. Сагитов С.Т. Управление сферой культуры: теоретико-методологическая модель // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2025. – № 3. С. 72-92.
259. Сагитов С.Т. Сфера культуры в предметном поле социологии управления // Теория и практика общественного развития – № 1. – 2026. – С. 109–114.
260. Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В. Менеджмент в организациях – М.,1995 – 337 с.
261. Самыгин П.С., Самыгин С.И., Максимович А. В. Особенности социального прогнозирования в условиях социальной неопределенности современного российского общества // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 3. – С. 182-195.
262. Саралиева З.Х. Когнитивная функция семьи // Организация в фокусе социологических исследований: Материалы международной научно-практической конференции. В 2 т. Т. 2. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2005. – С. 338–343.
263. Саралиева З.Х. Субъект-субъектная парадигма в основе помогающих профессий // Помогаящие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. – С. 592-596.
264. Серяева М.Г. «Сфера культуры» Российской Федерации: понятие и источники финансирования // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8. – № 3(28). – С. 340-343.

265. Слепенков И.М., Аверин Ю.П. Основы теории социального управления. М.: Высшая школа, 1990. – 301 с.
266. Смакотина Н.Л., Саямов Ю.Н., Гаспаришвили А.Т. Социология глобальных социальных процессов. – М., 2021. – 192 с.
267. Смирнов Г.А. Государственная культурная политика как проблема теории и практического действия // Культура региона: состояние, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции – М., 1997. – С. 55–58.
268. Соболевская О.В. Нейролирика. Как и зачем компьютеры пишут стихи. URL: <https://iq.hse.ru/news/228812683.html>.
269. Сон Х.И., Михайлова Е.А. Роль эвфемизмов в процессе формирования общественного мнения // Социологические исследования. – 2017. – №2. – С. 96-102
270. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
271. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
272. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. – М.: Научно-практический центр коммуникативных исследований «Проект барьер», 2006. – 152 с.
273. Сорокин П.А. Система социологии. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991. – 187 с.
274. Социальная политика в России и Китае: монография / отв.ред. З.Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф, 2016. – 528 с.
275. Социология культуры / А.Г.Колесникова, А.В. Матецкая, С.И.Самыгин; под общ.ред. С.Н. Епифанцева. М.: КНОРУС, 2017. – 246 с.
276. Статистика мобильного интернета в России и мире в 2024 году // Inclient. URL: <https://inclient.ru/mobile-internet-stats/>.
277. Стегний В.Н. Новые явления в становлении культуры информационного общества / Культура в информационно-инновационном обществе: моногр. – Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017. – 495 с.

278. Степанова О. П., Баженова Н. Г., Токарь О. В., Шпаковская Е. Ю., Шарыгина Е. С. Влияние ценностно-мотивационной сферы на удовлетворенность жизнью пожилых людей // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 72-81
279. Суховой А. Ф. Основные тенденции современного развития теории инноваций за рубежом и в России // Журнал экономической теории. – 2016. – № 4. – С. 28
280. Тишков В.А., Баран Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. – 2017. – №8. – С. 81-87.
281. Тощенко Ж.Т. Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им.С.Ю.Витте. – 2022. – Т.1. – №1. – С. 146-161.
282. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. – М.: Наука, 2018. – 350 с.
283. Тощенко Ж.Т. Социология: Общ. курс: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Юрайт, 2004. – 527 с.
284. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
285. Тощенко Ж. Т., Аитов Н. А., Лапин Н. И. Социальное проектирование – М.:Мысль, 1982. – 254 с.
286. Василюк Ф.Е., Психология переживания. – Издательство Московского университета. – Москва, 1984. – 200 с.
287. Файнбург З.И. Культура и история // Проблемы теории культуры: тр. / НИИ культуры. М., 1977. – № 55. – С. 133.
288. Федеральный проект «Цифровая культура» // Официальный сайт Министерства культуры РФ. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (дата обращения: 20.07.2022).
289. Флиер А.Я. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. – 1994. – №5. – С. 14-25.

290. Фирсова С.В., Данилина О.М., Дашков А.А., Показаньев В.Ю. Культура как атрибут цифровой трансформации // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4. – № 1. – С. 7
291. Формальная логика / Под ред. И.Н. Бродского и Н.Я. Чупахиной. – Л., 1977. – 357 с.
292. Фриче В.М. Социология искусства. – М.: Либроком, 2015. – 203 с.
293. Фролова С.М., Листвина Е.В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – Вып. 4. – С. 408–412. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412>
294. Хабарова Е. В. Цифровая культура: вызовы и перспективы // RAEC. URL: <https://raec.ru/live/branch/8805/> (дата обращения: 10.12.2024).
295. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследование относительно категории буржуазного общества. – М.: Весь Мир, 2016. – 344 с.
296. Хайруллина Н.Г., Сагитов С.Т. Социологический мониторинг межэтнической ситуации в северном регионе // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – № 1. – 2016. – С. 74-77.
297. Харчев А.Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа // Социологические исследования. – 1986. – №3. – С. 23-33.
298. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
299. Художественное слово как способ познания взаимодействия социальных институтов (на примере повести Мажита Гафури «Черноликие»)// Аитовские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Уфа, 20–21 октября 2005 года). – 2005. Изд-во «Дизайн Полиграф Сервис». – С. 163-168
300. Цифровая реальность: вызовы и перспективы. / Под ред.: Л.Н. Духаниной, Н.А. Махутова, В.Г. Мартынова, М.Н. Русецкой, Ф.Ф. Светика – М.: Международный гуманитарный общественный фонд «Знание», 2018 – 336 с.
301. Цыганков П.А. О содержании термина «международный актер»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных

отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля. – М., 2007. – Т.2. – С. 33.

302. Чемикосова Т.А. Трансформация религии как социального института в постсоветской России: автореф. дис.... канд. социол. наук / Т. А. Чемикосова. – Казань, 2007. – 33 с.

303. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года // Росстат. URL:https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 15.05.2022).

304. Шадже А.М., Мамишева З.А., Гайдарева И.Н. Роль социальной функции государства в обеспечении устойчивого развития страны // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. – № 8. – С. 137-143.

305. Шапко В.Т. Феномен актуальной культуры // Социологические исследования. – 1997. – №10. – С. 93-104.

306. Шаповалова И.Б., Черных А.И. Цифровизация как направление развития управления сферой культуры и искусства в современных условиях // Инновационная экономика и право. – 2022. – № 1. – С. 49-52.

307. Шахов С. Искусственный интеллект впервые написал стихи на башкирском языке. URL: <http://www.bashinform.ru/news/1277730-iskusstvennyy-intellekt-vpervye-napisal-stikhi-na-bashkirskom-yazyke/?sphraseid=9335627>.

308. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции: перевод с английского / Клаус Шваб, Николас Дэвис. – Москва: Издательство «Эксмо», 2018. – 410 с.

309. Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с английского / Клас Шваб. – Москва: Издательство «Э», 2018 – 208 с.

310. Швыдкой М.Е. Чем измерить культуру? // Мишарин В. В. [сайт]. URL: <http://vvmisharin.ru/shvydkoj-mihail-efimovich/> (дата обращения: 15.05.2021).

311. Широкалова Г.С., Куконков П.И., Саралиева З.М. Экологическая культуры: социальная ответственность и личный интерес студентов // Социология образования. – 2017. – №5. – С. 43-56.

312. Шкаратан О.И. К сравнительному анализу влияния цивилизационных различий на социальные процессы в посткоммунистическом мире // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 15–25.
313. Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. – № 2. – Т.1. – С. 60-70.
314. Шматко Н.А. Анализ культурного производства Пьера Бурдьё // Социологические исследования. – 2003. – №8. – С. 113-120.
315. Шпалтаков В.П. Институциональная теория и насущные проблемы российской экономики. // Инновационная экономика и общество. – 2018. – №4 (22). – С. 26-37
316. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. URL: <https://vuzlit.ru/463509/shpengler> (дата обращения: 15.05.2021).
317. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М., 1996. – 416 с.
318. Шульган-Таш // shulgantash.ru. URL: <http://shulgantash.ru/>
319. Шульц В.Л., Гребенюк А.А., Ашманов И.С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т.28. – №1. – С.126-144.
320. Шунков А.В., Тараненко Л.Г., Дворовенко О.В. Феномен цифровизации культуры и искусства в России // Мир русскоговорящих стран. – 2024. – № 2. – С. 105–128. URL: https://mir.yspu.org/wp-content/uploads/sites/21/2024/07/MIR_2024_105-128.pdf.
321. Щербина В.В. Социология управления как специальная социолого-регулятивная теория: генезис, рост, перспективы // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 56-66. DOI 10.31857/S013216250009420-5
322. Эволюция семьи и семейная политика в СССР / [А.Г. Вишневский, Е.М. Бубнова, Ю.М. Лукашук и др.; Отв. ред. А.Г. Вишневский], Рос. акад. наук. — М.: Наука, Б. г. (1992). – 138 с.
323. Andone Dakin. Profile // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/profiles/dakin-andone>

324. Bilingual education and minority language maintenance in China the role of schools in saving the Yi language / Lubei Zhang, Linda Tsung; Cham: springer international publishing, 2019. – 178 p.
325. Blank W. The Nine Natural Laws of Leadership. – New York: AMACOM, 1995. – 240 p.
326. Bolton K. Language policy and planning in Hong Kong: Colonial and post-colonial perspectives.– Applied Linguistics Review 2. – 2011. – PP. 51-74.
327. Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. – P.: Minuit, 1979. – 680 p.
328. Bourdieu P. Genèse historique d'une esthétique pure // Les cahiers du Musée national d'art moderne. – Printemps 1989. – PP. 95–106.
329. Bourdieu P. Méditations pascaliennes: éléments pour une philosophie négative. – P.: Seuil, 1997. – 316 p.
330. Castells Manuel. The Impact of the Internet on Society: A Global Perspective. URL: <https://www.technologyreview.com/s/530566/the-impact-of-the-internet-on-society-a-global-perspective/>.
331. Cioffi-Revilla, C. Computational Social Science // Wiley Interdisciplinary Reviews: Computational Statistics. – 2010. – Vol. 2. – №3. – PP. 259-271. URL: <http://research.microsoft.com/en-us/groups/cssnyc/>.
332. Crozier M., Frieberg E. L'Acteur et le Système: les contraintes de l'action collective. – Paris: Éditions du Seuil, 1977. – 436 p.
333. Grover V., Tseng S.-L., Pu W. A theoretical perspective on organizational culture and digitalization // Information and Management. – Vol. 59. – Iss. 4, June 2022. <https://doi.org/10.1016/j.im.2022.103639>.
334. Cultural policy: a preliminary study. – Paris: UNESCO, 1969. – 51 p.
335. Digital 2020: October Global Statshot // DataReportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-october-global-statshot> (дата обращения: 15.05.2021).

336. Digital 2021: Global Overview Report // DataReportal. URL: <http://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 15.05.2022).
337. Epstein D. Who's Responsible for the Digital Divide? Public Perceptions and Policy Implications. – The Information Society. – 2011. – №.27. – PP. 92–104.
338. Federal Agency for Nationalities. [Online] Available from: <https://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/029/833/original/aakibrikashldialforum2018.ppt?154239173> 7 Accessed: 22nd April 2019 (дата обращения: 03.02.2016).
339. Gong L., Jiang S., Liang X. Competing value framework-based culture transformation // Journal of Business Research. – Vol. 145. – June 2022. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.03.019>.
340. Grover V., Tseng S.-L., Pu W. A theoretical perspective on organizational culture and digitalization. – Information and Management. – Vol. 59. – Iss. 4. – June 2022. <https://doi.org/10.1016/j.im.2022.103639>.
341. Lasswell H.D. Describing the Effects of Communications / Smith B.L., Lasswell H.D., Casey R.D. Propaganda, Communication and Public Opinion. – Princeton: Princeton University Press, 1946. – PP. 95–117
342. Haigh T. The history of information technology. Annual Review of Information Science and Technology. – 2011. – Vol. 45. – PP. 431–487.
343. Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. Peer reviewed Journal. First Monday. – 2002. – Vol. 7. – №.4. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v7i4.942>. Дата обращения: 9 декабря 2024 г. <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/942>.
344. Harper V. The Digital Divide (DD): A Re-conceptualization for Educators. URL: <http://www.aace.org/pubs/etr/issue4/harper2.pdf>.
345. Information Literacy Competency Standards for Higher Education. URL: <http://www.ala.org/acrl/standards/informationliteracycompetency>.
346. Measuring digital development: Facts and figures 2020. ITU. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2020.pdf>.

347. Study on the Digitalization Methods, Visualization Technologies and Interactive Information Systems for Popularization of Tangible and Intangible Heritage. – Joint International Conference on Digital Arts, Media and Technology with ECTI Northern Section Conference on Electrical, Electronics, Computer and Telecommunications Engineering (ECTI DAMT & NCON). – Chiang-mai, 2024.
348. The arm's length principle and the arts: an international perspective – past, present and future. URL: <http://www.compilerpress.ca/Cultural%20Economics/Works/Arm%201%201989.htm> (дата обращения: 11.02.2022).
349. Thompson W.E., Hickey J.V., Thompson M.L. Society in Focus: An Introduction of Sociology. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. – 654 p.
350. Touraine A. Sociology after sociology // European Journal of Social Theory. – 2007. – Vol. 10. – №2. – PP. 184-193.
351. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. URL: <http://portal.unesco.org/en/ev.php-URLID=13179&URLDO=DOTOPIC&URLSECTION=201.html>.
352. Van Dijk J. The Evolution of the Digital Divide. The Digital Divide Turns to Inequality of Skills and Usage. – Digital Enlightenment Yearbook. Fairfax, VA: IOS Press. – 2012. – PP. 57–75.
353. Авторское свидетельство № RU 2022620194 / Сагитов С.Т., Калимуллина Г.И., Алтыникова Н.В., Мустаев А.Ф. Методика автоматизированного выявления профессиональных дефицитов у педагогов и студентов (регистрация базы данных) / – Номер заявки: 2021623286. – Дата регистрации: 23.12.2021.
354. Авторское свидетельство № RU 2023664391 / Сагитов С.Т., Калимуллина Г.И., Мустаев А.Ф., Гильманова Г.Р. Информационно-аналитическая система развития кадрового потенциала региона (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ) / Номер заявки: 2023663236. – Дата регистрации: 23.06.2023.